

АЛЕКСАНДР СЕВЕР

МИФЫ И ЛИЧНОСТИ
МИРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Annotation

На основе редчайших архивных документов, в том числе протоколов допросов, а также биографий многих «мудрецов», достигших вершин в профессиональной политической деятельности, современный историк заставляет по-новому взглянуть на известные события нашей истории и дает свои ответы на вопросы: кто, как и почему превратил Россию из монархии в республику и срежиссировал государственный переворот.

-
- [Александр Север](#)
 - [О чем не принято говорить](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Кто ненавидел евреев в Европе](#)
 - [Зарубежные аналоги «протоколов сионских мудрецов»](#)
 - [Кто и как написал «протоколы сионских мудрецов»](#)
 - [Евреи приходят во власть](#)
 - [Владимир Ленин и еврейский вопрос](#)
 - [Зачем евреям марксизм](#)

- [От ученика Хедера до профессионального революционера](#)
- [Глава вторая](#)
 - [Еврейский бизнес](#)
 - [Миграция по Российской империи](#)
 - [Погромы в Российской империи](#)
- [Глава третья](#)
 - [Декабристы](#)
 - [Семья бунтарей](#)
 - [Мы наш, мы новый мир построим](#)
 - [Хождение евреев в русский народ](#)
 - [«Хулиганы» у Казанского собора](#)
 - [«Земля и воля» по-еврейски](#)
 - [Бунтари семидесятых](#)
 - [Первые еврейские террористы](#)
 - [Бунтовщики восьмидесятых](#)
 - [Еврейская революционная пропаганда](#)
 - [Последний романтик революции](#)
 - [Новые кадры для «Народной воли»](#)
 - [Конец «Народной воли»](#)
 - [«Мы пойдем другим путем!»](#)
 - [На страже интересов Российской империи](#)
- [Глава четвертая](#)
 - [Рождение Бунда](#)
 - [Террористы из Бунда](#)
 - [Кровавое воскресенье](#)
 - [Взрыв в гостинице «Бристоль»](#)
 - [Убит по приказу Петра Столыпина](#)
 - [Трагедия в Киевском театре](#)
- [Глава пятая](#)
 - [Британские евреи в английском правительстве](#)

- [Масоны](#)
- [Кадеты](#)
- [Лондон начинает...](#)
- [Цели Лондона в «тайной войне»](#)
- [Россия — рай для шпионов](#)
- [Из арсенала спецслужб](#)
- [Кто генерировал антигосударственные слухи](#)
- [Кто «заказал» Григория Распутина](#)
- [Накануне февральской революции](#)
- [Когда император лишился власти](#)
- [Глава шестая](#)
 -
 - [Конституционно-демократическая партия \(кадеты\)](#)
 - [Партия социалистов — революционеров \(эсеров\)](#)
 - [Большевики, фракция в составе РСДРП](#)
 - [Меньшевики](#)
 - [Бунд](#)
- [Глава седьмая](#)
 -
 - [Схватка за власть](#)
 - [Кто стрелял в Ильича?](#)
 - [Семейный клан](#)
 - [Когда был Яков маленький...](#)
 - [«Коза Ностра» большевиков](#)
 - [Вскрытие покажет](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Лев Троцкий и Кремль](#)
- [Палач и диктатор во главе Красной Армии](#)
- [Поезд Льва Троцкого](#)
- [Балалайка революции](#)
- [Несостоявшийся государственный переворот](#)
- [Кто гадил советской власти?](#)
- [Когда Москва решила нейтрализовать противника?](#)

- [Борьба с «троцкистами» в Советском Союзе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)

- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)

- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)

- [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
-

Александр Север
Допросы сионских мудрецов.
Мифы и личности мировой
революции

О чем не принято говорить Вместо предисловия

Есть темы, которые по причине «политкорректности» лучше не затрагивать. Одна из таких тем — участие евреев в русских революциях 1905 и 1917 годов. Так получилось, что представители этой нации сыграли одну из ключевых ролей в смене власти в нашей стране. Просто они привыкли быть лидерами в любой интеллектуальной сфере — неважно, бизнес это, наука или политика.

Другая тема — жизнь евреев в Российской империи. Почему-то принято считать, что жили они очень плохо и находились под постоянным давлением не только властей, но представителей других национальностей. Да, ограничения в правах были, но только по религиозному признаку. Как только еврей принимал православие, хотя это не превращало его в русского или украинца, все ограничения по национальному признаку с него снимались. Однако немногие совершали такую трансформацию. Почему? Звучит цинично, но иудеем в Российской империи было быть выгодно. Больше шансов преуспеть в собственном бизнесе или в сфере торговли, где трудились многочисленные соплеменники. Опять же, можно рассчитывать на помощь общины. Да и из Российской империи эмигрировали только те из них, кто не смог себя найти в бизнесе, а находился в «личном или домашнем услужении».

Глава первая

Еврейский след в русской революции

Евреи действительно оставили яркий след в истории русской революции.

То же можно сказать и о событиях германской или французской истории XIX века.

Достаточно почитать произведения философов и мыслителей той эпохи или посмотреть, какие книги были популярны в конце того века во Франции.

Другое дело, что там, в силу — назовем это современным словом— «политкорректности», о роли отдельных личностей в том или ином событии не принято было говорить. Зато в России всех можно было называть не только по имени, но и по национальности.

Многие слышали о «Протоколах сионских мудрецов» и уверены, что, прочтя в начале прошлого века именно это произведение, мир узнал о коварных замыслах евреев по захвату власти во всем мире. Хотя это один из мифов. На самом деле, о «планах» мирового господства иудеев в Западной Европе заговорили задолго до публикации «Протоколов сионских мудрецов».

Другой миф— Адольф Гитлер после прочтения этого опуса ополчился на всех евреев и решил уничтожить их как нацию. Звучит цинично, но евреи были обречены вне зависимости от того, прочел или нет руководитель Третьего рейха «Протоколы сионских мудрецов».

Несмотря на то, что не существовало аналогичного произведения, посвященного цыганам, но и они подверглись истреблению. В годы Второй мировой войны в Европе погибло более 500 тысяч представителей этого народа.

Кто ненавидел евреев в Европе

Знаменитый еврей Карл Маркс прославился не только своим «Капиталом» и множеством других произведений, но и странным отношением к соплеменникам. В своей работе «К еврейскому вопросу» он писал: «Мы видим в иудаизме присутствие универсального и современного антисоциального элемента, чья историческая эволюция... достигла своего пика в настоящее время... Еврейство эмансипировало себя типично еврейским способом, захватив финансовое могущество и через него власть в мире, и практический еврейский дух стал практическим духом христианских народов. Евреи эмансипировали себя настолько, насколько христиане стали евреями».

И эти слова были сказаны в 1843 году. Пикантная фраза о захвате евреями финансовой власти в мире. Странно, почему никто не обвинил Карла Маркса в антисемитизме. Может быть, из-за того, что тогда такого термина не существовало? Он появился позже. Хотя причина другая. В просвещенной Западной Европе тогда так думали многие.

Известный немецкий теолог Пауль Лагард (1927–1891), чьи труды продолжали оказывать свое влияние и в прошлом веке, писал: «По самой своей сути евреи — ужасное несчастье для каждого европейского народа. Они носители разложения и загрязнения национальных культур. Они эксплуатируют человеческие и материальные ресурсы народов, которые их приняли и среди которых они живут...

Немцы слишком мягки для того, чтобы противопоставить себя евреям, закаленным талмудической дисциплиной... Поскольку я знаю немцев, мне не хотелось бы, чтобы евреям было

дозволено жить среди них... Каждый еврей в нашей среде является свидетельством ослабления национальной жизни и обесценивания того, что называется христианской религией».

Справедливости ради следует сказать, что о деструктивной роли еврейства писали практически все крупнейшие мыслители Германии, а также и многие ведущие философы Франции. Приведем лишь несколько примеров, наглядно демонстрирующих ход их мысли по «еврейскому вопросу».

Великий французский философ-просветитель Франсуа-Мари Вольтер считал евреев «бродячей ордой арабов, называющихся евреями, еще одним варварским народом, что демонстрируется посредством самой Библии». Он утверждал, что евреи никоим образом не являются «избранными», а как раз наоборот: «они всегда ниже людей, окружающих их». Вольтер их считал просто ворами. Их Библия и вся цивилизация, по его мнению, была в основном заимствована у других. Подобно тому, как они продавали подержанную одежду, выдавая ее за новую. И в точности так же их язык идиш являлся вульгарным жаргоном, состоящим из немецких и других элементов. А в отдаленном прошлом их древнееврейский язык был жаргоном финикийского и арабского языков. Вольтер отвергал их утверждение о себе как об избранном народе, считая его проявлением отвратительного высокомерия, пробуждающего в них неудержимое стремление завладеть всем миром. Отсюда их ненависть к иностранцам, отмечаемая Вольтером, как и многими до него, начиная с Тацита. «В глубине души евреи рассматривают землю других народов как свою собственную, а их этика ограничена их отношениями друг с другом. Что касается иностранцев, то по отношению к ним можно не соблюдать никаких этических норм». «Я не буду нисколько удивлен, если в

один прекрасный день эти люди станут подлинным бедствием для всего человечества»^[1].

Можно процитировать и других великих немецких философов и мыслителей Германии и Франции XVIII–XIX веков. Вот ведь какая неприятная вещь: многочисленные читатели их произведений принимали их точку зрения на «еврейский вопрос». Это не значит, что после этого все они становились яростными юдофобами и участниками погромов. Как раз в XIX веке Западная Европа отличалась определенной веротерпимостью к иудаизму. Просто появившиеся в конце XIX века антисемитские произведения возникли не на пустом месте. Их авторы в популярной форме озвучили настроения образованной части европейского общества.

Зарубежные аналоги «протоколов сионских мудрецов»

В 1879 году сын еврейского актера журналист Вильгельм Марр издал в Швейцарии памфлет «Победа иудейства над германизмом». В этом произведении он не только предсказал победу еврейства над германизмом, но и революцию в Российской империи. Звучит цинично, но в какой-то мере его слова оказались пророческими. В Российской империи действительно произошла революция, которую тогда никто не мог предсказать, а Германская империя в результате Первой мировой войны, революционного движения (вот что любопытно — активное участие в нем принимали местные евреи) и других событий в мире исчезла с политической карты мира. Иностранцы, помнящие еще довоенную милитаризованную страну, где Кайзер был в качестве Военного Бога, отмечали, что в начале двадцатых годов прошлого века Германия превратилась в униженное и нагло эксплуатируемое европейскими странами государство. Из пуританской страны начала прошлого века она превратилась в зону разврата. Публичные дома и развлекательные заведения появились везде, где бывали иностранные туристы. Добавьте к этому гиперинфляцию, разрушенную войной экономику, многочисленные стачки, организуемые «левыми» — они пытались совершить революцию по образу и подобию российской... И на фоне всего этого полторы сотни еврейских банков, многочисленных успешных предпринимателей определенной нации и т. п. Для германского обывателя местный «новый немец» ассоциировался с евреем. И самое главное — до начала тридцатых годов прошлого века страна утратила свой

военный дух. В чем причина успеха Адольфа Гитлера? Он предложил немцам привычную для них систему ценностей, где место Кайзера занял Фюрер, вот и все.

Еще один миф. якобы кампанию против евреев начал Адольф Гитлер. Тоже неверно. В 1879 году Вильгельм Марр объявил о создании в Германии мощной Антисемитской Лиги. Чтобы распространенное тогда немецкое «юденхасс» (ненависть к евреям) звучало не столь грубо, он заменил его на «антисемитизм», имеющий некий научный оттенок.

В 1880 году на прилавках немецких книжных магазинов появился роман сэра Джона Рэдклиффа (псевдоним бывшего почтового служащего Германа Гедше) «Речь главного раввина» («Биарриц»). В этом произведении описано заседание синедриона на еврейском кладбище в Праге, происходящее раз в столетие, на котором обсуждаются планы мирового господства евреев. Оно имело определенный успех и даже было переведено на русский язык в качестве бульварного романа.

Феноменального успеха во Франции достигла «Еврейская Франция» Эдуарда Дрюмона. Вышедшая в свет в 1886 году, эта книга в течение нескольких лет выдержала не менее 200 изданий! Автор этого произведения описывает еврея как квинтэссенцию безобразия, отвратительно смердящее существо с бескровным лицом, зеленоватой кожей, когтистыми пальцами и т. д. — одним словом, болотный дух, да и только. У Эдуарда Дрюмона даже Наполеон попал в евреи только за то, что велел окончательно внести в законодательство равенство, «столь неосмотрительно дарованное евреям Учредительным собранием», как не преминул подчеркнуть автор теории «Всемирного Израильского Союза»^[2].

Кто и как написал «протоколы сионских мудрецов»

В 1895 году в Париже по заказу заведующего заграничного отделения Департамента Полиции Петра Рачковского были написаны «Протоколы сионских мудрецов». В них шла речь о планах евреев по установлению мирового господства.

В 1921 году выяснилось, что это грубо сработанная фальшивка — большая часть текста была позаимствована русским журналистом Михаилом Голованским из запрещенной во Франции и позднее сожженной книги французского сатирика Мориса Жоли (не еврея, но зато франкмасона), которая называлась «Диалоги в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX веке. Записано современником».

В этой работе, опубликованной в Брюсселе еще в 1864 году, представлен вымышленный разговор, произошедший в царстве теней между духом Монтескье и духом Макиавелли (под ним подразумевался Наполеон III). Первый объяснял второму, как можно решить «проблему стабилизации политических обществ, постоянно терзаемых анархией и революциями», путем перехода к искусной и беспощадной диктатуре. По замыслу автора, его произведение должно было стать критикой жесткого правления Наполеона III. Сатирик перестарался и попал в тюрьму, где пробыл 18 месяцев.

Предприимчивый русский репортер заменил слово «либерал» словосочетанием «сыны Сиона» и продал документ Петру Рачковскому. До сих пор неясно, действовал ли чиновник Департамента полиции по собственной инициативе или получил указание от

своего начальства, но до 1903 года (дата первой публикации в одной из петербургских газет) «документ» так и не был оглашен.

Справедливости ради нужно отметить, что изготовители «Протоколов» подошли к делу творчески и использовали романы «Биарриц» немца Германа Гедше, «Вечный жид» Эжена Сю, повествующие о всемирном иезуитском заговоре, и посвященный Калиостро роман Александра Дюма-отца «Жозеф Бальзамо»^[3].

В 1905 году «Протоколы сионских мудрецов» были опубликованы в качестве приложения ко второй редакции (первая датирована 1903 годом) книги религиозного писателя-мистика Сергея Нилуса «Великое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность». Утверждалось, что речь в них идет о первой конференции сионистов, которая состоялась в Базеле в 1897 году. В их подлинность поверили многие в Европе, в т. ч. и такой опытный политик, как будущий премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, который, прочтя их, заявил, что теперь понятно, кто организовал Октябрьскую революцию в России.

Чтобы избежать обвинений в антисемитизме, для рассказа об этих «Протоколах»— большинство ведь просто слышали о них, но даже не держали в руках, не говоря уж об прочтении этого произведения, — мы процитируем Александра Каца. В своей книге «Евреи. Христианство. Россия: От пророков до генсеков» он так рассказал о содержании «Протоколов»:

«В "Протоколах" анонимные Сионские мудрецы бесстрастным тоном провозглашают цель— коронацию Царя Иудейского на планетарном троне и методы достижения этой цели. "Владыка должен быть примерно безупречен... ни одной стороной своего

характера он не должен давать животным инстинктам власти над своим умом... Он будет всходить на престол не иначе, как по испытании своего ума названными мудрецами..." Воцарение Владыки из семени Давидова произойдет в результате однодневного государственного переворота, подготовленного повсеместно во всех странах. В то же время этот переворот случится путем всеобщего голосования всех измученных неурядицами гоевских (нееврейских) народов. Тогда они нас вознесут и на руках понесут в единодушном восторге надежд и упований. Голосование, которое мы сделали орудием нашего воцарения, приучив к нему даже самые мелкие единицы из числа членов человечества составлением групповых собраний и соглашений, отслужит свою службу и сыграет на этот раз свою последнюю роль... Надо привести всех к голосованию без различия классов и ценза, чтобы установить абсолютизм большинства..."

Для того чтобы довести народы до требуемого состояния, когда они сами по доброй воле пригласят поуправлять ими Сионских мудрецов, необходимо посеять смуту и войны, разложить администрацию и армию, возбудить всеобщее неверие и хаос, расстроить финансы, торговлю и промышленность, вызвать животную вражду между классами, слоями и народами, убить всякую инициативу и авторитеты, развратить и спойть население всех стран, являющееся, в сущности, стадом глупых баранов. Такое состояние фактически близко к достижению, благодаря знанию мудрецами всех болевых точек отдельного индивиду— ума, коллектива людей, классов, народов и государств. Люди бездумно приняли на веру подброшенный им мудрецами лозунг "Свобода, Равенство и Братство", состоящий из бессмысленных и неосуществимых понятий. Теперь же яд либерализма разложил всю основу жизни, все законы, все души. Всеобщий крах

неминуем. Сообщниками мудрецов являются франкмасоны. Их ложи есть во всех странах мира. Ложи включают выдающихся деятелей каждой страны, целиком подчиненных еврейству. Деятельность всех лож централизована. Управление народами после переворота будет вестись очень разумно, но с беспощадным подавлением недовольства. Продуманы детали управления прессой, образованием, судами, полицией, армией, классами, финансами, налогами и т. д. Дьявольски злая и умная, хотя и не лишенная театральности, программа мирового господства Сионских мудрецов основана на знании тайн жизни и собственного превосходства анонимных авторов. Ее изучение производило серьезное впечатление как на неискушенных читателей, так и на людей, стоящих у кормила власти. Утопичность и несообразности программы выплывали почти всегда, но лишь при втором чтении людьми с критическим мышлением»^[4].

Когда в 1905 году Николаю Второму доложили, что «Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка, то российский император начертал на представленном ему экземпляре: «Протоколы изъять, нельзя чистое дело защищать грязными способами». Последний правитель Росси из династии Романовых не любил интриги и грязные приемы политической борьбы. Это его и сгубило в 1917 году.

На этом можно было бы поставить точку в истории с планами «сионских мудрецов», если бы в Российской империи, а затем и в Советской России, начиная с конца XIX века, не начали происходить события, поразительно повторяющие описанное в «Протоколах сионских мудрецов».

Евреи приходят во власть

Исторически так получилось, что с последней четверти XIX века евреи начали активно участвовать в общественно-политической жизни. Тогда же возникло движение сионистов, провозгласившее своей главной целью возвращение иудеев на свою историческую родину в Палестину. Это ничего, что там на протяжении двух тысяч лет жили арабы. Процесс их вытеснения с их родины продолжается и в наши дни. Палестинцы готовы жить в мире с пришлыми соседями, но руководство Израиля мечтает полностью взять под контроль всю территорию, выселив с нее гоев (не евреев).

Евреи начали активно штурмовать вершины российского политического Олимпа и пытаться обустроить Российскую империю под собственные нужды. Их первоочередная задача — строительство «Земли Обетованной». Вот только в способах реализации этого плана у них возникли разногласия.

Одни ориентировались на демократические методы реформирования, когда еврейское лобби постепенно возьмет под свой контроль политическую власть и СМИ, как это произошло сейчас в США. Чем же иначе объяснить фанатичную, часто в ущерб собственным интересам, поддержку Вашингтоном Тель-Авива? Да большинство постов в стране, где евреев проживает не больше 20 %, почему-то занимают иудеи. Многие американцы очень удивляются этому феномену и негодуют, когда их сынов отправляют воевать в Ирак— Тель-Авив таким способом решает свои проблемы отношений с соседями. Они ведь не знают, что нечто подобное уже было в нашей стране в начале прошлого века.

Все помнят из курса школьной истории возникшую в 1903 году партию «кадетов» или «конституционных демократов». Зато мало кто знает, что ее основателями, кроме русских, были евреи Максим Моисеевич Винавер и Август Исаакович Каминка, а финансовый специалист Михаил Яковлевич Герценштейн разработал программу партии по аграрному вопросу — одному из самых актуальных в Российской империи. Еще несколько евреев входили в состав ЦК партии кадетов и представляли ее в Государственной Думе.

Мало кто знает, что именно кадеты и другие полулегальные политические структуры сыграли ключевую роль в организации революции в феврале 1917 года и падения царского режима. А где в это время были большевики и другие бунтовщики (меньшевики, эсеры и т. п.)? После 1909 года произошел резкий спад их активности в Российской империи. Руководство партий эмигрировало, рядовые члены находились на каторге или в ссылке, а функционеры среднего уровня безуспешно пытались наладить партийную работу на городском и областном уровне, испытывая при этом острую потребность в связях, деньгах и лидерах. Добавьте к этому успешную деятельность Департамента полиции^[5].

Жандармы оказались бессильны против «пятой колонны» — масонов, буржуазии и части либеральной интеллигенции, которые решили сменить монархию на демократическую республику. В этом процессе им оказали активную помощь заинтересованные в ослаблении России ее вечные противники — Англия и Франция. Среди тех и других было множество евреев. Тема «жидомасонского заговора» детально освещена в сотнях научных и псевдонаучных публикаций, поэтому мы на ней не будем останавливаться подробно в нашей книге. Отметим лишь, что «пятая колонна» за свои

деяния понесла очень суровое наказание. Кого не расстреляли большевики, тот всю жизнь провел в эмиграции на чужбине.

Другие подданные Российской империи предпочли радикальные методы борьбы за власть и переустройство общества. Возьмем, к примеру, партию эсеров, которая возникла на базе движения народовольцев. Пикантный факт. Среди тех, кто регулярно ходил в гости к русскому крестьянству и пытался вести просветительскую работу, было множество евреев. Хотя к «жидам» земледельцы относились, мягко говоря, не очень дружелюбно. И дело не только в том, что «евреи Христа распяли». Религиозный фактор играл незначительную роль. Православные, в отличие от иудеев, отличаются повышенной веротерпимостью. Здесь, скорее, экономический фактор. Например, на Украине евреи были хозяевами почти всех питейных заведений. Да и мелкой спекулятивной торговлей тоже активно занимались. Было за что негативно относиться к иудеям у православных крестьян.

Именно «ходоки в народ», осознав малую эффективность своей деятельности в сфере реформирования государства, в начале прошлого века организовали партию эсеров.

Евреи — внук короля московской чаеоторговли Михаил Рафаилович Гоц и сын арендатора имения Герш Ицкович Гершуни сыграли ключевую роль в создании партии эсеров (социал-революционеров). Последний прославился еще как организатор и первый руководитель Боевой организации партии. Еще один еврей Евно Азеф совмещал до своего разоблачения три ипостаси: борца с антисемитизмом (уничтожал представителей государственной власти, имевших неосторожность выступить против евреев), «короля провокаторов» (в качестве руководителя Боевой

организации партии эсеров регулярно сообщал куда следует о готовящихся терактах в отношении нейтральных по отношению к иудеям государственных деятелей) и одного из идеологов и лидеров партии эсеров. Как и у кадетов, решением аграрного вопроса у эсеров занимался сын раввина и писателя Осип Соломонович Минор.

В 1909 году после разоблачения провокатора Евно Азефа, смерти Герша Гершуни (прекратила свое существование Боевая организация партии эсеров) и ареста всех членов Боевого летучего Северного отряда (им командовал латыш Карл) партия эсеров прекратила свою активную террористическую деятельность до февраля 1917 года. В этом заслуга не только правительства, но и того, что не нашлось второго Евно Азефа или Герша Гершуни, способных планировать и вдохновлять на преступления сотни людей. Карл был лишь простым исполнителем и тактиком-неудачником. В его отряд входило не больше десяти-пятнадцати человек, а первый крупный теракт был частично предотвращен из-за ареста женщины-смертницы. Не смогла она взорвать себя, чего не скажешь о камикадзе времен Евно Азефа и Герша Гершуни.

А кто создал первую социал-демократическую рабочую партию в Российской империи^[6] и организовал проведение первого съезда РСДРП в 1902 году в Минске? Об этом официальная советская история предпочитала не вспоминать, но еще в 1897 году на политическом небосклоне появился Всеобщий еврейский союз Литвы, Польши и России (Бунд) — первая социал-демократическая партия в России и самая крупная еврейская политическая партия. А среди основателей РСДРП было трое бундовцев^[7]. В апреле 1906 года на четвертом съезде социал-демократов Бунд

официально вступил в РСДРП, сохранив при этом особое автономное политическое положение.

У кого было больше членов в Российской империи во время революции 1905 года — у Бунда или РСДРП? У вторых, скажете вы, вспоминая школьный курс истории, и ошибетесь. Членов РСДРП в России в 1905 году было не больше 8400 человек (из них около 19 % — евреи), а в рядах Бунда в 1905–1907 годах — около 43 тысяч. Среди эсеров в 1905 году 15 % были евреи, а отдельные террористические организации анархистов и максималистов были полностью еврейскими. В 1907 году на V съезде РСДРП около трети делегатов были иудеями^[8].

Старшее поколение, выросшее при советской власти, помнит про «гениальных» большевиков во главе с Владимиром Лениным, которые постоянно обманывали тупых царских жандармов. Один из многочисленных мифов. Если и говорить о высоком уровне конспирации и защите от проникновения в руководящий состав партий, то этим отличались исключительно национальные партии, не обязательно еврейская, но и Польская социалистическая партия или армянская «Дашнакцютун»^[9]. Именно они, а не социал-демократы, были постоянным источником раздражения властей (пропаганда, теракты, вооруженные ограбления и т. п.) в 1908–1916 годах. После революции 1905 года лидеры большевиков эмигрировали или оказались в Сибири.

Даже в восстании на броненосце «Потемкин-Таврический» активное участие принимал еврей. Студент Константин Исидорович Фельдман первым из жителей Одессы проник на корабль. В его честь потом переименовали Николаевский бульвар, но впоследствии бульвар еще раз переименовали, на этот раз в нейтральный Приморский бульвар^[10]. На самом деле, привело его на судно не праздное любопытство, а

желание лицезреть итог своих трудов. Ведь это именно он вместе с другим горожанином — Анатолием Березовским (Бжезовским) готовил этот бунт.

Константину Фельдману повезло — в легендарной кинокартине Эйзенштейна «Броненосец "Потемкин"» он сыграл самого себя — выступил с речью перед матросами, а вот имя его напарника так и не прозвучало с экрана. При этом в фильме не говорится, что К. И. Фельдман был членом меньшевистского Одесского комитета РСДРП. Да и сам герой предпочитал не вспоминать свое боевое прошлое, поэтому умер в 1967 году.

С российскими марксистами тоже не все так просто. Попробуйте назвать фамилии первых пропагандистов теории еврея и русофоба Карла Маркса в Российской империи? Только договоримся сразу — Владимира Ильича Ленина не называть. Он еще пешком под стол ходил, когда один из будущих лидеров партии РСДРП(м) (больше известной как партия меньшевиков), сын корчмаря, еврей Павел Борисович Аксельрод в 1872 году в Одессе организовал первый революционный кружок и начал вести пропаганду. А другой еврей Лев Григорьевич Дейч взвалил на себя нелегкое бремя по организации и финансированию первого заграничного кружка российских марксистов — группы «Освобождение труда». Был еще и третий пропагандист марксизма в России — русский Петр Бернгардович Струве. Он, правда, в этом процессе начал участвовать значительно позднее, хотя советская история иногда называет его «первым марксистом России». В 1894 году он выпустил книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», где рассказал о теории Карла Маркса. Потом он сотрудничал с Владимиром Лениным и даже составлял Манифест Российской социал-демократической рабочей партии, но в 1905 году стал одним из лидеров

кадетской партии^[11]. Какой она оставила след в российской истории— скажем несколько позже.

Еще одна пикантная подробность. Мало кто знает, что основателем и одним из первых руководителей профсоюзного движения в Российской империи, в стране, где евреи традиционно занимались предпринимательством (начиная от мелких спекуляций, контрабанды и заканчивая банковским делом), был Петр Абрамович Гарви (Бронштейн). Зачем иудею заниматься организацией легального рабочего движения? На Западе профсоюзы в начале прошлого века уже обладали рычагами реального воздействия не только на работодателей, но и на правительства. С другой стороны, они отвлекали пролетариат от участия в радикальных формах борьбы за свои права и снижали потери владельцев предприятий.

Если мы посмотрим политическую историю XIX века, то обнаружим активное участие евреев не только в движении народовольцев. Они отличились не только при организации «хождения в народ», но и в покушениях на Российского императора. Да и среди декабристов тоже был иудей.

С евреями — организаторами Октябрьской революции и пришедшими затем к власти в стране — для противников антисемитизма тоже беда.

Кто организовал II съезд РСДРП в 1903 году? Бывший народоволец и социал-демократ Лев Григорьевич Дейч. В юности он «прославился» тем, что попытался убить предателя из числа народовольцев— сначала жертву несколько раз ударили тяжелым предметом по голове, а потом облили лицо несчастного серной кислотой. Позднее он стал меньшевиком, но в 1917 году, осознав политическое поражение родной партии, поспешил примкнуть к будущим победителям — большевикам. После победы Октябрьской революции он

ушел из политики и начал писать научные монографии и свои воспоминания о революционном движении в Российской империи. Умер в 1941 году в возрасте 86 лет.

А когда в Российской империи после поражения в русско-японской войне возникла предреволюционная ситуация, то кто первым ею воспользовался? Владимир Ленин, скажете вы, вспомнив курс школьной истории. И опять будете неправы. Первыми использовали ее два еврея Лев Давидович Троцкий и Израиль Лазаревич Гельфанд (Александр Парвус). Они организовали Петербургский совет депутатов и смогли почти бескровно захватить власть в городе. Разумеется, это была не революция в масштабах страны, но успех был впечатляющим. Владимир Ленин попытался повторить его в Москве, но сделал это как-то неуклюже. Спровоцировал уличные бои и почти все потерял. Летом 1917 года он вновь наступил на те же грабли и был вынужден кормить комаров в Разливе вместе с евреем Григорием Зиновьевым, прячась от правоохранительных органов Временного правительства в шалаше. За дело снова взялся виртуоз Лев Троцкий. И в октябре 1917 года он фактически без боя захватил Петроград. Арест Временного правительства, ну а дальше — вам известно...

Да и Александр Парвус тоже оказался мастером, но в другой сфере. После поражения революции 1905 года он оказался в сибирской ссылке. Бежал оттуда, объявился в Германии, но вскоре был вынужден покинуть эту страну. Причина— множество скандалов. Начиная от брошенных им без средств к существованию двух жен с сыновьями и заканчивая присвоением денег Максима Горького. Он выступил в качестве литературного агента известного писателя. В 1910 году он появляется в Турции в качестве преуспевающего коммерсанта. Его основной бизнес— поставка

продовольствия и вооружения местной армии. В 1915 году он разрабатывает план революции в России, получает на его реализацию крупную сумму от германского правительства, но затея заканчивается крахом. Авантюрист и мошенник, скажете вы. Ошибаетесь. Этим планом в 1917 году воспользовался Владимир Ленин и победил. Просто в 1916 году страна еще не была готова к революции, да и в самой России не было команды, способной его реализовать.

Пришлось обращаться за помощью к более опытным товарищам. Лев Троцкий в это время жил в США и приехать не мог. Возникли бы сложности с визами. Да и в одиночку он бы не справился — страна-то большая! А вот Владимир Ленин с командой жил в нейтральной Швейцарии. Вот его-то Александр Парвус и решил использовать. Договорился с Берлином, пообещав, что российские эмигранты сумеют такую «заварушку» в стране устроить, что Германия сможет воевать исключительно на Западном фронте против Англии и Франции.

В Берлине ему в очередной раз поверили и позволили российским революционерам пересечь территорию Германии в «пломбированных вагонах». А потом они горько пожалели об этом опрометчивом решении. Большевики их нагло «кинули». После прихода к власти они предпочли «дружить» с более сильной Антантой, а в отношении Германии сделали все, чтобы она проиграла Первую мировую войну. Желających узнать подробности отсылаем к книге Николая Старикова «Мифы и правда о Гражданской войне. Кто добил Россию?»^[12].

То же самое касается и представителей других партий, которые вместе с немцами ехали в «пломбированном вагоне». А там ведь были и эсеры, и представители двух еврейских партий, и коммунисты-

анархисты. И все они надеялись получить свою долю власти. Они ее и получили, но потом быстро лишились. Очень не любил Владимир Ленин с кем-то властью делиться.

Отметим один пикантный факт, о котором мало кто знает. Знаете ли вы, сколько евреев приехало в известных «пломбированных вагонах» в апреле 1917 года для организации государственного переворота? Из 159 человек, как минимум, 99 — евреи. В первой группе (29 человек) вместе с Владимиром Лениным приехали 17 евреев^[13].

Лев Давидович Троцкий тоже отличился. Именно он организовал в Петрограде государственный переворот, который позже назовут Октябрьской революцией. Что поделаешь, власти и опыта организации революций у председателя Петроградского Совета было значительно больше, чем у лидера малочисленного экстремистского правого крыла партии социал-демократов — внука еврея Владимира Ильича Ульянова.

Последнему в течение двух лет пришлось бороться за власть в Советской России с соратниками по РСДРП, эсерами, профсоюзами и т. п. Во многом этой победе способствовало то, что истинный организатор переворота Лев Давидович Троцкий мечтал о славе вождя мировой революции и прекрасно понимал, что он, в силу своей национальности, не сможет стать руководителем Советской России. По крайней мере, осенью 1917 года. Ну не поддержит его население. Это Владимир Ленин сумел на личном примере доказать, что страной может управлять не только кухарка, но и человек, не пользующийся поддержкой со стороны не только народа, но и ближайшего окружения.

Владимир Ленин и еврейский вопрос

В советское время принято было цитировать как находившегося в тот момент у власти Генсека (не обязательно, исключение составил лишь Иосиф Сталин), так и классиков «марксизма-ленинизма» (обязательно).

У внука еврея Владимира Ленина отношение к соплеменникам деда было неоднозначным. С одной стороны, как атеист и интернационалист, он выступал против иудаизма и сионизма. Хотя точно так же он относился и к православию, вслед за Карлом Марксом утверждая, что религия — это опиум для народа. При этом активно «насаждал» другую «религию» — коммунизм. А учитывая многонациональный состав Советского Союза и набор республик, он добавил еще и интернационализм. Понятно, что иудаизму, а тем более сионизму, как национальным религиям, существовать в СССР было, мягко говоря, крайне сложно.

«Вождь мирового пролетариата» еще в 1913 году в статье «Еврейская национальная культура» вынес ей смертный приговор, в буквальном смысле этого слова. Многие ее деятели при советской власти были репрессированы. Владимир Ленин в той малоизвестной даже историкам публикации писал:

«Еврейская национальная культура — лозунг раввинов и буржуа, лозунг наших врагов!»^[14].

А как поступали с врагами? Правильно, их уничтожали. Знали ли об этом евреи — большевики? Если и знали, то к себе это не относили. Ведь они давно перешли из иудаизма в коммунизм и активно строили «светлое будущее» для «Марксом избранного народа» — пролетариата.

Да и Владимир Ленин накануне Февральской революции в одном из своих докладов, прочитанных перед такими же, как он, политэмигрантами, заявил:

«...Евреи доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения. И теперь евреи имеют, кстати сказать, ту заслугу, что они дают относительно высокий процент представителей интернационалистического течения по сравнению с другими народами»^[15].

С одной стороны, это очередное доказательство повышенной степени (по сравнению с другими нациями) участия евреев в попытках свергнуть царскую власть в Российской империи, а с другой — четкое разделение на «правильных» и «неправильных» (с позиции Владимира Ленина и будущей советской власти) революционеров. «Неправильные» — это те, кто отстаивает интересы своей нации. А «правильные» — все остальные. При этом цель у тех и других она — ликвидировать самодержавие.

При этом на «правильных» и «неправильных» огромное влияние оказывало полученное в детстве воспитание. Идеями марксизма «правильные», да и многие из «неправильных», увлеклись во время учебы в гимназии или в институте. А до этого большинство из них получило классическое еврейское воспитание. Об этом мы поговорим подробнее дальше. Известно, что характер человека формируется в первые годы его жизни. И стремление быть лучшим, терпение, концентрация и другие качества, помогавшие евреям занимать лидирующие позиции в политике, бизнесе и культуре, были заложены в семье. Именно эта привычка быть первым и вера в свою исключительность порой играли с лидерами большевиков «злые шутки».

Сначала еврей Яков Свердлов попытался взять власть в стране в свои руки и убить русского Владимира Ленина. Поступил он не по партийным «понятиям» и поплатился за это жизнью. Карающая рука железнодорожного рабочего метнула в него орудие пролетариата — булыжник. Затем еврей Лев Троцкий выступил против генерального курса партии и противостоял ему до самой гибели: по злой иронии судьбы, ему тоже проломили голову, только не оружием пролетариата — булыжником, а ледорубом — исполнитель был не рабочий.

Затем во внутрипартийной борьбе оказались замешаны еще два еврея — Григорий Зиновьев и Карл Радек. Потом нарком внутренних дел Генрих Ягода по ошибке примкнул не к той политической силе и был объявлен «троцкистом». Хотя за ним водились и другие «грешки» — типа «злоупотребления служебным положением». Это когда у него во время обыска изъяли огромное количество ценностей.

Зачем евреям марксизм

Война капиталу, объявленная революционерами, делала их злейшими врагами буржуазии, в том числе и еврейской. Однако забавно то, что немало евреев, не согласных с идеологией коммунизма, видели в антикапиталистических идеях марксизма прежде всего призыв к уничтожению тех, кто в их глазах олицетворял современных фараонов, вавилонских царей, персидских министров. Внушенная в хедере система ценностей нашла себе новую пищу.

Возможно, что готовность стать в ряды коммунистических революционеров для евреев, являвшихся выходцами из буржуазных слоев общества, объяснялась, прежде всего, их желанием нанести смертельный удар «национальным партиям» стран Западной Европы, то есть конкурентам еврейской буржуазии и носителям антисемитских настроений. Впрочем, как тогда объяснить революционные симпатии дворян и интеллигентов? А евреи, особенно молодежь, получавшая светское образование в гимназиях и университетах, зачастую сами набирались революционных идей от своих соучеников, а не склоняли их на путь революции.

Выбор евреем своего места в классовой борьбе на стороне пролетариата заставлял его превратиться в непримиримого врага Ротшильдов и других вождей еврейской буржуазии. Для многих выходцев из буржуазных семей было нелегко пойти на столь решительный разрыв со всеми представлениями, в которых они были воспитаны, и они искали компромиссных решений. Типичный пример такого поведения в революционном движении показал выходец из семьи богатых еврейских купцов Фердинанд

Лассаль. Активно участвуя в революции 1848 года и примкнув сначала к своему земляку Карлу Марксу, Лассаль впоследствии выступил против марксистской идеи классовой борьбы, утверждая, что рабочий класс может добиться уменьшения эксплуатации и в условиях капитализма. Он доказывал, что антикапиталистическая революция может произойти лишь в тех странах, в которых пролетариат составит большинство населения. В то же время Лассаль исключал возможность совместных революционных действий городского пролетариата и крестьянства против существующего строя, так как исходил из реакционности всех классов, кроме рабочего.

Идеи Лассаля и деятельность возглавляемого им Всеобщего германского рабочего союза сильно повлияли на рабочее и социал-демократическое движение Западной Европы. Революционная теория Карла Маркса постепенно предавалась забвению, и на первый план выдвигалась борьба за улучшение положения рабочих без изменения капиталистического строя.

Эта практика получила теоретическое обоснование в работах бывшего банковского служащего, а затем видного социал-демократа Германии Эдуарда Бернштейна, в его формуле: «Движение — все, конечная цель — ничто». Эта формула позволяла использовать политический потенциал рабочего и социал-демократического движения для осуществления любых политических задач, в том числе чрезвычайно далеких от целей рабочего класса и социалистической революции.

По мере того как антибуржуазная революционность рабочего и социал-демократического движения в Западной Европе слабела, создавались условия и для расширения сотрудничества между социал-демократией и буржуазией. В социал-демократические

партии все активнее вступали выходцы из буржуазии, в том числе и еврейской.

Не все евреи, вступившие в ряды социалистических и коммунистических партий разных стран, смогли преодолеть вековые барьеры отчуждения, которые отделяли их от неевреев. Подчас это приводило к обособлению еврейских социалистов и даже созданию особых социалистических партий для евреев. Так, в конце XIX— начале XX в. в России было создано несколько еврейских социалистических партий: Бунд, Поалей Сион, Сионистско-социалистическая рабочая партия, Социалистическая еврейская рабочая партия и т. д. Их создатели утверждали, что интересы еврейских рабочих носят столь специфический характер, что защищать их в рамках общенациональных социалистических партий невозможно, хотя на самом деле это было не что иное, как уступка складывавшейся веками национальной психологии.

Поставленные перед жестким психологическим выбором адепты революционных учений иной раз вообще отказывались от интернационального марксизма в пользу сионизма, дававшего выход их энергии в той же мере, как и революционная деятельность.

Любопытно и то, что, вступив в ряды социалистов, некоторые евреи и тут применяли древнюю стратегию «двойного подданства», примером чему может служить жизнь российско-немецкого социал-демократа начала XX века Александра Парвуса (Израиля Гельфанда), который ухитрялся одновременно находиться и в рядах международной социал-демократии, и в высших кругах мировой финансовой буржуазии.

Парадоксальное превращение интернационалистов в воинствующих националистов, а социалистов — в

сторонников буржуазии свидетельствовало о
подспудной силе внедренных с детства установок [\[16\]](#).

От ученика Хедера до профессионального революционера

Особенно явно и последовательно процесс превращения ученика хедера в непримиримого радикала-революционера проявился в России.

К началу XX века еврейская община насчитывала около пяти миллионов человек и была самой многочисленной в мире. Это были почти исключительно городские жители, в основном ремесленники, в меньшей степени торговцы. Впрочем, несмотря на все ограничения, среди евреев встречались и крупные промышленники, такие как три брата Поляковы, банкиры и строители железных дорог, банкиры Гинцбург, Рубинштейн, Манус, сахарозаводчик Бродский и... личный секретарь Григория Распутина, купец первой гильдии, ювелир Симанович.

К концу XIX века умонастроения российских евреев начали меняться. С одной стороны, светское образование, а с другой— идеология сионизма взбаламутили стоячие воды еврейской общины. Кроме того, около двух миллионов человек эмигрировали в США в поисках лучшей доли.

К этому времени наступление цивилизации, а также гражданские права, обретенные евреями во многих странах Европы, заставили молодых евреев почувствовать абсолютную недостаточность тех знаний, которые давал им хедер, и они устремились в гимназии и университеты. Там, вместе с образованием, они получали полный набор либеральных и революционных идей, господствовавших в просвещенном обществе, и пополняли собой соответствующие политические партии.

Деятели из «Союза русского народа» утверждали, что еврейские революционеры хотят уничтожить государство, чтобы утвердить власть еврейских капиталистов, что «между Ротшильдом и Марксом заключен тайный союз». На самом же деле было немало евреев, готовых пойти против Ротшильда и Ротшильдов местечкового масштаба без малейшего душевного содрогания. Молодежь, задышавшаяся в искусственно законсервированном воздухе ортодоксальных общин, стремилась к свободе, внутренней и внешней, и, отринув старые представления и не обретя ничего взамен, приходила в ряды революционных экстремистов.

И все же, вступая на путь революции и отрекаясь от своей веры и, фактически, от своего народа, евреи, вне зависимости оттого, какую революционную партию они избирали, не могли изменить основ своего сознания, которое формировалось тысячелетиями. Их национальная специфика проявилась в восприятии революционных идей. Марксистские произведения стали для них тем, чем прежде являлись священные книги иудаизма. Из положений марксизма выискивались ответы на все вопросы текущей жизни.

Мифологизированная история еврейского народа не могла не наложить свой отпечаток и на восприятие бывшими учениками хедеров исторической теории марксизма, в соответствии с которой угнетенные классы вели вечную борьбу с угнетателями, при этом эксплуататоры были носителями всех пороков, а эксплуатируемые — олицетворением всех добродетелей. Все это было им так знакомо, привычно и понятно!

В первую очередь, новые идеи перекликались с усвоенными с детства религиозными представлениями о справедливости. Разумеется, не один лишь иудаизм создавал благоприятную почву для развития

революционного сознания. Точно так же христиане и мусульмане, становившиеся на путь революции, невольно воспринимали учение о классовой борьбе пролетариата и новом справедливом обществе через призму внедренных с самого детства религиозных представлений. Показательно, что идеи революционного социализма захватывали многих выпускников духовных училищ и семинарий, стремившихся на практике осуществить братство людей. Иосиф Сталин из них самый известный, но далеко не единственный. Как в иудаизме, так и в христианстве было немало идей, которые перекликались с положениями революционного социализма. Вспомним хотя бы Лазаря Кагановича, которого привел в революцию пророк Амос.

Как и современные социалисты, Христос и ветхозаветные пророки осуждали алчность и несправедливость окружавшего их общества. И христианство, и иудаизм сулили наступление на Земле счастливой и справедливой жизни. И в той, и в другой религии можно было найти призывы к активной борьбе за справедливую жизнь. И сознание, сложившееся под воздействием религиозных догматов о беззаветном служении Божественному делу, легко воспринимало положения социалистических и коммунистических партий о беззаветном служении делу освобождения пролетариата.

Свою прежнюю веру в скорый приход Мессии, который должен установить тысячелетнее царство справедливости на земле, бывшие иудаисты возродили в вере в партию пролетариата и ее вождей, ведущих к мировой революции. Предвкушение встречи следующего года в Иерусалиме и воссоздания храма Ягве превратилось в ожидание победы социалистического (коммунистического) строя.

Нет сомнения в том, что трудные занятия по поиску скрытых истин в изречениях Талмуда неплохо подготовили будущих социалистов и коммунистов к изучению философских основ марксизма, а знакомство с коммерцией позволяло легче усвоить положения политэкономии в «Капитале». Тщательное изучение талмудических споров вооружило их навыками, пригодившимися в полемике по различным вопросам марксистской теории, а страстные призывы библейских пророков, осуждавших общественные пороки, повлияли на стиль будущих пропагандистов социалистических идей.

Любопытно, что листовки, написанные Львом Троцким в 1905 году, открывались словами «Слушай, рабочий!» или «Слушай, крестьянин!» и этим напоминали зачины речей пророка Иеремии и традиционную иудейскую молитву, открывающуюся словами «Слушай, Израиль!» («Шма, Исраэль!»). Традиция иудейского миссионерства и пропаганды иудаизма трансформировалась в агитацию и пропаганду социализма.

В то же время многовековой опыт торгового народа, усвоенный в родной среде, также был взят на вооружение, но использовался теперь во имя антибуржуазной революции. Бывшие обитатели гетто и местечек превращались в умелых пропагандистов идей социализма.

Все это вместе взятое, а также присущие евреям инициативность, энергия и умение добиваться победы способствовали тому, что во многих социалистических партиях мира евреи, составляя меньшинство среди общего состава, выдвигались к руководству, занимая в нем ведущее положение. И российские партии не были исключением.

Ведущее положение евреев во многих социалистических партиях и их активность заставляли

недоброжелательных наблюдателей преувеличивать их удельный вес в этих организациях и даже считать эти партии чисто «еврейскими», сочинять легенды о том, что социалистическое и коммунистическое движение служит орудием установления еврейской мировой гегемонии. Эти версии, удобно соединявшие в себе антисемитизм и антикоммунизм, были взяты на вооружение ультраправыми идеологами в разных странах мира.

Глава вторая

Кому на Руси жить хорошо

Мы не будем рассказывать об истории появления евреев на территории Российского государства (тема для отдельной книги), а отметим лишь, что в X–XII веках в Киевской Руси существовали кланы славяноязычных евреев— кенааним^[17]. Например, в Киеве существовал еврейский квартал. Большинство его жителей «специализировались» на обслуживании торговых путей, проходящих через этот город. По мнению отдельных историков, в Киеве жила группа купцов из Византии, но после того как хан Батый в 1240 году разорил город, она переехала или погибла.

На территорию Российской империи евреи «переехали», не сходя с места и не прилагая к этому никаких усилий. Произошло это в результате трех разделов Речи Посполитой, присоединения Крыма, Грузии, Дагестана, Северного Азербайджана, Бессарабии и т. п.

Если в 1800 году еврейское население России составляло почти четверть (22,8 %) общей численности евреев в мире, то на меридиане века — в 1850 году — этот показатель вырос до 50 %, а пик пришелся на 1880 год: 53,4 %. В то же время относительная доля евреев в населении империи увеличилась с 1,5 % (в 1800 году) до 4,8 % (1880 год). Может быть, эта тенденция сохранилась бы и дальше, вот только с 1881 года начался обратный процесс— евреи начали уезжать из страны. В 1881–1914 годах страну покинуло 1 млн 900 тысяч евреев, из них 78,6 % эмигрировали в США.

В 1914 году относительная доля евреев составляла 3,1 % от общего населения страны. Хотя эти данные

носят оценочный характер, и в литературе встречаются и другие цифры. Точно известно лишь, что в 1897 году, когда была проведена

Всероссийская перепись населения, в стране проживало 5 млн 189 тыс. 400 евреев; они составляли 4 % населения империи и 49 % численности всех евреев в мире^[18].

После убийства Александра Второго народовольцами 1 марта 1881 года на юге и юго-западе Российской империи прокатилась серия погромов. В отдельных местах они продолжались до 1884 года. Погромы случались и раньше, например, в Одессе, но там они были связаны с конкуренцией между евреями и греками.

Хотя мы бы не стали напрямую увязывать желание евреев уехать с беспокойством за сохранность своей жизни и имущества. На наш взгляд, более важный фактор — деятельность правительства. В принятых 3 мая 1882 года «Временных правилах о евреях» вводились ограничения для лиц этой национальности. Например, им было запрещено селиться вне городов и местечек, а также приобретать недвижимость и арендовать землю^[19]. Большинство еврейских историков трактуют этот документ исключительно как антисемитский. Если посмотреть на него объективного в первую очередь он был направлен на снижение антиеврейских беспорядков. Большинство жителей провинции евреи воспринимались исключительно в качестве спекулянтов, жадных управляющих поместьями, владельцев винных лавок, спаивающих население, и т. п.

Да и основная причина эмиграции в США была связана с коммерческими интересами, а не опасениями за собственную жизнь. Если посмотреть статистику, то 88,2 % эмигрантов — мелкие ремесленники и

«находящиеся в личном и домашнем услужении». А вот предпринимателей было менее одного процента, хотя они должны были уезжать в первую очередь [\[20\]](#).

Еврейский бизнес

Поначалу политика имперских властей по отношению к евреям отличалась достаточной терпимостью. Можно было

бы сказать, что они особо и не ощутили перехода в другое государство.

Проблемы у евреев начались после того, как в конце 1780- начале 1790 годов в Москве столкнулись экономические интересы русских и еврейских купцов. Согласно действующему тогда законодательству, купцам и мещанам запрещалось покидать города, к которым они были приписаны. А вот Сенат в 1782 году разрешил купцам, проживающим на вновь присоединенных территориях, в интересах их коммерции переезжать из города в город. Законодатели имели в виду только территорию Белоруссии, а евреи воспользовались «прорехой» и начали активно осваивать Москву и Смоленск. Трое купцов-евреев записались в 1-ю купеческую гильдию в Москве. Используемые ими методы торговли, говоря современным языком, местные бизнесмены посчитали приемами незаконной конкуренции и начали жаловаться властям. Сложно сказать, что использовали в Москве новички на рынке, но в Англии произошел аналогичный конфликт. Там торговцы-евреи начали использовать рекламу, агрессивный маркетинг, а также продавать не один вид товаров, например, чай или табак, а сразу несколько.

В Российской империи указом от 23 декабря 1791 года была впервые введена черта еврейской оседлости. Евреем запретили записываться в купечество за пределами Могилевской и Полоцкой губернии, т. е. Белоруссии. Одновременно им разрешили переселяться

в Екатеринославское наместничество и Таврическую область.

На протяжении последующих лет черта оседлости то сужалась, то расширялась, составив к концу XIX столетия 15 губерний, именно: Бессарабскую, Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Екатеринославскую, Ковенскую, Минскую, Могилевскую, Подольскую, Полтавскую, Таврическую, Херсонскую, Черниговскую и Киевскую (кроме города Киева). При этом следует отметить, что украинские, белорусские, литовские, польские и бессарабские евреи являлись отдельными общинами, а не расплывчатым географическим или региональным понятием.

Несмотря на обособленность и автономность общин, их члены занимались одним и тем же делом: управляли поместьями или арендовали сельскохозяйственные угодья (фактически выступая в роли помещиков), отдельные права и монополии (например, продажу спиртных напитков или соли), содержали шинки и постоянные дворы. Одно время они фактически полностью контролировали кредитную сферу. Также активно участвовали во всех видах торговли (оптовой, розничной и посреднической). Еврейским ремесленникам принадлежала монополия на отдельные виды услуг (пошив одежды, ремонт обуви и т. п.).

В XIX веке в Российской империи начало стремительными темпами развиваться еврейское предпринимательство. В качестве источника первоначального капитала можно назвать доход от ростовщичества, торговли спиртным и розничной торговли.

К 1830 году в восьми губерниях Северо-Западного и Юго-Западного края евреям принадлежало 149 фабрик и заводов из 528. А еврейские купцы контролировали 30 % текстильной промышленности на Украине. Часть из них постепенно переключилась на быстро

развивающуюся сахарную промышленность. К 1872 году четверть отрасли находилась под контролем евреев. Первоначальный капитал будущие сахарные короли сделали, как и большинство иудейских предпринимателей, на винных откупах. Так же они преуспели в мукомольном и кожевенном производстве, пивоварении, табачной и некоторых других отраслях промышленности.

Не меньших успехов они добились и во внешней торговле. В первую очередь, в хлебной и лесной торговле. По мнению одного из исследователей, они «вывели Россию на мировой рынок». Действительно, в середине XIX века почти вся сухопутная торговля с Западом шла через российских и австрийских евреев. Например, в Минской, Подольской и Черниговских губерниях все купцы 1-й гильдии были евреями, а в Витебской, Волынской и Гродненской — свыше 90 %. В остальных губерниях черты оседлости этот показатель стремительно приближался к 50 %.

В 1859 году в Санкт-Петербурге появился первый еврейский банк «И. Е. Гинцбург». Евреи начинают играть ключевую роль в финансовой сфере и железнодорожном строительстве. Другой показатель. В 1896–1900 годах 11 % основателей акционерных обществ были евреями. А в апреле 1914 года выяснилось, что среди банковских служащих в Северо-Западном крае 35 % — евреи, в то время как русских — 8 %. Если брать общую ситуацию по Российской империи в целом, то в 1914 году евреи составляли 20 % «деловой элиты» страны^[21]. Хотя максимальная концентрация евреев-предпринимателей наблюдалась в городах. Согласно переписи 1897 года, среди занятых в торговле 618926 человек 450427 были евреи. Фактически, в стране, где иудеев было 4 % от всего

населения, в торговле их было в 2,7 раз больше, чем представителей других национальностей^[22].

Миграция по Российской империи

С середины пятидесятих годов XIX века началось расселение евреев за пределами черты оседлости. Первым позволили выбирать место для жительства купцам 1-й гильдии вместе с семьями в 1859 году. Этим предложением воспользовалось 108 семей.

В последующие двадцать лет был издан ряд законов, разрешающих лицам с высшим образованием, а также медицинским работникам (не только врачам, но и дантистам, повивальным бабкам (акушеркам) и т. п.) повсеместное жительство в империи. В 1865 году аналогичной привилегии удостоились ремесленники. Евреи также получили право поступать на государственную службу (до этого времени могли лишь только принявшие православие), участвовать в городском и земском самоуправлении.

Тысячи еврейских детей двинулись в гимназии и институты. Для них это означало не только начало прекрасной карьеры, но и освобождение от военной службы и снятие множества ограничений. При этом им не требовалось принимать православие и отказываться от иудаизма. Поэтому нет ничего удивительного в том, что если в 1865 году число евреев не превышало 3,3 % от общего числа гимназистов, то в 1880 году их число составило 12 %. Понятно, что в Виленском или Одесском учебном округе этот показатель был значительно выше.

В 1887 году была введена процентная норма для поступления евреев в средние, а затем, в том же размере, и в высшие учебные заведения: 10 % — в черте оседлости; 5 % — вне черты и 3 % — для столицы. Многие видят в этом еще одно доказательство антисемитской политики царских властей. При этом мало кто хочет признавать тот факт, что евреи в 1880

году составляли 4,8 % от всего населения Российской империи, а потом их количество начало постепенно уменьшаться. Так что 3 % и 5 % появились не случайно.

Другой популярный миф, о котором мы уже упомянули выше. Евреи уезжали из России исключительно из-за погромов. Если посмотреть статистику, то первый пик эмиграции пришелся на 1906 год. А массовый исход начался в 1904 году и закончился в 1907 году. Что происходило в Российской империи в тот период: русско-японская война и первая русская революция. Первая означала призыв в действующую армию, а вторая — уличные беспорядки и массу проблем для обывателей. Фактически евреи предпочли перебраться в более спокойную и сытую Америку. С 1903-го по 1907 год в США эмигрировало 482 тысячи евреев. Второй пик пришелся на 1914 год. Тогда Россию покинуло 102,6 тысячи человек. Часть из них спасалась таким образом от мобилизации в армию, остальные решили переждать Первую мировую войну в Новом свете, справедливо полагая, что там безопаснее.

Погромы в Российской империи

Среди определенных кругов существует устойчивое мнение, что правительство Российской империи делало все, чтобы не только спровоцировать еврейские погромы, но и поощрить их участников. Вот только факты говорят об обратном процессе. Представители местной администрации, допустившие такие инциденты, часто лишались своих постов.

Первые «еврейские погромы» произошли в Российской империи 15–17 апреля 1881 году в Елисаветграде. Затем до 1884 года было зафиксировано еще 150 случаев нанесения имущественного ущерба евреям (начиная от битья стекол и заканчивая избиениями). Как на это отреагировали власти? Объявили благодарность участникам, скажете вы. Как раз наоборот— ввели в Уложения о наказаниях (аналог современного уголовного кодекса) новую, 269-ю статью. Просто под существующую 38-ю статью («буйство в публичных местах») это деяние не попадало. Размах и общественная опасность были очень большими. А знаете, сколько при этом погибло евреев — двое, и то их смерть не была квалифицирована как преднамеренное убийство. Зато при подавлении погромов от пуль солдат погибло 19 крестьян. Да и громили они в основном питейные заведения^[23].

В Кишиневе 6 апреля 1903 года в результате погрома погибли 43 человека (из них 39 евреев) и было ранено свыше 500, разгромлено свыше 1500 домов и лавок. Мало кто знает, как на самом деле развивались события и почему так много жертв. 6 апреля молодежь, состоящая в основном из подростков, начала бить стекла и выбрасывать вещи на улицу. К вечеру в город ввели войска и арестовали 62 человека. На следующий

день беспорядки продолжились. Некоторые евреи, защищая свое имущество, начали стрелять из револьверов. Один из стрелков застрелил буяна, а потом и сам погиб. Чуть позднее погиб христианский мальчик. А после этого началось побоище. И вот что интересно, погромщики не применяли огнестрельного оружия, чего не скажешь о защитниках^[24]. Также нужно учитывать два факта. Во-первых, еврейские погромы продолжались и после того, как Бессарабия стала провинцией Румынии. Говоря другими словами, наличие или отсутствие царского правительства не влияло на настроение масс. Во-вторых, половина населения Кишинева были евреями, занимались исключительно бизнесом и воспринимались местными крестьянами как дельцы.

А теперь факт, о котором стараются не вспоминать. Знаете, как звали «инициатора» погрома? Паволаки Александрович Крушеван. Вас не удивляет, что имя молдавское, а не русское? Его владелец и сам гордился принадлежностью к знатному молдавскому роду. А знаете ли вы, что погромщики были молдаванами по национальности, а многие вообще не понимали по-русски? Это и неудивительно, ведь Бессарабия вошла в состав Российской империи только в 1812 году^[25].

В 2003 году, спустя сто лет, в Кишиневе поставили памятник жертвам тех событий. А сразу после погрома вся местная администрация была вынуждена сменить места работы. Губернатор фон Раабен был причислен к министерству внутренних дел простым клерком с окладом 2800 рублей вместо привычных 12000 в год, которые он получал на прежней должности. А также лишился множества привилегий, например, казенной квартиры. Полицмейстер Ханжонков, как казак, вернулся в войска с окладом в 22 рубля в месяц, а начальник охранного отделения ротмистр барон фон

Левендаль был отчислен из Корпуса жандармов и уволен в запас. Возникли серьезные проблемы и у начальника расквартированной в городе кавалерийской дивизии — его не перевели на новую должность [26].

Власти при всем своем желании не могли предотвратить погромы. Одна из причин — бытовой антисемитизм, которым были пропитаны не только низы общества, но и часть интеллигенции. Мало кто знает, но традиционные первомайские забастовки и маевки, близкие по времени к еврейской и православной Пасхе, угрожали перерасти в еврейские погромы, и революционерам стоило огромных усилий удержать пролетариат от столкновений на этнической и религиозной почве. При этом, кроме антисемитских, были еще и религиозные, а также экономические причины для столкновений. Например, жесткая конкуренция за рабочие места между русским и еврейским пролетариатом. Негативное отношение со стороны работяг к евреям — спекулянтам и торговцам.

А вот о том, как произошел погром в Гомеле.

«Рапорт Могилевского губернатора Государю Николаю Александровичу. Могилев, 4 сентября 1903 г.

Всеподданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству о выдающемся происшествии в Могилевской губернии.

29 августа в городе Гомеле на базарной площади крестьянин, поспорив с еврейкой из-за доброкачественности товара, ударил ее по лицу селедкою. Тотчас, по данному сигналу, толпа евреев бросилась на крестьянина, за которого заступились бывшие на базаре русские, и произошла драка, во время которой ранен колющим оружием христианин, вскоре умерший. Когда толпа была рассеяна, из выделившейся группы евреев посыпались в чинов полиции камни и

был сделан выстрел, на который полицейский чиновник отвечал выстрелом на воздух, случайно легко ранив при этом одного еврея. В этот день евреи считали себя победителями и открыто этим хвастались. 1 сентября группа рабочих из прилегающих к городу железнодорожных мастерских в 12 часов дня, расходясь на обед, вступила в город с явным намерением произвести насилие над евреями, но, встреченная полицмейстером с военным патрулем, хотя и успела разбить двери и окна в ближайших еврейских домах, но вскоре успокоилась, и порядок был бы водворен, если бы в то же время не появилась из города толпа евреев до 800 человек, вступившая тут же в борьбу с полицией, намереваясь напасть на рабочих, причем был тяжело ушиблен полицейский чиновник. Тогда рабочие, к которым успели присоединиться городские мастеровые, начали разгром еврейских домов. С самого начала беспорядка, были вызваны войска, и задачей полиции при помощи трех рот 160-го Абхазского полка было недопущение столкновения двух скопищ — христианского и еврейского — и предупреждение проникновения бушевавшей толпы в центр города. Вскоре прибыли еще несколько рот того же полка. Из толпы евреев, состоявшей преимущественно из молодых людей, ожесточенных не менее христиан, сделано было несколько револьверных выстрелов в оцепивший ее воинский отряд, который вынужден был дать залп, другой залп направлен был в христианскую толпу, после чего в 3 1/2 часа дня порядок был восстановлен. К 5 часам беспорядок возобновился на одной из окраин города, но вскоре был прекращен, причем войсками был дан один залп в христиан. Центр города, где помещаются лучшие здания и торговые заведения, совершенно уцелел, на окраинах же разгромлено, но не разграблено до 200 еврейских домов. При действии войск и во время драки

огнестрельным оружием убито: 2 еврея, 2 христианина, ранено 5 евреев, 4 христианина, режущими и колющими орудиями убито 2 еврея, 2 христианина, ранено 3 еврея, 3 христианина. Из воинских чинов легко ранен фельдфебель и легко ушиблено 4 нижних чина.

Хотя происшествию этому придается характер еврейского погрома, но считаю долгом свидетельствовать перед Вашим Императорским Величеством, что главными виновниками события стали сами евреи. Подпольною антиправительственною пропагандою они возмущают рабочий класс, подстрекая к беспорядкам, которые при первом подходящем случае отражаются на них же самих вследствие их вызывающе дерзкого пренебрежительного отношения к христианам.

По прибытии в Гомель я из беседы с представителями еврейского населения, и, между прочим, с лицами интеллигентными, убедился, что они за евреями не признают вины даже в событиях августа и 1 сентября, обвиняя правительство в неприятии мер к защите их от христианского населения.

В настоящее время в Гомеле все спокойно.

Н. М. Клининберг»^[27]

Странный стиль поведения. Вместо того чтобы отвести хулигана в полицейский участок, его зачем-то начинают избивать. В ходе завязавшейся драки, обратите внимание, холодное оружие применил еврей, один из участников погиб. А дальше возникает такое чувство, что евреи специально провоцировали конфликт. Зачем-то бросали в полицейских камни. А вас не удивляет, как выстрелом в воздух можно ранить человека? Это может произойти только в двух случаях — пуля рикошетом заденет жертву или человек сам полезет на полицейского, а то будет вынужден

защищаться, стреляя по ногам напавшему. Да и затем евреи постоянно провоцировали столкновения.

Хотя они раздражали население не только своей агрессивностью, а по-другому это не назовешь, но и своим стилем в коммерции.

Русский писатель Всеволод Владимирович Крестовский, которого трудно упрекнуть в антисемитизме, в своем очерке «Базарный день в Свислочи» описал типичный еврейский бизнес.

«Каждый воскресный день в Свислочи с раннего утра подымается особенное движение. Жидки торопятся выслать своих "агэнтв" на все выезды и ближайšie перекрестки дорог, ведущих к местечку. Это в некотором роде сторожевые посты "гандлового люду". Но зачем такие посты нужны свислочскому люду гандловому? Нужны они затем, чтобы перенимать на дороге крестьян, доставляющих на базар свои сельские продукты. Везет себе белоголовый хлоп на своем возу "каранкову", а то и целую "корцову" бочку "оброку" или "збожа" и уже рассчитывает в уме своем предстоящие ему барыши, как вдруг на последнем перекрестке налетает на него с разных сторон ватага еврейских "агэнтв". Хлоп моментально оглушен, озадачен и закидан десятками вопросов, летящих вперебой один другому: "А что везешь? А что продаешь? А сколько каранков? А чи запродал еже кому? А чи не запродал?" Хлоп не знает, кому и что отвечать, а жидки между тем виснут к нему на задок, карабкаются на воз, лезут с боков и с переду, останавливают под уздцы лошадедку, тормошат ошалелого хлопа, запускают руки в овес или в жито, пробуют, смакууют, рассматривают, пересыпают с ладони на ладонь и при этом хаут — непременно, во что бы то ни стало, хаут рассматриваемый товар, а другие — кто половчее да поувертливее — насильно суют хлопу в руку, в карман или за пазуху сермяжки кое-какие деньжонки, и не столько денег, сколько

запросил хлоп, а сколько самим вздумалось по собственной своей оценке, которая, конечно, всегда клонится к явному ущербу хлопа, и если этот последний не окажет энергичного сопротивления с помощью своего громкого горла, горячего кнута и здоровых кулаков, то та партия жидков, которой удалось, помимо остальных агентов, всунуть в руку продавца сколько-нибудь деньжонок, решительно овладевает и хлопом, и его збожем, и его возом.

...Составляется обычная стратагема следующего рода: прежде всего жидки торопятся сбросить на землю мешки с овсом или житом, лишь бы только скорей с возу долой, дабы потом иметь ясное доказательство, что товар уже продан, на тот случай, если бы несговорчивый хлоп вздумал упираться и если бы какими-нибудь (впрочем, весьма трудными) судьбами удалось ему прибегнуть к помощи властей или постороннего люда. Последние случаи весьма редки, но прозорливый еврейчик всегда уж ради собственного спокойствия постарается оградить и обезопасить себя и свое дело со всех возможных сторон...Пока одни меряют, пересыпают да отсыпают, другие стараются разными приятными разговорами и расспросами отвлечь внимание хлопа от совершаемого дела, и этот маневр всегда почти удаётся им как нельзя лучше. Зерно умышленно просыпается из меры на землю и спешно подметается метлами в какой-нибудь укромный уголок, ибо просыпка этого рода в общий счет не идет, хотя, в конце концов, и составит собою несколько лишних гарнцев, дающих возможность к лишнему гешефту...Но вот перемерка да пересыпка окончена, оброк спешно убран в еврейские амбары, и хлоп, ощущая ничтожность насильно всунутого ему задатка, начинает требовать окончательного расчета; но евреи с крайним удивлением отвечают, что деньги-де уже получены им сполна, что никаких более расчетов нет и

что надо, дескать, Бога не бояться, требуя с них вторично уже полученную плату. При этом для окончательного ублагодущенья хлопа ему иногда подносится еще один келих водки; а буде хлоп упирается — то расправа с ним коротка: ворота настезь, оглобли поворочены и — в шею! Озадаченный, раздосадованный, разочарованный и огорченный хлоп посмотрит жалостно на доставшиеся ему скудные гроши, перекинет их раздумчиво с ладони на ладонь, почешет за спиною и, сообразив, что на такую ничтожную сумму не приобретешь ничего путного для своего хозяйства, махнет рукой и повернет до корчмы, где и спустит до конца всю свою злосчастную выручку»^[28].

А далее Всеволод Владимирович Крестовский рассуждает на тему роли евреев в жизни Российской империи, а если точнее, то той его части, что именуется Царством Польским:

«Базарные площади облепились со всех сторон гостеприимными шинками, куда евреи всячески заманивали крестьян, приезжавших на торг, и где слабодушный хлоп нередко пропивал последнюю копейку, как и ныне пропивает ее. Базары сделались благодаря шинкам да корчмам притонами разгула, пьянства и нравственного растления. Благосостояние крестьян чахло, гибло и пришло, наконец, к тому, что в настоящее время, когда крестьянин стал свободным землевладельцем, земля его, принадлежащая ему, на самом-то деле принадлежит корчмарю-еврею, ибо нет почти такого крестьянина, который не состоял бы в неоплатном и вечном долгу этому корчмарю своей деревни. Евреи веками высасывали крестьянские пот и кровь, веками обогащаясь за счет холопского труда и хозяйства. Такой порядок вещей давно уже породил в

высшей степени напряженное, ненормальное состояние, продолжающееся и по сей день и отразившееся инерцией и вредом на все классы производителей. Довольно будет, если мы для более наглядного примера скажем, что в 1817 г. на 655 ярмарочных и торговых мест одной лишь Гродненской губернии было 14 000 шинков и корчм, содержимых исключительно евреями, стало быть, более чем по 12 на каждое место! Четырнадцать тысяч кабаков в области, которая имеет всего лишь около 6000 разного рода поселений — местечек, деревень, усадеб, фольварков и т. п.!»[\[29\]](#).

А теперь посмотрим, как используют евреи свою «монополию» в бизнесе.

«Но более всего, по всевозможным направлениям, во все концы и во все стороны снуют и шныряют жида, жиденята, и все куда-то и зачем-то торопятся, все хлопочут, ругаются, галдят и вообще высказывают самую юркую, лихорадочную деятельность. Они стараются теперь перекупить все то, чего не удалось им захватить в свои руки с бою на аванпостах. Но главные усилия братии израилевых направлены на дрова, на хлеб зерновой, на сено, т. е. на такие все предметы, на которые, в случае большого захвата оных в еврейские руки, можно будет тотчас же повысить цену по собственному своему произволу»[\[30\]](#).

А вы говорите, евреи в Российской империи жили плохо. Поголовно торговлей занимались, и никто им не мешал, а государство даже от погромщиков защищало. Может, так бы все дальше продолжалось, если бы после дарования свобод Манифестом от 17 октября 1905 года деятельность городской полиции и армии не оказалась парализованной. Один из политиков той эпохи вспомнил

о состоявшемся 18 октября в Московской консерватории собрании:

«В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом "На вооруженное восстание". На собрание читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом».

Можете представить, что тогда происходило в стране.

За 12 дней в стране произошло 660 погромов. В ходе них погибло 1622 человека, из них только 711 (43 %) евреев. Среди раненных 3544 человека и в их числе 1207 евреев (34 %) [\[31\]](#). Тогда против кого были направлены погромы и почему так много жертв среди «погромщиков»? Есть два ответа на этот непростой вопрос. И оба в какой-то мере правильные.

Во-первых, погромы были направлены против революционеров, демократически настроенной интеллигенции и учащейся молодежи. А вот среди них действительно было определенное количество евреев. Да и шансов у последних стать жертвой разъяренной толпы было значительно больше, чем у русских или поляков. Хотя если евреев не было, то погромы все равно происходили. Например, в Вятке 22 октября 1905 года произошел погром. Его жертвами стали одни русские [\[32\]](#).

Во-вторых, евреи оказывали вооруженное сопротивление погромщикам. В Одессе, например, против погромщиков применили пулемет. Добавьте к этому многочисленные вооруженные отряды еврейской самообороны. О действиях этих формирований мы поговорим чуть ниже.

Фактически, еврей-революционеры своим активным участием в антиправительственной деятельности, приведшим к изданию Манифеста, обрушили гнев антисемитских низов российского общества на своих соплеменников. Разумеется, бремя вины они делят с

представителями других народов, но и вклад иудеев в революцию 1905 года был велик. И об этом мы подробно расскажем в следующих главах нашей книги.

Первый погромы эпохи Революции 1905 года произошли в Одессе, Ростове-на-Дону и Екатеринославле.

В Одессе, по данным полиции, было убито 400 евреев, около 300 тяжело ранено, было разгромлено 1632 еврейских дома, квартиры и лавки.

Другой погром— ростовский— был спровоцирован столкновениями двух манифестаций. Члены одной колонны несли плакаты «Сион» и «Наша взяла», а также красное знамя, а другой — портреты императора.

В ходе расследования многие участники погромов объясняли свое участие ответом на оскорбления иудеями российского императора, православной веры и русского народа. Также они называли финансовые потери, связанные со спровоцированными евреями стачками. С другой стороны, они были разочарованы в результатах революции. Их положение не изменилось, чего не скажешь о руководителях революции, захвативших на непродолжительное время власть в отдельных местностях^[33].

После того как властям удалось взять ситуацию под контроль, погромы прекратились. В 1906 году их было 3, а с 1907 года по 1914 год не было вообще. Другой малоизвестный факт. Иногда жертвами становились сами погромщики, а вернее, те, кого евреи считали таковыми. Например, 27 января 1906 года в результате взрыва бомбы в чайной «Тверь» за Невской заставой в Санкт-Петербурге погибли 2 и было тяжело ранено 6 рабочих-черносотенцев^[34].

Вы скажете, этот теракт — единственный случай. И снова ошибетесь. Помните про 660 погромов в октябре 1905 года? А знаете ли вы, что 545 из них произошли в

окрестностях Киева и Одессы? Может, там повышенная концентрация евреев, как это было в Бессарабии? Нет, там проживало меньше 20 % еврейского населения, зато была хорошо организована система самообороны. Так это принято называть из-за соображений «политкорректности». Например, в Киеве сыновья местного сахарозаводчика-миллионера из винтовок застрелили двоих и ранили троих нападавших. Среди жертв — помощник пристава, который охранял дом. А может, и остальные жертвы — тоже случайные люди. Как вы думаете, какую кару понесли стрелки? Отправились в Сибирь? Нет, «отделались легким порицанием». А вы говорите, евреям в царской России жилось плохо.

Во время погрома в Киеве в октябре 1905 года погибло 47 человек. Из них 12... правильно, евреи, а остальные — представители других национальностей. В одном небольшом украинском городке отряд из 150 молодых евреев «револьверными выстрелами разогнал толпу громил».

А иногда евреи готовились к будущим боям заранее. В мае 1905 года полиция задержала Янкеля Брука, Израиля Тарнопольского и Пинхуса Кругерского. Они разбрасывали листовки вот с таким текстом:

«Народ! Спасай Россию, себя, бейте жидов, а то они сделают вас своими рабами».

Одновременно местные сионисты распространяли воззвания на идише, призывающие «израильтян» вооружаться^[35].

Глава третья

Департамент полиции: отправлять всех смутьянов в палестину!

Пока одна часть еврейского населения Российской империи занималась бизнесом, другая активно участвовала в революции и в политике. Хотя, по большому счету, оба понятия фактически слились в одно — подготовку смены власти.

В прошлой главе мы рассказали о роли и участии евреев в погромах. Сейчас мы расскажем, как они пытались дестабилизировать обстановку в стране в XIX веке. Разумеется, тогда «еврейский след» в революционном движении был менее заметен, чем в прошлом веке, но, что греха таить, он был достаточно ярким.

Декабристы

В списке участников государственного переворота 1825 года фигурирует лишь один еврей — титулярный советник Григорий (Гирш) Абрамович Перетц, крестившийся, впрочем, в лютеранство. Он служил в канцелярии петербургского губернатора Милорадовича и был принят в тайное общество Глинкой в 1819-м или 1820 году. Во время следствия по делу декабристов Ф. Н. Глинка отрицал это, указывая, что он отказался ввести Григория Абрамовича Перетца, как заведомого «балагура», и в масонскую ложу, несмотря на его упоминание о связях с известными масонами.

Так или иначе, но Григорий Абрамович Перетц был членом «Союза Благоденствия» и планировал организовать при участии Глинки, Семенова и Кутузова еще одно общество, независимое от «Союза Благоденствия». По словам Григория Абрамовича Перетца, одной из целей нового кружка было введение конституции в Российской империи, а средством достижения этой цели — «распространение всеобщего неудовольствия, делая гласными несправедливость и ошибки правительства». От слов он перешел к делу, зачислив в члены своего общества офицеров Искрицкого, Сенявина, Данченко и служившего в морском министерстве Устиновича. Во время диспутов они не только критиковали деятельность Александра Первого, но и обсуждали решение еврейского вопроса. Перетц предлагал поселить рассеянных по всей Российской империи и Европе евреев в одном месте — в Крыму или на Востоке, создав для них отдельное государство^[36].

После подавления восстания Григорий Абрамович Перетц был выслан в Пермь, став одним из первых

евреев, поселившихся в этом городе^[37]. Правда, потом он вернулся в Одессу, где в единоверческой Петропавловской церкви 6 июля 1846 года, по прошествии 16 лет со смерти своей первой жены, обвенчался с Елизаветой Антоновой и позже крестил своего сына^[38].

НАРОДОВОЛЬЦЫ ГОВОРИЛИ НА ИДИШЕ

В 1848 году в документах Министерства внутренних дел вновь появляется еврейское имя. Теперь в роли «возмутителя спокойствия» выступает черниговский купец первой гильдии и финансовый консультант Литман Фейгин. Автор анонимного доноса обвиняет его в антиправительственной деятельности. В эпоху правления Николая Первого он был популярен в еврейских кругах своими выступлениями в защиту единоверцев.

А вот первое дело, где оказался замешан иудей, произошло в эпоху Александра Второго. С марта по август 1855 года в Киевском, Звенигородском, Чигиринском, Уманьском и Черкасском уездах Киевской губернии бунтовали крестьяне. Для их усмирения пришлось использовать воинские части. В результате 36 бунтовщиков погибло, 97 было ранено. В ходе расследования выяснилось, что в Тарашанском уезде бывшие студенты Киевского университета — поляк Скавронский и еврей Иосиф Розенталь распространяли среди крестьян прокламации. После поражения восставших Иосиф Розенталь бежал в Галицию, однако австрийским правительством был выдан в Россию и сослан в 1856 году в Сибирь. По приезде в Сибирь Иосиф Розенталь сошелся с проживавшими там петрашевцами.

В беспорядках, организованных студентами в феврале 1860 года в Киевском университете, активное участие приняло два еврея: Кац и Шмулевич. Сначала

их арестовали, а потом освободили. В том же году в Москве был арестован студент Юкельзон, который имел неосторожность в частной переписке сообщить, что в Москве литографируются сочинения Герцена.

В Санкт-Петербурге во время студенческих беспорядков 1861 года были арестованы университетские старосты, носившие тогда название «редакторов» (официально они являлись представителями курсов и факультетов в комиссии, редактировавшей «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета»), В число пяти самых виновных старост попал студент Александр Френкель (сын купца Самуила Френкеля). В качестве меры наказания как «изобличенного дознанием в действиях, обнаруживающих намерение не исполнять предписаний начальства», было приказано «выслать в уездный город отдаленной губернии». Также в списках виновных фигурировала еще пара евреев (Эмануил Шац и студент Иосиф Херкман), но с ними царское правительство поступило мягче — их исключили из университета.

Семья бунтарей

В истории революционного движения семья евреев Утиных занимает особое место. В активной политической деятельности участвовал ее глава Исаак со своими сыновьями — Евгением, Николаем и Борисом. Отец успешно занимался виноторговлей и был далек от политики. Это не помешало ему всю жизнь поддерживать сыновей. Сначала он оплатил их дорогостоящее заграничное образование, затем взял на поруки Николая, а когда тот сбежал за границу, приказал не возвращаться. При этом самого Исаака Утина могли арестовать и разорить. От нищеты старости его спасла милость губернатора. Старик не только остался на свободе, но и продолжил свой бизнес.

Старший сын Борис (1832–1872) сыграл в 1861 году видную роль в качестве одного из наиболее энергичных защитников университетских вольностей «от напора реакции». Воспитанник Дерптского университета, он ездил продолжать свое образование за границу. Вернувшись оттуда, он, опираясь на свои научные труды и на поддержку правоведа и историка Константина Дмитриевича Кавелина, выставил свою кандидатуру в профессора петербургского университета.

Все кафедры были заняты; тогда профессор Петербургского университета Константин Дмитриевич Кавелин предложил учредить новую кафедру всеобщей истории положительных законов. Несмотря на оппозицию факультета, министерство учредило эту кафедру и назначило Бориса Исааковича Утина экстраординарным профессором. Молодой и энергичный преподаватель, он был одним из любимцев молодежи,

выступая ее защитником, сторонником корпоративного устройства студенчества.

Это не мешало ему быть строгим в научных требованиях. К эпохе его университетской преподавательской деятельности относится ряд его ученых работ по юриспруденции, в которых научность сочеталась с злободневностью тем. Он писал «о мировой юстиции и самоуправлении в Англии» (журнал «Современник», 1860 год), о суде присяжных в Англии, о судебной реформе; в связи с популяризацией конституционных начал стояла его работа «О государственном быте Англии» (1862 год).

В марте 1861 года, когда было признано необходимым выработать правила для устройства общеуниверситетского студенческого представительства, он был членом комиссии под председательством Константина Дмитриевича Кавелина, в которой участвовали и представители от студенчества. Осенью 1861 года он, рискуя своей популярностью,

удерживал молодежь от резких выступлений, но когда над студенчеством была учинена расправа, он вместе с профессорами Константином Дмитриевичем Кавелиным, Александром Николаевичем Пыпиным, Михаилом Матвеевичем Стаюлевым и Владимиром Даниловичем Спасовичем покинул университет, который так любил.

В 1862 году он был профессором Вольного Университета и пытался спасти его от закрытия. Последние годы его жизни были посвящены службе в магистратуре. Умер Борис Исаакович Утин в возрасте сорока лет.

Другим видным представителем семьи Утиных, сыгравшим выдающуюся роль не только в студенческом движении 1861 года, но и в революционном движении шестидесятых годов XIX века, был Николай Исаакович

Утин. Подобно своим братьям, вторую половину своей жизни он посвятил работе, далекой от революционной борьбы. Более того, он резко порвал со своим прошлым, посвятив все свое время бизнесу, в то время как его братья продолжали оставаться представителями либерализма.

До осени 1861 года это был очень талантливый студент историко-филологического факультета. Его работа об Аполлонии Тианском была увенчана золотой медалью за ее «глубокую научную основательность», хотя соперником его выступил не кто иной, как Дмитрий Иванович Писарев, получивший за работу на ту же тему лишь серебряную медаль.

Говоря современным языком, в общественную работу Николай Исаакович Утин включился в марте 1861 года. Его избрали в члены студенческого суда, который под руководством профессора Владимира Даниловича Спасовича судил кассира «Студенческого Сборника», некоего студента Бутчика, за растрату. Тогда же его избрали в члены комиссии, выработавшей основные начала студенческого корпоративного устройства. Осенью 1861 года он высказался вместе с другими руководителями студенческого движения за наиболее энергичный протест против отмены университетских «вольностей», и на этой почве резко столкнулся со своим братом-профессором, пытавшимся успокоить молодежь.

Он участвовал в шествии студентов петербургского университета на Колокольную улицу, к попечителю; был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Здесь он написал известный привет в стихах от имени студенчества поэту Михаилу Ларионовичу Михайлову. Последнего осенью 1861 года осудили на шесть лет каторги и пожизненную ссылку в Сибирь за написание и распространению революционных прокламаций «молодому поколению».

Николай Утин в казематах Петропавловской крепости пробыл недолго. После своего освобождения он стал одним из «депутатов», которые распределяли пособия товарищам, выпущенным из заключения, а затем с товарищами был инициатором и распорядителем Вольного Университета в городской думе. Он был автором адреса, который предполагали слушатели Вольного Университета подать министру народного просвещения о возвращении профессора Павлова, сосланного за речь о 1000-летию России.

Хотя этим его антиправительственная деятельность не ограничилась. Николай Исаакович Утин участвовал в распространении прокламаций и поддерживал контакты с Николаем Гавриловичем Чернышевским. Фактически, он регулярно информировал автора романа «Что делать?» о студенческом движении в Российской империи.

Николай Исаакович Утин вместе с публицистом Лонгином Федоровичем Пантелеевым был одним из главных основателей и деятелей университетского кружка, вошедшего составной частью в тайное общество «Земля и Воля». Вскоре после ареста Николая Александровича Серно-Соловьевича кружку пришлось взять на себя роль центра тайного общества. Николай Исаакович Утин вместе с Лонгином Федоровичем Пантелеевым был автором прокламации «К образованным классам», он же редактировал № 1 и 2 журнала, точнее, листка, под названием «Свобода».

С 1862-го по 1864 год из-за студенческих волнений Петербургский университет был закрыт. Несмотря на это, Николай Исаакович Утин не только поддерживал связи с бывшими студентами, но и продолжал заниматься антиправительственной деятельностью. При этом он использовал ресурсы очень большого кружка, известного под именем «петербургской коммуны», во главе которого стояли Судакевич и

Островский. Когда типографии общества «Земля и Воля» стала угрожать опасность провала, то, по распоряжению Николая Исааковича Утина, она была переведена в имение Мариенгаузена Люцинского уезда Витебской губернии, где вольнослушатель петербургского университета Д. Степанов, студент Михаил Вейде и отставной штабс-капитан Жуков отпечатали 300 экземпляров издания «"Земля и Воля" — журнал, издаваемый обществом "Земля и Воля"». Весь тираж был лично уничтожен «заказчиком» из-за плохого качества исполнения.

В феврале 1863 года Николай Исаакович Утин организовал новую типографию в Островском уезде Псковской губернии. Там и были задержаны указанные выше исполнители при попытке напечатать журнал. «Типографы» не только сообщили полиции имя своего руководителя, но и заявили, что он является хранителем печати тайного общества.

Николай Исаакович Утин, заранее предупрежденный о готовящемся аресте, бежал за границу. А место в тюремной камере мог занять его отец, но власти были милосердны не только к старику, но и к его сыну, учитывая деяния последнего за границей.

Если не вдаваться в детали политической жизни российских эмигрантов в Швейцарии в 60—70-е годы XIX века, то главным достижением Николая Исааковича Утина стал раскол в Интернационале (Международном Обществе рабочих, как именовали его иногда чиновники Департамента полиции) и учреждение им «первой русской секции». Фактически во главе русского рабочего движения стал еврей. Другое дело, что марксисты в Российской империи не то чтобы были «страшно далеки от народа», а вообще и о Карле Марксе знали мало. Также он прославился своими склоками с анархистами, интересы которых в Женеве представлял Михаил Александрович Бакунин.

В середине 70-х годов XIX века Николай Исаакович Утин постепенно отошел от политики и занялся бизнесом— выступал в роли торгового представителя российских металлургических компаний. В конце 70-х власти позволили ему вернуться в Российскую империю. Конец жизни он провел на Урале, управляя Сергинско-Уфалейскими горными заводами Гинцбурга.

Третьим представителем семьи Утиных был Евгений Исаакович, родившийся в 1843 году. В Петербургском университете он учился на юридическом факультете. В студенческих беспорядках участвовал менее активно, чем его брат Николай, но все равно попал в Петропавловскую крепость.

В 1862–1863 годах Евгений Исаакович Утин был членом общества «Земля и Воля», хотя особо не проявил себя. Благодаря этому он успешно окончил университет, а затем провел несколько лет за границей, во Франции и Италии. Там он наблюдал политическую жизнь и нравы, изучал литературу и деятельность лучших представителей парламентского и адвокатского мира.

Вернувшись в Российскую империю, он полностью посвятил себя адвокатской практике. Среди его клиентов — множество народовольцев. Участие в политических судебных процессах — вот его вклад в революционное движение [\[39\]](#).

Мы наш, мы новый мир построим

Активное участие евреев в революционном движении началось в 70-е годы XIX века. К концу десятилетия в списке уже значились сотни фамилий. Для большинства единственной целью было освобождение русского народа от гнета царизма. Национальные историки еврейского движения справедливо указывают на то, что почти все русские революционеры этого времени из числа евреев порвали со своей национальностью, растворились в русском движении, счастье и свободу русского народа поставили выше всего, забывая о родном народе и включая трудящееся еврейство в массу русского трудового народа и всемирного пролетариата.

Лишь немногие евреи-социалисты думали, говорили и действовали во имя еврейского пролетариата и обращались к еврейской социалистической молодежи. Большинство из них ассимилировалось с русской разночинной интеллигенцией и об руку с нею пошло на борьбу во имя академической и политической свободы, во имя освобождения трудящихся масс.

Беспорядки 1869 года, охватившие высшие учебные заведения Петербурга, дали антиправительственному движению два имени. Первый — студент Технологического института — Лазарь Гольденберг, второй — студент Медико-хирургической Академии Соломон Чудновский. Оба они были высланы за участие в беспорядках на родину: Гольденберг — в Тамбовскую губернию, а затем в Петрозаводск, а Чудновский — в Херсон.

Оба они сыграли видную роль в движении. Первый летом 1872 года удачно бежал из Петрозаводска за границу. Еще в России он был в тесной связи с кружком

чайковцев, усиленно настаивал на создании популярной народной литературы в духе идей кружка и в Женеве стал во главе вольной русской типографии, печатавшей именно эту литературу. В 1873–1874 годах он напечатал сотни народных брошюр, получивших широкое распространение. Поселившись в 1876 году, после высылки из Парижа, в Лондоне, Лазарь Гольденберг принял участие в основании «Еврейского социалистического Общества», издавшего прокламацию «К еврейской социалистической молодежи», и неизменно помогал своим техническим опытом всем революционным организациям семидесятых—девяностых годов XIX века. В 1892 году он был одним из основателей «Фонда вольной русской прессы» в Лондоне, сыгравшего столь видную роль в русской заграничной прессе. Последний факт из биографии Лазаря Гольденберга выглядит очень пикантно. Еврей, финансирующий русские СМИ.

Соломон Лазаревич Чудновский, сын купца, попал после студенческих беспорядков в Херсон, а оттуда в Одессу. Здесь он стал одним из виднейших представителей кружка Волховского, имевшего теснейшую связь с чайковцами в Петербурге, ездил в Вену и Швейцарию, вошел в сношения с Петром Лавровичем Лавровым, организовал транспорт нелегальных изданий, и в начале 1874 года, преданный контрабандистом Симхой, был арестован и приговорен к пятнадцати годам ссылки. В 1905 году примкнул к кадетам.

Хождение евреев в русский народ

В популярном среди российских революционеров «хождении в народ» участвовали не только русские, но и евреи.

Среди ярких личностей 70-х годов XIX века следует отметить Марка Андреевича Натансона. Он родился в 1850 году в еврейской купеческой семье. Учился в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге и в конце 60-х годов XIX века основал вместе с Николаем Васильевичем Чайковским тот кружок, который сыграл ключевую роль в революционном движении 70-х и по справедливости может быть назван столько же кружком Натансона, сколько и кружком Чайковского.

В 1871 году Марка Андреевича Натансона выслали сроком на пять лет в административную ссылку в Архангельскую губернию. Оттуда он призывал оставшихся на свободе народовольцев объединиться «в одно стройное целое». Досугом в ссылке он воспользовался для подготовки такого рода, «чтобы, — как писал он, — куда бы ни забросила меня судьба, я мог высоко держать знамя народного дела».

Вернувшись в 1876 году из ссылки после разгрома 1874–1875 годов, он из уцелевших «чайковцев» и других народившихся к тому времени групп создал основное ядро новой мощной организации, принявшей затем название «Земля и Воля».

На свободе он находился недолго. Летом 1877 года его арестовали и после заключения в Петропавловской крепости отправили на десять лет в Восточную Сибирь. Освободившись в начале девяностых из заключения, Марк Андреевич Натансон избрал местом жительства Саратов, где снова сумел сплотить разрозненные общественные элементы.

В Орле, а затем в Санкт-Петербурге, он продолжал свою организационную деятельность, объединяя оппозиционные элементы во имя борьбы за конституцию. Партия «Народного Права» была создана его исключительными усилиями. В 1894 году он арестовывается при разгроме этой организации. После длительного заключения в Петропавловской крепости Марк Андреевич Натансон высылается на пять лет в Восточную Сибирь.

При возникновении в 1902 году партии эсеров он вступает в ее ряды и активно работает как член ЦК. В 1917 году он — один из руководителей партии левых эсеров. В 1918 году примыкает к партии большевиков. Через год, в возрасте семидесяти лет, он умирает в Швейцарии.

В семидесятые годы XIX века в городах черты оседлости, в среде молодежи, готовившейся в равнины, все больше и больше распространялись мысли из студенческих и семинарских кружков — идеи братства и свободы, борьбы за освобождение трудящихся масс. Для неофитов нового учения открывался мир, далекий от окружающей среды.

Брожение шло повсюду: в Вильне, Минске, Могилеве, Киеве и Одессе. Это движение дало революции ряд видных участников-евреев. Уже в 1870 году студент А. Финкельштейн должен был бежать из Вильны за границу, так как полиция начала расследование дела об организации тайной тенденциозной библиотеки в раввинском училище и распространении противоправительственных книг среди интеллигенции.

Этот Финкельштейн, живя в Кенигсберге, оказал немало услуг русским революционерам при переправке через русскую границу как беглецов из России, так и транспорта с книгами в Россию. В 1872 году в Вильне образовался тайный кружок, занимавшийся чтением

запрещенных книг, вступивший в сношения с чайковцами в Петербурге и распространявший соответствующую литературу среди интеллигенции. Членами кружка были: Аарон Зунделевич, Аарон Либерман, В. И. Иохельсон, Борель и некоторые другие. 30 июня 1875 года кружок подвергся разгрому, Аарон Либерман бежал за границу, Аарон Зунделевич скрылся и перешел на нелегальное положение. Но начатое дело продолжалось, и в 1876 году благодаря сыщику Глобусу и предателю Дискеру Вольфзону кружок в Вильне подвергся новому разгрому. Арестовали около сорока человек. Независимо от вильненского кружка возникали революционно-настроенные кружки и в других городах.

Часто эти кружки были оторваны от общерусского движения, и лишь отдельные личности из членов кружков вошли в историю. В Могилеве подобный кружок был создан гимназистами Павлом Борисовичем Аксельродом (будущий основоположник марксизма в России и лидер меньшевиков) и братьями Левенталь, которые продолжали свою работу и в Киеве, в университете. Там же, в Могилеве, порвал связи со старым миром, с местом раввина, уже для него приготовленным, с отцом и женою, молодой Лейзер Цукерман.

С 1875-го по 1879 год он провел в Берлине, Вене и Женеве, работая в качестве наборщика в революционных типографиях. Талантливый поэт и беллетрист, он много писал на идише и иврите, был одним из главных тружеников еврейского революционного журнала «Правда», издававшегося Аароном Либерманом. Лейзер Цукерман ни минуты не колебался, когда осенью 1879 года Аарон Зунделевич пригласил его работать в тайную типографию «Народной Воли».

При попытке полиции ликвидировать типографию в январе 1880 года ее работники оказали вооруженное

сопротивление. Во время следствия Лейзер Цукерман отказался от показаний, чтобы не повредить кому-либо, хотя его вина заключалась только в печатании «Народной Воли».

На суде он искренне заявил, что он «социалист, но не революционер» и что он «ни разу в жизни не держал револьвера в руках». Это была правда. Тем не менее, суд приговорил его к смертной казни, как и Аарона Зунделевича, заменив ему казнь восьмилетней каторгой. Попав в Якутскую область после Карийской каторжной тюрьмы, Лейзер Цукерман с первой же весной покончил с собой, бросившись в Лену.

Арон Либерман, скрывшийся с Аароном Зунделевичем, Вайнером и Иохельсоном из Вильны при ликвидации революционного кружка в 1872 году, стал центральной фигурой еврейского революционного движения в России. Он родился в 1848 году в городе Луна Гродненской губернии в семье учителя еврейского языка, а после окончания ешибота учился с Аароном Зунделевичем в раввинском училище и вынес оттуда, подобно однокашнику, лютую ненависть к еврейскому раввинизму.

Во время суда над ним в Берлине на вопрос о вероисповедании он ответил: «Никакого. Но я имел несчастье родиться евреем». Во время деятельности в Вильне (он служил там управляющим агентства «Двигатель») он стал поклонником Петра Лавровича Лаврова и, когда последний начал издавать в Лондоне журнал «Вперед», стал его сотрудником.

В отличие от других членов кружка, которые считали своей главной задачей «хождение в народ», т. е. работу среди русского крестьянства, Арон Либерман смотрел на работу среди евреев «не только как на способ вербовки сил для российской революционной армии, но и как на средство поднять национальное самосознание еврейства, культурно-

национальные особенности которого он ценил очень высоко в ряду прогрессивных факторов в деле развития человечества».

Проект пропаганды на идише или иврите не успел осуществиться — произошел провал. Аарон Либерман получил в Кенигсберге рекомендательное письмо к Петру Лавровичу Лаврову от студента А. Финкельштейна и работал в редакции «Вперед» в качестве сотрудника и в типографии в качестве наборщика. В Лондоне Либерман (при участии Гольденберга, бывшего товарища по технологическому институту, соратника по журналу «Вперед») организовал «Еврейское Социалистическое Общество», читал вместе с ним политико-просветительные рефераты и выпустил первую социалистическую прокламацию на еврейском языке: «К еврейской молодежи» за подписью «народные доброжелатели из дома Израиля».

В ней он призывал еврейскую интеллигентную молодежь на помощь к еврейскому пролетарию. Но и этот наиболее национальный еврейский революционер писал в журнале «Вперед»:

«Русский мужик — наш брат; для нас, социалистов, нет ни национальностей, ни расовых разделений; все мы, живущие в России — русские; у нас одни интересы и одни обычаи. Мы — русские. Соединимся же все против врагов во имя равенства и братства».

С апреля 1877 года Аарон Либерман поселился в Вене, где издавал журнал «Правда» («Гоэмес») на иврите. В феврале 1878 года он был арестован в Вене при попытке отправить через Краков в Россию русскую революционную литературу. Его судили в ноябре 1878 года как «русского нигилиста», организовавшего «этап между Женевой и Россией». Суд признал его виновным лишь в проживании по «фальшивому» паспорту (он именовал себя Артур Фриман). Затем его выдали в

Пруссию, чтобы судить в Берлине по так называемому «делу русских нигилистов». Здесь были арестованы, на основании переписки, изъятой при обыске у Аарона Либермана, студенты-евреи из России — Г. Гуревич, М. Аронзон и некоторые другие.

Русско-еврейское студенчество в Берлине оказывало большие услуги по транспортированию революционной литературы в Россию, информировало немецкую социалистическую печать о русских событиях и т. д., но не участвовало в немецкой политической жизни. Тем не менее, Либерман, Гуревич и Аронзон были приговорены к срокам от года до 6 месяцев и к изгнанию из Пруссии навсегда.

Во время процесса открылось, что Аронзон был родом из Могилева, вел пропаганду сначала там, а затем вместе с Гуревичем, живя в Киеве в течение двух лет, принимал там активное участие в русском революционном движении.

Так как причиной провала берлинской группы послужила неосторожность Аарона Либермана, сохранявшего всю переписку, то товарищи по процессу предложили ему переселиться в Америку. Это так подействовало на Аарона Либермана, что он вскоре по приезде в Нью-Йорк застрелился. Гуревич вернулся потом в Россию, а Аронзон эмигрировал в Северную Америку.

В Минске студентом технологического института Шварцем (он же Рабинович) была начата социалистическая работа среди рабочих. Шварц начал работать в 1875 году в кузнице, но вскоре был схвачен, сослан в Вятскую губернию. Из ссылки он эмигрировал в Нью-Йорк. За ним явился студент Киевского университета Моисей Веллер, работавший среди столяров. Ему вскоре пришлось бежать в Женеву.

Хождение в народ было прервано многочисленными арестами, начавшимися 31 мая 1874 года в Саратове.

Согласно официальным данным российской полиции, по этому делу проходило 770 обвиняемых, из них 612 мужчин и 158 женщин. Не смогли разыскать 53 человека. Под стражей содержались 265 человек. Из них 70 человек погибло во время следствия длившегося четыре года. В результате на скамье подсудимых оказались 196 человек, потом их число сократилось до 193, поэтому в историю суд над ними вошел как «процесс 193». И заканчивая сухие статистические выкладки, отметим, что среди подсудимых было 9 евреев или 4 %. Назовем поименно этих людей. Это были Соломон Аронзон, Моисей Абрамович Рабинович, Лейзер Абович Тетельман, Исаак Павловский, Михаил Николаевич Кац, Семен Корабельников, Эдель Владимировна Пумпянская, знакомый нам Соломон Лазаревич Чудновский и контрабандист Мойша Вульф Эдельштейн.

Начнем наше знакомство с подсудимыми с ренегата. Двадцатитрехлетний студент Медико-хирургической академии, мещанин Моисей Абрамович Рабинович после своего ареста активно сотрудничал со следствием и дал показания на десятки других народовольцев. Он был членом кружка Ф. Н. Лермонтова, который, выйдя из кружка «чайковцев», основал с благословения Бакунина свой кружок, в который принял Моисея Абрамовича Рабиновича. Последний проявлял большую энергию и был настолько опытным агитатором, что представлялся большинству имевших с ним дело зрелым человеком. Согласно официальной версии, он «задумал надуть жандармов своим мнимым предательством и, выйдя на волю, продолжать свою революционную деятельность... Он предал только людей, которые, по его мнению, почти совпадавшему с действительностью, уже были скомпрометированы». Нам же видится причина в профессиональной работе жандармов, сумевших обыграть самонадеянного революционера. Суд учел его

активное сотрудничество со следствием и вынес ему относительно мягкий приговор— лишение всех прав и ссылка в Иркутскую губернию. В Сибири он, не вынеся душевных мук, сошел с ума.

Соломон Аронзон, которого обвинительный акт именовал мещанином, был студентом Медико-хирургической академии и обвинялся в принадлежности к кружку «оренбуржцев», организованному Голоушевым в Петербурге. Раньше он работал в кружке студентов Медико-хирургической академии Вейнбаума (осень 1873 года), но кружок распался. По показанию студентатехника Гвоздева, Соломон Аронзон производил вместе с ним опыты создания печатного станка.

Он был послан кружком на Волгу, с двумя тюками нелегальной литературы, в Самаре тщетно искал адресата, вынужден был бросить тюки и уехать в Оренбург. 23 августа 1874 года он оставил в Казани на квартире уже арестованной Веревопкиной записку, неосторожно подписанную своим именем, и вечером был арестован. Приговор суда был мягким — административная ссылка.

Студент Медико-хирургической академии, купеческий сын Лейзер Абович Тетельман оказался среди участников «процесса 193» из-за женщины. В обвинительном акте говорилось о его связях с киевской «коммуной». Выяснилось, что он был знаком с Екатериной Константиновной Брешковской, затем знакомство их перешло в интимную близость, и, приезжая в Санкт-Петербург, любовница останавливалась у него.

Лейзеру Абовичу Тетельману ставили в вину поездку в село Горяны Мглинского уезда, где он с Екатериной Брешковской якобы хотел воспользоваться доверчивостью помещицы для приобретения средств от продажи ее имения на революцию. Из Горян он поехал в

Киев, где был известен в «коммуне» под именем Коли. Во время начавшихся арестов обвиняемый помог бежать двум народовольцам, но слишком поздно явился на выручку подруги. Также в вину ему ставилась организация в Киеве вечера в пользу политических заключенных.

В тюрьме он заболел туберкулезом. Во время суда болезнь достигла последней стадии, также он жаловался на цингу, язву желудка и т. п. Его освободили в зале суда. Через пять дней он умер.

В принадлежности к харьковскому кружку обвинялся Михаил Николаевич Кац. Харьковский кружок возник весной 1874 года, когда в Харьков приехал один из инициаторов «хождения в народ» — Сергей Филиппович Ковалик (будущий участник «процесса 193»), На организованных им собраниях, преимущественно семинаристов, присутствовал и студент Харьковского университета Михаил Николаевич Кац. Последний поддержал оратора и стал членом созданного приезжим кружка. Затем Кац уехал в Екатеринославскую губернию изучать кузнечное ремесло и добыть денег для кружка. В ноябре 1873 года он присутствовал в Киеве на съезде кружка «сен-жебунистов» (свое название получил по фамилии руководителя — Сергея Александровича Жебунева, участника «процесса 193»), где было решено группами расселиться по России.

Михаил Николаевич Кац получил место учителя сначала в Кошарах, а потом в селе Великий Самбор Конотопского уезда. Хотя преподавал он недолго. Летом 1874 года «педагог» переехал в Одессу, где жил с Сергеем Александровичем Жебуневым, зарабатывая на жизнь бондарным ремеслом. На суде выяснилось, что в Черниговской губернии у него была кузница, в которой работали революционеры,

В 1875 году Михаил Николаевич Кац бежал в Румынию, откуда был увезен обманном образом в Россию, приведен в Петропавловскую крепость, доставлен на суд по «делу 193», отказался присутствовать на суде. Его приговорили к административной ссылке «за участие в пропаганде». Из нее он бежал 24 июня 1879 года. На норвежском пароходе из Архангельска перебрался в Вадзе. Шведское правительство не выдало его, но III Отделение организовало за ним наблюдение, так что когда Михаил Николаевич Кац прибыл в Париж, то агенты, следовавшие за ним по пятам, немедленно сообщили об этом факте в русское посольство. Почти сразу же Российская империя потребовала выдать беглого ссыльного. Эмигрант успел перебраться в Румынию, где под именем Геря-Доброджану принимал активное участие в румынской культурной жизни и литературе, оказывая помощь русским эмигрантам. Умер он на чужбине в 1884 году.

Студент Медико-хирургической академии Исаак Павловский обвинялся в организации революционного кружка в Таганроге. Хотя кружок функционировал и в Санкт-Петербурге. В городе на Неве среди членов общества числились его брат Аарон, слушательница акушерских курсов Эйдели Пумпянская (проходила по «процессу 193»), студенты-медики Зубков и Иванишевич. Этот кружок имел свои «каналы» связи с эмиграцией, а также занимался ввозом и распространением революционных изданий.

Летом 1874 года в Таганроге Исаак Павловский организовал кружок, члены которого изучали революционную литературу.

На следствии вскрылась полностью деятельность Павловского по перевозке книг через посредство контрабандиста Мойши Вульфа Эдельштейна. Он тоже проходил в качестве обвиняемого по «делу 193».

Исаак Павловский был приговорен к трем месяцам тюремного заключения заочно. Основная причина — он активно сотрудничал со следствием. Вот только от революционной деятельности он отошел позднее, да и после суда никак не проявил себя.

В связи с Исааком Павловским судился по «делу 193» ученик харьковского железнодорожного училища Семен Корабельников, которого привлекла к революционной деятельности одна из руководительниц таганрогского кружка А. Андреева, советовавшая учащемуся пропагандировать среди рабочих, ехать на практику поближе к Таганрогу. На суде выяснилось, что товарищи «гнали его за то, что он — еврей», а он «смеялся над русским народом, что небрежность наблюдает в избах». Говорил: «не понимают ничего, не учены, вот поэтому и обманули помещики землей», что за границей лучше: «нема царя там, само общество управляется». Семен Корабельников был оправдан.

Точно так же признали невиновной слушательницу акушерских курсов, виленскую мешанку Эйдель Владимировну Пумпянскую, причастную к переписке Исаака Павловского с заграницей. Роль ее в деле была незначительна, но и то, что она судилась по «делу 193», являлось в глазах власти таким явным признаком неблагонадежности, что во времена «панютинского» террора в Одессе в 1879 году генерал-губернатор выслал ее из Одессы в северо-восточную губернию.

Не все из обвиняемых попали на скамью подсудимых. Брат Исаака Павловского, Аарон, именуемый в обвинительном акте «не окончившим курса гимназии», был арестован по делу таганрогского кружка; выпущенный на свободу, скрылся, а в 1877 году эмигрировал сначала в Марсель, а затем в Буэнос-Айрес. Аарон Павловский, несомненно, был не менее брата виновен в распространении революционной литературы.

В связи с еврейскими революционными кружками эмигрировал в 1873 году Самуил Клячко, долго живший затем в Париже и в Вене. От внимания полиции ускользнула роль, сыгранная студенткой Анной Михайловной Эпштейн, через которую виленский кружок начала семидесятых годов XIX века вступил в связь с чайковцами.

Точно также неоткрытой осталась деятельность студента выпускного курса Медико-хирургической академии Л. Гинзбурга, который в период 1873–1875 годах был в Петербурге агентом журнала «Вперед». Между ним и участником «процесса 193» Моисеем Абрамовичем Рабиновичем, который был агентом по распространению бакунинских изданий, происходили всегда ссоры из-за пути, по которому шли транспорты с литературой.

Из виленского кружка, кроме Аарона Зунделевича и Аарона Либермана, эмигрировали Вайнер и Владимир Иохельсон (он же Вениамин Голдовский). Бежавший в Германию, он работал на машиностроительных заводах в качестве токаря по металлу, вернулся нелегально в Россию в июле 1878 года, участвовал в подготовке убийства шефа жандармов— генерал-адъютанта Николая Владимировича Мезенцева. Мотивом расправы послужило то обстоятельство, что жандарм убедил императора Александра II не смягчать приговор осужденным на «процессе 193». Также он участвовал в организации побегов за границу и доставке из Санкт-Петербурга в Москву нелегальной литературы. В 1879 году в городе на Неве он работал в народовольческой типографии в качестве наборщика и занимался перевозкой и распространением нелегальной литературы. В начале восьмидесятых годов XIX века он перебрался в Женеву, где работал в типографии «Народной Воли».

23 сентября 1885 года Владимир Иохельсон был арестован на прусской границе в Ковенской губернии и после трехлетнего заключения сослан административно на десять лет в Восточную Сибирь. Эти годы он прожил в Средне-Колымском округе, изучая быт инородцев.

Прошло немного времени после арестов, которые привели к «процессу 193», когда в Москве, Туле и Иваново-Вознесенске полиция обнаружила лиц, которые вели революционную пропаганду среди рабочих на фабриках. В историю это дело вошло как «процесс 50».

В этом деле обвиняемых можно условно разделить на три группы: кавказская молодежь, студентки цюрихского университета, которым правительство воспрепятствовало учиться в Цюрихе, и рабочие. Среди цюрихских студенток была одна еврейка— Бетти Каминская. Родом из Мелитополя, из купеческой семьи, она в 18 лет поехала в Цюрих, куда стремились русские девушки.

Здесь она стала членом знаменитой группы сестер Фигнер, Бардиной, сестер Любатович и многих других. Мысль о работе на благо пролетариата в среде рабочих и в качестве рабочих, владевшая всем кружком, охватила и ее. Осенью 1874 года она вернулась в Россию, а 3 апреля 1875 года ее арестовали.

За это время она работала сначала на тряпичной, а потом на суконной фабрике, в отвратительных условиях, с 4 часов утра до 8 часов вечера: таскала тяжкие тюки, мыла полы и полоскала на речке белье. В таких ужасных условиях она находила время и силы вести пропаганду, работать на пользу того дела, которому посвятила себя. В своем увлечении пропагандой Бетти Каминская доходила до какого-то экстаза.

Ей удалось составить из рабочих небольшой кружок. Но при всем своем удивлении умом и «грамотностью»

рабочие ни на минуту не заподозрили происхождения своей руководительницы.

Судьба ее после ареста сложилась трагически. Во время следствия, через два месяца тюремного заключения, у нее начались серьезные проблемы с психикой. Через восемь месяцев она вышла на свободу. Чтение отчетов о судебном процессе над ее товарищами спровоцировало самоубийство. Она отравилась и после трех суток мучительной агонии умерла.

Другой участницей группы, осужденной по «делу 50», была мозырская мещанка Геся Мироновна Гельфман, окончившая курс акушерства. В вину ей ставилось содержание конспиративной квартиры в Киеве и ведение секретной переписки. Высланная административно по окончании срока в Старую Руссу, она сбежала оттуда в 1879 году и отдалась исключительно революционной работе в партии «Народной Воли», исполняя обязанности хозяйки конспиративной квартиры. Принимала активное участие в подготовке покушения на императора Александра Второго. Была арестована и приговорена к смертной казни. В связи с беременностью казнь отменили. Умерла в заключении в 1882 году.

В тесной связи с «фричами», цюрихскими студентками, которые затем приняли участие в «деле 50», была за границей Дора Аптекман, студенткамедичка в Цюрихе. Она принадлежала к тому же кружку, но вместе с В. Н. Фигнер осталась за границей, кончила в Берне курс и по возвращении в Россию поддерживала связи с революционерами^[40].

«Хулиганы» у Казанского собора

Разгром народовольческих организаций на некоторое время охладил пыл революционеров. Хотя затишье длилось недолго. Первая крупная акция состоялась 6 декабря 1876 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Русская и еврейская молодежь решила провести панихиду по умершим во время следствия по «делу 193». Напомним, что тогда до суда не дожило семьдесят человек.

Полиция привлекла к ответственности за участие в этой акции 21 человека, из них — 5 евреев. Это были студенты Медико-хирургической академии Александр Николаевич Бибергаль и Яков Ефимович Гурович, сын купца Семен Львович Геллер, мещанин Ефим Захарович Новаковский и дочь купца Фелиция (она же Фейга) Исаковна Шефтель.

При личном досмотре у Александра Николаевича Бибергалья полицейские изъяли стихи антиправительственного содержания. В них говорилось о «рабочих, возвращающихся после трудов на родину, где ожидает их всех старая бедность и больные в отрепьях дети. Один из пришедших, обращаясь к товарищам, говорит: пора перестать работать на врагов, бояр и попов, пора рабочей семье соединиться и перестать кормить своих злодеев».

Автор, нагло глядя на стражей порядка, упорно твердил, что сочинил это произведение «для курьеза» и никому не показывал. На суде, в ответ на обвинение в составлении стихотворения, направленного к возбуждению бунта, Александр Николаевич Бибергаль счел «столь малозначительным это обстоятельство, что даже возражать не пожелал». Вот только суд признал, что эти «стихи возмутительного содержания» могли

служить связью между интеллигентами, студентами и медиками

3-го курса и юным рабочим (Потаповым), который поднял знамя «Земли и Воли» после речи оратора. Стихотворца приговорили к пятнадцати годам каторжных работ за «дерзостное порицание установленного законами образа правления, участие в сопротивлении полиции» и «сочинение преступных стихов».

Отличилась и шестнадцатилетняя Фелиция (Фейга) Исаковна Шефгель. В обвинительном акте отмечалось: «...видя, что полиция уже извещена о происшествии, и слыша учащенные призывные свистки городских, некоторые из толпы начали кричать: "братцы, идите плотнее расходитесь; кто подойдет, тот уйдет без головы"; призыв этот, сочувственно принятый всеми, выдвинул вперед молодую женщину, блондинку, с распущенными косами, которая кричала "вперед, за мной"...». Молодежь сплотилась еще теснее, и только у памятника Кутузову началась свалка, в которой девушке были нанесены жестокие побои, порвано платье и т. д. Свидетели-полицейские заявили, что эта девушка была Шефтель и что при задержании она «дралась и била околоточного». Обнаружилось, что Шефтель училась в житомирской гимназии, незадолго перед 6 декабря приехала в Петербург, чтобы готовиться на медицинские курсы.

Очень подозрительным показалось прокурору то обстоятельство, что оказались знакомыми между собой Шефтель, студент Яков Ефимович Гурович и Хаим Залманович Новаковский. Последний был женат на сестре Гуровича (Софье), а Шефтель жила в квартире Гуровича. Отрицая на следствии преднамеренность своего присутствия в соборе («ходила смотреть, как православные молятся»), обвиняемая на суде признала это, сказала, что «может быть», сопротивлялась

полицейской, но не помнит, наносила ли удары. Суд полностью признал ее вину, но ввиду ее несовершеннолетия и чистосердечного признания приговор — 6 лет 8 месяцев каторги — был заменен ссылкой на жительство в Тобольскую губернию. После шести лет ссылки она вышла замуж за ссыльного и бежала с ним 21 июля 1882 года из города Кургана. Это была одна из самых юных государственных преступниц, если не считать другой еврейки — дочери помощника аптекаря четырнадцатилетней (на момент совершения преступления) Виктории Леонтьевны Гуковской, приговоренной к смертной казни^[41].

Она была арестована за участие в беспорядках в Одессе в 1878 году. Тогда в рукопашной схватке сошлись возмущенные суровым приговором (смертная казнь) революционеру Ивану Ковальскому и его сподвижникам горожане и полицейские. Приговор был справедливым. При аресте 30 января 1878 года революционеры оказали вооруженное сопротивление властям. Вина девушки — она первая закричала на всю улицу, оповещая собравшуюся толпу: «Ковальскому — смертная казнь! Ковальскому — смертная казнь!». Крик подхватили и разнесли по всей площади. Внезапно он сменился возгласами: «Долой палачей! Долой смертную казнь! Убийцы! Мерзавцы!». Это спровоцировало толпу на агрессию в отношении стражей правопорядка. Казаки и полицейские попытались рассеять толпу зевак и сочувствующих осужденным. Во время этой процедуры солдат случайно ударил прикладом пятилетнего мальчика. Свидетелем этого стал еврей Самуил Виттенберг, наблюдавший за происходящим. Иудей выхватил револьвер и застрелил русского солдата. Началась перестрелка. В результате погибшие и раненые были с обеих сторон. Теперь понятно, почему арестовали Викторину Гуковскую.

В вину ей вменялось не только активное участие в беспорядках, но и революционная деятельность. Уйдя из дома, она вместе с восьмью еврейскими юношами и девушками поселилась в коммуне в комнате на Молдаванке. В июле 1879 года, вместе с семьей евреями, она проходила по «делу 28» и была приговорена, как и они, к смертной казни. Однако казнили только пятерых. Остальным осужденным смертная казнь была заменена каторгой и ссылкой в Восточную Сибирь. Покончила жизнь самоубийством в марте 1881 года [\[42\]](#).

«Земля и воля» по-еврейски

Уже летом 1876 года началась работа по воссозданию разрушенной организации. Уцелевшие кружки объединились осенью 1876 года в тайное общество «Земля и Воля». Члены организации попытались основать свои «поселения», чтобы вести пропаганду в народе, но, столкнувшись с беспощадными репрессиями, перешли в 1878-1879 годах на путь террора.

Главным организатором общества стал будущий член ЦК партии эсеров Марк Андреевич Натансон. В «основной кружок» «Земли и Воли» вошли, кроме него, следующие евреи: известный уже нам Аарон Зунделевич (Мойша) и два студента Медико-хирургической академии Александр Абрамович Хотинский и Осип Васильевич Аптекман.

Марк Андреевич Натансон был арестован в июне 1877 года, а Аарон Зунделевич, Александр Хотинский и Осип Аптекман неизменно работали в «Земле и Воле» до ее распада на «Народную Волю» и «Черный Передел».

В начале 1878 года они стали членами так называемого «Большого Совета». В «основном кружке» евреев было всего лишь четверо из двадцати пяти членов, а в «Большом Совете» — трое из семнадцати. Видную роль сыграл в начале 1879 года Григорий Гольденберг. Имя Осипа Васильевича Аптекмана также часто встречается в исторической литературе. Мало известно о деяниях Александра Абрамовича Хотинского. С него мы и начнем.

Он родился в еврейской семье, учился в Медико-хирургической академии, был уже на четвертом курсе, но, увлеченный «хождением в народ», покинул

академию, отправился в Ростов-на-Дону, оттуда в Мелитопольский уезд. Здесь брат его держал почту между Мелитополем и Бердянском.

По просьбе Александра брат его засеял 10 десятин (десятина— мера площади, равная 1,09 гектара) хлебом, который убирали летом 1876 года члены ростовского земледельческого кружка, учившиеся здесь крестьянскому труду. Задумав затем перейти от летучей, мимолетной пропаганды к агитации на почве народных интересов, Александр Хотинский сдал в Харькове экзамен на фельдшера и воспользовался своим дипломом для службы в качестве фельдшера в Симбирской губернии.

Народ он не идеализировал. «Надо работать в народе, для народа, потому что для нас иного пути быть не может. Может быть, нашей работой, прежде всего, воспользуется буржуазия — пусть! Мы должны идти своей дорогой». Не уклонялся он и от участия в опасных акциях. Например, в нападении на полицейских с целью освобождения других революционеров.

В 1880 году он покинул деревню и эмигрировал за границу, где и умер в 1884 году от туберкулеза.

Активным членом «Земли и Воли» был Иосиф Васильевич Аптекман. Студент-медик, сперва в Харькове в 1869–1871 годах, потом в Санкт-Петербурге, осенью 1874 года он принял участие в беспорядках по поводу профессора Пиона, был заключен в Литовский замок, но потом вместе с товарищем освобожден. Вместо сдачи выпускных экзаменов и будущей научной карьеры он решил «идти в народ».

Весной 1874 года Иосиф Аптекман приехал к знакомому нам Михаилу Николаевичу Кацу, в его кузнечную мастерскую на юг России, пытался там работать, но оказался физически непригодным; к тому же соседнее «поселение» Сен-Жебуневых оказалось разгромленным, и пришлось уехать. После этой неудачи

они вместе с Александром Абрамовичем Хотинским решили ехать фельдшерами в деревню.

Иосиф Аптекман попал в Псковскую губернию, в больницу при общине сестер милосердия, устроенной княгиней М. М. Дондуковой-Корсаковой. Пропаганда в этой местности имела для него роковое значение: проповедуя революционный социализм девушке, возражавшей ему текстами из Евангелия, Иосиф Аптекман попытался обосновать свои взгляды евангельскими текстами, он искренне увлекся Евангелием, и в нем совместились реально-социалистическое мировоззрение с евангелически-христианским. Иудей Иосиф Аптекман принял православие.

Затем он трудился фельдшером и пропагандистом в Пензенской губернии. В 1876 году Иосиф Аптекман был одним из основателей «Земли и Воли», участвовал в выработке ее программы, заводил связи для партии в Тамбовской и Саратовской губерниях. Весной 1878 года он высказался, вопреки мнению знакомого нам Аарона Зунделевича, против печати конституционных прокламаций. Руководил студенческими беспорядками в Медико-хирургической академии в 1878 году.

После раскола «Земли и Воли» он был одним из виднейших членов «Черного Передела». Тщетны были его попытки привлечь симпатии молодежи к работе в народе, безрезультатны его речи на сходках в ноябре и декабре 1879 года. Молодежь говорила: «Чернопередельцы — убежденные люди, но убедительности в них мало. Они беззаветно преданы народу, но они сами как будто изверились в него».

Иосиф Аптекман был одним из редакторов журнала «Черный Передел», и в № 1 этого издания напечатал свое «Письмо к бывшим товарищам». В нем он резко критиковал террор, дворцовые заговоры, борьбу за политическую свободу без участия народа, называл

«конституцию» общественным пирогом, на который набросятся хищные акулы; предсказывал, что в Земский Собор попадут «барин», «хозяйственный мужичок», буржуазия, но не народ; и призывал к работе в народе, к организации народной партии на почве конкретных народных интересов.

Он звал «бывших товарищей» идти с народом во имя народа и делать все при посредстве самого народа. Попытка Иосифа Аптекмана оказалась тщетной. Именно в это время его «бывшие товарищи», поддерживаемые сочувствием интеллигенции, бросились в неравный бой во имя народа, но при посредстве одних лишь своих сил. Арест типографии «Черного Передела» 22 января 1880 года повлек через два дня арест и самого Иосифа Аптекмана.

После заключения в Петропавловской крепости, а затем в Вышневолоцком каторжном центральном Иосиф Аптекман в 1881 году был административно сослан в Якутскую область, где жил с Марком Натансоном. В 1886 году срок пятилетней ссылки кончился. Иосиф Аптекман вернулся в центральную Россию, получил звание врача, но уже в 1890 году снова принял живое участие в политическом движении.

Еще одно еврейское имя в списке активных членов «Земли и Воли»— Лев Маркович Зак. Был арестован в начале 1879 года за участие в землевольческом кружке на Волге и южном Урале, был административно сослан в Енисейск, по дороге, в июле 1879 года, пытался бежать, но вскоре был пойман, переведен за это в Якутскую область.

Но и здесь, в Верхоянске, он повторил свою попытку — и снова неудачно, перенеся массу лишений. Вернувшись в центральную Россию только в 1886 году, он принял активное

участие в пропаганде среди еврейского пролетариата города Минска, причем, несомненно,

действовал уже в духе социал-демократии. Весной 1888 года он снова был арестован в Минске и сослан в Якутскую область, откуда вернулся уже в 1896 году.

Бунтари семидесятых

Наряду с деятелями центральной организации «Земли и Воли» нужно упомянуть и о тех евреях, которые принимали участие в революционном движении 1877-1879 годов, до возникновения «Народной Воли». Так, в 1879 году, в ходе расследования убийства харьковского губернатора князя Д. Н. Кропоткина членом харьковского кружка «Народной воли» евреем Григорием Гольденбергом, полиция обратила внимание на сестру Александра Абрамовича Хотинского, фельдшерицу Елизавету Абрамовну Хотинскую и ее приятельницу, фельдшерицу Розу Файнзильберг.

Обе фельдшерицы принимали участие в донском (ростовском) кружке с 1874 года, а затем оказались причастными к черниговскому кружку 1878 года. В частности, внимание полиции было привлечено тем обстоятельством, что Елизавета Абрамовна Хотинская перед самым убийством губернатора спешно крестилась, обвинчалась затем с членом организации «Земля и Воля» Никандром Мошенковым и уехала затем из Харькова.

Следы супругов отыскались осенью в Тамбовском «поселении», причем мужа арестовали, а она не только скрылась сама, но и помогла бежать одному из членов Тамбовского «поселения». В начале 1880 года Елизавета Хотинская эмигрировала в Швейцарию, где и жила в Кларане.

Также еврейские фамилии часто встречаются в показаниях арестованных в 1879 году революционеров. Эти люди ничем себя ярко не проявили, поэтому мы не будем даже называть их имена.

Из «громких» дел следует отметить задержание 21 ноября 1878 года на Николаевском вокзале в Санкт-Петербурге студента московского университета Льва Григорьевича Левенталя, который вез в Москву продукцию «петербургской вольной типографии». У него изъяли: 74 экземпляра брошюры «Заживо погребенные», 9 экземпляров— «Правительственная комедия», 18 штук брошюр «Убийство шефа жандармов», 138 экземпляров— «Выигрыши войны», 4 экземпляра «Земли и Воли» и т. д. А также директивное письмо о необходимости материальной поддержки заграничных типографий и организации подпольного книгоиздания в Российской империи. Курьер также вез черновик ответа на распоряжение из-за границы. Он был написан в форме рассуждения «Нужна ли нам типография». Арестованный нагло утверждал, что приехал 10 ноября «посмотреть Петербург», и нелегальные издания даны ему незнакомцем, который продиктовал ему и письмо и т. д. Суд приговорил его к шести годам каторжных работ. Из заключения он освобожден только в 1898 году и затем работал в земской статистике.

Осенью 1879 года были арестованы в Санкт-Петербурге студент И. Гурвич с сестрою. Гурвич был землевольцем, а затем примкнул к чернопередельцам. В 1880 г. он был сослан административно в Сибирь на пять лет. Летом 1885 года вернулся из Сибири и поселился в Минске. Здесь он принял видное участие в пропаганде социализма среди рабочих, параллельно с группой Хургина (народовольческой). В 1887-1888 гг. группа И. Гурвича, его сестры и жены (Евгении и Елены), доктора Абрамовича и других приняла вполне четкую социал-демократическую программу.

В связи с арестами по делу Геллиса в Одессе весной и летом 1879 года были арестованы Дукан, Клугер, Лион и другие. Относительно Лиона известный

предатель 1878-1879 годов Курицын на основании тюремных разговоров заключенных сообщил, что он стоял во главе «неизвестной» партии рабочих, был знаком с революционными деятелями, принимал, по-видимому, участие в революционных делах. Лион был сослан административно в Восточную Сибирь. Здесь в 1882 года он участвовал в безуспешной попытке бежать северным путем.

В 1878 году были арестованы в Киеве студенты, братья Львовы — Аарон и Наум. Оба они были высланы в северные губернии и оба бежали в 1879 году из ссылки. Аарон Львов бежал из Пинеги. Наум Львов умер в 1889 году в Париже. Третий брат, Соломон Львов, отбывал воинскую повинность в Симферополе, причем состоял в сношениях с тамошним кружком революционеров.

Первые еврейские террористы

Уже начало 1878 года ознаменовано событиями, которые предвещали перелом в движении, переход от мирной пропаганды в народе к резкой борьбе с правительством. Начиналась эпоха «мести за мечь», эпоха террора, в ответ на который следовали еще более резкие репрессии со стороны власти.

Естественно, что еврейская молодежь, студенческая и вообще демократическая, оторвавшаяся от старой среды и всецело связавшая свою судьбу с демократической интеллигенцией, приняла участие и в новой форме борьбы. Эта эпоха выдвинула три имени евреев-террористов, принадлежащих к южным «бунтарям» и принявших то или иное участие в террористической деятельности: Аарон Гобст (Гобет), Самуил Виттенберг и упоминавшийся выше Григорий Гольденберг.

Аарон Гобст впервые проявил свой бунтарский дух во время службы в армии. Он служил в Одессе, в Замостском пехотном полку, в чине унтер-офицера и вел антиправительственную пропаганду среди солдат своего полка. Девять внимательных слушателей-солдат были арестованы 11 сентября 1877 года, ну а сам оратор сумел скрыться. Он перебрался в Санкт-Петербург, где принял активное участие в деятельности членов «Земли и Воли» среди городских рабочих. Среди его достижений той поры — организация и руководство первой большой стачкой на Невской Бумагопрядильне.

На этой фабрике существовал небольшой революционный кружок из десяти-двенадцати человек, которым и руководил под русским именем «Петр Петрович» еврей Гобст. Он жил по соседству с

фабрикой в качестве сапожника и хозяина единственной в той местности «конспиративной» квартиры.

Из Санкт-Петербурга Аарон Гобст приехал в Киев, где продолжал свою революционную работу. В апреле 1879 года он и его товарищи, жившие под видом слесарей, привлекли внимание полиции своим «необычным образом жизни»: у них происходили совещания, изготовление каких-то предметов и т. п. В результате произведенного 6 мая 1879 года обыска полиция обнаружила 23 килограмма динамита, неснаряженные бомбы и т. д. Аарон Гобст назвался Анисимом Федоровым, под этим именем был судим киевским военно-окружным судом и 18 июня 1879 года повешен в Киеве. Только впоследствии открылось, кто был Федоров...

Второе крупное имя — Самуил Виттенберг. Мещанин города Бердичева, родился в 1852 году, учился сначала в Николаевском реальном училище, а затем в Венском технологическом институте. Вернувшись на родину, он поселился в городе Николаеве, где начал энергичную революционную работу среди матросов местного адмиралтейства. Самые тесные связи были завязаны им с кружком южных «бунтарей» в Киеве и Одессе. Нарастание революционного чувства, особенно острое на юге, сказалось и на нем.

Человек мягкий, сторонник мирной пропаганды, он быстро переродился в хладнокровного и беспощадного террориста. По мнению официальных советских и еврейских историков, произошло это во время беспорядков после оглашения приговора по делу Ковалевского и его товарищей в Одессе. На самом деле Самуил Виттенберг принимал активное участие в подготовке покушения на российского императора Александра Второго. Спровоцированные его выстрелом перестрелка и последовавшие за этим аресты в среде

одесского, а затем и николаевского кружка разрушили план взрыва в Николаеве, подготовлявшегося на 18 августа 1878 года к проезду царя.

Среди 28 арестованных революционеров оказалось восемь евреев во главе с Самуилом Виттенбергом. Вот их имена: уже знакомая нам четырнадцатилетняя ученица 3-го класса пансиона Матео Викторина Леонтьевна Гуковская; двадцатидевятилетний керченский мещанин Самуил Шнее; семнадцатилетний купеческий внук Александр Николаевич Зайднер — ученик Александровского реального училища в городе Николаеве; двадцатилетний виленский мещанин Александр Григорьевич Лури (Лурий) — его исключили из 4-го класса Николаевской гимназии; восемнадцатилетний Михаил Морейнис; двадцатиоднолетний мещанин Эммануил Беркович Медведев; двадцатиоднолетний николаевский мещанин, студент горного института Аарон Рашков.

Главное внимание обвинителей сосредоточилось на Самуиле Виттенберге, который был арестован 16 августа 1878 года случайно. При обыске у него были найдены, помимо 42 экземпляров революционных прокламаций, вещи Александра Зайднера, которые исчезли из квартиры последнего в Николаеве после первого поверхностного обыска, а главное— гальваническая батарея с электрическими проводами, предназначенная для взрыва 15 августа 1878 года в Николаеве. Его и приговорили к смертной казни. Остальные евреи — участники «процесса 28» были приговорены к различным срокам каторжных работ.

Студент Медико-хирургической академии Леон Мирский 3 марта 1879 года в районе Лебяжьего канала в Санкт-Петербурге стрелял в шефа жандармов и главного начальника III отделения Собственной Его Величества канцелярии генерал-адъютанта Александра Романовича Дрентельна, но промахнулся. С места

покушения сумел скрыться и был арестован только 6 июля 1879 года в Таганроге, оказав вооруженное сопротивление при задержании.

В ходе следствия выяснилось, что арестованный входил в революционную организацию. Начались аресты. По делу Леона Мирского были привлечены евреи: секретарь Русского Центрального Банка поземельного кредита двадцатилетний потомственный почетный гражданин Григорий Григорьевич Левенсон; невеста Мирского, бердичевская мещанка, Елена Кестельман и ее брат— аптекарский помощник Моисей Трахман; а также София Фрессер. Все эти лица за недостатком улик были освобождены от уголовной ответственности, а на скамье подсудимых оказался лишь Григорий Левенсон. Хотя и его оправдали.

Вот как развивались события. В 1877 году Леон Мирский приехал учиться в Медико-хирургическую академию. За ним из Киева приехала его невеста. Во время одной из поездок домой в Уманский уезд Киевской губернии, студент попытался вести пропаганду, но был арестован, посажен в Киевскую тюрьму, а затем переведен в Петропавловскую крепость.

По ходатайству невесты и ее воспитателя, Григория Левенсона, агитатор-неудачник был освобожден под поручительство присяжного поверенного Утина. Выйдя из крепости в январе 1879 года, он поселился у Григория Левенсона. Через месяц Леон Мирский и Елена Кестельман поселились вместе в Гусевом переулке, а затем 6 марта 1879 невеста года поселилась отдельно, причем жених посещал не только ее, но и ее воспитателя.

Евреи убивали как представителей государственного аппарата, так и обычных людей. Например, Н. Гориновича сначала избили, а потом лицо

облили серной кислотой. Жертва революционной борьбы, после недолгого пребывания в тюрьме он начал охотно сотрудничать с властями. Весной 1876 года он приехал в Елисаветград. В то время в этом городе находились еврей Лев Григорьевич Дейч и сын богатого помещика Виктор Малинка. Опасаясь, что предатель может о них сообщить властям, они решили убить Н. Гориновича. И в деле появился второй еврей — Лев (Лейба) Иосифович Майданский, участник революционного движения, одно время он даже был членом кружка Льва Розенфельда. Узнав о планах убийства предателя, он, во-первых, знакомит жертву с Львом Григорьевичем Дейчем, во-вторых, сообщает Гориновичу ложные сведения, якобы последнему нужно ехать скорее в Одессу, так как из Киева прибыл и разыскивает его адъютант жандармского управления. В ходе следствия выяснилось, что Лев Майданский дал и серную кислоту для этого преступления. Соучастника приговорили к смертной казни. Вот так он поплатился за причастность к революции.

Мы уже упоминали имя Григория Давидовича Гольденберга. Теперь пора рассказать подробнее об этом террористе. Сын купца 2-й гильдии, он родился в Бердичеве, учился в киевской гимназии. Отец его торговал сукном и был уважаемым человеком. А вот сын в конце 1875 года начал активно общаться с киевскими антиправительственно настроенными радикалами. При этом даже и их он поражал своей агрессивностью. Например, когда весной 1877 года потребовалось отобрать у бывших соратников, а теперь политических соперников, хранящиеся на конспиративной квартире вещи, то Григорий Гольденберг предложил для этого применить оружие— пострелять из револьверов. От этого плана отказались, найдя более мирный способ получить партийное имущество.

После убийства губернатора Кропоткина Григорий Гольденберг собственноручно написал воззвание «К русскому обществу», в котором называл общество «единственным попустителем жестокостей, совершаемых над социалистами», излагал причины, почему он поднял руку на губернатора и призывал «возвысить голос за поруганное человеческое достоинство». После убийства Григорий Гольденберг скрылся в Киеве, оттуда через Харьков проехал в Санкт-Петербург. Там он предложил руководству «Земли и Воли» свои услуги по убийству российского императора. От его предложения отказались по национальной причине... Руководство решило, что убийца должен быть русским.

Зато его предложение приняло руководство другой организации «Народная воля». Он участвовал в рытье подкопа под Московско-Курскую железную дорогу. Затем поехал в Одессу за динамитом, но в середине ноября 1878 года был задержан на обратном пути с полным чемоданом взрывчатки. В начале февраля 1880 года он рассказал все, что знал о революционном подполье. Свое странное поведение подробно мотивировал. С одной стороны, он видел «тяжелый и кровавый путь» социальной партии и фракции террористов, «усилия, мучения и страдания всей молодежи», с другой стороны, «ни в народе, ни в обществе, ни среди молодежи нигде ничего не сделано».

Он находил, что «политические убийства не только не приблизили Россию к политической свободе», но «вызвали страшную всесокрушающую реакцию». Его испугала мысль, что новые смертные казни вызовут новые политические убийства, «а эти в свою очередь заставят правительство принять еще более крайние меры... пока победителем из этой неравной борьбы не выйдет все-таки правительство»...

Его пугала и мысль, что «то отрадное по своим стремлениям движение в пользу политической реформы, которое мы видим сейчас, может под влиянием всех преследований в конце концов заглухнуть на долгое время».

Поэтому, «желая содействовать скорейшему переходу к другому лучшему положению вещей, желая многих спасти от угрожавшей им смертной казни, он решился на самое страшное и ужасное дело... раскрыть всю организацию и все ему известное, и, таким образом, предупредить ужасное будущее»...

Цель его была, «чтобы правительство отказалось от целого ряда репрессивных мер», «отнеслось спокойно к виновникам печальных событий, на которые они, однако, шли под влиянием своих гражданских убеждений, а не личных каких бы то ни было выгод».

После такого предисловия Григорий Гольденберг выдал себя, свою невесту, своих личных друзей, все, что знал, притом без всякого расчета. До суда он так и не дождался — в середине июня 1880 года повесился в камере^[43].

Среди названных предателем лиц следует выделить Айзика Борисовича Арончика. По окончании одесского реального училища он поступил в институт инженеров путей сообщения, но бросил учебу в 1879 году. С революционерами бывший студент начал общаться в 1878 году. Предатель Богославский сообщил, что Айзик Арончик познакомил его с членами революционного кружка в Кременчуге, бывшими учениками кременчугского реального училища, евреями — Борисом Членовым, Лурье и Гуревичем, которые доставляли средства партии «Земля и Воля» и оказывали ей разные услуги. Григорий Гольденберг считал Айзика Арончика народником, который «пристал к фракции террористов только под влиянием текущих событий».

Айзик Борисович Арончик был арестован в Санкт-Петербурге 17 марта 1881 года, по подложному паспорту Золотницкого. При обыске у него был найден листок «От исполнительного комитета имп. Александру III» от 3 марта 1881 года. Было установлено, что одновременно поселился и затем выбыл с ним из гостиницы «Москва» Николай Саблин, застрелившийся 3 марта в конспиративной квартире на Тележной улице.

Самое серьезное обвинение было выдвинуто против Айзика Арончика Григорием Гольденбергом, который сообщил, что Арончик, хотя и недолго, работал в подкопе на Московско-Курской дороге, в Москве; работал плохо и от работы был отстранен. Затем ему дали роль хозяина конспиративной квартиры, там же, в Москве, которую он и исполнял с Галиной Чернявской под именем супругов Силантьевых. Эта квартира служила убежищем для участников взрыва царского поезда 19 ноября 1879 года. Еще Айзику Арончику вменялась в вину роль одного из наиболее доверенных агентов Исполнительного Комитета «Народной Воли». По решению суда был приговорен к пожизненной каторге. Умер в 1888 году в тюрьме.

Из менее известных террористов можно вспомнить Ипполита Иосифовича Млодецкого в связи сего покушением на главного начальника «Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» графа Михаила Тариеловича Лорис-Меликова 20 февраля 1880 года. Совершил акцию по собственной инициативе, даже не поставив в известность Исполнительный комитет «Народной воли». Был задержан на месте преступления и казнен по приговору суда.

Бунтовщики восьмидесятых

Из дел, по которым судили народовольцев в 1880 году, на первом месте стоит, конечно, так называемый «процесс шестнадцати» — по нему проходили несколько участников подготовки покушений на царя. По этому делу судились два еврея: член Исполнительного Комитета Аарон Зунделевич и наборщик типографии «Народной Воли» Лейзер Цукерман. О них мы рассказали выше. На скамье подсудимых должны были находиться член Исполнительного Комитета Григорий Гольденберг и наборщик Абрам Лубкин, но они покончили с собой.

Из дел, разбиравшихся в Киеве, заслуживают внимания дело Розовского и дело Прицкера. О том, как первого отправили на казнь, можно прочесть в романе Льва Николаевича Толстого «Воскресение».

Иосиф Исаакович Розовский, сын бухгалтера торгового дома в Киеве, родился в 1861 году и осенью 1879 года был студентом 1 курса физико-математического факультета университета святого Владимира, по официальным сведениям, имя его ни разу не встречалось в связи с каким-либо государственным преступлением. Да это было и естественно: ему было всего 18 лет. По свидетельству Михаила Родионовича Попова, стоявшего во главе революционных групп в Киеве в 1879–80 годах и знавшего детально все дела и всех людей, Иосиф Розовский пошел на эшафот ни за что.

«Он решительно не принимал участия в революционных делах, если не считать его знакомства по университету со студентом Игнатием Ивановым, который привел к нему на ночлег Сергея Диковского.

Кроме сочувствия к гонимым, за Розовским не было никакого другого преступления...»

По полицейским данным, собирание сведений об Иосифе Розовском было сопряжено с большим трудом, благодаря его запирательству, отказу давать показания и т. п. На него указал задержанный с несколькими экземплярами прокламаций Родионов, якобы он получил их от Иосифа Розовского. На суде он отказался от своих показаний, но было поздно. В деле фигурировали и другие доказательства «вины» Иосифа Розовского. При обыске у него нашли литографированную программу партии «Народной Воли», нецензурное стихотворение (Некрасова) «Пир на весь мир», написанное его почерком, бланки Новороссийского университета и несколько револьверных патронов. Иосиф Розовский отрицал принадлежность ему программы, патронов и бланков. Не признал себя виновным в принадлежности к партии и в распространении прокламаций.

На основании этих данных оба подсудимых были приговорены 27 февраля 1880 года к смертной казни через повешение. Позднее Родионову заменили казнь шестилетними каторжными работами. А Иосиф Розовский был повешен 5 марта 1880 года.

Приговор этот произвел потрясающее впечатление: общественное мнение было поражено тем, что казнен был несовершеннолетний, притом же за передачу двух прокламаций. Тот самый Сергей Диковский, который ночевал у Иосифа Розовского, получил двадцать лет каторжных работ в июле того же 1880 года. Помимо казни сына, решено было принять строжайшие меры против родителей Розовского в административном порядке.

А вот вторая история начиналась как детектив. 3 мая 1880 года в Киеве подросток, остановив на Спасской улице молодого рабочего-столяра, поинтересовался, не еврей ли он. Получив

утвердительный ответ, он вынул из кармана запечатанный конверт и предложил рабочему передать его кому-нибудь из старших в семье. Тот отказался.

Подросток поспешно отошел от него, а домовладелец Калинович, наблюдавший эту сцену, указал на подозрительного прохожего городовому. При подростке оказалось 23 напечатанных на гектографе листа — воззвания «ко всем евреям». В нем предлагалось евреям принять участие в социалистическом движении и в русской революционной работе. Задержанный оказался бывшим учеником 3-й киевской гимназии Абрамом Прицкером (Прицчер). По мнению следствия и суда, ему уже исполнилось 18 лет.

А вот репортер газеты «Киевлянин» в отчете о процессе дал Прицкеру не более 14 лет. Подсудимый объяснялся по-русски без акцента; заявил, что думал, будто в прокламациях говорится «только о свободе печати», которой он хотел бы всемерно содействовать. Уже на суде заявил, что содержит себя собственным заработком, прокламации же дал ему «Сербинский». Под этим псевдонимом скрывался Владимир (Вольт) Серпинский. Задержать его удалось лишь в 1881 году. А подростку в качестве наказания назначили месяц тюремного заключения.

Еврейская революционная пропаганда

В 1880 году группа евреев-социалистов выступила с заявлением о решении основать в Женеве «Вольную еврейскую типографию», с целью «сделать возможным организацию социалистической литературы для проведения основ социализма в среду евреев в России и Галиции на их разговорных (жаргонных) языках». Дело в том, что в Российской Империи часть евреев не знала русского языка, да и не стремилась его изучать.

До этого в 70-е годы XIX века в «Гоэмес» (Вена, 1877), в журнале Аарона Либермана, принимал участие известный еврейский писатель и участник революционного движения в России Исаак Абрамович Каминер. После закрытия «Гоэмеса» и суда над Либерманом его единомышленники, молодые литераторы А. В. Рабинович и М. Винчевский, попытались проводить социалистические идеи в русско-еврейскую среду при посредстве кенигсбергского еврейского журнала «Асефат хахомим» (1877-1878), где участвовали писатели Моше Лейб Лилиенблюм и Исаак Абрамович Каминер.

Закон о социалистах в Германии (21 октября 1878 г.) прекратил существование журнала, который русская цензура уже воспретила ввозить в Россию. Упомянутая выше группа евреев — русских социалистов разошлась во мнениях с собранием русских социалистов (26 мая) в Женеве и выпустила (по-русски) свое воззвание о целях и средствах социалистической работы в России, высказываясь против федерации кружков и за сильную централизованную организацию.

В 1880 году в Российской империи впервые заговорили об активном участии евреев в революции. В

опубликованной газетой «Новое время» статье «Жид идет» говорилось, что евреи «подтачивают общество» с двух сторон, сверху — капиталисты, снизу — социалисты^[44].

В реальности все было по-другому. Лозунги «Земли и Воли», «Народной воли» и «Черного передела» мало волновали большую часть не только еврейского, но и даже русского народа. Мы не будем останавливаться на причинах. Отметим лишь, что народовольцы, неважно, были ли они по вероисповеданию христианами или иудеями, своими действиями начали закладывать фундамент нового государства.

Последний романтик революции

В 80-е годы XIX века народовольческое движение постепенно начало перерождаться. На смену романтикам— борцам за счастье российского народа пришло новое поколение — прагматичные политики и террористы, главной целью которых была личная власть и реформа существующего государственного строя. Этого человека можно назвать последним романтиком революции.

Авраам (Алексей) Николаевич Бах был активным членом «Народной Воли», единственным членом Исполнительного Комитета последнего состава, который остался на свободе и спасся от преследований благодаря отъезду за границу. Он родился в 1857 году, учился во 2-й киевской гимназии, которую окончил в 1875 году. С 1875-го по 1878 год был студентом естественного отделения физико-математического факультета Киевского университета.

Первые запрещенные книжки Авраам Бах прочел в седьмом классе гимназии, но не принимал ближайшего участия в движении, хотя был знаком с Чубаровым и «бунтарями», с одной стороны, и с деятелями украинофильско-конституционного студенческого клуба, с другой стороны. Вскоре, однако, он принял активное участие в мартовском движении 1878 года среди студентов киевского университета; был арестован и сослан в Белозерск; оттуда (по болезни легких) переведен на юг (в Новомосковск и затем в Бахмут).

Находясь в ссылке, Авраам Бах ознакомился последовательно с изданиями «Земли и Воли», «Черного Передела» и «Народной Воли». Больше всего привлекли его к себе идеи последней группы. Главное,

что захватило его, это было введение элемента политической борьбы в русскую жизнь и в партийную программу. Мало нравился ему систематический террор и якобинство в программе партии.

Вернувшись из ссылки в декабре 1881 года, Авраам Бах в начале 1882 года приехал в Киев, начал работу с кружком Исаака Левинского, а после его ареста в апреле 1882 года собрал разрозненные части народовольческой организации под именем «Киевской организации партии» «Народной Воли».

Авраам Бах начал свои занятия по тому плану, который он изложил позже в брошюре «Царь-голод». Занятия эти вел он с рабочими и с молодежью, которая занималась с рабочими. Помимо пропаганды в среде рабочих, киевская организация организовала типографию, выпустившую воззвания: «К обществу», «К рабочим», «К учащейся молодежи» и (по-малоросски) «К украинскому народу». Сам Авраам Бах вел занятия с рабочими железнодорожных мастерских под именем Юрия Иванова.

В январе 1883 года он перешел на нелегальное положение и начал перемещаться по Российской империи: Ярославль, Казань, Ростов-на-Дону. В середине 80-х годов он осознал бесполезность создания централизованной подпольной организации и необходимость ведения культурно-политической работы на местах. После этого уехал за границу и до начала XX века активно участвовал в социал-демократическом движении.

Новые кадры для «Народной воли»

Из числа евреев, действовавших в 1884 году в революционном движении вместе с Авраамом Бахом, нужно назвать Генриетту Добрускину и Якова Френкеля.

Рогачевская мещанка, слушательница бестужевских курсов, Генриетта Николаевна Добрускина родилась в 1862 году. В мае 1884 года ей пришлось покинуть курсы и Петербург и перейти на нелегальное положение.

Группа «Молодой Народной Воли» во главе Петром Филипповичем Якубовичем, пытавшаяся создать новую центральную организацию, помимо рушившейся постоянно старой, и проповедовавшая аграрный и фабричный террор, привлекла Генриетту Добрускину в свою среду и отправила ее в Ростов-на-Дону, где надеялась на успех. Здешние народовольцы встретили ее очень радушно, но отказывались вступать с ней в теоретические разговоры и на слова прибывшей о несовершенстве старой организации отзывались, что совершенство вообще трудно достижимо.

Видя неудачу, Генриетта Добрускина обратилась к Аврааму Баху, члену Исполнительного Комитета. Тот вспоминал о ней как о «маленькой, симпатичной живой курсистке», которая очаровала ростовское общество. Генриетта Добрускина охотно вступила в члены местной (старой) народовольческой организации, проявила большой талант в пропаганде среди рабочих, а наборщика войсковой типографии в Новочеркасске, который потихоньку и понемножку доставлял организации казенный шрифт для типографии «Народной Воли», она «так забрала в руки, что тот стал таскать шрифт без всякой оглядки, и № 10 "Народной

Воли" в значительной степени напечатан этим шрифтом».

Арестованная в 1884 году Генриетта Добрускина заявила, что «занимается революционными делами». Ей пришлось прожить в предварительном заключении почти три года. Судилась она по «процессу 21» («Дело Лопатина») и была приговорена к смертной казни, замененной восьмью годами каторжных работ.

Другой еврей, осужденный по «делу 21», был мещанин Яков Григорьевич Френкель, арестованный в 1885 году благодаря сведениям, сообщенным студентом харьковского ветеринарного института Иваном Гепером. Среди прочего он объяснил происхождение динамита, изъятого у революционеров. Хищением взрывчатки с казенного склада в Луганске и изготовлением самодельных взрывных устройств занимались семь человек, и среди них евреи Яков Френкель и Моисей Линтварев (учащиеся лисичанского горного училища).

В обвинительном заключении Якову Френкелю вменялось в вину «изготовление в 1884 году в Луганске заряженных динамитом метательных снарядов, предназначенных для преступных целей партии "Народной Воли"». Суд его оправдал. А вот Моисей Линтварев сумел бежать, долгое время находился на нелегальном положении, а потом эмигрировал в Северную Америку.

В ноябре 1884 года на очередном политическом процессе в Киеве в списке из двенадцати обвиняемых прозвучало лишь одно еврейское имя. Двадцатилетняя Прасковья Федоровна Богораз была фиктивной женой одного из обвиняемых. В 1877 году она окончила женскую гимназию в Таганроге, давала уроки в том же городе, в 1879-м поступила на Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге. В мае 1883 года внезапно бросила их. В октябре 1879 года впервые

попала в поле зрения полиции — производила сбор среди курсисток в пользу студента, арестованного по политическому делу. А ее родной брат Николай Федорович Богораз в 1884 году, по сведениям полиции, содержался в таганрогской тюрьме по обвинению в государственном преступлении.

В марте 1882 года Прасковья Федоровна Богораз, по предложению Исполнительного Комитета «Народной воли», приняла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, а для этого приняла православие и фиктивно обвенчалась с Михаилом Петровичем Шебалиным, в их квартире печатался «Листок Народной Воли», брошюры и листовки.

Затем они переехали сначала в Москву, а затем в Киев, и здесь 4 марта 1884 года были арестованы вместе с типографией «Народной Воли». Планировалась, что «Летучая типография Народной Воли», а именно так официально она называлась, будет печатать местный орган «Социалист». В ходе следствия Прасковья Федоровна Богораз сообщила, что принадлежит к социально-революционной партии «Народной Воли», вполне разделяет ее программу и задачи партии; определенных функций в партии не имеет, почему и не признает себя виновной в принадлежности к тайной организации; чем определяется ее связь с организацией, определить не может, но никаких планов и проектов действия в интересах партии в Киеве не было.

По приговору военно-окружного суда Елена Федоровна Богораз была сослана с лишением всех прав в Тобольскую губернию; но по дороге, 11 ноября 1885 года, умерла в московской пересыльной тюрьме.

В 1883–1884 годах наиболее заметна деятельность Раисы Кранцфельд. Еще в 1887 году полицейский обозреватель событий горько скорбел, что она и ее муж, бывший студент казанского университета Захарий

Васильев, один из наиболее опасных «нелегальных», находятся еще на свободе.

Она родилась 1859 году. В 1881-1882 году жила в Харькове, где совмещала работу акушерки и активного члена народовольческого кружка. Здесь, очевидно, она играла видную роль, потому что на нее выпал выбор Исполнительного Комитета «Народной воли», когда понадобилась хозяйка для конспиративной квартиры в Санкт-Петербурге для подготовки убийства жандармского подполковника Георгия Порфирьевича Судейкина, который сыграл ключевую роль в разгроме организации «Народная воля». Раиса Канцфельд не только стала хозяйкой конспиративной квартиры, где проживали убийцы жандарма, но и напечатала сообщение о совершенном 16 декабря 1883 года убийстве.

Ее попытались задержать 4 марта 1884 года. Сопровождавший ее революционер Василий Семенович Панкратов выхватил револьвер и начал стрелять. В результате один из полицейских был ранен. Воспользовавшись неразберихой, она сбежала. А стрелявший был задержан. Суд приговорил его к смертной казни, но затем заменил наказание двадцатилетней каторгой. По иронии судьбы, в 1917 году Василий Панкратов стал комиссаром Временного правительства по «охране бывшего царя» в Тобольске. В 1885 году Раиса Канцфельд отошла от активной политической борьбы и вместе с мужем зажила жизнью мирных обывателей.

Еще одна слушательница бестужевских курсов была замешана в деятельности антиправительственных организаций. При обыске у Деборы Познер полиция обнаружила оборудование, необходимое для создания подпольной типографии, а также документы, указывающие на существование «Студенческой Лиги» и «Рабочей группы Народной Воли». Эти две организации

были ликвидированы полицией после ареста Деборы Познер, которая сама была членом Союза «Молодая Народная Воля». Повесилась в ссылке. Среди тех, кого она назвала на следствии, была еще одна слушательница бестужевских курсов — Эсфирь Билинкер (Билингер).

После выстрела Марии Васильевны Калюжной в начальника Одесского жандармского управления полковника А. М. Катанского 8 августа 1884 года в городе произошли многочисленные аресты. Многие одесские евреи поплатились ссылкой: врач еврейской больницы Барская; окончившая гимназию Роза Лаидес; студент Яков Барский (сосланный в Сибирь); студент Фогель; осенью 1884 года были взяты Самуил и Яков Фельдман, Дорфман.

В сентябре 1884 года по делу харьковского народовольческого кружка был арестован студент местного университета Абрам Мейерович (он же Александр Миронович) Гольденберг и сослан на три года в Западную Сибирь. В 1894 году он примкнул к народовольцам, был снова арестован, посажен в одиночную тюрьму на Выборгской стороне; в 1895 году находясь в Доме предварительного заключения, повесился.

В Полтаве 6 ноября 1884 года арестовали Аарона Фурера, а 4 декабря 1884 года — Соломона Гирша. Оба занимались пропагандой социализма среди солдат, расквартированных в городе. Кроме того, были арестованы сестра Гирша, Анна Нудельман и Перлина.

В 1884 году Аркадий (он же Арон-Авраам) Маркович Геккельман (впоследствии Ландезен и позднее Аркадий Михайлович Гартинг — именно под этими именами он вошел в историю) начал свою головокружительную карьеру сначала провокатора, а потом чиновника Департамента полиции.

Арон-Авраам Геккельман родился в 1854 году в Минске. В мае 1882 года сдал выпускные экзамены в Тверской гимназии, поступил в Петербургский университет. Проучился там он недолго— 23 октября 1882 года забрал документы и уехал в Дерпт. К этому непродолжительному промежутку пребывания в Санкт-Петербурге и относится начало агентурной деятельности Арона-Авраама Геккельмана, так как при заключении с ним контракта в Париже в 1885 году он именуется «бывшим агентом С.-Петербургского охранного отделения». 5 февраля 1883 года он поступил в Дерптский университет на медицинский факультет и уволился в отпуск 15 декабря 1884 года для того, чтобы больше сюда не возвращаться и продолжать свою дальнейшую карьеру в Париже. Заподозренный в провокаторстве в связи с арестом Дерптской типографии, уехал в 1885 году за границу, где продолжил свою деятельность провокатора. Затем он руководил Берлинской агентурой Департамента полиции и Заграничной агентуры Департамента полиции. В 1909 году, после разоблачения, был уволен в отставку с пенсией и производством в чин действительного статского советника.

В Москве в январе 1884 года были арестованы Илья Френкель и Фейга Лифшиц. Арест этих лиц стоял в связи с издательской деятельностью московской учащейся молодежи, которая при посредстве легальной типографии Н. Янковской и самостоятельно издавала много запрещенных произведений. Кружки, носившие различные названия, объединились в конце 1883 году в «Студенческий Союз», который 17 декабря выпустил свою прокламацию, а затем издавал журнал «Союз».

В связи с арестом тайной народовольческой типографии в Киеве произошел арест двух курсисток— Левиной и Клары Ефимовны Левенталь, внезапно схваченных на улице 15 мая 1884 года. На их

удивленный вопрос, почему к ним применили столь экстренную форму ареста, им сказали, что «боялись вооруженного сопротивления», по примеру Василия Семеновича Панкратова. Обе были сосланы административно в Ишим Тобольской губернии.

В Северо-Западном крае, в Вильне, были арестованы: Фанни Пузыревская, Рабинович, Як. Бобес, Эфрон, слушательница высших женских курсов Ядловкина; в Гродно: учительница Ревекка Якубовская; на юге в Елисаветграде была арестована окончившая гимназию Шейнус; в Кишиневе— Зейдис, Тухман, братья Рабинович.

В заключение краткого обзора о деятельности евреев в революционном движении 1884 года нельзя не остановиться особо на личности доктора медицины Эмиля Абрамовича. Родившись в 1864 году, он в 1883 году окончил гимназию в Гродно, затем, прожив год в Париже, летом 1884 года приехал в Минск, где попытался вступить в местный кружок народовольцев, но был встречен холодно из-за отсутствия рекомендаций.

Тогда Эмиль Абрамович решил действовать самостоятельно, свел знакомство с типографскими рабочими, как наиболее развитыми, стал заниматься с ними сначала естествознанием, а потом перешел к пропаганде социализма. Он проводил каждое лето в Минске, отдавая все свое время рабочим, вплоть до получения звания врача, когда он отправился в Киев.

Активными членами его кружка в Минске были: наборщик Иосиф Резник, Лев Иосифович Рогаллер, сапожник Хейфец и другие.

Эмилю Абрамовичу принадлежит создание того типа еврейских рабочих кружков, который продержался почти 15 лет до появления Бунда:

- 1) кружки грамотности (русский язык);
- 2) кружки естествознания;

3) кружки социалистические.

Кружкам большую помощь оказывал заграничный доктор медицины Марк Вольман, которого из-за отсутствия русского аттестата зрелости не допускали к государственному экзамену в России. Впоследствии он эмигрировал в Северную Америку и умер в штате Нью-Джерси в 1895 года. Ввиду отъездов Эмиля Абрамовича в учебное время в университет Дерпта его кружок примкнул к кружку Исаака Гурвича.

В 1888 году, уже врачом, Эмиль Абрамович приехал из Минска в Киев, поступил слесарем в мастерские железной дороги с целью завязать сношения с рабочими. Через короткий срок он создал кружок численностью около тридцати человек, преимущественно слесарей железнодорожных мастерских и наборщиков, и устроил тайную библиотеку.

Аресты в августе 1889 года разрушили эту первую социал-демократическую организацию в Киеве. Таким образом, Эмиль Абрамович стал одним из деятелей новой эпохи, представителем второго большого «хождения в народ». Один из первых практиков социал-демократов, он был одним из первых деятелей еврейского рабочего движения.

Конец «Народной воли»

1885-1886 годы фактически стали эпохой ликвидации партии «Народная Воля». В ночь на 2 мая 1885 года полиция попыталась арестовать некоего Платона Лебединского. При задержании он оказал вооруженное сопротивление: одного полицейского застрелил, а другого тяжело ранил. Все же его смогли обезоружить. При обыске на квартире были найдены: тайная типография, нелегальная литература, паспорта, 4 взрывчатых снаряда (типа 1881 года) и т. д. Вскоре было установлено, что Платон Лебединский на самом деле мещанин города Винницы Подольской губернии, студент петербургского университета Саул Абрамович Лисянский. При этом он играл важную роль в народовольческом движении на Юге России. Во время следствия выяснилось, что он принимал активное участие в подготовке вооруженного ограбления почтового вагона. Суд приговорил его к смертной казни.

В 1885 году в Харькове студентами Исааком Коганом, Г. Тиличевым, К. Степановым и другими был организован народовольческий кружок. Полиция ликвидировала его в 1886 году. Среди арестованных было пять слушательниц акушерских курсов, из них одна еврейка Ревекка Лянда.

Среди арестованных в Москве в 1885 году можно отметить деятельность кружка студента Мардохея (Мордуха) Слепяна, выпустившего (вторым изданием) брошюру «Отголоски революции» (гектограф). В 1901 году он эмигрировал и принял активное участие в террористической деятельности эсеров.

В Минске можно отметить арест Мирона Шварцмана по рабочему делу, в Одессе: Гельрута, Левита (6 лет Восточной Сибири), Кроля и Пикера.

В Житомире арестовали окончившего гимназию Лурье, в начале июня 1885 года, в связи с находкой шрифта в пустой квартире. Крупным деятелем «Народной Воли» был арестованный 17 сентября 1885 года в Ростове-на-Дону Александр Цейтлин.

В феврале 1886 года был арестован инициатор создания южной организации «Народной Воли» Борис Дмитриевич Оржих. У него был найден адрес студента Льва Штернберга из Одессы. Последний был основателем народовольческого кружка в Одессе и вел пропаганду среди рабочих. Лев Яковлевич Штернберг, студент естественного отделения Новороссийского университета, был сослан на десять лет на Сахалин. Здесь он изучал быт гиляков и начал свои замечательные работы по этнографии, которые создали ему большое научное имя.

Найденная у Бориса Дмитриевича Оржиха переписка позволила вскрыть тайную деятельность студента петербургского университета Альберта Яковлевича Гаусмана. Его арестовали и выслали в 1887 году на десять лет в Восточную Сибирь.

Наиболее крупным деятелем конца «Народной Воли» был Натан Менделевич (он же Владимир Германович) Богораз (Тан). Таганрогский мещанин, он родился в 1864 году и окончил таганрогскую гимназию, затем поступил в Санкт-Петербургский университет, который не окончил. В Таганроге он организовал подпольную типографию, после ее разгрома перебрался в Тулу, где снова заработал подпольный печатный станок народовольцев. Там был издан № 3 «Листка Народной

Воли» и несколько брошюр. Ему приходилось много ездить по России по делам партии, пытаясь установить связи и наладить рушившееся дело. Особенно сильны были его связи с московским кружком. В 1889 году он был арестован и провел десять лет в ссылке. Натан

Богораз, как и ряд других ссыльных евреев — государственных преступников, проявил незаурядную энергию в изучении окружающего края и принял видное участие в организованной на средства Сибирякова экспедиции для изучения Северо-Восточной Сибири, причем взял на себя изучение Колымского края. Его этнографические работы были высоко оценены учеными и в России, и в Северной Америке. В первые годы прошлого века он прославился под псевдонимом Тан как писатель, поэт, беллетрист и публицист. Осенью 1905 года он был снова арестован по делу всероссийского крестьянского союза [\[45\]](#).

«Мы пойдём другим путем!»

В конце XIX века активная часть еврейского населения Российской империи начала постепенно отказываться от участия в интернациональном революционном движении, предпочитая решать исключительно свои национальные проблемы. Если и строить новое общество, то с учетом всех требований иудаизма, а не только марксизма или анархизма.

В 1897 году на нелегальном съезде в Вильне был основан Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд). Это была самая первая социал-демократическая партия в Российской империи и самая крупная еврейская партия в мире. Бундовцы были противниками сионизма, однако в своей деятельности преследовали не только классовые, но и национальные цели, добиваясь культурно-национальной автономии для евреев. При этом в качестве средств борьбы практиковался широкий арсенал средств, до террора включительно. Об этом мы расскажем в одной из следующих глав.

Для тех евреев, кто не принимал, по тем или иным причинам, радикальные методы борьбы, с 1899 года существовали группы «Поалей Цион» (Рабочие Сиона), где предпринимались попытки соединить сионизм и социализм. Как говорится, спрос рождает предложение. А в 1903 году возникла группа «Цеирей Цион» (Молодежь Сиона), стоявшая на немарксистских позициях социализма.

В январе 1905 года часть поалей-ционистов, поддерживающих территориализм (компактное проживание евреев на определенной территории с образованием национального государства), образовало Сионистско-социалистическую партию. В феврале 1906

года другая часть, оставшиеся верной «классическому» сионизму, объединилась в Социал-демократическую партию «Поалей Цион». А в апреле 1905 года образовалась Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), выступавшая против как территориализма, так и сионизма. В 1906 году появилась Еврейская народная партия (Фолкспартей). Ее члены считали, что евреи, являющиеся «единой духовной нацией», должны вести борьбу за «широкую культурную и общинную автономию». А сионизм — это лекарство для слабых духом. Добавьте к этому свыше полутора тысяч сионистских обществ, действовавших в России в 1902–1904 годах^[46].

На страже интересов Российской империи

Наш рассказ об участии евреев в революционной деятельности был бы неполным без упоминания еще одного имени — банкира Горация Евзелевича Гинцбурга. Он был одним из двух основных финансистов тайной организации «Священная дружина». Другой спонсор — один из богатейших заводчиков князь Павел Павлович Демидов.

«Священная дружина» была создана придворной аристократией в марте 1881 года для борьбы с революционным движением. Как и все тайные общества, она имела как явную, так и скрытую сторону своей деятельности. Официально она занималась организацией охраны императора и членов его семьи — члены «Дружины» и добровольцы стояли в оцепление на маршрутах перемещения императора. А вот тайная сторона деятельности заключалась в борьбе с революционерами специфичными (по тем временам) методами. Например, создание заграничной агентуры, которая отслеживала бы деятельность живущих в эмиграции многочисленных политэмигрантов. Созданная с помощью «Священной дружины» агентурная сеть до 1917 года подчинялась Департаменту полиции МВД Российской империи. Хотя сама тайная организация была распущена в 1883 году^[47].

Приложение

ИЗ СЕКРЕТНЫХ АРХИВОВ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Евреи-народовольцы

Из справки (одесского губернского жандармского управления) начальнику верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликову о показаниях террориста Г. Гольденберга.

29 марта 1880 года

Вследствие сделанного по 3-му Отделению Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии распоряжения о наблюдении чинами жандармских железнодорожных полицейских управлений за багажом проезжающих лиц, 14 ноября 1879 г., по прибытии поезда из Одессы в Елизаветград, был задержан неизвестный пассажир, в чемодане которого, обратившем на себя внимание по своей тяжести, оказался в значительном количестве нитроглицерин. Лицо это, оказавшее при задержании вооруженное сопротивление, назвалось потомственным почетным гражданином города Тулы Ефремовым; но вслед за тем было обнаружено, что задержанный есть киевский купеческий сын Григорий Гольденберг, высланный в апреле 1878 г. из Киева, административным порядком, за участие в преступной пропаганде в г. Холмогоры Архангельской губернии и бежавший оттуда в июне того же года.

Последовавшее несколько дней спустя преступное покушение под Москвою, выразившееся во взрыве полотна на Курской железной дороге, придавало задержанию Гольденберга несомненно важное значение, ввиду очевидной связи его с этим покушением.

Впоследствии, когда некоторые из арестованных по политическим делам в Одессе и Харькове лиц, принимавших видное участие в противоправительственной агитации, вступив на путь раскаяния, стали разоблачать деятельность преступной

организации, представилось очевидным, что в деятельности этой Гольденбергу принадлежало одно из выдающихся мест; причем указывалось на ближайшее участие его как в деле покушения на Московско-Курской железной дороге, так и в убийстве Харьковского губернатора князя Кропоткина.

В последнее время и сам Гольденберг, содержащийся в Одесском тюремном замке, стал обнаруживать проблески раскаяния; но все сделанные им разновременные показания отличались крайнею отрывочностью и неопределенностью, обличавшими нерешительность его и борьбу с самим собою на пути к полному сознанию.

Ныне Гольденберг сделал заявление, представляющееся вполне достоверным указанием на обширность сведений его о социальной революционной организации и несомненную важность таковых для подавления порожденного ею зла.

<...>

...В 1878 году появилась партия «террористов», которая для достижения противоправительственных целей избрала средством политические убийства.

Эта последняя партия, по словам Гольденберга, не имела до июля 1879 г. строго определенной организации, точно так же как самое появление ее не было последствием ясно очерченной системы действия; вследствие чего деятельность этой партии за это время, проявлявшаяся в единичных, вне общей связи и чьего-либо руководства, случаях, представлялась разрозненною и совершенно бесцельною.

В доказательство этого Гольденберг приводит данные, сопровождавшие политические убийства, совершенные со времени появления партии «террористов» по июль 1879 г.

Первое политическое преступление, выразившееся в покушении на жизнь бывшего С.-Петербургского

градоначальника, генерал-адъютанта Трепова, не составляло, по словам Гольденберга, такого действия, которое бы имело характер поручения со стороны какого-либо преступного органа, а было делом побуждений одного лица, именно Веры Засулич, действовавшего совершенно самостоятельно.

Вторым по времени преступлением было покушение на убийство товарища прокурора Котляревского в Киеве, совершенное в начале 1878 г. Необходимость этого убийства, о котором, по словам Гольденберга, ему было сообщено незадолго до совершения преступления Валерианом Осинским, — мотивировалась тем, что товарищ прокурора Котляревский постоянно принимал строгие меры против арестованных по политическим делам. Участвия в этом преступлении он, Гольденберг, никакого не принимал и только впоследствии узнал, что оно было совершено Фоминым, настоящая фамилия которого Медведев, Алексеем Федоровым и Иваном Ивичевичем.

За сим следовало убийство жандармского офицера Гейкинга в Одессе, бывшее, по показанию Гольденберга, делом бывшего студента Медико-Хирургической Академии, носившего прозвище «Голотупенка», которого Гольденберг знал и встречал в Киеве. Поводом к преступлению служило строгое отношение Гейкинга карестованным.

После того был убит генерал-адъютант Мезенцов.

4 августа... Гольденберг узнал... о совершенном преступлении. Хотя в то время он не имел сведений об участниках этого убийства, но впоследствии ему сделалось известно, что таковыми были: Ипполит Кошурников, Сергей Кравчинский и Андриан Михайлов, из коих Кравчинский был убийцей, а остальные — его ближайшими пособниками.

Последовавшее затем 9 февраля 1879 г. убийство Харьковского губернатора князя Кропоткина выяснено

Гольденбергом с значительно большими подробностями, так как, по его словам, преступление это, как по замыслу, так и по исполнению принадлежит всецело ему одному. По показанию

Гольденберга, преступная мысль созрела в нем под влиянием убеждения, что князь Кропоткин был одним из главных виновников тяжелой участи политических преступников, заключенных в центральных тюрьмах, находящихся в Харьковской губернии. Но предварительно исполнения задуманного плана он, Гольденберг, считал необходимым узнать, какое впечатление произведет этот замысел на единомышленников его и вызовет ли он в них сочувствие. С этой целью, будучи в Киеве и затем в Харькове, он выражал свою мысль о необходимости такой меры против князя Кропоткина разным лицам, в том числе в Киеве Павлу Орлову, Афанасию Зубковскому, Валериану Осинскому, Людвигу Кобылянскому, Людмиле Самарской, Вере Ремизовской, Надежде Смирницкой, Игнату Ивичевичу, студенту Богицкому, Дмитрию Буцинскому и в Харькове Ивану Ионычу Глушкову, Воронцу, Евгению Козлову и Алексею Преображенскому.

Все означенные лица, по словам Гольденберга, сочувственно отнеслись к означенной мысли его; причем он лично, Самарская и Игнат Ивичевич высказались за открытое убийство, а остальные в пользу совершения такового из-за угла. Когда, таким образом, вопрос был в принципе решен, осуществление самого преступления представилось необходимым отложить, так как в начале января месяца в центральных тюрьмах допущено было свидание заключенных с их родными, а потому совершение убийства могло вызвать распоряжение о недопущении этих свиданий. Проживая в это время в Киеве, преимущественно в квартире, содержимой на

Ивановской улице Софьею Пеховской, где тогда помещался клуб образовавшегося в Киеве социально-революционного кружка, он, Гольденберг, отправился, наконец, в конце января в Харьков, куда одновременно прибыли Кобылянский, Зубовский и Людмила Волькенштейн, которая приняла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, нанятой с двойкою целью: служить местом сходов и затем укрыть участников преступления в первое после убийства время. Устроившись, таким образом, в Харькове и разместившись из предосторожности на разных квартирах, названные лица стали выжидать удобного для убийства случая.

...Наконец, 9 февраля Гольденберг окончательно решился привести в исполнение задуманное преступление, с каковым намерением, пользуясь выездом князя Кропоткина вечером этого дня на спектакль, бывший в здании реального училища, он вместе с Кобылянским уговорились ждать его возвращения около дома, в котором жил князь Кропоткин, и когда около 12 часов ночи карета последнего стала приближаться к дому, Гольденберг подбежал к ней и, схватившись за ручку дверец с левой стороны, произвел выстрел вовнутрь кареты чрез открытое окно и затем упал, не успев сделать второго выстрела. Сообщив о случившемся Волькенштейн и Зубковскому, Гольденберг, по его показанию, в ту же ночь отправился чрез Полтаву в Киев, где виделся с Самарской, Павлом Орловым, Дическулло, Ковалевскою, Иваном и Игнатом Ивичевичами, Бранднером, Дебагорио-Мокриевичем и Феохари; но из них сообщил об убийстве только Самарской, Орлову, Дическулло и Игнату Ивичевичу. Остановившись по приезде в Киев в квартире Самарской, Гольденберг на другой же день должен был уехать, так как в Киеве начались обыски, о

чем сообщили ему знакомые Самарской: Марина Избицкая, Банемов, Костицкий и Анна Лисовская.

Познакомившись тогда же, чрез посредство Самарской, с Ольгой Гамалей, он вместе с нею отправился в ее имение-деревню Кучаково Полтавской губернии. После того он снова приехал в Киев, куда возвратились на жительство, после убийства князя Кропоткина, Волькенштейн, Зубковский и Кобылянский. Затем отправился в С.-Петербург, чрез Харьков, где, разыскивая Козлова, познакомился с бывшим медицинским студентом, а ныне врачом Николаем Ивановым. Все дело по убийству князя Кропоткина, по объяснению Гольденберга, стоило 520 рублей, которые были внесены Зубковским.

Прибыв в первых числах марта 1879 г. в Петербург, Гольденберг, по его показанию, не имея определенной квартиры, встречался там с Мирским, Левенсоном, старым знакомым своим Зунделевичем (он же Мойша и Аркадий), Козловым, Плехановым, Еленой Кестельман и Александром Михайловым. В то время уже готовилось покушение на жизнь генерал-адъютанта Дрентельна, но Гольденберг, по его словам, ничего не знал об этом, а потому и ничего по настоящему преступлению, о котором он лично узнал лишь в день преступления, сообщить не может.

Но насколько незаметным для него прошло предыдущее преступление, настолько же, напротив, по словам Гольденберга, было деятельно участие его в деле покушения 2 апреля. Из показания его видно, что мысль о цареубийстве родилась в нем вскоре после убийства князя Кропоткина.

Для осуществления этой мысли Гольденберг по прибытии в Петербург обсуждал этот вопрос с Зунделевичем и Александром Михайловым с единственным намерением узнать их мнение по этому предмету, но, встретив, против всякого ожидания, их

сочувствие, стал готовиться к совершению самого преступления. Первоначально в дело это был посвящен Соловьев, а затем Людвиг Кобылянский и Александр, настоящей фамилии которого Гольденберг не знает. Таким образом, между названными шестью лицами происходило несколько собраний в разных трактирных заведениях, и затем, когда в принципе состоялось полное между ними соглашение, решено было как можно скорее приступить к приведению преступного намерения в исполнение. По словам Гольденберга, он первым вызвался осуществить этот замысел, а за ним предложил свои услуги Кобылянский, но предложения их не были приняты на том основании, что Гольденберг — еврей, а Кобылянский — поляк, тогда как признавалось необходимым, чтобы покушитель был непременно русский. Поэтому, когда после того предложил свои услуги Соловьев, его признали совершенно пригодным и совмещающим в себе все условия для этого дела.

После того, купив револьвер и подобрав к нему, при его, Гольденберга, участии патроны, Соловьев стал приготавливаться к выполнению преступного замысла. Ввиду возможности по сему делу обысков и арестов со стороны полиции, нелегальные, т. е. те из числа принадлежавших к противоправительственной партии, которые скрывались под чужими фамилиями, были предупреждены о необходимости немедленного выезда из Петербурга. Поэтому и Гольденберг, как тоже нелегальный... 31 марта уехал в Харьков, где и узнал от студента Подгаевского о неудавшемся покушении 2 апреля.

По отъезде из Петербурга Гольденберг, как из показания его видно, находился до половины июля 1879 г. в постоянных разъездах, предпринимавшихся без всякой определенной цели единственно в видах укрывательства. В этот период времени он виделся и

приходил в более или менее близкое соприкосновение с разными лицами.

<...>

...В это же время Гольденберг приезжал снова в Петербург, где сошелся с знакомым Александра Михайлова, Львом Александровым Тихомировым, встретил Петра Осипова Морозова, с которым познакомил его еще в 1878 г. Ипполит Головин, и наконец в бытность у Морозова, на квартире которого Гольденберг даже ночевал, виделся с знакомым Морозова Иваном Васильевым Буг, который знал Гольденберга под прозвищами «Биконсфильд» и «Шмидт». В этот приезд свой в Петербург, в нем, по словам Гольденберга, более чем когда либо укрепилось сознание необходимости дать террористической партии правильную организацию, с чем соглашался и Тихомиров, с которым Гольденберг более других обсуждал этот вопрос.

<...>

В июле 1879 года Гольденберг получил в Киеве от скрывающегося под чужим именем Николая Николаева Колоткевича сведение, что в Липецке, Тамбовской губернии, назначен съезд социально-революционных деятелей, принадлежавших преимущественно к партии «террористов». Мысль о подобном съезде особенно сильно занимала Гольденберга в последнее время, вследствие чего по этому вопросу, возбужденному им в Киеве, в апреле месяце, состоялось между его единомышленниками соглашение, в силу которого Зубковский и Зунделевич обязались вступить в сношение с наиболее влиятельными деятелями революционной партии, узнать их мнение по этому предмету и, если встретят в них единомыслие, разрешить вопрос о времени и месте съезда.

Поэтому Гольденберг тогда же отправился в Липецк, так как съезд назначен был, по сведениям

Колоткевича, 20 июля. Из дальнейшего показания Гольденберга видно, что съезд действительно состоялся и имел весьма важное значение в деле революционного движения. В нем принимали непосредственное участие, кроме Гольденберга, между прочим следующие лица: Александр Михайлов, Николай Колоткевич, Андрей Жилиябов, Мария Николаевна, Степан Ширяев, Лев Тихомиров, Александр (он же Преображенский), настоящей фамилии которого Гольденберг не знает, Николай Морозов и Михаил Фоменко. Заседания происходили в лесу и в других пригородных местах. Результатом их было общее соглашение о необходимости совершения нового преступления против жизни ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, но уже не тем способом, как 2 апреля, но посредством взрыва подъезда на железной дороге. По словам Гольденберга, это был первый случай, когда заговорили о применении к делу динамита. При этом решено было по возможности скорее выполнить замысел указанным способом, а также высказывалась необходимость одновременно с этим направить убийство на Одесского, Киевского и С.-Петербургского генерал-губернаторов. Кроме того, на съезде установлено было прибегать также к агитации среди молодежи, войска и общества. Вместе с тем на этом съезде, по словам Гольденберга, выработана была правильная организация партии «террористов» в форме образования Распорядительной Комиссии и Исполнительного Комитета, как органов, долженствовавших управлять делами фракции. Из дальнейшего показания Гольденберга по сему предмету видно, что Распорядительная Комиссия, по кругу возложенных на нее обязанностей, являлась как бы высшим органом, а Исполнительный Комитет—низшим. Распорядительная Комиссия должна была знать все совершающееся не только в террористическом движении, но даже во всей

революционной среде, причем на нее возлагалось также изыскивать средства на задуманное дело. Исполнительный Комитет состоял из лиц, которые должны были принимать на себя активное участие в задуманном предприятии. Комиссия должна была находиться в Петербурге, а члены Исполнительного Комитета в разных местах, где надобность укажет. За сим, по объяснению Гольденберга, членами Распорядительной Комиссии были избраны на съезде: Михаил Фоменко, Александр Михайлов и Лев Тихомиров, который сильно протестовал против этого избрания, так как он желал быть исполнителем; членами же Исполнительного Комитета назначены все остальные присутствовавшие на съезде, а также Зунделевич. Впоследствии, по словам Гольденберга, к комитету примкнули: Софья Иванова, Вера Николаева Филипова, урожденная Фигнер, рабочий Андрей Пресняков, Сергеева и Акимова (она же Баска), фамилии и имени которых Гольденберг не знает. Кроме того, на съезде были избраны редакторами предполагавшегося подпольного органа печати Лев Тихомиров и Николай Морозов; что же касается устройства самого органа, то вопрос этот имелось в виду обсудить в Воронеже, где в то же время происходил съезд партии «народников» и куда поспешили по окончании съезда в Липецке многие из участвовавших на нем лиц.

После того, в видах осуществления задуманного на съезде преступления, Гольденберг, как из показания его видно, ездил в Петербург, Одессу, Киев и Харьков... В то же время он узнал, что в Петербурге уже готовится Ширяевым динамит для замышляемого преступления... В первых числах сентября Гольденберг отправился в Харьков... Желая знать, в какой степени знакомы Харьковские социально-революционные деятели с последними действиями революционной партии и результатами съезда в Липецке, а также

сочувствуют ли они этому движению, Гольденберг, по его словам, устроил при содействии Кузнецова и Блинова несколько сходок. На первой из них... развивая теоретические взгляды свои на террористическое движение и не касаясь практических вопросов, Гольденберг, по его словам, пришел к убеждению, что понятия эти совершенно новы для большинства присутствовавших, но в то же время заметил в молодежи желание ближе познакомиться с этими вопросами. Вторая сходка имела место у студента Осипова, и на ней собралось около 40 человек. На ней, кроме Гольденберга, говорил также Андрей Жилиябов, причем, развивая те же положения, которых касался и Гольденберг, распространился в смысле возможности достигнуть путем террора влияния на общество и даже на внешние дела государства.

В 20-х числах сентября из Петербурга приехали в Харьков Ипполит Кошурников и Андрей Пресняков, привезя с собою около 3 пудов динамита и проволоку. Динамит этот первоначально хранился в гостинице, в которой они остановились, а затем у студента Нечаева и наконец у Гольденберга, нанявшего для себя квартиру в доме акушерки Сикорской.

С приездом Кошурникова и Преснякова, между ними, Колоткевичем, Жилиябовым и Гольденбергом начались, по словам последнего, совещания относительно приведения в исполнение состоявшегося в Липецке решения о взрыве на железной дороге. С этой целью Кошурников, еще раньше этого производивший, по объяснению Гольденберга, изыскания на Николаевской железной дороге, отправился для производства тех же изысканий на железнодорожном пути, пролегающем в Крыму, но поездка эта никаких результатов не имела. Затем решено было заложить мину под Лозово-

Севастопольской дорогой, и местом взрыва был избран Александровск, Екатеринославской губернии.

Для исполнения этого плана отправился в Александровск Жилябов и, назвавшись ярославским купцом Черемисовым, заявил в Думе желание открыть в этом городе кожевенный завод. Предложение это было принято весьма сочувственно в Думе, и Жилябов, наняв вблизи полотна дороги дом, дал задаток. В доме этом должны были, по предположенному плану, поселиться под видом устройства завода, Жилябов, Акимова (она же Баска), выдававшая себя за жену Жилябова, бежавший из административной ссылки Тихонов и неизвестный Иван, которые являлись в качестве рабочих. Предполагалось пробуровать в ночное время полотно железной дороги и, вставив туда медную трубу, начиненную динамитом, произвести взрыв во время следования царского поезда. Необходимые для сего инструменты и приспособления были, по словам Гольденберга, изготовлены под его наблюдением в Харькове. В то же время и в Одессе состоялось предположение о производстве взрыва на Одесской железной дороге, вследствие чего Гольденберг, отделив от бывшего у него динамита около пуда, послал таковой в Одессу с Татьяной Ивановой Лебедевой, которая должна была принять участие в Одесском взрыве. Устройство мины близ Одессы приняли на себя Колоткевич и Фоменко, который должен был пристроиться сторожить на железной дороге и вблизи своей будки заложить мину под рельсы. По словам Гольденберга, Фоменко действительно пристроился на 14-й версте от Одессы сторожем при камнях, а затем получил место будочника и жил вместе с Лебедевой, выдававшей себя за его жену.

В половине октября в Харьков приехал, по словам Гольденберга, Степан Ширяев и сообщил, что Аврамик

(так звали Гартмана) купил в Москве дом, откуда ведется подкоп под полотно железной дороги.

Вследствие сего 18 октября Гольденберг, по его показанию, уехал в Москву, где и принял участие в работах по делу Сухорукова, каковою фамилиею назвался Гартман в Москве. По словам Гольденберга, деятелями по покушению 19 ноября являлись Гартман, Софья Перовская, Ширяев, Кошурников, Александр Михайлов, Арончик, Галина Чернявская, студент Гришка и наконец он, Гольденберг, и Николай Морозов, который не мог за болезнью продолжать работы, а потому уехал из Москвы. Из числа этих лиц Гартман, Перовская и Гришка жили в доме, из которого устраивался подкоп, а остальные по разным квартирам, причем устроена была также конспиративная квартира для укрывательства в случае опасности. Работы по устройству этого подкопа, сопряженные с большими трудностями, производились быстро, в особенности же с того времени, когда по газетам сделалось известно, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет 19 ноября в Москве. Независимо от трудности работ, производство их сопровождалось постоянными тревогами и опасениями быть настигнутыми врасплох. В этих видах в доме Сухорукова устроены были мины на случай необходимости взорвать дом при явной опасности. На покрытие необходимых издержек по устройству мины, когда бывшие налицо средства стали приближаться к концу, представилось, по словам Гольденберга, нужным заложить дом, что и было исполнено Сухоруковым, получившим под залог его от какого-то купчихи 1000 руб. Между тем, когда работы стали близиться к окончанию и представилось необходимым заложить самую мину, оказалось, что наличного динамита будет недостаточно. Поэтому Гольденберг, как из показания его видно, отправился в Одессу, с целью привести в Москву динамит, предназначавшийся для взрыва на Одесской железной

дороге, где заложение мины представлялось излишним. На пути в Одессу Гольденберг, по его словам, встретился в Елизаветграде со знакомым своим, студентом Медико-Хирургической Академии Кибальчиком, который следовал из Одессы с проволокою, предназначенною в Александровске для Жилябова. По прибытии в Одессу, Гольденберг познакомился чрез Колоткевича с Герасимом Романенко и, кроме того, виделся с другими лицами, с которыми встречался раньше. Засим 13 ноября с запасом денег, принесенных для Московского дела Златопольским, Гольденберг, имея при себе чемодан с динамитом, отправился в Москву, но в Елизаветграде был задержан.

Делая означенные разоблачения и вступив, таким образом, на путь, по-видимому, вполне чистосердечного сознания, Гольденберг приводит также причины, приведшие его к такому решительному шагу. Из объяснения его видно, что путем долгого в последнее время размышления и беспристрастной оценки действий террористической фракции он пришел к полному убеждению, что стремления этой партии не только неосуществимы, но даже прямо направлены против блага народа, для которого партия эта посвятила свое существование.

Источник: Из справки (одесского губернского жандармского управления) начальнику верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликову о показаниях террориста Г. Гольденберга. // http://www.auditorium.ru/books/472/p_8.htm#%B9%2018.

Еврей-эсеры

Письмо заведующего наружным наблюдением Департамента полиции Е. П. Медникова начальнику Киевского охранного отделения А. И. Спиридовичу о расследовании убийства В. К. Плеве

4 августа 1904 года

Здравствуйтесь, дорогой Александра Иванович.

Что убийца министра оказался разыскиваемый д-том сын купца, бывш. студ. моек, университета, бежавший из Сибири, Егор Сергеев Сазонов, проживавший с 20 апреля по 10 июня сего года в Белостоке, по Болотистой ул., в д. Островского, в квартире вдвоем с своим сообщником по убийству, тоже арестованным 15 июля на Неве, лодочником, во время выбрасывания бомбы в реку, мещанином м. Кнышны, Гродненской губернии, Шелилем Лейбой Вульфовым Сикорским, по ремеслу кожевник, с которым Сазонов проживал в названном доме,

без прописки вида на жительство, более 6 недель, и выехали из Белостока около 15 июня. До 15 июля Сикорского установили, что он проживал несколько раз в Вильне и Острове, т. е. с 15 по 23 июня и со 2 по 7 июля в гостинице «Петербург», и в «Саксонии» с 9 по 13 июля и 14 числа провел в Острове в гостинице «Москва», вечером на 15 июля выехал в Петербург, а далее убийство и его арест на реке. Относительно Сазонова никаких сведений нет, где он проводил время с 10 июня по 15 июля сего года.

С Сазоновым и Сикорским еще находились в квартире два еврея, в которых одного по приметам признают за Наума Брумера, теперь будто живущего в Бердичеве по Толкучему пер., дом № 16, и также бывают в Ерусалимской пекарне, по Старой Базарной ул. Эти два господина начало весны жили в Белостоке, где теперь выяснилось, что «Борис» есть Гершун-Бореля Брумер, интеллигентный человек, учился в Одессе в одном техническом училище, и после исчезновения из Белостока Сикорского с Сазоновым исчез и Брумер, которого разыскали в Одессе и 2

августа его заарестовали и, кажется, с большим химическим поличным; вероятно, он работал бомбы, живя в Белостоке, для Покотилова и для Сазонова с Сикорским. Ждем с нетерпением сего разъяснения. По этому делу в Белостоке, когда ваши непримиримые и одесские тоже были там, то Сикорский во всех сходках участвовал, и его на двух сходках установили, т. е. 18 и 22 мая сего года. Кажется, что дознание одесских непримиримых и белостокских, и Виленских, и убийц министра соединят в одно дознание в Петербурге; посмотрим, что из этого будет.

Вам в декабре прошлого года Герасимов телеграфировал, что киевский комитет с.-р. устраивает покушение на министра. Мы вам выслали карточки Егора Сазонова, и весной ваш «Феодосий» ездил в Уфу с поручением от центра, неужели все это вам не дало возможности хотя приблизительно определить, кто сей «Феодосий», там еще говорилось и о приметах, и на эту бумажку до сих пор у нас ответа, кажется, нет. Кто же этот солидный господин? Ведь у вас был в конце апреля или начале мая брат убийцы Изот Сазонов, приезжавший за справкой в Киев, кто убит в Северной гостинице; брат Егора Сазонова думал, что погиб именно его брат. Есть очень много данных, что Николай Ильич Бронштейн бывал на свиданиях с группой, а вернее, с Егором Сазоновым, где-нибудь на нейтральной почве, а может быть, и в Вильне или Одессе. Проверены ли Бронштейна отлучки из Киева за период нынешнего года по день убийства? Карточки Сазонова и Сикорского при сем прилагаю, так как по карточкам Сазонова и Сикорского выдавшие ранее их сразу узнают в них Сикорского и Сазонова. Может быть, вы теперь все сообразите по данным разных партий, в особенности непримиримых, которые здесь играли первенствующую роль; теперь мы на пути к выяснению группы делателей и метальщиков, но очень далеки от

распорядителей, может быть, вам с прекрасной агентурой доставит случай что-нибудь, на счастье, сделать по этому очень серьезному делу. Если что-нибудь у вас будет клевать, пишите больше и подробнее. Может быть, что-нибудь дадите нам — нити для дальнейшего розыска. Во время пребывания у вас в Киеве «Попика», которого вы приняли как съездника, не было ли это собрание лиц участников Боевой организации, из лиц, участвующих в убийстве министра? Пишите по этому делу больше. Целую крепко, обнимаю дорогого киевлянина.

Весь ваш *Е. Медников.*

Источник: Письмо заведующего наружным наблюдением Департамента полиции Е. П. Медникова начальнику Киевского охранного отделения А. И. Спиридовичу о расследовании убийства В. К. Плеве от 4 августа 1904 года. // http://www.auditorium.ru/books/472/p_16.htm.

Деятельность Бунда

Донесение начальника Виленского охранного отделения Е. К. Климовича директору департамента полиции А. А. Лопухину о террористических планах членов Бунда

9 февраля 1905 г.

Совершенно секретно.

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что, по сделанному мне, сего числа, секретным сотрудником «Другом» докладу, Центральный Комитет Бунда пришел к решению, что в настоящее боевое время следует приступить к устройству вооруженных демонстраций, причем против вызываемых для восстановления порядка войск следует действовать

ручными разрывными бомбами малого размера — величиною в яблоко средней величины.

Направление это нашло себе горячих сторонников в г. Вильно, в лице членов Виленского Комитета Бунда: недавно вернувшегося из ссылки домашнего учителя Гожанского и супругов Ария и Анны Брумберг (последняя урожденная Лившиц), а в г. Минске в лице бежавшей из Сибири Шоси (Шмелевой Ципкиной, проживающей нелегально в названном городе вместе со своим братом, скрывающимся от отбытия воинской повинности.

Шося Ципкина, горячо доказывая необходимость действовать бомбами, высказывала, что приготовление бомб весьма просто и что в г. Минске один «химик» предложил изготовить «сколько угодно» таких бомб.

По моему предположению, таким «химиком» может оказаться проживающий в г. Минске Арон-Борух Ошеров Фрумкин.

Ротмистр Климович.

Источник: Донесение начальника Виленского охранного отделения Е. К. Климовича директору департамента полиции А. А. Лопухину о террористических планах членов Бунда. // http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19050209.html.

Донесение начальника Виленского охранного отделения Е. К. Климовича директору департамента полиции Н. П. Гарину о формировании социал-демократической террористической организации:

16 сентября 1905 г.

Секретно.

По полученным мною агентурным сведениям, в последнее время в организации Бунда и «Искры» идет сильная агитация о формировании общей «боевой

дружины» от обеих вышеуказанных организаций, под наименованием «Протестующих».

Цель этой организации — выполнение одиночных и общих террористических актов.

При сем докладываю, что за сформированием вышеназванной дружины мною установлено агентурное наблюдение.

Ротмистр [Подпись неразборчива]

Источник: Донесение начальника Виленского охранного отделения Е. К. Климовича директору департамента полиции Н. П. Гарину о формировании социал-демократической террористической организации. //

http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19050916.html.

Евреи-анархисты

Донесение начальника черниговского губернского жандармского управления Н. П. Рудова в департамент полиции об обстоятельствах ликвидации Нежинской группы террористов:

17 сентября 1905 г.

Совершенно секретно.

В представлении за № 6692 я докладывал, что в г. Нежин прибыл для руководства боевой организацией, вместо скрывшегося еврея-террориста, русский сапожник, под кличкой «Федька». При первом его появлении в Нежине удалось сотрудникам видеть его и даже войти с ним в связь, но при этом установлено, что он ведет крайне конспиративный образ жизни, ночует по разным квартирам, не имея постоянной и редко показываясь на улице; причиной тому, как он объяснял в среде близких ему людей, являлась боязнь ареста, так

как он будто бы уже разыскивается по обвинению в каком-то убийстве в Белостоке или Одессе.

При таких условиях наблюдение очень затруднялось, и когда я получил о том сведение, то 4 сентября прибыл в Нежин и лично приказал ротмистру Бакуринскому отложить поездки по дознаниям и принять все меры к аресту «Федьки» и его сообщников, ввиду того, что было получено сведение, что он готовится к какому-то преступлению и предполагает вызвать откуда-то сообщников.

Дальнейшим наблюдением добыто сведение, что действительно прибыло каких-то 4 личности и вместе с «Федькой» поселились в квартире Медведевой; тогда же ротмистром Бакуринским было сделано распоряжение об обыске и аресте в ночь с 12 на 13 сентября сказанных лиц. Причем полицмейстер г. Нежина был предупрежден, что, наверное, встретит вооруженное сопротивление.

Об обыске, аресте и оказанном сопротивлении полиции ротмистром Бакуринским донесено телеграммой и представлением за № 772.

По возвращении моем утром 13 сентября из поездки в Сурожский уезд я получил телеграмму от ротмистра Бакуринского, в которой он просил немедленного моего прибытия в Нежин ввиду серьезности положения дела.

В тот же день я выехал в Нежин, где застал местных властей в некоторой тревоге, так как боялись больших беспорядков при погребении убитого «Федьки», о чем получены были угрожающие анонимные письма полицмейстером и прокурором суда.

Однако погребение произведено по христианскому обряду в 6 часов утра, при надлежащих мерах предосторожности, но посторонних никого не было.

Два раненых, из арестованных, еврея первоначально были помещены в Земской больнице, но ввиду того, что получились сведения о готовящемся

нападении толпы на больницу для освобождения арестованных, и приняв во внимание, что в больнице нет никаких приспособлений для содержания арестантов и что для караула арестованных вызывается большой расход людей, я признал полезным перевести их в тюремную больницу, что и было произведено в ночь с 14 на 15 сентября.

Следствие производится судебным следователем по важнейшим делам под наблюдением прокурора суда, который просил меня оказать ему содействие к установлению личностей арестованных, что мною поручено ротмистру Бакуринскому; арестованных 4 человека — все евреи, и хотя имеют паспорта, но является сомнение в их действительности. По некоторым данным можно предполагать, что все они — бежавшие из Белостока; при обыске взято большое количество воззваний «Манифест анархистов-общников», печатанных в Белостоке.

Хотя этим арестом произведен большой разгром партии анархистов, но наблюдение требуется еще более усиленное, так как нет сомнения, что остались в Нежине сообщники, в особенности бывший ученик Нежинской гимназии Хелмовский, который является теперь одним из главных руководителей партии анархистов.

Положение раненых пристава Крещановского и городского Якименко — почти безнадежно, в особенности Якименко, которому нанесены тяжкие кинжальные раны в живот.

О приставе Крещановском я уже доносил в Департамент полиции как о чиновнике редком по своим служебным качествам, преданном службе до самопожертвования; на жизнь его было произведено покушение (донесение 21 июля 1905 года за № 4263).

Городовой Якименко известен всему Нежину как исполнительный, смелый, умный и расторопный

человек. О нем жалеет лучшее население в городе.

Потеря таких полицейских чинов, как пристав Крещановский и городской Якименко, весьма чувствительна для службы.

О дальнейшем ходе наблюдения буду доносить.

Источник: Донесение начальника черниговского губернского жандармского управления Н. П. Рудова в департамент полиции об обстоятельствах ликвидации Нежинской группы террористов. // http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19050917.html.

Донесение начальника черниговского губернского жандармского управления Н. П. Рудова в департамент полиции о взрыве в полицейском участке г. Нежина:

26 сентября 1905 г.

Совершенно секретно.

По получении телеграммы о брошенной бомбе в 1-й полицейский] уч[асток] г. Нежина, я в тот же день выехал в г. Нежин, где принял меры к объяснению этого преступления, виделся с сотрудником из партии анархистов, который заслуживает доверия, так как даваемые им сведения были всегда основательные и дали возможность взять типографию с «Набатом» и заарестовать 7 человек террористов, из коих убит «Федька».

Сотрудник рассказал, что в партии ничего не было известно о готовящемся преступлении и что только после взрыва бомбы стали говорить, что это дело прибывших на время 7 человек террористов из Одессы, Киева, Белостока и Лодзи; что они прибыли отомстить за смерть «Федьки» и при этом добыть денег, так как партия очень нуждается в средствах. Все 7 человек террористов евреи, задавшие целью ограбить акцизного сборщика по Нежинскому уезду, но этого им

в этот приезд не удалось выполнить, и сейчас же после взрыва все семь человек уехали из Нежина по своим местам; — но их следует ожидать в скором времени, так как они не бросили надежды добыть деньги путем ограбления и убийства акцизного сборщика. Помощнику моему, ротмистру Бакуринскому, поручил предупредить всеми мерами это преступление.

Положение г. Нежина в данное время весьма и весьма серьезное. Необходимо возможно скорее усилить штат полиции, о чем уже губернатор входит с ходатайством, а теперь усилена полиция двумя приставами и 15 стражниками.

Для успешности розысков по г. Нежину я прошу о командировании в возможно скором времени филеров по два человека из Одессы, Киева, Лодзи и Белостока, которым бы были известны хотя бы главные деятели в этих местностях из партии террористов. Серьезность положения дел в Нежине вызывает принятие самых экстренных, энергичных мер к установлению спокойствия и безопасности, что местными средствами в данное время почти невозможно: преступники бегут из местностей, объявленных на военном положении, и проявляют свою деятельность в таких городах, как Нежин, где удобство сообщений, большое население и малый штат полиции дают им возможность совершать преступления безнаказанно.

Местное общество терроризировано, власти отчасти растерялись и угнетены, полицейские чины хотят бросать службу.

Только что получена мною шифрованная телеграмма от ротмистра Бакуринского, копию которой представляю с моим ответом. В бытность мою в Нежине никаких указаний по содержанию этой телеграммы не было.

Полковник *Рудое*.

Источник: Донесение начальника черниговского губернского жандармского управления Н. П. Рудова в департамент полиции о взрыве в полицейском участке г. Нежина. // http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19050926.html.

Террористы-сионисты

Донесение ротмистра В. А. Левдикова директору департамента полиции Н. П. Гарину о готовящихся в Херсонской губернии терактах:

27 октября 1905 г.

Секретно.

Доношу Вашему Превосходительству, что, по полученным агентурным сведениям, на жизнь николаевского градоначальника и полицмейстера ротмистра Иванова готовится покушение, как возмездие за еврейский погром. Для означенной цели имеются две бомбы: одна фитильная для полицмейстера и другая самовзрывная, весом 12 фунтов, для градоначальника.

Та же агентура указывает, что из Одессы должны прибыть на днях транспорт оружия и 6 бомб («ершей») для действия ими против некоторых административных лиц, которых считают виновниками бывших событий 19 и 20 октября.

Ротмистр *Левди́ков*.

Источник: Донесение ротмистра В. А. Левдикова директору департамента полиции Н. П. Гарину о готовящихся в Херсонской губернии терактах. // http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19050927.html.

Циркуляр Департамента полиции начальникам губернских жандармских управлений и охранных

отделений о предотвращении террористических актов против членов Союза русского народа:

8 марта 1908 г.

Срочно.

Совершенно секретно.

В Департамент полиции поступили сведения о целом ряде выступлений революционных организаций против членов патриотических партий, главным образом лиц, принадлежащих к Союзу русского народа, и преимущественно председателей отделов названного союза. Так, в текущем месяце в одной Черниговской губернии в гор. Бахмач брошена бомба в дом председателя местного отдела союза, в гор. Нежин подожжен дом председателя союза, причем в огне погибла вся семья, в с. Домьянах убит председатель отдела, в Нежине убиты два председателя отделов и т. д.

Сообщая об изложенном, Департамент полиции предлагает Вам, милостивый государь, по получении сего немедленно направить находящуюся в Вашем распоряжении агентуру для предупреждения подобных посягательств революционеров на жизнь лиц, принадлежащих к Союзу русского народа, и, в случае проявления означенных преступлений в пределах местности, вверенной Вашему наблюдению, принять самые энергичные и действительные меры к обнаружению виновных.

За Директора С. *Виссарионов* За Заведующего Отделом М. *Броецкий*

Источник:

http://www.auditorium.ru/books/472/p_23.htm#%E284%96%20113 %

Глава четвертая

Революционеры и террористы из местечек

Один из вечных вопросов— реальное участие евреев в революционном движении в конце XIX — начале XX века. Мы не будем подробно рассказывать о каждом из революционеров со специфичной внешностью и фамилией (с их краткими биографиями можно ознакомиться в нашей книге), а лишь сообщим малоизвестные факты.

С 1892-го по 1902 год 23,4 % привлеченных к дознанию социал-демократов были евреями, а русских — 69,1 %. При этом нужно учитывать фактор «средней температуры по больнице». Например, на территории черты оседлости в Юго-Западном крае показатели были иными — 49,4 % и 41,8 % соответственно, а в Южном крае — 51,3 % и 44,2 % соответственно. А в Одессе из общего количества привлеченных к дознанию подозреваемых 75,1 % были евреи.

В 1901-1903 году среди лиц, арестованных за политические преступления, евреи составляли около 29,1 % (2269 человек). Для сравнения: из 136 миллионов подданных Российской империи только 6 миллионов — евреи! В период с марта по ноябрь 1904 года более половины всех привлеченных по политическим делам составляли евреи (53 %). В 1905 этот показатель снизился до 34 %, хотя среди сосланных в сибирскую ссылку было 37 % евреев^[48]. При этом число революционно настроенных иудеев не снизилось, а еще больше увеличилось. Просто их стало меньше в общей массе русских, польских, литовских и других революционеров. Евреи участвовали не только в

интернациональных партиях (эсеры, социал-демократы и т. п.), но и в национальных.

В число табуированных тем советской официальной истории входило и подробное описание деятельности «Всеобщего еврейского рабочего союза Литвы, Польши и России» или, как еще его называют, — Бунда (на идиш Bund — союз). И дело не только в боязни историков «скатиться» в область сионизма, но и риск того, что внезапно померкнет деятельность социал-демократов во главе с Владимиром Лениным. Вот что писал о Бунде очень компетентный и объективный специалист— генерал-майор Александр Иванович Спиридович:

«То была крепкая, хорошо законспирированная революционная организация, спаянная еврейским фанатизмом, жаргоном (имеется в виду язык идиш. — *Прим, авт.*) и ненавистью к русскому правительству. Ее центральный орган «Арбейтерсштимме» издавался на жаргоне, и на жаргоне выходила вся агитационная литература. Оттуда же шла новая тактика «агитации» для всей русской социал-демократии, обоснованная в брошюре Цедербаума и открывавшая новый период в истории социал-демократического движения в России. Там же в Минске, в 1898 году состоялся съезд, на котором была организована Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

Было ясно, что Департамент полиции прозевал новое революционное движение... По некоторым агентурным данным началась работа филеров по Ковно, Гродно, Минску, Белостоку и некоторым еще пунктам. По результатам наблюдения начались массовые аресты... Целыми вагонами возили арестованных в Москву... Шли допросы и по ним производились расследования. Результаты обысков, в общем, были недостаточно хороши. Бундовцы вели себя весьма конспиративно и осторожно... Держались бундовцы на допросах, с революционной точки зрения, хорошо,

говорили мало, но далеко не все — были и словоохотливые. При допросах шло привлечение сотрудников (вербовка тайных осведомителей. — *Прим, авт.*), которых так недоставало по западу, и агентура была на вербована...

Увлечение марксизмом было в то время повальной болезнью русской интеллигенции, развившейся еще в 90-х гг. Профессура, пресса, молодежь — все поклонялись модному богу — Марксу. Марксизм с его социал-демократией считался тем, что избавит не только Россию, но и весь мир от всех зол и несправедливостей и принесет царство правды, мира, счастья и довольства. Марксизмом зачитывались все, хотя и не все понимали его. Студенческие комнатки и углы украшались портретами "великого учителя", а также Энгельса, Бебеля и Либкнехта.

Само правительство еще недавно покровительствовало марксизму, давая субсидии через своего сотрудника на издание марксистского журнала. Оно видело в нем противовес страшному террором народовольчеству. Грамотные люди, читая о диктатуре пролетариата Маркса, не видели в ней террора и упускали из виду, что диктатура невозможна без террора, что террор целого класса неизмеримо ужаснее террора группы бомбистов. Читали и не понимали, или не хотели понимать того, что значилось черным по белому...

...Несколько иной характер носила работа у социал-демократов. У них в Киеве было больше кружков. Кружки делились на кружки российской социал-демократической рабочей партии и бундовские. Комитет первой состоял частью из русских, частью из евреев и был хорошо законспирирован. Его типография отлично работала. В кружках шли правильные занятия. Часто устраивались сходки. Сходки происходили обычно на квартирах, но с наступлением теплого

времени устраивались массовки. За городом, где-либо в лесу собирались, как на прогулку, сорганизованные рабочие. Выступали ораторы. Раздавались призывы к пролетариату: бороться с буржуазией; победа над капиталом, диктатура пролетариата — вот цель борьбы. Великий Маркс сказал... и т. д. Первые массовки удавались, но потом мы научились предупреждать их без особого шума. Разъезд-другой казаков, и при виде их массовка разбегается ураганом...

Труднее было совладать с так называемыми "биржами". На Подоле (район Киева. — *Прим, авт.*), где жила главная масса евреев, эсдеки выбирали какую-либо улицу, и там в определенный час собиралась партийная публика. Агитация, «дискуссии» шли в открытую. Жаргон слышался повсюду, русской речи не было. При появлении полиции все смолкало, на тротуаре мирное гулянье... Брать было не за что... Посылали патрули, при виде которых молодежь разбегалась, но и это не помогало, «биржи» продолжались.

Весь еврейский Подол был, в сущности, сорганизован по разным партиям... все что угодно. Все это ширилось, росло, вздымалось. Старое небогатое еврейство с беспокойством посматривало на эту социалистическую молодежь, которая уже с 9—10 лет попадала в кружки, читала прокламации, разбрасывала их, выполняла разные революционные поручения. Она считала себя сознательной, сорганизованной, смеялась над стариками и в большинстве не признавала синагоги. Ветхозаветные старики качали головами. Богатое же еврейство, ослепленное блеском золота, веря только в свое всемогущество, не замечало, какой враг, единый по вере и крови, нарождался у него. А он рос и множился, отчасти на его деньги. Мы же с ним

боролись только полицейскими мерами. Конечно, этого было недостаточно»^[49].

С ним согласен начальник варшавского Главного жандармского управления Павел Павлович Заварзин. Он справедливо утверждал:

«Религия, народность, быт, национальная психология и воспитание спаивали сильнее, чем только доктрины классово-борьбы. Из среды таких образований было чрезвычайно трудно приобретать серьезных секретных сотрудников, как равно и работать с ними было весьма тяжело, так как они должны были быть весьма сдержанными и осмотрительными. Национальные партии относились весьма чутко к неудачам своих предприятий, и в таких случаях у них всегда являлось опасение, нет ли в среде "provokatora", а потому старались еще тщательнее подвергнуть проверке друг друга и усугубить конспирацию. В случае же обнаружения "сотрудника розыска" он предавался смерти, иногда даже при невероятных обстоятельствах»^[50].

Мы уже указали на то, что первый съезд РСДРП организовали (технически) члены Бунда.

Другая причина — репутация у еврейской социал-демократической партии замарана не меньше, чем у большевиков. И те, и другие, не смущаясь, тайно брали деньги на свою деятельность от иностранных спонсоров. Единственное различие: российских евреев финансировали сионистские организации, а большевиков, кроме иудеев, еще и немецкая разведка.

Рождение Бунда

«Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России» родился в сентябре 1897 года на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно. Для большинства евреев это событие померкло на фоне прошедшего в Базеле (Швейцария) другого мероприятия, повлиявшего на мировую историю прошлого века. В августе 1897 года состоялся Первый Сионистский Конгресс. Над входом в зал, где собрались две сотни мечтателей и романтиков, висел плакат: «Если мы захотим — это не будет сказкой». После окончания трехдневного мероприятия «президент в изгнании» Теодор Герцль с уверенностью занесет в свой «Дневник»: «В Базеле я основал Еврейское государство». И все же, пожалуй, скептики в чем-то были правы — склонность к авантюре была действительно присуща участникам Конгресса. «В следующем году в Иерусалиме» — фраза, повторявшаяся из поколения в поколение, постепенно начала воплощаться в жизнь.

В принятой Конгрессом знаменитой «Базельской декларации» торжественно говорилось о том, что сионизм стремится обеспечить пользующийся признанием общества и закона национальный очаг еврейского народа в Палестине. Еврейский народ должен возвратиться в Сион в результате собственных усилий. «Народ только сам себе может помочь, — торжественно заявил в своей речи на открытии Конгресса Теодор Герцль. — Еврейский вопрос отныне должен превратиться в сионистский вопрос».

На Первом конгрессе уже стало вырисовываться особое идеологическое направление, пытавшееся синтезировать идеи социального и национального

освобождения, рассматривающее социализм и сионизм как две стороны одной и той же медали. Молодые революционеры из России— Нахман Сыркин и Бер Борохов— стояли у истоков т. н. «социалистического марксистского сионизма», выдвинув популярный в еврейских пролетарских массах лозунг: «От класса к народу».

Теодор Герцль, посетивший в начале XX века Россию, был поражен осведомленностью министра внутренних дел Плеве, который не преминул пожаловаться вождю сионизма на его российских последователей. «Ваши ученики подводят вас», — сказал всесильный царский министр, продемонстрировав отчеты из Департамента полиции, свидетельствующие, что подавляющее большинство «российских сионистов» не занимается вожделенной Палестиной, но зато весьма активно орудует на поприще разного рода антиправительственных, социалистически-революционных движений^[51].

В Российской империи, где проживало около пяти миллионов евреев, в главном «поставщике» жителей будущего государства Эрец Израэль, фактически сформировалось и активно начало действовать две противоположные силы. Первые — сионисты — активно выступали за массовую эмиграцию евреев из страны. Вторые— революционеры и представители российской бизнес— и научно-культурной элиты — наоборот, решили создать свое государство на территории Российской империи.

К деятельности сионистских организаций власти относились не то чтобы благосклонно, скорее равнодушно, и иногда даже пытались негласно поддержать их деятельность. Хотим ли мы этого или нет, но в Российской империи в конце XIX — начале XX века существовала проблема бытового антисемитизма.

Связано это не только с многовековым европейским антисемитизмом (напомним, что в Российской империи евреи появились только в XVI–XVII веках вследствие раздела Польши и других завоеваний), но и с множеством других факторов. Например, это активное участие иудеев в террористических актах в отношении не только представителей властей, но и самого Государя Императора. Активное участие евреев в коммерческой деятельности, начиная от владения заводами в Москве и Санкт-Петербурге и заканчивая посреднической деятельностью в провинции. Последнее раздражало крестьян и рабочих значительно больше, чем крупный бизнес. Поэтому властям было выгодно удалить из страны источник раздражения основной массы граждан. Другое дело, что из страны в Палестину хотели уезжать немногие.

Необходимость жесткого ограничения на выезд евреев в Советском Союзе возникла после окончания Второй мировой войны. Государство Израиль с момента своего создания проводило проамериканскую внешнюю политику, и Москве не хотелось содействовать процветанию своего врага.

С теми, кто ассимилировался в российское общество, власти поступали гуманно. Достаточно было принять православие, и автоматически снимались все ограничения, существовавшие для лиц иудейской веры. В Советской России до конца Второй мировой войны не требовалось даже и этого. Достаточно проявить свои профессиональные качества и постоянно демонстрировать лояльность к государству. В этом случае, наравне с представителями других национальностей, гарантировалось получение всевозможных Сталинских, Ленинских, Государственных и других премий. Научные звания — до самого высшего — академика (это сейчас любой желающий может его купить, а тогда его присваивали

за исключительно высокие научные достижения), а также карьера всемирно известного скрипача, шахматиста, актера, врача и т. п.

С теми, кто выступал за создание «государства Израиль» на территории Российской империи, власти пытались бороться. Большинство смутьянов (мы не рассматриваем категорию лидеров, теоретиков движения, писателей и других профессионалов, достигших высот на избранном пути) — недоучившиеся студенты, субинтеллигенция, а также слабовольные юноши и девицы, попавшие под влияние лидеров, переполненные эмоциями и готовые погибнуть ради «светлого будущего»^[52].

Большинство этих людей поддерживали или были членами Бунда. Поэтому мы и начнем с лаконичного рассказа о специфичных методах этой еврейской организации.

Террористы из Бунда

Руководство партии лицемерно утверждало, что политический и экономический террор как система противоречит тактике организации, и поэтому террористические акты ни при каких обстоятельствах не должны быть включены в ее программу. Как и большевики, члены Бунда отрицали такой способ борьбы не из принципа, а исходя из своего понимания конъюнктуры текущих исторических условий, заявляя: «В настоящее время мы считаем террористическую борьбу нецелесообразной». Как и меньшевики, бундовцы никогда официально не признавали террор приемлемой формой борьбы, однако это не мешало их руководителям оказывать моральную поддержку террористам других партийных направлений, а рядовым членам — принимать время от времени участие в терактах.

В соответствии с резолюцией, гласившей, что «стихийные и сознательные террористические акты должны служить лишь агитационным средством для внесения [революционного] сознания в рабочую и общественную среду», лидеры Бунда не упускали случая использовать политические убийства, совершенные другими организациями, в своих интересах, аплодируя успехам террористов в борьбе с ненавистным им царским режимом. В феврале 1902 года, например, они выпустили листовку, озаглавленную «1 марта», в которой прославляли убийство народовольцами Александра Второго:

«Будем сегодня вспоминать наших великих революционных предшественников, проявивших такой героизм в борьбе с царским правительством. Пусть память об этих бескорыстных героях и борцах... даст

нам новую силу для борьбы с проклятым самодержавием».

Многие бундовцы открыто рукоплескали террористическим методам на партийных съездах, а четырнадцать комитетов на местах публично пропагандировали терроризм. Их аргументы оказались достаточно убедительными, чтобы заставить большинство участников пятой конференции Бунда в Бердичеве в августе 1902 года голосовать за принятие резолюции о целесообразности «организованной мести». Вот только менее чем через год делегаты партийного съезда в Цюрихе поспешили официально отказаться от идеи террора в программе Бунда, справедливо опасаясь не только усиления репрессий со стороны властей, но и усиления антисемитизма. При этом часть делегатов все же настаивала на занесении в протокол особого мнения:

«В общем, относясь отрицательно к террору как средству борьбы с самодержавием, считаем, что когда организованные массовые протесты невозможны, организованный террористический акт может быть дозволен».

Если лидеры Бунда недвусмысленно признавали террористические методы, то бундовские функционеры рангом ниже, более радикально настроенные и менее интересующиеся теоретическими вопросами, чем партийные генералы, были готовы идти и дальше, вплоть до активного участия в терроризме. Это проявилось особенно ярко после взрыва массовых выступлений в 1905 году, когда в нескольких центрах еврейского радикализма, таких как Одесса, бундовские боевые действия были более успешны, чем выступления местных эсеров.

Как и в других революционных группах, месть была одним из главных мотивов политических убийств, совершенных членами Бунда, особенно если речь шла о

служащих полиции и коллаборационистах. И во многих случаях члены Бунда, в явном противоречии с традиционным марксистским мышлением, прибегали к актам кровавого возмездия. Так, например, в еврейском местечке Жагоры, где в конце 1905 года вся «власть была в руках бундовцев... революционная власть приговорила к смерти двух провокаторов. Приговор был приведен в исполнение. Предстояла еще казнь старого исправника и других»^[53].

Наиболее известный и широко обсуждавшийся в обществе акт мести бундовцев был совершен в Вильно 5 мая 1902 года, когда рабочий-сапожник Гирш Лекерт во время циркового представления выстрелом из револьвера ранил губернатора Виктора фон Валя (полное имя Виктор Карл Конрад Вильгельм фон Валь) «в ответ на жестокость и унижительную расправу с демонстрантами — массовую порку». Действительно, жертва приказала высечь 28 молодых рабочих (из них 22 еврея) после первомайской уличной демонстрации. Хотя сам стрелок тоже не был законопослушным подданным Российской империи. В 1900 году он возглавил нападение группы евреев численностью примерно 500 человек на полицейский участок с целью освобождения арестованных товарищей^[54].

Применение губернатором телесных наказаний вызвало бурю протестов среди членов Бунда, и Центральный комитет партии выпустил прокламацию, клеймящую репрессивные меры властей. Эта прокламация, в полном противоречии с официальной позицией партии, недвусмысленно взывала к мести:

«Мы не можем думать и говорить спокойно о том, что произошло в Вильно. Из тысяч честных сердец несется один общий крик: месть! Мы уверены, что из среды еврейского пролетариата восстанет мститель, который отомстит за надругательство над своими

братьями; и если будет пролита человеческая кровь, то ответственность за это падет на царя и его диких слуг».

Гирш Лекерт отозвался на этот пламенный призыв, а ЦК Бунда восславил его жертвенный поступок (террорист был повешен по приговору суда):

«Честь и слава мстителю, принесшему себя в жертву за своих братьев!».

Таким образом, даже Иностраннный комитет, обычно придерживавшийся антитеррористической позиции, «в атмосфере, близкой к истерии», заверял:

«В таких случаях, как... апрельская расправа в Вильно, револьвер является единственным средством для облегчения первых нестерпимых мук пораженной общественной совести, для того чтобы люди не задохлись от душащего их негодования»^[55].

Поступок этого человека не остался забытым в Советском Союзе. В 1922 году в Минске ему поставили памятник, потом, правда, снесли. В 1927 году будущий классик советского кино Григорий Рошаль снимает фильм «Его превосходительство» (другие названия «Губернатор и сапожник», «Гирш Леккерт», немецкие источники приводят еще одно название, куда более красноречивое — «Еврей»), Несмотря на явную политизацию темы, кинокартина, по утверждению современных критиков, получилась на хорошем профессиональном уровне. Разумеется, авторам картины пришлось соблюсти рамки «политкорректности» той эпохи. Вместо Бунда изобразили некую марксистскую организацию, хотя в Вильно ее точно не было. Кроме того, идеологической благонадежности ради, на экран выведена еврейская буржуазия, которая якобы обратилась к губернатору с просьбой предотвратить погром, а арестованных наказать. В результате этого предательского акта

погрома не было, но арестованных выпороли, а Гирш Леккерт исключительно из мести стрелял в фон Валя.

О том злополучном выстреле Гирша Леккерта были сложены песни, написаны драмы «Рассказ о царских розгах» М. Рафеса и «Гирш Леккерт» Х. Лейвика и А. Кушнирова (по некоторым данным, сценарий фильма Григория Рошаля был написан именно по этой пьесе и по документальным материалам неведомого никому Долгопольского, однако в титрах фильма какие-либо указания на это отсутствуют)^[56].

Хотя члены бундовских организаций на местах чаще всего прибегали к терактам в целях мести или при оказании вооруженного сопротивления при аресте, в некоторых случаях политические убийства практиковались ими и для того, чтоб утратить и затерроризировать своих врагов до полного паралича. Это особенно выявилося во время Революции 1905 года, когда бундовцы часто применяли оружие против правительственных войск. Чаще всего это были ночные обстрелы патрулей и казарм, а также метание гранат и бомб в военнослужащих. Жертвами террористов часто становились рядовые и младшие офицеры полиции, не имевшие никакого отношения к контрреволюционной борьбе, а занимавшиеся обеспечением порядка на улицах и борьбой с уголовной преступностью.

Как и другие социал-демократы, бундовцы часто прибегали к насилию во время забастовок и в других конфликтных экономических ситуациях: «Это [был] так называемый "экономический террор", осуждавшийся организацией, но все же применявшийся довольно часто». Например, уже упоминавшийся выше Гирш Леккерт вместе со своими товарищами с помощью физического насилия заставлял штрейкбрехеров покидать рабочие места. Бундовцы также следили за тем, чтобы во время забастовок магазины и конторы

оставались закрытыми, и приказы полиции о том, что они должны работать как обычно, не имели эффекта, потому что, по словам одного бундовского боевика, «владельцы боялись нас больше, чем полиции».

В октябре 1905 года во время рабочих беспорядков в Гомеле и в декабре того же года во время всеобщей забастовки промышленных и торговых предприятий в Ковно члены специальных боевых отрядов Бунда использовали прямое насилие, чтобы остановить всю работу, стреляя при этом в правительственные войска.

Бундовцы также разрешали с помощью насилия частные конфликты между поддерживавшими революцию рабочими и их работодателями.

Бундовцы прибегали к террору и для срыва выборов в первую Государственную Думу. Как и большевики, они не только агитировали за бойкот выборов, но и нападали на избирательные участки и, угрожая оружием, забирали и уничтожали списки избирателей^[57]. По иронии судьбы, их соплеменники делали все, чтобы провести в думу своих кандидатов. Понятно, что те и другие преследовали одну цель — стать во главе национального политического движения.

В своих попытках сорвать мирную парламентскую работу бундовцы часто заходили дальше, чем другие социал-демократы. В Бобруйске, например, они разогнали предвыборный митинг, используя петарды и другие взрывные устройства и стреляя в воздух из револьверов. Подобные взрывы насилия в связи бундовской официальной политикой активного бойкота Государственной Думы происходили столь часто, что уже в январе 1906 года, в самом начале предвыборной кампании, революционные лидеры на страницах своих газет предостерегали членов партии от совершения лишком вызывающих терактов, способных повести к вооруженным столкновениям.

Таким образом, Бунд выбирал, в принципе, те же методы, что и другие террористы. Отличалась же его деятельность тем, что партия действовала в основном в еврейских местечках или недалеко от них и почти никогда в Москве или Санкт-Петербурге. Также нужно учитывать, что в местечках, с целью защиты от погромов, члены Бунда организовывали так называемые «отряды еврейской самообороны», якобы исключительно для защиты мирного населения в черте оседлости от антиеврейских выступлений. На деле эти отряды часто занимались политическим террором против правительства и его сторонников, а также организацией еврейских погромов. Да-да, иногда евреи сами устраивали вооруженные провокации против местного населения.

Этому существует достаточно много свидетельств. Так, в синагогах Ростова-на-Дону и Нахичевани часто собирались экстремисты из евреев и христиан, получавшие оружие от местной еврейской общины для формирования отрядов самообороны. На этих собраниях ораторы призывали членов отрядов к «безжалостным насильственным действиям» против местных властей. В результате такой радикальной агитации активисты отрядов самообороны открывали беспорядочную стрельбу на улицах, среди жертв которой, наряду с другими, были и дети. В дополнение к этому революционные лидеры набрали специальную боевую группу из членов отряда самообороны и отдали приказ бросать взрывные устройства в нескольких местных чиновников, включая и губернатора Ростова-на-Дону. Лидеры еврейской общины в местечке Амдуре Гродненской губернии обратились к властям с просьбой защитить их от радикалов и указали место, где хранилось оружие отряда самообороны. Еврейские патриархи понимали, что местные активисты были больше заинтересованы в совершении

антиправительственных терактов и усилении общей анархии, чем в защите еврейских интересов. К тому же они опасались ответных мер со стороны православного населения. Революционерам что— они накануне погромов исчезнут из города. Богатые евреи смогут защититься с помощью полиции, а что делать всем остальным?

Используя тактику устрашения, Бунд сумел настроить против себя не только правительство, но и бедное аполитичное еврейское население. Прибегая к угрозам и прямому насилию, партия брала на себя роль посредника в экономических спорах рабочих и работодателей и даже в частных конфликтах. Молодые бундовцы также оскорбляли религиозные чувства членов еврейских общин, когда они врывались в синагоги во время праздничных служб и, угрожая оружием, разгоняли молящихся и устраивали в молитвенных домах революционные сходки. Когда же вмешивалась полиция и очищала синагоги от радикалов, лидеры Бунда в прокламациях представляли это как преследование правительством за их национальные ценности и традиционный еврейский образ жизни, не упоминая о том, что революционеры стреляли в сотрудников правоохранительных органов прямо внутри храмов. Например, такой инцидент произошел в Минске в октябре 1905 года. А в январе 1906 года до смерти избили полицейского пристава и городского, подло воспользовавшись тем, что они пришли без взвода солдат [\[58\]](#).

Кровавое воскресенье

В истории российского революционного движения важные события происходили при активном участии евреев. Неважно, было ли это проведение первого съезда РСДРП или революция 1905 года. Даже в таком виде бы чисто русском событии, как «Кровавое воскресенье», тоже оказался замешан еврей— эсер и начальник инструментальной мастерской Путиловского завода Петр (Пинхас) Моисеевич Рутенберг. Фактически, вместе со священником Георгием Гапоном он организовал «Общество русских фабричных и заводских рабочих». Именно близость к руководителю этой организации позволила Петру Рутенбергу превратиться в заметную фигуру в обществе эсеров. Ведь фактически священник создал легальную рабочую организацию, насчитывающую тысячи членов.

Когда руководство партии социал-революционеров узнало о готовящейся акции, то оно приказало Петру Рутенбергу принять участие в ней. Предполагалось, что когда члены делегации будут вручать петицию императору, то эсер застрелит царя, а потом сумеет скрыться в общей суматохе. Разумеется, об этом коварном плане Георгий Гапон не знал.

События, произошедшие 9 января 1905 года, достаточно подробно изложены в школьном учебнике истории, поэтому мы не будем рассказывать еще раз о сотнях убитых и тысячах раненых. Отметим лишь, что священника спас от неминуемой гибели Петр Рутенберг. Срезал предусмотрительно взятыми с собой ножницами бороду и длинные волосы попа, передел его и отвел на квартиру к своему приятелю — писателю Максиму Горькому. Потом священник перебрался за границу, через год вернулся обратно и был убит все тем же

Петром Рутенбергом. Эсеры вынесли Георгию Гапону смертный приговор за его сотрудничество с «охранкой».

Пока Георгий Гапон весной-летом 1905 года наблюдал за происходящими в Российской империи событиями из-за рубежа, Петр Рутенберг активно действовал. По решению ЦК партии эсеров он был назначен руководителем военной организации, занимавшейся боевой подготовкой масс и приобретением оружия. Летом 1905 года он принимал участие в попытке доставить оружие в Россию на пароходе «Джон Крафтон», которая закончилась неудачей.

В начале осени 1905 года он был арестован в Петербурге по доносу провокатора, освобожден из тюрьмы после выхода «Манифеста 17 октября». В ноябре-декабре того же года Петр Рутенберг возглавлял боевую дружину эсеров в одном из рабочих районов Санкт-Петербурга.

Так или иначе, он был вынужден отправиться в эмиграцию, где начался новый этап в его жизни. Биографы практически не сообщают о его личной жизни в российский период.

По некоторым сведениям, он принял православие, чтобы жениться на русской женщине. Впоследствии он вернулся к иудаизму. Вот как он сам десять лет спустя характеризовал революционный период своей жизни:

«Как и большинство еврейской учащейся молодежи моего поколения, молодежи из черты оседлости, я должен был преодолевать "нормы" и "проценты", чтобы добиться высшего образования, права жительствова. И в большом городе, в его большой жизни, вдали от семейного круга, я обнаружил путь и потребность, которая зрела во мне еще с детских лет, там, в еврейском "гетто", — потребность в протесте и борьбе против притеснения и преследования. И тогда я добровольно вступил в лагерь русских революционеров

и служил ему с преданностью изо всех моих сил. Верой и правдой, не за страх, но за совесть. Всего себя я посвятил этому служению, все, что было в моих силах. Русская литература, наука, искусство и музыка раскрыли предо мной всю глубину страдания русского народа. Страдания евреев переплетались и соединялись с ними. Будучи изначально далеким от этих страданий, я все больше и больше видел их, все больше и больше слышал их.... В результате этого влияния, я, как и многие люди моего круга, удалялся все дальше от своего многострадального народа, пока не оторвался и не ушел от него окончательно».

Он эмигрировал в Италию и порвал со своим революционным прошлым. Вот тут ему пригодился диплом инженера, полученный в Санкт-Петербургском университете. Он занялся гидротехникой. Тогда же он впервые обращается к специфическим еврейским проблемам:

«В то время, еще задолго до войны, встали передо мной следующие вопросы. Почему я, культурный человек, обладающий определенным авторитетом, почему я стесняюсь своего "еврейского происхождения" и пытаюсь всеми силами и способами скрыть его от неевреев? Почему так же поступают очень многие другие евреи, люди, без сомнения, обладающие уважением и авторитетом? Почему неевреи, те люди, к которым я отношусь с большим уважением, даже близкие мне, мои товарищи революционеры, за единичными исключениями, почему и они не "любят" евреев, почему они в глубине души — антисемиты? Почему этот антисемитизм, в той или иной форме, существует не только в России, где есть так много бесправных, преследуемых и унижаемых евреев, но и в других странах, где евреев мало и они имеют все гражданские права?»

Петр Рутенберг приходит к выводу, что еврейский вопрос может быть решен только путем национальной организации еврейского народа. Именно с этого времени он целиком посвящает себя сионизму. Среди его достижений во время Первой мировой войны — участие в создании Американского Еврейского Конгресса. Тогда же он под псевдонимом Пинхас Бен-Ами издает на идиш свою книгу «Национальное возрождение еврейского народа», написанную им по-русски в Италии.

Будучи в Америке, Петр Рутенберг разработал детальный ирригационный план для Палестины и план использования гидроэнергии. Претворение этого плана в жизнь становится его мечтой. Хотя судьба вновь отправляет его в Российскую империю.

В феврале 1917 года Петр Рутенберг был одним из многих эмигрантов, приветствовавших революцию и желавших вернуться в Россию. Когда в Нью-Йорк прибыл посланник нового правительства Борис Бахметьев, представители русской эмиграции организовали ему восторженную встречу в зале Мэдисон-Сквер-Гарден. Петр Рутенберг был избран председателем собрания. В этом мероприятии участвовали и еврейские активисты, например, редактор газеты «Форвертс» Эйб Каган.

Благодаря своим связям Петр Рутенберг смог покинуть Нью-Йорк на одном из первых направлявшихся в Россию пароходов уже в июле 1917 года. В Петрограде его тепло встретил соратник по партии эсеров Александр Керенский, возглавлявший Временное Правительство и нуждавшийся в энергичных единомышленниках. Несмотря на 12-летнее отсутствие в России и фактический отход от деятельности эсэров, уже через несколько дней Петр Рутенберг был назначен заместителем губернского комиссара Санкт-Петербурга

(должность, аналогичная губернатору в царской России).

За несколько дней до Октябрьской революции Петр Рутенберг был назначен помощником одного из лидеров партии кадетов — министра внутренних дел Николая Михайловича Кишкина — особоуполномоченным правительства по «водворению порядка в Петрограде». Позже Петр Рутенберг утверждал, что якобы предлагал Александру Керенскому арестовать и казнить двоих — Льва Троцкого и Владимира Ленина.

Ненависть Петра Рутенберга к большевикам была взаимной. Вот строки из составленного Львом Троцким и Антоновым-Овсеенко обращения Петросовета от 28 октября (10 ноября):

«Граждане Петрограда! Керенский бежал из города, бросив вас на попечение Кишкина, сторонника сдачи Петрограда немцам, на попечение Рутенберга, черносотенца, саботировавшего продовольствие города, на попечение Пальчинского, стяжавшего единодушную ненависть всей демократии».

Петра Рутенберга арестовали вместе с членами последнего правительства, и в течение шести месяцев он провел в Петропавловской крепости. В 1919 году он бежал из Советской России в Палестину, где и умер в 1942 году^[59].

Взрыв в гостинице «Бристоль»

Среди евреев — членов Боевой организации партии эсеров Максимилиан Ильич Швейцер занимает особое место. Он считался лучшим специалистом по изготовлению «адских машин» и руководил Петербургским отделением Боевой организации.

Сын еврейского банкира с гимназической скамьи начал готовить себя к революционной деятельности. После окончания смоленской гимназии он решил перебраться в Москву и стать профессиональным минером. Годы учебы в Московском университете на естественном отделении физико-математического факультета были потрачены на интенсивную самоподготовку.

Начал он с того, что прекратил спать на кровати: он вычитал у доктора Маршана, что сон на голых досках не только закаляет организм, но еще и способствует прояснению мысленной деятельности, ведущейся во время сна. Проболев весь первый семестр, студент все же себя переборол. Химия и физика как нельзя лучше способствовали приучению тела к боли: во время опытов Максимилиан Швейцер постоянно обжигал себе руки, один раз едва не лишился глаза, готовя гремучую смесь, и, кроме того, все время «стукался» током. Мало того, он еще и физкультурой начал увлекаться. Гири, упражнения на укрепление пресса и ног, ежедневные пробежки и купания в любую погоду в реке постепенно делали из некогда изнеженного юноши крепкого, как его называли затем многие, «несгибаемого» террориста. Одновременно он активно общался с социал-демократами. Вошел в состав исполнительного комитета, готовившего студенческие выступления. 27 января 1902 года был арестован на сходке, в ходе

обыска у него обнаружили революционную литературу. Особое совещание приговорило Максимилиана Швейцера к ссылке под надзор полиции в Иркутскую губернию.

Ссылку он отбывал в селе Нохтуйск в Якутской губернии. Во время вынужденного безделья сблизился с эсерами. В марте 1903 года вернулся домой — в Смоленск, где принял активное участие в создании городской организации. В октябре 1903 года был вынужден бежать за границу. В том же году в Швейцарии вступил в Боевую организацию партии социалистов-революционеров, стал техником по изготовлению динамита и бомб. В конце 1903 года с грузом динамита приехал в Россию. Вот как описал один из эпизодов его деятельности другой член Боевой организации Борис Савинков:

«Швейцер получил от Азефа адрес партийного инженера. С помощью этого инженера он должен был в земской лаборатории изготовить пуд динамита. Задача ему предстояла трудная. Необходимо было незаметно приобрести нужные материалы; необходимо было соблюдать строжайшую конспирацию; наконец, необходимо было мириться с неустранимыми недостатками не приспособленной к изготовлению динамита лаборатории. Швейцер справился со всеми затруднениями. По подложному открытому листу на имя уполномоченного земства он закупил материал, и один, скорее с ведома, чем при помощи вышеупомянутого инженера, приготовил необходимое нам количество динамита. На этой работе он едва не погиб и спасся только благодаря своему хладнокровию. Размешивая желатин, приготовленный из русских, нечистых химических материалов, он заметил в нем признаки разложения, т. е. признаки моментального и неизбежного взрыва. Он схватил стоявший рядом кувшин с водой и, второпях, стал лить прямо с руки, с

высоты нескольких вершков от желатина. Струя воды разбрызгала взрывчатую массу, желатинные брызги попали ему на всю правую сторону тела и взорвались на нем. Он получил несколько тяжелых ожогов, но дела не бросил и, лишь изготовив нужное количество динамита, уехал в Москву. Там он пролежал несколько дней в больнице. Динамит он привез в Петербург в июне».

Одно из первых его изделий революционеры использовали для убийства министра внутренних дел Вячеслава Константиновича Плеве 15 июня 1904 года. По утверждению экспертов, самодельное взрывное устройство было начинено специально разработанной «бомбистом» взрывчаткой, более мощной, чем стандартная.

По мнению современников, это убийство было личной мстью руководителя Боевой организации Евно Азефа чиновнику за якобы проводимую им антисемитскую государственную политику.

Сам Евно Азеф тоже оставил яркий след в истории изготовления и применения бомб революционерами. Именно он стал инициатором перехода от «револьверного терроризма» к «динамитному».

Другая бомба Максимилиана Швейцера должна была унести жизнь самого императора. Ее предполагалось закамуфлировать в букет цветов и вручить государю на одном из балов. В качестве запасного варианта предполагалось застрелить жертву из револьвера. Исполнительница — дочь якутского вице-губернатора Татьяна Леонтьева. Покушение сорвалось из-за того, что после военных неудач в русско-японской войне были отменены все балы.

Еще несколько бомб планировали использовать для грандиозного теракта 1 марта 1905 года — в день панихиды в соборе Петропавловской крепости по убитому четверть века назад Александру II. Метатели с «адскими машинами» должны были встретить по

дороге в крепость командующего Петербургским гарнизоном великого князя Владимира Александровича, министра внутренних дел А. Булыгина, товарища (заместителя) министра внутренних дел П. Дурново, петербургского генерал-губернатора Д. Трепова. Фактически, террористы обезглавили бы российское правительство. За всю историю революционного движения такой изощренный и адский план был единственным.

Евреи Евно Азеф и Максимилиан Швейцер не смогли его реализовать. В результате несчастного случая или диверсии (мог нагадить один из завистников — коллег по Боевой организации) бомбопроизводитель погиб. Вот как об этом сказано в официальном документе Департамента полиции:

«...В ночь на 26 февраля 1905 г. в г. Петербурге в меблированных комнатах "Бристоль", помещающихся в д. № 39-12, на углу Морской и Вознесенского проспекта (сейчас на этом месте находится гостиница "Астория". — *Прим, авт.*), произошел приблизительно часа в 4 утра взрыв в комнате № 27. Силой взрыва в означенном доме, по фасаду, обращенному к Исаакиевскому скверу, во всех четырех этажах выбиты стекла в 36 окнах. Прилегающая часть Вознесенского проспекта (панель и часть мостовой) в беспорядке завалены досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными силой взрыва из разрушенных помещений. Часть этих вещей перекинуло через всю ширину проспекта (37 шагов) в Исаакиевский собор, в котором на протяжении 16 шагов повалило даже чугунную решетку в трех пролетах. Взрывом произведено более или менее значительное разрушение в прилегающих к комнате № 27 номерах 25,26 и 24, в коридоре, соединяющем эти номера, а также в прилегающем к № 27 ресторане «Мишель». Заметное разрушение произвел взрыв в меблированных

комнатах в третьем этаже, расположенных над комнатой № 27, а также в комнатах, расположенных в первом этаже. Номер 27 носил следы полного разрушения: состоял он из комнаты, 6 аршин 5 вершков вышины, с двумя окнами и дверью в коридор. Стены в этой комнате оказались частью разрушенными, частью выпученными наружу. Штукатурка потолка и карнизов растрескалась и местами обвалилась. В окнах все стекла и рамы выбиты и разрушены. Подоконник и часть рамы окна, ближайшего к ресторану «Мишель», обуглены, как равно и обои в этом месте. В амбразуре второго окна, на штукатурке откосов и в остатках рамы имеются выбоины, а откос окна забрызган кровью. Печка частью разрушена. Пол комнаты сплошь покрыт обломками деревянной перегородки, отделявшей соседний номер, штукатурки и мебели. Металлическая кровать с двумя матрацами, стоявшая у капитальной стены, отделявшей ресторан «Мишель», в беспорядке и засыпана штукатуркой; на ней в скомканном виде лежали две подушки, две простыни, два байковых одеяла, номер газеты «Neue Freie Presse» от 24 февраля и книги на французском языке. У капитальной стены, прилегающей к световому дворику, стояли комод и шкаф, от которых после взрыва остались только обломки задних стен. У капитальной стены, выходящей на Вознесенский проспект, стояли: письменный стол, трюмо и этажерка, но от этих вещей не осталось даже следа. У капитальной стены в том месте, где находились комод и шкаф, на груде обломков досок и мебели, в расстоянии одного аршина от стены, лежал обезображенный труп мужчины. Голова его, обращенная к окнам, откинута назад, так что открыта шея, лицо обращено прямо к окнам. Туловище лежит спиной книзу. Грудная полость совершенно открыта спереди, в правой ее половине ничего нет, позвоночник в грудной и отчасти в брюшной полости открыт. Из

левой половины грудной полости видны оба легкие. В связи с головой сохранились части плечевого пояса с прилегающими мышцами, а также руки без кистей и части предплечья. Брюшная полость совершенно разорвана; сердце было найдено среди обломков мышц в области левого плечевого сустава. Правая нога с частью таза лежит параллельно туловищу, на ней имеются остатки нижнего белья. Левая нога, с частью тазовой кости лежит на разрушенной стене, служившей перегородкой между 26 и 27 номерами. Части пальцев и мягких частей тела были найдены в Исаакиевском сквере.

<...>

Судя по расположению наиболее глубоких и обширных повреждений в области передней поверхности туловища и на нижнем отделе верхних конечностей, принимая во внимание расположение ожогов, следует полагать, что в момент взрыва покойный был обращен ближе всего передней и нижней частью туловища к снаряду; например, если он стоял у стола, на котором разорвался снаряд. Судя же по остаткам одежды на трупе, можно думать, что в момент взрыва покойный был одет только в белье. Взрыв, по-видимому, произошел у окна, и силою взрыва тело Мак-Куллона (террорист имел при себе паспорт, оформленный на британского подданного Артура Генри Мюра Мак-Куллона. — *Прим, авт.*) было брошено на противоположную капитальную стену и вверх, где имеются обильные следы крови в виде мазков и брызг; оттуда, в силу тяжести, оно упало на место, где было найдено. Смерть наступила моментально».

Эксперты дали оценку и самого взрывного устройства:

«...В комнате № 27 были найдены вещи, принадлежавшие погибшему от взрыва: иностранный паспорт на имя великобританского подданного Артура

Генри Мюра Мак-Куллона и различные предметы, составляющие, по-видимому, части разорвавшегося снаряда. Эти последние были исследованы экспертом, который, на основании результатов исследования, дал следующее заключение: взорвавшийся снаряд был устроен так, что мог употребляться как метательный снаряд. Оболочка его была легкая, из жести, 0,3 миллиметра. Разрывной заряд снаряда составлял магнизиальный динамит, приближающийся по силе к гремучему студню, наиболее сильному из нитроглицериновых препаратов. Взрыв произошел от взрывчатого вещества детонатора, помещенного в детонаторской трубке снаряда, по-видимому, гремучей ртути. Сам снаряд мог быть значительных размеров для ручного снаряда и допускал наполнение зарядом взрывчатого вещества в количестве 4-5 фунтов».

Спустя три недели после взрыва в гостинице «Бристоль» были арестованы все члены (20 человек) террористической группы. Среди задержанных оказалась и уже упоминавшиеся выше Татьяна Леонтьева. На ее след полиция вышла случайно. Один из эсеров доставил ей на квартиру чемодан с взрывчаткой^[60].

Убит по приказу Петра Столыпина

Революционеры-террористы в своих действиях руководствовались не только политическими, но и меркантильными интересами. Описания их вооруженных нападений— готовые сюжеты для американских «боевиков»: много стрельбы с ранеными и убитыми, динамичные погони и порой неожиданный финал. Мы расскажем об одном из таких эпизодов — вооруженном нападении на транспорт, перевозивший казенные деньги, 14 октября 1906 года в Санкт-Петербурге, где лидер банды и половина ее членов были евреи. Все они принадлежали к радикальному крылу партии эсеров — «максималистам».

Цитата из газеты того времени:

«Экспроприация 368 тысяч рублей. В одиннадцать часов транспорт казенных денег в количестве 600 тысяч рублей выехал из портовой таможни на Гутуевском под обычным в последнее время конвоем из семи конных жандармов с ружьями в руках и направился в губернское казначейство, находящееся на Екатерининском канале.

Деньги транспортировались в мешках, из которых в одном находилось золотом 3600 рублей, в другом 368 тысяч рублей, в третьем 229 тысяч 400 рублей в процентных бумагах. В карете ехал помощник казначея С. П. Герман в сопровождении двух присяжных счетчиков. Транспорт ехал, как всегда, медленно, почти шагом, и благополучно достиг угла Фонарного переуллка и набережной Екатерининского канала.

Было 11 часов 27 минут дня. У угла дома № 83, где помещается в первом этаже портерная, против будки электрического трансформатора и пешеходного мостика через канал, транспорт неожиданно был

окружен сравнительно небольшой толпой человек в пятнадцать молодых людей. Под лошадой был брошен металлический разрывной снаряд вершка в два длины и около трех четвертей в диаметре. В тот же момент последовал страшный взрыв. Одна лошадь с перебитыми передними ногами упала на землю. Карета остановилась. Растерявшийся конвой от неожиданности и испуга отпрянул от транспорта, а взбесившиеся лошади галопом понесли пролетку в противоположную сторону набережной. Лишь унтер-офицер конвоя остался на месте и открыл пальбу, уложив на месте одного из нападавших. Не успел еще затихнуть гул первого взрыва, как вновь раздался страшный грохот второго взрыва, происшедшего, по словам кучера, под каретой и, по словам других, близ ворот следующего по каналу дома № 81. После второго взрыва сидевшие в карете, открыв двери, в страшном испуге бросились бежать, оставив в карете мешки с деньгами, по набережной к Вознесенскому проспекту. Тем временем нападавшие окружили карету со всех сторон, трое из них схватили мешки и бросились бежать врассыпную, но по разным направлениям. Остальные злоумышленники выхватили браунинги, открыли беглую стрельбу по поднявшимся и спешившим к месту схватки жандармам. Последние стали отвечать, стреляя из винтовок...

Завязалась жаркая и горячая перестрелка. Злоумышленники, захватившие мешок с 368 тысячами рублей кредитными билетами, на бегу успели передать его какой-то даме, очевидно, своей сообщнице, поджидавшей на углу Фонарного и Офицерской, сидя на извозчике.

Результат нападения: дама помчалась на своем извозчике и успела скрыться. Самое нападение, взрывы бомб и перестрелка тянулись не более пяти минут. Швейцар одного из домов на противоположной

набережной Екатерининского канала бросился в пивной вклад "Ливония" и оттуда сообщил по телефону в четвертый участок Спасской части. Немедленно к месту схватки в карьер понеслись жандармский дивизион и конно-полицейская стража. Из казарм Лейб-гвардии стрелкового полка, расположенных недалеко от места схватки (Воздвиженский переулок, д. 15), выбежала первая рота. Держа ружье на руку, бегом прошла на набережную канала. Туда же поспешила первая рота городских. Злоумышленники, ведшие перестрелку, начали отступать и бросились бежать в разные стороны по обоим берегам канала и почти все скрылись.

Один из них, убегая по Фонарному переулку, на углу Казанской, против ресторана Кина, случайно обронил бомбу. Последовавшим взрывом были ранены сам убегающий, дворник и случайно проходившая женщина-прислуга.

Один из нападавших скрылся в воротах проходного дома № 91 по Катерининскому каналу.

Четверо злоумышленников из числа отстреливавшихся добежали до Офицерской улицы, очевидно, не желая обратить на себя внимание. Некий прохожий, указывая на них дворнику дома на Офицерской Алексею Харитонову, сказал: "Что смотришь? Это идут скрытые в серых шляпах преступники, только что стрелявшие на набережной". Харитонов бросился к шедшим сзади и нанес одному из них имеющимся у него твердым предметом удар по голове (метлой). Тот обернулся и выхватил револьвер, но не успел выстрелить, так как Харитонов нанес ему второй удар, оглушив его и свалив с ног. Харитонову на помощь бросился его родной брат Михаил и дворник дома № 5, крестьянин Голубев. Они успели сбить с ног остальных трех уголовников, уходивших в это время. К месту схватки явился на помощь своим пятый злоумышленник. Последний на бегу открыл стрельбу из

браунинга по дворникам. Один из упавших злоумышленников, придя в себя, также начал стрелять в них. Все три дворника были ранены. Михаил Харитонов получил шесть огнестрельных ран, из которых две в бок очень тяжкие. Сильнее всех пострадал Алексей Харитонов, он ранен смертельно. Сюда, привлеченные стрельбой, поспешили офицер Нейшлотского полка Н., рядовой стрелкового полка и городской Казанской части. Двумя выстрелами из винтовки рядовой уложил на месте одного из злоумышленников, второй был тяжело ранен штыком в лицо и ударом приклада в голову тем же солдатом, третий — шашкой городовым.

Один из злоумышленников, преследуемый городовым и прохожими, бежал по Фонарному переулку, при повороте в Максимилиановский переулок он быстро оборачивается и производит в своего преследователя, городского, выстрел из револьвера, но неудачно. Он падает под ударом шашки городского.

По Мариинской площади бегом мчится в серой шляпе молодой человек. На мосту беглеца окружают городовые. Он бросает пустой револьвер и быстро опускает руку в правый карман. Раздается глухой треск, и он падает, обливаясь кровью, на мостовую. Был ли это случайный выстрел или намеренный, с целью самоубийства, неизвестно.

Невредимыми задержаны четыре злоумышленника. Из них один был арестован...

У злоумышленника, раненного шашкой в голову городовым, был отнят мешок с золотой монетой на 3600 рублей. Третий похищенный мешок с процентными бумагами преследуемый, будучи смертельно ранен выстрелами жандармских солдат, бросил по дороге...»

А 19 октября 1906 года в «Новом времени» была помещена короткая информация «К вооруженному нападению на транспорт с казенными деньгами»:

«...В порядке закона от 19 августа 1906 года преданы военно-полевому суду... Суд признал виновными неизвестного, именовавшего себя Сергеем, Ицко Рабиновича, Евгения Эйхенбаума, Ивана Мишина, Александра Кочеткова, он же Сомов и Розенберг, Ивана Толмачева, Сергея Голубева и Павла Дорофеева и постановил: подвергнуть названных лиц смертной казни через повешение. Что же касается подсудимых Никиты Лебедева, Афанасия Михайлова и Николая Ларишкина... За недостаточностью очевидности направить дело в обычном порядке. Упомянутый приговор приведен в исполнение. 18 октября в четвертом часу утра... на пароходе морского министерства были перевезены в Кронштадт, где за чертой крепости над ними был приведен в исполнение смертный приговор».

А вот организатора вооруженного нападения смерть настигла в ноябре 1906 года на борту парохода «Олаф». Судно совершало плановый рейс из Стокгольма в Лондон. Эсер Янкель Черняк после ограбления сбежал за границу. В Швеции его арестовала местная полиция и должна была выдать своим российским коллегам. Вот только местные социалисты сделали все, чтобы преступник смог уйти от заслуженного правосудия. Его сумели отправить в Англию. Вот только до нее он так и не доплыл живым. В конце января 1907 года министр внутренних дел Петр Столыпин сообщил своему коллеге — министру юстиции о том, что обвинявшийся в ограблении портового казначея 14 октября 1906 года мещанин Янкель Черняк был отравлен на пароходе, на котором он ехал в Лондон, агентом охранного отделения, коему было поручено наблюдать за Черняком...». Также Департамент полиции установил имя дамочки, скрывшейся с деньгами. «Мещанка Адель Габриелевна Каган; отец и сестра ее Ревекка

проживают в Гродно». А вот она сумела уйти от заслуженной кары [\[61\]](#).

Трагедия в Киевском театре

Убийца премьер-министра Петра Столыпина еврей Дмитрий Богров действовал в одиночку. Застрелить высокопоставленного чиновника он решил самостоятельно. Не было решения руководства партии эсеров или какой-либо другой политической силы. Перед казнью он извлек меланхолически свое толкование жизни: «Жизнь — это лишняя тысяча съеденных котлет!». В этом нет ничего удивительного. Ведь его дед — преуспевающий адвокат и домовладелец — был очень богатым человеком, а отец — членом киевского Дворянского клуба. Тягу к сытой жизни не смогло вытравить даже его увлечение политикой. Именно это и привело его на эшафот.

Детские годы Дмитрия Богрова стали временем формирования его нигилистических воззрений. Еще гимназистом он посещал кружки самообразования, отдавая свои симпатии то эсерам, то анархистам. Окончив гимназию, будущий убийца поступил в Киевский университет, где еще сильнее сблизился с анархистами. Отец, которого не могли не смущать настроения сына, от греха подальше отправил Дмитрия в Мюнхен, в тамошний университет, где уже обучался юриспруденции его старший брат Владимир. Однако, как вспоминал тот впоследствии, Дмитрий почти не ходил на лекции, а большую часть времени проводил в библиотеке, где увлеченно штудировал отцов-теоретиков анархизма — Кропоткина, Реклю, Бакунина.

В конце 1906 года Дмитрий вернулся в Киев и сразу же вступил в кружок анархистов-коммунистов, но очень скоро разочаровался в них и предложил свои услуги... Департаменту полиции. Его услуги оценили высоко и стали платить по 150 рублей в месяц. Для сравнения —

от отца он получал по 70 рублей на «карманные расходы». Кроме этого, он числился помощником присяжного поверенного (адвоката). Этого было вполне достаточно для безбедной жизни. Но Дмитрий Богров любил не просто безбедную, но «сладкую жизнь»: он был завсегдатаем дорогих клубов и ресторанов, всегда изысканно одевался, увлекался женщинами, но еще больше — картами, много и азартно играл. Склонность к азарту проявилась и в той двойной игре, которую он вел с охранкой и с революционерами^[62]. Например, весной 1911 года он помог бежать в США Степану Клиенко. Последний был арестован в марте 1906 года и приговорен к 15 годам каторги за покушение на избивавшего солдата офицера — служивый не отдал честь. В 1907 году Степан Клименко бежал с каторги и в течение нескольких лет находился на нелегальном положении^[63].

Играл Дмитрий крайне неудачно, и революционеры заподозрили его в нелояльности. Если бы дело происходило за несколько лет до этого, то товарищи по подполью, скорее всего, убили бы Дмитрия Богрова. Нравы тогда были суровые. А к 1911 году его лишь отстранили от активной деятельности. Да той и не наблюдалось. Почти все подпольные организации, неважно чьи: эсеров, социал-демократов или анархистов, — были уничтожены. А деньги в Департаменте полиции считать умели. И пришлось Дмитрию Богрову придумывать несуществующий заговор (покушение на Петра Столыпина) — чтобы получить очередную зарплату от «охранки». А уже потом, когда его допустили в летний Купеческий театр и снабдили билетом, решился на убийство.

Сначала он планировал застрелить Николая Второго. Следователю по особо важным делам Фененко

во время допроса 2 сентября 1911 года Дмитрий Богров рассказал:

«...Я получил билет и находился в Купеческом саду 31 августа, где стоял сначала около эстрады с малороссийским хором, а затем перешел в аллею, ближе к царскому шатру, стоял в первом ряду публики и хорошо видел прохождение государя...».

На этом допросе убийца, «давая показания, между прочим упомянул, что у него возникла мысль совершить покушение на жизнь государя, но была оставлена из боязни вызвать еврейский погром. Он, как еврей, не считал себя вправе совершить такое деяние, которое вообще могло бы навлечь на евреев подобное последствие и вызвать стеснение их прав».

Процитированные показания допрашиваемый подписать отказался, и на их основании был составлен другой протокол. Свой отказ он мотивировал тем, что «правительство, узнав о его заявлении, будет удерживать евреев от террористических актов, устрашая организацией погромов». То есть, с одной стороны, он не хотел еврейских погромов, но с другой — он еще больше не хотел, чтобы евреи из-за боязни погромов отрешились от революции, которая в сознании Дмитрия Богрова ассоциировалась исключительно с терактами.

Выстрелы прозвучали в Киевском оперном театре в присутствии Николая Второго и его дочерей во время второго антракта оперы «Жизнь за царя». Злая ирония судьбы — одному из верных сподвижников императора погибнуть во время исполнения произведения с таким названием. Хотя и сюжет героической смерти Ивана Сусанина тоже можно «привязать» к трагедии 1911 года. Жертва стояла недалеко от императорской ложи, когда к ней подошел убийца... [\[64\]](#)

После выстрелов премьер-министр прожил еще несколько дней. Сначала врачи выражали надежду, что рана не слишком опасна, и ждали улучшения и благоприятного исхода. «Здоровье П. А. Столыпина улучшается», — сообщали российские газеты 4 сентября 1911 года. Но уже на следующий день отмечалось, что «появились признаки воспаления брюшины — положение очень серьезное». А 5 сентября 1911 года в 10 часов 12 минут Петр Аркадьевич Столыпин скончался.

Весть о смерти премьер-министра быстро облетела Киев и усилила и без того сильную панику среди еврейского населения. Убийца был иудеем, а потому ждали погромов со стороны русских националистов. По городу действительно начались стихийные демонстрации «истинно русских людей», но власти приняли все меры для недопущения погромов. Киевский генерал-губернатор заявил, что им приняты все меры «к предупреждению и предотвращению каких-либо нарушений порядка». Несмотря на это, многие еврейские семьи спасались бегством из Киева. «На вокзале творится нечто невероятное; пробиться к вокзалу невозможно. Там скопились тысячи евреев, — сообщали газеты. — Отправляются двойные поезда во всех направлениях. Настроение крайне угнетенное».

Премьер-министра похоронили 9 сентября 1911 года в Киево-Печерской лавре, возле Трапезной церкви. Он предчувствовал, что его убьют, и оставил завещание, в котором просил похоронить его в том городе, в котором встретит смерть. «Серое, пасмурное утро. Флаги на консульствах приспущены. Со стороны лавры мчатся автомобили и вереницей тянутся экипажи, — писали газеты. — Для желающих не хватает места в вагонах трамвая. Они целым потоком направляются в лавру». Непрерывной толпой шли депутации с венками — их было более двухсот. Депутация от академических

студенческих организаций Петербурга возложила серебряный венок с надписью: "Великому патриоту Великой России". На венке, перевитом лентой национальных цветов, значилось: "Бессмертному П. А. Столыпину — студентакадемисты Петербурга"».

На следующий день после похорон Петра Аркадьевича Столыпина в 10 часов вечера его убийца, осужденный военным судом, был казнен через повешение. Приговор был приведен в исполнение на Лысой горе, над обрывом, в четырех верстах от киевской тюрьмы «Косой Капонир», где содержался Дмитрий Богров. При казни присутствовали полицеймейстер, два его помощника, пять участковых приставов, много околоточных и городских, заместитель прокурора и помощник секретаря окружного суда, городской врач и общественный раввин. По воспоминаниям очевидцев, труп положили в вырытую близ виселицы яму, закрыли досками, засыпали и сровняли с землей.

В день казни приговоренный беседовал в тюрьме с раввином, сказав ему: «Передайте евреям, что я не желал причинить им зла, наоборот, я боролся за благо и счастье еврейского народа». На упреки раввина, что он своим преступлением мог вызвать еврейские погромы, тот ответил: «Великий народ не должен, как раб, пресмыкаться перед угнетателями его». А еврейская газета «Правда», издававшийся в Нью-Йорке на русском языке, спустя несколько дней выражала восторг по поводу поступка Дмитрия Богрова, освободившего Россию от «николаевского вешателя»: «Мы не боимся и нас не пугает возможность, что человек, стрелявший в нечеловека (изверга), — еврей; что рука, вновь поднявшая в России знамя борьбы, знамя свободы, — это еврейская рука»...

В 1912 году в Киеве поставили памятник премьер-министру на главной улице — Крещатике, перед

зданием Городской думы. До наших дней он не уцелел — во время февральской революции 1917 года был снят революционным народом. Бронзовую статую Петра Столыпина отправили на завод «Арсенал» в металлолом, а на месте реформатора спустя два года поставили памятник еврею — Карлу Марксу^[65].

Приложение

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА КОНТРАРАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Представленный ниже документ был составлен Александром Парвусом (Израилем Гельфандом) в феврале 1915 года и содержал предварительный план разрушения существовавшего в Российской империи государственного строя революционным движением на германские деньги. Германия не рассчитывала, что война на восточном фронте против России так затянется.

Ее экономика не выдерживала дальнейшего продолжения военных действий. Поэтому германское руководство стремилось всеми доступными средствами принудить Россию к сепаратному миру.

Набор средств у Берлина был ограничен. Легальная оппозиция царскому режиму в лице руководства партии кадетов и членов Государственной Думы активно сотрудничала с британской и французской разведками и поэтому не могла быть использована.

Единственным доступным средством было использование радикальной оппозиции. Жившие в эмиграции революционеры не могли активно участвовать в политической жизни страны. Берлин был готов щедро профинансировать подрывную деятельность этих людей. Скорее всего, в Германии рассчитывали, что они не сумеют завоевать власть, но

зато дезорганизуют экономику, как это было в 1905 году.

И тут как раз на руководство Германии с планом организации в России революции вышел Александр Парвус. Несмотря на свое еврейское происхождение, он, как и Лев Троцкий, давно порвал с иудаизмом, мечтая о победе Мировой революции.

Часть плана он дописал уже в Берлине. Из-за этого при чтении документа может возникнуть впечатление, что там имеются повторы. План был передан немцам 9 марта 1915 года, и те сразу же начали финансировать его воплощение в жизнь.

При чтении документа нетрудно заметить, что Владимир Ленин в 1917 году действовал именно в соответствии с этим планом. Ввоз денег, оружия и подрывной литературы осуществлялся на немецкие деньги через территории нейтральных стран. С Александром Парвусом Владимир Ленин поддерживал отношения через связных Карла Радека и Якова Ганецкого (Фюрстенберг)^[66].

Меморандум д-ра Гельфанда

Подготовка массовой политической забастовки в России

К весне надо подготовить в России массовую политическую забастовку под лозунгом: свобода и мир. Центром движения будет Петербург, а в нем — Обуховский, Путиловский, Балтийский заводы. Забастовка должна охватить железнодорожные коммуникации Петербург— Варшава, Москва — Варшава и Юго-Западную железную дорогу. Железнодорожная забастовка будет проведена прежде всего в крупных центрах с большим количеством рабочих, в железнодорожных мастерских и т. п. Чтобы сделать забастовку всеобщей, везде, где только можно, будут

взорваны железнодорожные мосты, как это имело место во время забастовочного движения 1904–1905 гг.

Благодаря личному авторитету некоторых лидеров немецкой и австрийской социал-демократии можно и сегодня от них немалого добиться. После тщательного предварительного зондирования надо провести съезд лидеров русской социал-демократии в Швейцарии или в другой нейтральной стране. В съезде должны участвовать: 1) социал-демократическая партия большевиков; 2) партия меньшевиков, 3) еврейский Бунд; 4) украинская организация «Спилка»; 5) польская социал-демократическая партия; 6) социал-демократическая партия Польши; 7) социал-демократическая партия Литвы; 8) финская социал-демократия. Съезд может состояться лишь тогда, когда будет заранее обеспечено единодушное решение о начале непосредственной акции против царизма.

Возможно, съезду должен предшествовать обмен мнений между большевицкой и меньшевицкой партиями русской социал-демократии. К участию в съезде можно еще привлечь: 9) армянскую партию Дашнакцутюн; 10) Гнчак^[67].

Помимо своего громадного организационного значения, съезд также и своими решениями немедленно окажет большое воздействие на общественное мнение во Франции и Англии.

Конференция русских социалистических вождей

Это дело может быть осуществлено только под руководством российской социал-демократии. Ее радикальное крыло уже приступило к действиям. Но надо, чтобы к ним присоединилась и фракция умеренного меньшинства. До сих пор такому объединению более всего препятствовали радикалы. Однако две недели назад их лидер Ленин сам открыто

поднял вопрос об объединении с меньшинством. Объединения можно достичь на средней линии в духе необходимости использовать слабость административного аппарата внутри страны, вызванную войной, для начала энергичной акции против абсолютизма. Следует заметить, что умеренная группа всегда находилась под более сильным влиянием немецкой социал-демократии.

Российские социал-революционеры

С партией российских социалистов-революционеров надо провести отдельные переговоры. Эти люди настроены более националистически. Но их влияние в рабочих кругах минимально. В Петербурге у них есть какое-то число сторонников только на Балтийском заводе. Для цели массовой забастовки их можно не принимать во внимание без ущерба для дела. Однако в сфере влияния этой партии находится крестьянство, на которое она оказывает значительное воздействие через учителей начальных школ.

Местные движения

Параллельно с этой предварительной работой по созданию организационной основы для массовой забастовки следует уже сейчас приступить к непосредственной агитации. Через Болгарию и Румынию можно установить связи с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку. Во время революции русские рабочие в этих районах выдвигали местные и профессиональные требования, которые поначалу были приняты, потом отвергнуты. Они не прекратили борьбы за эти требования: всего два года назад произошла большая забастовка моряков и докеров, которая снова поставила на повестку дня прежние цели. Агитация должна опираться на эти аргументы и одновременно принимать

политическую направленность. Хотя в условиях широкой безработицы едва ли можно будет провести всеобщую забастовку в Черноморском бассейне, все же возможны местные забастовки в Николаеве и Ростове-на-Дону и в отдельных сферах производства в Одессе. Такие забастовки будут иметь симптоматическое значение, нарушая то спокойствие, которое установилось во внутренних конфликтах в царской империи во время войны.

Чтобы провести такую агитацию, надо, среди прочего, восстановить организацию русских моряков, которая в последние годы имела свой центр сначала в Константинополе, затем в Александрии. Теперь центр должен быть в Констанце или Галате^[68]. Так как города на Черном море будут сильно взбудоражены морскими военными действиями, это сделает их особенно восприимчивыми к политической агитации. Особое внимание надо направить на то, чтобы революционные организации в Одессе, в опоре на рабочих, как и в 1905 г., поставили под свой контроль городскую администрацию, чтобы смягчить нищету бедных классов, которые жестоко страдают от войны. Это тоже послужит цели — придать новый импульс общему революционному движению. Если в Одессе дойдет до восстания, оно может быть поддержано турецким флотом.

Перспективы восстания черноморского флота можно оценить лишь после установления тесного контакта с Севастополем.

В Баку и в районе нефтяных приисков забастовку можно организовать относительно легко. Немаловажно то, что значительная часть рабочих здесь татары, то есть мусульмане. Если дойдет до забастовки, то надо попытаться, как в 1905 г., поджечь нефтяные скважины и хранилища. Также возможны забастовки в

угледобывающей области на Донце. Особенно благоприятны условия на Урале. Там социалистическая партия большевиков имеет много сторонников. Политические забастовки горняков можно легко организовать, располагая некоторой суммой денег, так как население там очень бедное.

Сибирь

Особое внимание надо уделить Сибири. В Европе она известна лишь как место ссылки. Но вдоль великих сибирских трактов, вдоль железных дорог и рек живет крепкое крестьянство, гордое и независимое, которое больше всего хотело бы, чтобы его не беспокоило центральное правительство.

В городах живет энергичное купечество и слой интеллигенции, которая состоит из политических ссыльных или находится под их влиянием. Сибирские избирательные округа посылают в Думу депутатов-социалистов. Во время революции 1905 г. вся администрация там находилась в руках революционных комитетов. Административный аппарат там чрезвычайно слаб. Военные же силы сведены к минимуму, поскольку уже не чувствуется угроза со стороны Японии. Эти условия позволяют создать в Сибири несколько центров действий. В то же время необходимо подготовить побеги политических ссыльных в европейскую Россию. Это чисто денежный вопрос. Таким способом можно направить в вышеназванные центры агитации и в Петербург многие тысячи прекрасных агитаторов, которые обладают большими связями и безграничным авторитетом. Это мероприятие может быть, разумеется, проведено только самими социалистическими организациями, ибо только они обладают достаточным знанием о пригодности того или иного лица.

Развитие и взаимосвязь всех этих акций будут тем успешнее, чем решительнее будут выступать социалистические организации и чем лучше будет скоординирована друг с другом их деятельность. С другой стороны, сами эти мероприятия — которые надо немедленно начать уже по этой причине — послужат стимулом для социалистических партийных центров и подтолкнут их к единению.

Кампания в прессе

Одновременно общая линия этого дела должна быть усилена внутри российских социалистических партий посредством дискуссий в печати, в брошюрах и т. д. Брошюры на русском языке можно печатать в Швейцарии. В Париже выходит русская газета «Голос», редактируемая несколькими лидерами меньшевиков. Несмотря на исключительные условия, в которых она издается, эта газета сохраняет вполне объективную позицию по отношению к войне. Она не сможет уклониться от участия в дискуссии по тактике партии. Швейцарские и итальянские социалистические газеты тоже можно будет использовать для обсуждения данной темы, равно как и датские, голландские, шведские, а также социалистическую прессу Америки. Немецкие социалистические лидеры с международной известностью тоже смогут легко принять участие в этой дискуссии.

Кампания в печати окажет, кроме того, значительное влияние на позицию нейтральных государств, особенно на Италию, которое скажется даже на социалистических кругах Франции и Англии. Уже одно лишь объективное отражение военных событий, которое может быть подано в Англии и Франции только под социалистическим флагом, хотя все еще и с большими трудностями, будет иметь большую ценность.

На социалистическую прессу Болгарии и Румынии можно легко повлиять в духе энергичной борьбы с царизмом.

Поскольку центр революционной агитации на южную Россию будет находиться в Румынии, уже по одной этой причине имеет значение роль румынской ежедневной печати, хотя это еще более важно для определения собственного отношения Румынии к войне. Все румынские газеты на службе у России. Финансовая зависимость этого рода такова, что ее будет трудно преодолеть. Однако не составит особого труда организовать группу известных журналистов для издания большой независимой ежедневной газеты с явно выраженной тенденцией на сближение с Германией. Поскольку румынская пресса настроена на победу России, она в значительной мере подорвала свой престиж уже из-за хода войны. Однако новая газета, печатая объективные новости, привлечет к себе читателей. По мере развития событий она будет все больше концентрировать вокруг себя общественное мнение, и это заставит другие газеты также изменить свою позицию.

Агитация в Северной Америке

Особое внимание следует уделить Соединенным Штатам. Множество русских евреев и славян в Соединенных Штатах и Канаде представляют собой очень восприимчивый элемент для агитации против царизма. У российских социал-демократов и еврейского Бунда там имеются важные связи. Надо послать туда в турне ряд агитаторов. Помимо личных общественных выступлений, они будут побуждать к энергичным действиям имеющиеся местные силы, укреплять организации, поддерживать российскую и еврейскую печать и таким образом способствовать развитию планомерной деятельности.

Учитывая множество контактов с Россией у миллионов российских эмигрантов, которые большей частью совсем недавно покинули свою родину, это имело бы большое значение. Движение среди русских эмигрантов в Америке не может не повлиять и на общественное мнение США. Кроме того, из этой среды можно будет послать агитаторов в Россию. В настоящей войне, в которой поставлено на карту будущее Германии, должен активнее выступить и немецкий элемент. Сильное антицаристское движение среди русских или, скорее, русских евреев в Америке способствовало бы активизации немцев. Туда надо было бы послать несколько докладчиков от немецкой и австрийской социал-демократии.

Рост революционного движения

Агитация в нейтральных странах будет оказывать сильное воздействие на агитацию в России, и наоборот. Дальнейшее развитие в большой степени будет зависеть от хода войны. Русские ура-патриотические настроения первых дней значительно ослабли. Царизму нужны быстрые победы, а он испытывает кровавые поражения. Даже если русская армия на протяжении зимы останется скованной на ее нынешних позициях, это вызовет недовольство по всей стране. С помощью вышеописанного аппарата агитации это недовольство будет использовано, углублено, расширено и направлено во все стороны. Разрозненные забастовки, восстания, вызванные нуждой, нарастающая политическая пропаганда — все это приведет царское правительство в замешательство. Если оно примется за репрессии, это будет способствовать росту ожесточенности; если же оно проявит терпимость, это будет воспринято как признак слабости и еще больше раздует пламя революционного движения. 1904-1905 годы уже дали достаточный опыт в этом отношении.

Если же за это время русская армия потерпит какое-нибудь серьезное поражение, то движение против режима может быстро приобрести невиданный размах. Во всяком случае, если будут приведены в действие все силы согласно начертанному выше плану, можно рассчитывать на то, что весной дело дойдет до массовой политической забастовки. Если массовая забастовка примет широкие масштабы, то царскому режиму придется сконцентрировать имеющиеся внутри страны военные силы главным образом на Петербург и Москву. Кроме того, правительству понадобятся отряды для защиты железнодорожных коммуникаций. Во время забастовки в декабре 1905 г. только для защиты дороги между Петербургом и Москвой понадобилось два полка. Лишь этими мерами удалось предотвратить неоднократные попытки забастовщиков взорвать железнодорожные мосты около Твери и в других местах, благодаря чему в Москву были переброшены гвардейские полки, которым только и удалось подавить восстание. И хотя главное внимание следует уделить предстоящей забастовке на западных железных дорогах, надо будет стараться вызвать забастовки везде, где только можно. Даже если это не везде удастся, все же царскому правительству для охраны мостов, станций и т. п. придется использовать крупные военные силы; тем временем административный аппарат начнет разлагаться.

Крестьянское движение и Украина

Важным сопутствующим феноменом этих процессов, как и в 1905 г., может стать крестьянское движение. Условия жизни крестьян в России с тех пор не улучшились, а наоборот — ухудшились. В глазах русского крестьянина весь вопрос — в земле. Поэтому он вновь начнет захватывать помещичьи земли и угрожать помещикам.

Хотя вопрос о переделе помещичьей земли лежит в основе русского крестьянского вопроса, его решение, кроме того, тесно связано с образованием кооперативов и организаций по выдаче дешевых кредитов, со школьным обучением, налоговой системой и вопросами общей государственной администрации. Для Украины все это вместе взятое выливается в требование автономии. И пока продолжает господствовать царизм, проводя на Украине политику раздачи земли московской аристократии и защиты московских помещиков от украинских крестьян всеми средствами, то у крестьян нет иного выхода, кроме восстания, как только они увидят, что давление правительственной власти слабеет и что правительство испытывает трудности. Одной из первых задач украинского правительства станет утверждение закона и права вместо анархии, которая есть следствие московского режима; и поддержанное доверием украинского народа правительство быстро достигнет этой цели. Образование независимой Украины будет одновременно выглядеть как освобождение от царского режима и как спасение от хаоса крестьянской смуты.

Если начнется крестьянский бунт в Центральной России— а великорусские крестьяне ни в коем случае не останутся безучастными, если с ними рядом восстанут украинские, — то и партии социал-революционеров придется покончить с политической бездеятельностью. Через посредство школьных учителей эта партия имеет значительное влияние на великорусское крестьянство и пользуется авторитетом у думской фракции трудовиков, крестьянской народной партии. Отношение русских социал-демократов к крестьянскому бунту определится сразу же, как только крестьяне решат выступить против царизма.

Движение в Финляндии

В ходе этого общего движения можно было бы предпринять важные действия в Финляндии. Финские партии находятся в трудном положении. В стране размещены значительные военные силы России. С другой стороны, финны не желают быть аннексированными Швецией. Но Швеция не хочет присоединять Финляндию, она лишь хочет сделать из нее буферное, то есть независимое, государство. Шведская партия в Финляндии представляет собой ничтожное меньшинство. Поэтому усилия надо направить прежде всего на то, чтобы достичь согласия между правительством Швеции и влиятельными финскими партиями, из которых самая важная — социал-демократическая. Этого можно достичь, например, гарантировав финнам широчайшее самоуправление и предоставив им право самим решить, в какое государственное объединение они хотели бы войти. Как только такое соглашение будет достигнуто, в Финляндии можно будет планомерно и совершенно спокойно готовить всеобщее восстание. Финские социал-демократы имеют отличные организации по типу немецкой социал-демократии. Упорная защита своих прав от царского деспотизма воспитала в финском народе скрытность и молчаливую согласованность действий, чему также чрезвычайно способствует и различие языков. Все приготовления должны вестись тайно до тех пор, пока в России не возникнет крупная волна политических забастовок. Тогда в Петербург будет отведена часть размещенных в Финляндии войск. Это будет моментом для массового восстания в Финляндии. Из-за ее большой протяженности царское правительство встанет перед выбором: либо дробить имеющиеся военные силы на отдельные маленькие подразделения с целью подавления отдельных очагов восстания, либо концентрировать эти силы на важнейших

административных и стратегических центрах, предоставив остальную территорию страны восставшим. Первая тактика была применена царизмом при подавлении революционного движения в 1905 г. Тогда было создано множество мелких и более крупных экспедиционных отрядов, и их командиры были наделены всей полнотой военной и гражданской власти. Этот план был разработан в Петербурге особой комиссией, в которой участвовали представители Генерального штаба и высшей администрации. Исполнительный орган революционеров был осведомлен о работе этой комиссии, но не смог сорвать ее план. Тем не менее, царскому правительству пришлось напрягать все силы своей армии в течение двух лет, чтобы подавить восстание. Если царское правительство прибегнет к той же тактике в Финляндии, то должна будет вмешаться шведская армия, чтобы защитить независимость Финляндии. Потому что даже если эта тактика будет лучшей для подавления восстания, она сделает армию совершенно беззащитной перед вторжением сил противника. Поэтому, вероятно, царское правительство решится прибегнуть ко второму способу — оттянуть армию к административным центрам, то есть к побережью и прилегающей к нему железной дороге. Вероятно, оно может даже разрушить железнодорожную связь со Швецией. В этом случае русское господство будет фактически распространяться только на побережье Ботнического залива. Тогда повстанцы, будучи хозяевами в своем доме, образуют национальную гвардию, как это было в 1904–1905 гг., и обеспечат ввод шведских войск, несмотря на возможное разрушение железных дорог. Конечно, многое зависит от развития событий в Петербурге.

Финны смогут оказать большую услугу еще до начала всеобщего восстания. Они могут поставлять

информацию о численности, диспозиции, передвижениях русских войск в Финляндии и о перемещениях русского флота; они могут установить службу сигнализации по управлению налетами авиации. (Финский обычай раскрашивать свои загородные дома и особенно их крыши в красный цвет окажется здесь очень кстати. Обозначенные места на красной крыше будут служить точками ориентации.). Кроме того, они смогут установить станции беспроволочного телеграфа и принять меры для взрыва мостов и зданий. Но прежде всего они могут обеспечить сообщение русских революционеров с Петербургом. Поскольку страна очень велика, непосредственно граничит с районом Петербурга и имеет с ним оживленное ежечасное сообщение, можно, несмотря на военную оккупацию, создать информационно-транспортную службу. Можно устроить склады для оружия и контрабандно переправлять в Петербург оружие, взрывчатку и т. п.

Кавказ

Во время революции царское правительство долгое время попросту игнорировало Кавказ. Поскольку оттуда внешняя опасность не угрожала, оно сначала пустило там события на самотек. Доходило до того, что правительство терпело во главе администрации губернаторов, имевших открытые связи с революционными комитетами. Оно было уверено в том, что, укрепив, прежде всего, свое господство собственно в России, оно сможет подчинить себе и Кавказ. Тогда этот расчет полностью оправдался. Но на этот раз, из-за русско-турецкой войны, ситуация стала совершенно иной. Появилась возможность отделения Кавказа. Значение восстания в тылу воюющих армий не требует особых пояснений. Однако, в отличие от Финляндии, где возможно хорошо организованное всеобщее восстание, движение на Кавказе всегда будет страдать

от национальной раздробленности и межпартийных споров. В годы революции самыми сильными показали себя грузины.

В опоре на мелкобуржуазные массы они могли бы добиться полного контроля над Кутаисской губернией, создав собственную администрацию, судопроизводство и т. д. Но во главе этого движения стояли не сепаратисты, а социал-демократы. Армяне частью боролись в рядах социал-демократов, другой частью группировались вокруг армянских национальных партий, которые уже давно отказались от сепаратистских тенденций. Хотя надо учесть, что после революционных разочарований и из-за войны сепаратистские тенденции снова должны обретать популярность.

Рабочие-татары тоже присоединяются к забастовкам. Вообще татарские массы играют реакционную роль; они поддавались подстрекательству агентов петербургского правительства против армян, что выливалось в кровавые стычки между этими двумя национальными элементами. Однако после объявления священной войны царское правительство уже не сможет открыто опираться на мусульманское население. Оно будет втайне разжигать религиозную ненависть, поддерживая в армянах страх именно перед этой священной войной. Поэтому необходимо сначала сделать все возможное со стороны турок, чтобы объяснить кавказским мусульманам, что именно священная война требует тесного сотрудничества мусульман с их соседями-христианами в борьбе против царизма. Надо немедленно заключить союз между младотурками и армянскими партиями в Турции, которые те же, что и в России. Детали этой акции, в ходе которой предстоит преодолеть различные трудности, выходят за рамки данного меморандума. Следует лишь отметить, что на деятельность армян и

грузин на Кавказе окажет огромное влияние решительное выступление российской социал-демократии. Социал-демократы, возможно, смогут взять на себя руководство всем движением, поэтому своим выступлением они в любом случае будут подталкивать национальные партии на путь борьбы. Это еще один довод в пользу того, что конференция лидеров российских социалистических партий, о которой было сказано выше, является настоятельной необходимостью.

Священная война, способная вызвать широкие движения в Персии, Египте, Северной Африке и т. д., едва ли будет иметь большое воздействие в России. Волжские и камские татары наверняка не шевельнутся. Это очень мирные, совершенно угнетенные крестьяне, которым противостоит мощное численное превосходство русского населения. Ситуация на Кавказе несколько иная; но надо признать, что он давно замирен. Воспоминания о былой героической борьбе за независимость поблекли. Для современного же революционного движения мусульманское население еще не имеет достаточного культурного развития. Прежняя борьба между кавказскими племенами горцев и Россией была борьбой против централизованного государства как такового. С тех пор племенная организация окончательно распалась. Племенные вожди превратились в помещиков. Связь между ними и массами стала очень слабой. Население утратило смысл независимости. Поскольку оно в экономическом и культурном отношении стоит ниже христиан, оно ищет поддержки у правительства как самой могущественной силы из всех. Конечно, они предпочли бы мусульманское правительство, но прежде оно должно показать себя достаточно сильным для победы над царским правительством. Турецкую армию здесь примут благосклонно, но ей придется собственными

силами побеждать русскую власть. Это, разумеется, не исключает образования отдельных банд, особенно на персидской границе. Но надеяться на большую партизанскую войну мусульманского населения на Кавказе не приходится. В пределах возможного еще остается восстание кубанских казаков; здесь могла бы подготовить почву украинская пропаганда.

Кульминация движения

Наращение революционного движения внутри царской империи вызовет, среди прочего, состояние общего беспокойства. Для усиления этого беспокойства, помимо общего воздействия военных событий, можно принять специальные меры. По очевидным причинам наиболее подходят для этого Черноморский бассейн и Кавказ. Особое внимание следует уделить г. Николаеву, так как на его верфи идет чрезвычайно спешная работа по спуску со стапелей двух крупных военных кораблей. Надо попытаться вызвать забастовку рабочих. Она не обязательно должна носить политический характер; она может основываться и на экономических требованиях рабочих.

Можно выдвинуть тезис, что царское правительство, чтобы удержаться, нуждается в быстрых победах. Если до весны продлится даже нынешняя ситуация, при которой русская армия методически изматывается, не добиваясь успехов, то это приведет к революции. Однако нельзя упускать из виду трудности, стоящие на пути движения.

Прежде всего, это — мобилизация, которая лишила страну самых активных молодых элементов, затем — рост национального чувства как следствие войны. Однако, ввиду безуспешности борьбы, это самое чувство должно превратиться в горечь и обернуться против царизма. Надо также учесть, что русская социал-демократия, в отличие от украинцев или

финнов, никогда не займет позицию, враждебную империи. Уже во время революции русская социал-демократия объединила в своей организации свыше миллиона рабочих, и с тех пор число ее авторитет в массах возрос настолько, что правительству дважды пришлось изменять избирательный закон из-за опасения, что Думу наводнят социал-демократические депутаты. Такая партия должна быть только выразителем интересов и настроений народных масс. Эти массы не хотели войны, но участвуют в ней. Русские социал-демократы решительно выступают против неограниченного внешнего расширения власти — что является целью царской дипломатии. В этом они видят серьезное препятствие к внутреннему развитию наций, входящих в империю, в том числе и русской нации. Социал-демократы считают царское правительство ответственным за эту войну. Следовательно, они привлекают правительство к ответственности за бесполезность и безуспешность войны. Они выдвигают требования: отставка правительства и быстрое заключение мира.

Если революционное движение достигнет большого размаха, то, даже если царское правительство удержит власть в Петербурге, будет создано временное правительство, которое поставит на повестку дня вопрос о прекращении военных действий и о заключении мира, и оно даже сможет вступить в дипломатические переговоры.

Если царское правительство вынуждено будет само, уже раньше, заключить перемирие, то революционное движение разразится с тем большей силой, чем лучше оно уже сейчас будет к этому подготовлено. Даже если царскому правительству удастся сохранить власть на время войны, то оно ни за что не удержится после мира, продиктованного извне.

Так объединенные армии и революционное движение в России свергнут этот оплот политической реакции в Европе, разгромят эту чудовищную политическую централизацию, которую представляет собой царская империя и которая, пока она существует, будет угрозой всему миру.

Сибирь^[69]

Сибири следует уделить особое внимание, потому что крупные поставки артиллерии и другого оружия из Соединенных Штатов в Россию, вероятно, должны поступать через Сибирь. Поэтому сибирскую акцию следует рассмотреть отдельно от других. В Сибирь надо послать несколько энергичных и осторожных людей с достаточным снаряжением и со специальной миссией — взрывать железнодорожные мосты. Помощники в достаточном количестве найдутся среди ссыльных. Взрывчатку надо раздобыть на уральских шахтах; в небольших количествах ее, пожалуй, можно контрабандно провезти через Финляндию. Технический инструктаж следует разработать здесь.

Кампания в прессе

Прогнозы в отношении Румынии и Болгарии со времени написания данного меморандума подтвердились развитием событий. Болгарская пресса сейчас полностью на германской стороне, заметны перемены и в румынской прессе. Предпринятые нами меры скоро дадут еще лучшие результаты. Теперь важно начать следующую работу:

1. Финансовая поддержка большевицкой фракции российских социал-демократов, которая всеми средствами ведет борьбу с царским правительством. Ее лидеров можно найти в Швейцарии.

2. Установление прямых связей с революционными организациями в Одессе и Николаеве через Бухарест и Яссы.

3. Установление контактов с организацией русских моряков. Через одного человека в Софии контакты уже завязаны, дальнейшие возможны через Амстердам.

4. Поддержка деятельности еврейской социалистической организации Бунд— не сионистов.

5. Выявление авторитетных лиц из среды российских социал-демократов и социал-революционеров в Швейцарии, Италии, Копенгагене и Стокгольме и поддержка усилий тех из них, кто полон решимости приступить к энергичным и непосредственным действиям против царизма.

6. Поддержка тех российских литераторов-революционеров, кто выступает за продолжение борьбы против царизма также и во время войны.

7. Связи с финскими социал-демократами.

8. Организация съездов русских революционеров.

9. Воздействие на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на мнение социалистической прессы и социалистических организаций в духе борьбы против царизма и присоединения к Центральным державам. В Болгарии и Румынии это уже успешно осуществлено. Следует продолжить в Голландии, Дании, Швеции и Норвегии, Швейцарии и Италии.

10. Снаряжение экспедиции в Сибирь со специальным заданием взорвать важнейшие железнодорожные мосты, чтобы помешать поставкам оружия из Америки в Россию. Эту экспедицию надо также снабдить достаточными денежными средствами, чтобы дать возможность множеству политических ссыльных совершить побег в центр страны.

11. Технические приготовления к восстанию в России:

а) Подготовка точных карт российских железных дорог с обозначением наиболее важных мостов, которые надо разрушить в целях парализации транспорта, и с указанием административных зданий, депо и мастерских, которым должно быть уделено наибольшее внимание.

б) Точные указания количества взрывчатки, необходимой для достижения цели в каждом конкретном случае. При этом надо учесть дефицитность материалов и сложность условий, в которых будет выполняться задание.

с) Ясные инструкции по обращению с взрывчаткой при подрыве мостов, больших зданий и т. д.

д) Простые рецепты изготовления взрывчатых веществ.

е) Разработка плана сопротивления восставшего населения Петербурга вооруженным силам с особым учетом рабочих кварталов, обороны домов и улиц, сооружения баррикад, защиты от кавалерии и от проникновения пехоты.

Еврейский социалистический Бунд в России — это революционная организация, которая опирается на рабочие массы и добилась многого уже в 1904 году. Она противопоставляет себя сионистам. От последних ничего ждать не приходится:

1) потому что их партийная структура очень рыхлая;

2) потому что во время войны в их рядах проявляется сильное русско-патриотическое течение;

3) потому что после Балканских войн их центральное руководство интенсивно ищет расположения английской и русской дипломатии — что им, конечно, не помешало домогаться милостей и от правительства рейха;

4) потому что они вообще не способны ни на какую политическую акцию.

Источник: Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 2005. С. 256–272.

А вот другой любопытный документ. Этот список лиц, кому предстояло реализовывать этот план на практике. Внимательный читатель обнаружит в нем множество еврейских фамилий. Хотим огорчить тех, кто поспешит назвать этот документ очередной «антисемитской фальшивкой». К сожалению, он подлинный.

Мы сознательно не стали вносить в него коррективы, за исключением расшифровок названий партий. Часть дат дано в старом стиле.

СПИСОК № 1

ЛИЦ, ПРОЕХАВШИХ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

УЛЬЯНОВ, Владимир Ильич, род. 19 [10] апреля 1870 г. Симбирск, (Ленин).

СУЛИШВИЛИ, Давид Сократович, род. 8 марта 1884 г. Сурам, Тифл. губ.

УЛЬЯНОВА, Надежда Константиновна, род. 14 февр. 1869 г. в Петрограде.

АРМАНД, Инесса Федоровна, род. в 1879 г. в Москве.

САФАРОВ, Георгий Иванович, род. 3 ноября 1891 г. в Петрограде

МОРТОЧКИНА, Валентина Сергеевна, род. 28 февраля 1891 г.

ХАРИТОНОВ, Моисей Мотыков, род. 17 февраля 1887 г. в Николаеве.

КОНСТАНТИНОВИЧ, Анна Евгеньевна, род. 19 авг. 1866 г. в Москве.

УСИЕВИЧ, Григорий Александрович, род. 6 сентября 1890 г. в Чернигове

Н, Елена Феликсовна, род. 19 февраля 1893 г. в Якутске.

РАВВИЧ, Сарра Наумовна, род. 1 августа 1879 г. в Витебске.

ЦХАКАЯ, Михаил Григорьевич [Миха], род. 2 января 1865 г.

СКОВНО, Абрам Анчилович, род. 15 сентября 1888 г.

РАДОМЫСЛЬСКИЙ, [Г. Зиновьев], Овсей Гершен Аронович, 20 сентября 1882 г. в Елисаветграде.

РАДОМЫСЛЬСКАЯ, Злата Эвновна, род. 15 января 82 г.

РАДОМЫСЛЬСКИЙ, Стефан Овсеевич, род. 17 сентября 1880 г.

РИВКИН, Залман Бэрк Осерович, род. 15 сентября 1883 г. в Вел иже.

СЛЮСАРЕВА, Надежда Михайловна, род. 25 сент. 86 г.

ГОБЕРМАН, Михаил Вульфович род. 6 сент. 1892 г. в Москве

АБРАМОВИЧ, Мая Зеликов, род. 27 марта 1881 г.

ЛИНДЕ Иоган Арнольд Иогаиович, род. 6 сентября 1888 г. в Гольдингене.

БРИЛЛИАНТ [Сокольников], Григорий Яковлевич, род. 2 авг. 1888 года в Ромнах.

МИРИНГОФ, Илья Давидович род. 25 окт. 1877 г. в Витебске.

МИРИНГОФ, Мария Ефимовна, род. 1 марта 1886 г. в Витебске.

РОЗЕНБЛЮМ, Давид Мордухович, род. 9 авг. 1877 г. в Борисове.

ПЕЙНЕСОН, Семен Гершович, род. 18 дек. 1887 г. в Риге.

ГРЕБЕЛЬСКАЯ, Фаня, род. 19 апр. 1891 г. в Бердичиве.

ПОГОВСКАЯ, Буня Хемовна, род. 19 июля 1889 г. в Рикинах (при ней — сын Рувим, род. 22 мая 1913 г.).

АЙЗЕНБУНД, Меер Кивов, род. 21 мая 1881 г. в Слуцке.

Вместе с ними ехали также Карл Радек (Собельсон) и Фриц Платтен, но их задержали на границе и не впустили в Россию. Они прибыли позднее. И сыграли свою роль. О Карле Радеке мы писали, а вот Фриц Платтен однажды спас Владимира Ленина от покушения бывших царских офицеров.

Источник: Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 2005. С. 274–275.

СПИСОК № 2
ЛИЦ, ПРОЕХАВШИХ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ ВО ВРЕМЯ
ВОЙНЫ

*А. Российская социал-демократическая рабочая
партия*

АКСЕЛЬРОД, Товия Лейзерович, с женой.
АПТЕКМАН, Иосиф Васильевич.
АСИАРИАНИ, Сосипатр Самсонович.
АВДЕЕВ, Иван Ананьевич, с женой и сыном.
БРОНШТЕЙН (Семковский), Семен Юльевич, с женой.
БЕЛЕНЬКИЙ, Захарий Давидович, с женой и
ребенком.
БОБРОВА, Валентина Леонидовна.
БРОНШТЕЙН, Роза Абрамовна.
БЕЛЕНЬКИЙ [А. Я].
БАУГИДЗЕ, Самуил Григорьевич.
ВОЙКОВ, Петр Григорьевич [Лазаревич].
ВАНАДЗЕ, Александр Семенович.
ГИШВАЛИНЕР, Петр Иосифович.
ГОГИАШВИЛИ, Поликарп Давидович, с женой и
ребенком.
ГОХБЛИТ, Матвей Иосифович.
ГУДОВИЧ.
ГЕРОНИМУС, Иосиф Борисович.

ГЕРШТЕН.

ЖВИФ (Макар) Семен Моисеевич.

ДОБРОВИЦКИЙ, Захарие Лейбов.

ДОЛИДЗЕ, Соломон Яссеевич.

ИОФЕ, Давид Наумович, с женой.

КОГАН, Владимир Абрамович.

КОПЕЛЬМАН.

КОГАН, Израиль Иремиевич, с женой и ребенком.

КРИСТИ, Михаил Петрович.

ЛЕВИНА.

ЛЕВИТМАН, Либа Берковна.

ЛЕВИН, Иохим Давидович.

ЛЮДВИНСКАЯ [Т. Ф.].

ЛЕБЕДЕВ (Полянский), Павел Иванович, с женой и ребенком.

ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевич.

МЕНДЕР (З. Орлов), Федор Иванович.

МГЕЛАДЗЕ, Власа Джарисманович.

МУНТЯН, Сергей Федорович, с женой.

МАНЕВИЧ, Абрам Эвель Израилевич, с женой.

МОВШОВИЧ, Моисей Соломонович, с женой и ребенком.

МАНУИЛЬСКИЙ, Дмитрий Захарьевич с женой и 2 детьми.

НАЗАРЬЕВ, Михаил Федорович.

ОСТАШИНСКАЯ, Роза Гирш-Араповна.

ОРЖЕРОВСКИЙ, Марк с женой и ребенком.

ПИКЕР (Мартынов), Семен Юльевич, с женой и ребенком.

ПОВЕС (Астров), Исаак Сергеевич.

ПОЗИН, Владимир Иванович.

ПШИБОРОВСКИЙ, Стефан Владиславов.

ПЛАСТИНИН, Никанор Федорович, с женой и ребенком.

РОХЛИН, Мордха Вульфович.

РАЙТМАН, с женой и ребенком.

РАБИНОВИЧ — Скенерер Пиля Иосифовна.
РУЗЕР, Леонид Исаакович, с женой.
РЯЗАНОВ [Гольденбах], Давид Борисович, с женой.
РОЗЕНБЛЮМ, Герман Хаскелев.
СОКОЛИНСКАЯ, Гитля Лазаревна, с мужем.
СОКОЛЬНИКОВА, с ребенком.
САГРЕДО, Николай Петрович, с женой.
СТРОЕВА.
САДОКАЯ, Иосиф Бежанович.
ТУРКИН, Михаил Павлович.
ПЕВЗАЯ, Виктор Васильевич.
ФИНКЕЛЬ, Моисей Адольфович.
ХАПЕРИЯ, Константин Ал.
ЦЕДЕРБАУМ (Мартов), Юлий Осипович.
ШЕИКМАН, Аарон Лейбович.
ШИФРИН, Натан Калманович.
ЭРЕНБУРГ, Илья Лазаревич.

Б. Бунд

АЛЬТЕР, Эстера Израилевна, с ребенком.
БАРАК.
БОЛТИН, Лейзер Хаимович.
ВЕЙНБЕРГ, Маркус Арапович.
ГАЛЬПЕРИН.
ДРАНКИН, Вульф Меерович, с женой и ребенком
ДИМЕНТ, Лейзер Нахумович.
ДРЕЙЗЕНШТОК, Анна Мееровна.
ЗАНИН, Майром Менашеевич.
ИОФФЕ, Пинкус Иоселев.
ИДЕЛЬСОН, МаркЛипманов.
КЛАВИР, Лев Соломонович.
КОНТОРСКИЙ, Сам. Сруль Давидович.
ЛЮБИНСКИЙ, Мечислав Абрам Осипович, с женой и
реб.
ЛЕВИТ (Геллерт-Левит), Эйдель Мееровна, с
ребенком.

ЛЮКСЕМБУРГ, Моисей Соломонович.
ЛИПНИН, Иуда Лейбов.
МЕЕРОВИЧ, Мовша Гилелев.
ЛЕРНЕР, Давид.
МАХЛИН, Тайва-Зейлик Зельманович.
ТУСЕНЕВ, Исаак Маркович.
РАКОВ, Моисей Ильич.
НАХИМЗОН, Меер Ицкович.
РЕЙН (Абрамович), Рафаил Абрамович, с женой и 2
детьми.
РОЗЕН, Хаим Иуда, с женой.
СКЕПТОР, Яков Лейвинов.
СЛОБОДСКИЙ, Валентин Осипович.
СВЕТИЦКИЙ, А.А.
ХЕФЕЛЬ, Абрам Яковлевич.
ПИКЛИС, Меер Бенционович.
ЦУКЕРШТЕЙН, Соломон Срулев с 2 детьми.
ШЕЙНИС, Исер Хаимович.
ШЕЙНБЕРГ.

*В. Социал-демократы Королевства Польского и
Литвы*

ГОЛЬДБЛЮМ, Роза Маврикиевна.

*Г. Латышская социал-демократическая рабочая
партия*

УРБАН, Эрнс Иванович, с женой и ребенком.

ШУСТЕР, Иван Германович, с женой и ребенком.

*Д. Литовская социал-демократическая рабочая
партия.*

МАРТНА, Михаил Юрьевич.

Е. Польская социалистическая партия

КОН, Феликс Яковлевич, с дочерью и зятем.

ЛЕВИНЗОН (Лапинский), Меер Абрамович.

ШПАКОВСКИЙ, Ян Игнатий Александрович.

Ж. Социал-революционеры (эсеры)

ВЕСНШТЕЙН, Израиль Аронович.

ВИНОГРАДОВА, Елизавета Иевровна.

КАЛЪЯН, Евгения Николаевна.

КЛЮШИН, Борис Израилевич, с женой.

ЛЕВИНЗОН, Меер Абрамович, с женой и ребенком.

ЛУНКЕВИЧ, Зоя Павловна

ДАХЛИН, Давид Григорьевич, с женой и ребенком.

НАТАНСОН (Бобров), Марк Андреевич, с женой (В. И. Александрова).

БАЛЕЕВА (Урес), Мария Александровна, с ребенком.

ПЕРЕЛЬ, Ревекка.

ПРОШЬЯН Дрон Першович.

РОЗЕНБЕРГ, Лев Иосифович с женой и 2 детьми.

УСТИНОВ (Безземельный), Алексей Михайлович.

УЛЪЯНОВ, Григорий Карлович.

ФРЕЙФЕЛЬД, Лев Владимирович, с женой и ребенком.

ТЕНДЕЛЕВИЧ, Леонид Абрамович с женой и 2 детьми.

3. Анархисты-коммунисты

БУЦЕВИЧ, Александр Станиславович.

ВЬЮГИН, Яков с женой и 2 детьми.

ГИТЕРМАН, Абрам Моисеевич, с женой и ребенком.

ГОЛЬДШТЕЙН, Абрам Борисович.

ЮСТИН, Давид.

ЛИПДИЦ, Ольга с ребенком.

МАКСИМОВ (Ястржембский), Тимофей Феодорович.

МИЛЛЕР, Абрам Липович, с женой и 2 детьми.

РУБИНЧИК, Эфраим Абрам Аронов.

РИВКИН, Абрам Яковлев.

СЕГАЛОВ, Абрам Вульфович, с женой.

СКУТЕЛЬСКИЙ, Иосиф Исакович.

ТОЙБИСМАН, Ветя Израилевна.
ШМУЛЕВИЧ, Эстер Исааковна.

И. Поалей Цион

ВОЛОВНИН, Аласса Овсеевна.
ДИНЕС, Ривка Хаимовна.
КАРА.

К. Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП).

РОЗЕНБЕРГ, Лев Иосифович.

Л. «Дикие» — заявили себя как «не принадлежащие ник одной партии».

АВЕРБУХ, Шмуль Лейб Иосифович.
БАЛАБАНОВА, Анжелика Исааковна.
БРАГИНСКИЙ, Монус Осипович.
ГОНИОНДСКИЙ, Иосиф Абрамович.
КИММЕЛЬ, Иоган Вольдемар.
КАРАДЖАЙ, Георгий Артемьевич, с женой.
ЗИФЕЛЬД, Артур Рудольфович.
МАРАРАМ, Эля Эвельич.
МАКАРОВА, Ольга Михайловна.
МЕЙСНЕР, Иван, с женой и 2 детьми.
ОДОЕВСКИЙ (Северов), Афанасий Семенович.
ОКУДЖАВА, Владимир Степанович.
РАШКОВСКИЙ, Хаим Пинкусович.
СЛОБОДСКИЙ, Соломон Мордкович.
СОКОЛОВ, Павел Яковлевич.
СТУЧЕВСКИЙ, Павел Владимирович.
ТРОЯНОВСКИЙ, Константин Михайлович.
ШАПИРО, Марк Леопольдович.

Источник: Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 2005. С. 275–279.

Глава пятая

Убить Григория Распутина!

Есть истории, начав рассказывать которые, автор рискует уйти от основной темы своей книги. К таким сюжетам относится участие евреев (не только проживающих на территории Российской империи, но и во Франции и Великобритании) в процессе втягивания нашей страны в Первую мировую войну, а также в организации Февральской революции.

В начале прошлого века совпали интересы группы представителей российского еврейского бизнеса и политической элиты (где иудеи играли одну из ключевых ролей — достаточно посмотреть список членов ЦК партии кадетов), французских масонов (контролируемых и финансируемых местными евреями) [\[70\]](#) и правительства Великобритании, где тоже было сильное еврейское лобби. Эти три политические силы объединились в мощный кулак и свергли самодержавие в Российской империи.

Британские евреи в английском правительстве

Один из лидеров британской консервативной партии сэр Б. Х. Кохен (1844–1909) был иудеем. Хотя большинство евреев в начале прошлого века поддерживали ее традиционного противника — либеральную (после Первой мировой войны лейбористскую) партию. Достаточно назвать членов парламента от либеральной партии Руфуса Дэниэла Айзекса и Герберта Луи Самюэля. Нужно также помнить и о планах отдельных британских политиков создать для евреев «национальный дом» в Палестине.

Фактически в стране существовало сильное еврейское лобби, куда входили не только иудеи — представители бизнес и политической элиты Великобритании, но и так называемые «гой-сионисты» (представители других национальностей — профессиональные лоббисты).

Продолжало оно оставаться сильным и в двадцатые — тридцатые годы прошлого века. Именно оно сыграло одну из ключевых ролей в событиях, впоследствии приведших ко Второй мировой войне. Речь идет о втягивании Англии в конфликт с Германией. Лобби сделало все, чтобы Лондон рассматривал Берлин не в качестве союзника в противостоянии Москвы, а в качестве главного противника. В начале тридцатых годов был реальный шанс создать ось Рим— Берлин— Лондон, с последующим подключением к ней Франции и Польши. Для Западной Европы это означало бы гарантию стабильности, а для Советского Союза... Вот только такой вариант не устраивал часть мировой политической экономической еврейской элиты, объявившую нацистскую Германию главным

противником своей нации, готовым сделать все для ее уничтожения. Аналогичная ситуация уже была в начале прошлого века, когда врагом была объявлена Российская Империя. К сожалению, инициаторы позабыли о последствиях смены власти для евреев. Многочисленные погромы эпохи Гражданской войны и активное проведение политики интернационализма, когда традиционный иудаизм вытеснялся научным коммунизмом. Фактически для советских евреев это означало насильственный отказ от многовековой веры.

Хотя конфликт сионистов с Германией преследовал одну цель — заставить немецких евреев начать переселяться в Палестину. Кто-то должен был начать осваивать «Землю обетованную». Американские евреи хорошо себя чувствовали на новой родине в США. Они даже конкурировали, и весьма успешно, с итальянской мафией. Европейские евреи успешно интегрировались в местную экономику, да и было их не так много. Советские евреи утратили связь с «реальностью» и активно занимались строительством социализма. Можно было начать воздействовать на итальянских евреев, но Бенито Муссолини был противником антисемитизма.

После прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера еврейские круги в Англии и США заняли резкую антигерманскую позицию. Среди них следует отметить британский Анти-нацистский совет, он же группа «Фокус». В 1936 году его члены обратили внимание на Уинстона Черчилля. В то время этот политик оказался не у дел и находился в оппозиции к действовавшему правительству. К тому же он и раньше демонстрировал антигерманские настроения (с 1923 года) и испытывал серьезные финансовые трудности. Заполучить в свое распоряжение такого человека группе «Фокус» не составило большого труда. Специфика их

взаимоотношений прекрасно демонстрирует такой факт.

В июне 1937 года глава Всемирного еврейского конгресса и будущий первый президент Израиля Хаим Вейцман устроил званый обед для руководства «Фокуса», где почетным гостем был Уинстон Черчилль. Хозяин в очередной раз затронул проблему «национального дома» для евреев. В своей ответной речи политик сказал буквально следующее:

«Да, мы все виноваты. Вы знаете (обращаясь к Вейцману), вы наш главный хозяин, и их, и их (показывая на других гостей — "гоев-сионистов"). Как вы скажете, так и будет. Если вы скажете нам сражаться, мы будем драться, как тигры».

А произошедшие дальше события — сюжет для отдельной книги. Уинстон Черчилль сделал все для втягивания сначала Англии, а потом и США в войну против Германии. Например, весной 1940 года он активно склонял к участию в войне президента США Франклина Рузвельта. Тем же самым занималось многочисленное еврейское окружение руководителя Америки^[71]. Хотя США в тот момент, с политической и экономической точки зрения, было выгоднее придерживаться нейтралитета, как это было вначале Первой мировой войны. В конце концов, опять же под влиянием мощного еврейского лобби, Америке пришлось вступить в Первую мировую войну.

Так что за описанной ниже «тайной дипломатией» британского правительства в Российской империи стояли английские евреи. Оговоримся сразу, их интересовали исключительно собственные финансовые интересы.

Масоны

О деятельности масонов написано достаточно много, поэтому мы не будем еще раз перечислять депутатов Государственной Думы, высокопоставленных чиновников и лидеров политических партий, а также членов Временного правительства — масонов.

До начала прошлого века масонских лож в Российской империи, по всей видимости, не было. Их весьма успешное проникновение через прорубленное Петром «окно» пресек в 1822 году Александр Первый. С тех пор масонство в нашей стране было запрещено (особенно после восстания декабристов, созревших в масонских ложах). И только после революции 1905 года, когда были дарованы некоторые политические свободы, масоны начали активно осваивать просторы Российской империи^[72]. К 1917 году в нашей стране было 400 масонов, входящих в 40 лож. Пусть вас не смущает такое малое количество членов. В это тайное общество попадали только представители политической элиты. Чем были опасны масоны для существующей власти? Если не вдаваться в тонкости, то они хотели сменить монархию на демократическую республику. Результат их деятельности — Февральская революция и Временное правительство, которое оказалось неспособным удержать власть в своих руках. А причем тут евреи? С одной стороны, они были влиятельными членами зарубежных масонских лож и через них могли оказывать влияние на масонов—российских политиков (в первую очередь депутатов Государственной Думы). С другой стороны, у них была аналогичная цель— смена власти в стране. Они справедливо понимали, что Николай Второй никогда не уравниет их в правах с православными подданными.

При этом нужно учитывать, что зарубежные еврей-масоны в своей деятельности в Российской империи руководствовались желанием ликвидировать тиранию и дать свободу не только своим соплеменникам, но и всем гражданам страны.

Деятельность масонских лож в Российской империи — тема для отдельной книги. Отметим лишь, что в начале прошлого века деятельности масонов в нашей стране активно пытались противодействовать Департамент полиции и военная разведка. Были собраны соответствующие доказательства их антиправительственной деятельности, но конкретных мер так и не было принято^[73].

Кадеты

Была еще третья сила — кадеты. Эта партия тесным образом переплеталась с масонами. Просто многие из высокопоставленных членов партии конституционных демократов одновременно были членами масонских лож. Порой трудно понять, чьи указания они выполняли охотнее— собственных партийных лидеров или глав зарубежных масонских лож.

В 1903 году в Российской империи возникли две политические партии: «Союз Освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». В 1905 году они объединились в Конституционно-демократическую партию (кадеты). Ее основной лозунг «Свобода! Освобождение!» подразумевал ликвидацию исторически сложившихся «ограничений» в сфере экономики, политики, идеологии, права и т. п. Аналогичного лозунга придерживались большевики^[74] и бундовцы. Последние, правда, ратовали за ликвидацию ограничений только для представителей одной национальности.

В деятельности партии кадетов активное участие принимали и евреи. Достаточно посмотреть список членов ЦК партии, а также биографии иудеев — партийных функционеров. Поэтому нет ничего удивительного в том, что партия выступала за гражданское равноправие евреев. Вот только русские либералы, как и большинство социалистов, считали ассимиляцию положительным явлением и не одобряли стремление еврейской общественности к различным формам коллективного национального самоопределения. Хотя это расхождение не помешало кадетам провести так называемую «банкетную кампанию», одним из итогов которой стало создание в

марте 1905 года «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России». У этой организации было две цели: продвижение своих депутатов при выборах в Государственную Думу и юридическая помощь пострадавшим от погромов евреям. Правда, к весне 1907 года организация прекратила свое существование. Прошедшие в Думу евреи не смогли договориться между собой. Говоря другими словами, не поделили власть.

На выборах в Первую Государственную Думу большая часть еврейских избирателей голосовала за Конституционно-демократическую партию. Это и неудивительно, ведь кадеты были единственными, кто отстаивал в Думе равноправие евреев. А другие партии (в т. ч. Бунд) бойкотировали выборы. Из двенадцати депутатов-евреев девять примкнули к партии кадетов. Остальные трое примкнули к «трудовикам». Из четырех евреев-депутатов Второй Государственной Думы трое были кадетами, а четвертый— социал-демократом. В третьей Государственной Думе кадетами были оба еврея-депутата. В четвертой Государственной Думе кадетами были трое избранных в нее евреев-депутатов.

При этом нужно учитывать еще и крещеных евреев-депутатов. Формально они были православными и, соответственно, говоря о национальном составе Государственной Думы, их не учитывали как иудеев. Хотя это не мешало им выступать в поддержку своих соплеменников. Например, один из активных членов партии кадетов и депутат Второй Государственной Думы Иосиф Владимирович Гессен при выборах заявил себя как православный, но при этом был евреем по национальности.

Кто-то скажет: ну были евреи-депутаты в Государственной Думе, но ведь их были считанные единицы. Это так, но вот какой парадокс. Еврейский вопрос обсуждался в Думе так же активно, как и вопрос

о земле. При этом нужно учитывать, что между двумя революциями (1905 и 1917 года) среди основной массы населения отношения к евреям было, мягко говоря, не очень хорошим. Мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, отметив лишь, что когда депутаты в очередной раз начинали обсуждать еврейский вопрос или политические свободы, то они шли против воли избирателей. Об этом как-то не принято говорить, но после 1907 года «народ стал жить лучше и веселей». Возросли вклады в сбербанках, молодежь начала активно учиться и делать карьеру, а не заниматься революцией. Да и сами бунтовщики в глазах обывателя превратились в обычных уголовников и террористов. Так что не все так просто. Тема еврейского лобби в Государственной Думе — глава для отдельной книги.

Отметим лишь два малоизвестных факта. Несмотря на то, что формально партия кадетов считалась русской, в местах компактного проживания евреев большинство членов этой партии было иудеями. А во внутренних губерниях они составляли вторую по численности национальную группу.

Кадеты получили большую поддержку со стороны еврейской буржуазии, которая приняла активное участие в революционном процессе в России. Сама «Краткая еврейская энциклопедия» с гордостью приводит такие слова председателя совета министров Сергея Юльевича Витте:

«Почти все еврейские интеллигенты, кончившие высшие учебные заведения, пристали к партии "Народной свободы" (второе название партии кадетов. — *Прим, авт.*), которая сулила им немедленное равноправие. Партия эта в значительной степени обязана своим влиянием еврейству, которое питало ее как своим интеллектуальным трудом, так и материальным»^[75].

Комментарий автора не нужен.

Есть и еще один важный фактор, имеющий прямое отношение к данной главе нашей книги. Евреи могли получить равные права только при одном условии — смены политического строя в стране. А для этого нужно заставить отречься от

престола императора. Ну, а причем тут необходимость убивать Григория Распутина? Так в силу множество причин этот человек мешал реализации этого плана. Автор не будет объяснять, почему это так. Достаточно сказать, что после гибели Старца Российская империя просуществовала очень недолго. А после ее исчезновения с политической карты российские евреи получили равноправие. Только вот они горько пожалели об этом. Как и их партнеры — члены партии кадетов.

Лондон начинает...

По разным причинам большинство авторов, рассказывая об участии кадетов и масонов в организации Февральской революции, почему-то крайне скупко сообщают о роли Лондона. Возможно, из-за того, что многие подробности событий начала прошлого века продолжают оставаться секретными и в наши дни. Британская разведка умеет хранить свои тайны. А те, кто пишет о деятельности спецслужб «туманного Альбиона», почему-то считают, что они действовали самостоятельно. Хотя военное ведомство и британский МИД, а именно в их подчинении находились спецслужбы, четко выполняли указания правительства. А оно находилось под определенным влиянием местного еврейского лобби. При этом местных иудеев интересовали не только проблемы всей нации, но и собственные. Например, вытеснение с европейского рынка конкурентов — соплеменников из Российской империи, Германии и Австро-Венгерской империи. Для британского банкира его российский или германский коллега в первую очередь был главным конкурентом, ну а только потом соплеменником. Исключение составляли лишь родственники, живущие в разных странах.

Цели Лондона в «тайной войне»

Одна из основных задач, которую пришлось решать британским дипломатам и разведчикам в нашей стране в начале прошлого века, — заставить Российскую империю перестать

балансировать между двумя группировками: «прусской» (Германия и Австро-Венгрия) и «британской» (Англия— Франция), — и присоединиться ко второй без возможности выйти из нее.

До 1912 года наша страна фактически наблюдала за подготовкой к схватке между двумя «владычицами просторов мирового океана» и сохраняла специфичный «нейтралитет». Это продолжалось до того момента, пока в 1911 году выстрел террориста не оборвал жизнь премьер-министра Петра Столыпина. Политик считал, что Россия должна принять участие в мировой войне только после того, как будут решены все внутривнутриполитические, финансовые, экономические и другие проблемы. А до того момента следовало оттягивать вооруженный конфликт^[76]. По злой иронии судьбы его убийцей был еврей. Хотя террористом двигали мотивы, лежавшие вне сферы глобальной политики.

Сменивший его Владимир Коковцев, хотя и старался соблюдать принципы внешней и внутренней политики, определенные предшественником, но делал это недостаточно четко. В результате улучшились отношения с Англией и ухудшились с Германией. А если учесть, что пост министра иностранных дел занимал Сергей Сазонов, который не скрывал своей симпатии к Британии, то нет ничего удивительного в том, что в середине 1912 года между Англией и Россией установились «сердечные отношения»^[77].

В конце февраля 1912 года были официально определены главные противники России — Германия, Австро-Венгрия и Турция — и разработан план наступления русской армии в Восточной Пруссии (район Мазурских озер)^[78].

А ведь еще в первые годы XX века отношения между Санкт-Петербургом и Лондоном были напряженными! В июне 1905 года Николай Второй и Вильгельм Второй подписали текст военно-политического союза, который предусматривал, среди прочего, после заключения русско-японского мира привлечь к Германии и России еще и... Францию. Если бы этот хитроумный план удалось реализовать, то не было бы 1 августа 1914 года и двух революций 1917 года^[79]. История не терпит сослагательного наклонения. Во многом благодаря действиям британской разведки на протяжении всей Первой мировой войны наша страна безропотно играла роль младшего партнера в Антанте и даже не пыталась повысить свой статус, прощая «союзникам» различные грехи. Например, невыполнение обязательств по поставкам оружия (в июне 1916 года в России от заказанного поступило — по винтовкам 30 %, по патронам — ничего, по тяжелым орудиям — 23 %)^[80]. Более того, царь Николай Второй упорно выполнял взятые на себя обязательства по ведению войны до конца... Для Англии и Франции они означали подписание Версальского мира в 1918 году, а для Российской империи — ее исчезновение с политической карты мира и расстрел императорской семьи большевиками.

Вспомним, что в начале прошлого века Тройственному союзу в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии противостояли два обособленных союза: франко-русский и англо-французский. Их

объединению мешали острые противоречия между Лондоном и Санкт-Петербургом в Азии и поддержка Японии правительством Великобритании.

Германская дипломатия предпринимала серьезные усилия к недопущению образования Антанты. Кайзер Вильгельм Второй лично руководил этим процессом, используя все имеющиеся в его распоряжение ресурсы. Хотя даже его усилий оказалось недостаточно. Возможно, одна из причин неудачи— отсутствие в России прогерманской политической партии и активной пропаганды на страницах газет.

Только в июне 1915 года бывший личный секретарь министра финансов и председателя Совета министров (1892–1906 годы) Сергея Витте Иосиф фон Колышко предложил германскому послу в Стокгольме свои услуги по организации в газете «Русское слово» пронемецкой пропаганды. К его идее немцы отнеслись скептически. Через год он снова появился в столице нейтральной Швеции. После длительных переговоров стороны смогли договориться. На финансирование изданий было потрачено два миллиона рублей. Часть денег попала в газету Максима Горького «Новая жизнь». Она начала выходить только в мае 1917 года^[81].

Британские дипломаты и разведчики учли печальный опыт противника, и начиная с 1906 года активно использовали возможности отечественной прессы и стремление лидеров либеральной оппозиции (октябристов и кадетов) к сближению с Францией и Британией. Вот только решить поставленную перед ними задачу они смогли только в 1914 году.

А вот Германия могла бы сделать это быстрее, «мобилизовав» на решение задачи сближения с Россией все имеющиеся ресурсы. Можно назвать как минимум

три причины, из-за которых Вильгельму Второму нужно было «дружить» с нашей страной.

Во-первых, тесные производственно-экономические связи между двумя государствами. Достаточно сказать, что в начале прошлого века пальма первенства в торговле с Российской империей принадлежала Германии^[82]. По данным сводок от 1913 года, приводимых «Торгово-промышленной газетой», капиталы немецкого происхождения составляли в газовой промышленности около 70 %, а в электротехнической — 85 % всех основных капиталов этих отраслей промышленности. Хотя цифра занижена, так как не учитывались частные инвестиции. А также покупка иностранными подданными и компаниями акций российских акционерных обществ^[83].

Нужно также учитывать тот факт, что немецкие предприниматели на протяжении нескольких веков активно осваивали сферу тяжелой и легкой промышленности, а их британские коллеги (до конца XIX века) — торговлю. И только в начале прошлого века жители Туманного Альбиона начали экспортировать капитал в Россию^[84]. Одна из причин — высокие таможенные пошлины на ввозимый в страну товар. Экономически целесообразно было производить его непосредственно на месте. Хотя основные капиталовложения производились не в промышленность, а в добывающие отрасли. Например, в нефтяную и горнодобывающую.

Германские промышленники и инвесторы были заинтересованы в поддержании дружеских отношений между двумя странами. Вот только степень их реального влияния на царское правительство была минимальной, как и возможность использования поддержки правительства Германии. Основная причина — немецкие бизнесмены «сторонились контактов с

консульствами, и эти последние ничего не знали об их переговорах с русскими чиновниками и фирмами». Поэтому, как писал германский генеральный консул В. Кольхаас в 1907 году: «Официальные представительства в России находятся в весьма сложном положении, будучи практически не способными похлопотать за того или иного немецкого претендента». Также избегали контактов с дипломатами и обрусевшие немцы. Основная причина — бизнесмены почти ничего не ожидали от правительства. Ведь, в отличие от Англии, Германия (во всяком случае, до Первой мировой войны) не проводила ориентированной на бизнес внешней политики^[85].

Во-вторых, большинство высококвалифицированного инженерно-технического и административного персонала, работавшего на многочисленных заводах и фабриках, были немцами или прошли обучение в германских высших учебных заведениях. Там у них остались родственники, друзья, преподаватели, часто они сами выезжали на стажировки. То же самое можно сказать и о самих владельцах компаний. Например, в 1918 году один из исследователей этого вопроса писал:

«...В Россию Германия присылала не только капитал в денежной форме, а импортировала людей, приносивших с собой часто капиталы, но всегда предпринимательский дух, энергию, инициативу, опыт... Из немецких рук предприятия почти не уходят, владельцев не меняют»^[86].

А вот мнение офицера отечественной контрразведки, высказанное им в 1915 году: «Немцы были нашими учителями в экономике, политике, науке, и мы вынуждены были считаться с ними»^[87]. Не следует забывать о многочисленных (в 1914 году их число превысило 2 млн) немецких колонистах, которые

селились по всей России^[88], большинство из которых можно назвать патриотами страны проживания^[89]. К этому следует добавить, что многие известные дореволюционные отечественные военачальники, ученые, дипломаты и промышленники носили немецкие фамилии, но при этом они верно служили России^[90].

Все эти люди могли бы выступить за сближение двух стран, если бы Вильгельм Второй начал бы такую пропагандистскую кампанию в российской прессе и нашел бы прогермански настроенные политические партии.

Были германофилы и лоббисты интересов немецких предпринимателей в ближайшем окружении российского императора, но они не смогли оказать реального влияния на внешнюю и внутреннюю политику Николая Второго. Как уже было сказано выше, германское правительство не только не использовало этот довольно мощный ресурс, но и не защищало их интересы.

В-третьих, русский царь больше симпатизировал монархическим Германии и Австро-Венгрии, чем республиканским Англии и Франции. При этом его некорректно считать ярким германофилом. От своего отца Александра Третьего он унаследовал антигерманские настроения, скрепленные франкорусским договором. Когда Николай Второй стал императором, то заявил о том, что при возможном сближении с Германией будет учитывать интересы Франции. А это «блокировало» любую попытку заключения договора между Россией и Германией, т. к. Франция была партнером Англии. А у Туманного Альбиона Германия — главный противник на просторах Мирового океана. С другой стороны, внешнеполитическая экспансия

Санкт-Петербурга на Балканах и Ближнем Востоке раздражала Берлин и Вену^[91].

Эти и другие причины заставляли Николая Второго проводить двоякий курс по отношению к Германии. С одной стороны, активно шла подготовка к будущей войне против нее. С другой стороны, Санкт-Петербург и Берлин начали процесс сближения между собой. Потом, правда, страны стали стремительно удаляться друг от друга.

В качестве подтверждения этого достаточно привести такой пример. Германия иногда сама делилась секретной информацией с Российской империей. И происходило это под чутким руководством двух императоров— германского и российского. Их, кроме династических уз, связывала еще и личная дружба. Если такие отношения могут быть между правителями великих держав^[92]. Из переписки между ними, которая охватывает период с 1894 по 1913 год, можно узнать массу интересных фактов. Например, осенью 1902 года Россия получила секретные чертежи кораблей германского флота, за которыми активно охотились разведки многих европейских держав^[93]. В то же время переписка служила прекрасным барометром отношений между двумя державами. Если в 1909 году они обменялись десятью посланиями, то в 1910 году— пятью, а с 1911 по 1913 годы переписка фактически прервалась (известны семь писем Вильгельма Второго и ни одного — Николая Второго)^[94].

Эти дружеские отношения не мешали российскому монарху регулярно читать германскую дипломатическую корреспонденцию, которой послы обменивались со своим правительством в Берлине. Николай Второй просто следовал существовавшей традиции. Ведь процесс перлюстрации дипломатической корреспонденции иностранных

миссий начался в сороковых годах XVIII века в эпоху «дворцовых переворотов». Тайные цензоры охотились на тех, кто проявлял нелояльность к находящемуся на троне правителю. Среди подозреваемых были и иностранные подданные.

Когда процедура престолонаследия была отработана, то сотрудники «черных кабинетов» занялись своими прямыми обязанностями — тайным наблюдением за противниками российского государства. Например, в 1800 году член коллегии МИДа Николай Панин писал российскому послу в Берлине:

«Мы располагаем шифрами переписки короля (Пруссии) с его поверенным в делах здесь. Если вы заподозрите Хаугвица (министра иностранных дел Пруссии) в вероломстве, найдите предлог для того, чтобы он направил сообщение по данному вопросу. Как только сообщение, посланное им или королем, будет расшифровано, я немедленно сообщу Вам о его содержании»^[95].

С 1870 года, в связи с передачей почтового ведомства в состав министерства внутренних дел, «черные кабинеты» оказалась в прямом подчинение министра МВД. А техническое управление их деятельности с 1886 года было возложено на старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов. Официально должность «главного перлюстратора» Российской империи именовалась так: помощник начальника Главного управления почт и телеграфов^[96].

Отечественные «черные кабинеты» жили по собственным законам, знакомясь с перепиской всех лиц, за исключением императора и министра внутренних дел. Все остальные, включая иностранных дипломатов, были не застрахованы от любопытных глаз тайных

цензоров. Даже почта, перевозимая курьерами в специальных вализах, вскрывалась, и при необходимости с нее делали копии, которые каждое утро предоставляли министру внутренних дел.

В 1906 году Англия и Россия начали постепенный переход от соперничества к сближению. В отчете МИДа нашей страны за 1906 год заявлялось, что война с Японией и «...создавшееся отчасти благодаря ей крайне тяжелое положение воочию доказали невозможность продолжения традиционной внешней политики, и в этом отношении 1905 год являлся поворотным пунктом в наших отношениях с Англией»^[97]. Это никак не повлияло на тайную деятельность МВД в Санкт-Петербурге в отношении корреспонденции британского посольства.

В начале прошлого века сотрудники Министерства внутренних дел не только занимались перлюстрацией, но и кражами иностранных дипломатических кодов и шифров, а также текстов исходных («открытых») шифротелеграмм. Их наличие значительно облегчало работу криптографам^[98].

В июне 1904 года британский посол Чарльз Хардинг доложил в Лондон о том, что начальнику его канцелярии была предложена огромная по тем временам сумма— 1000 фунтов. За это бюрократ должен быть добыть один из дипломатических шифров. В том же донесении дипломат сообщил, что один высокопоставленный русский политик сказал, что ему «...все равно, насколько подробно я передаю наши с ним беседы, если это делается в письменной форме, но он умолял меня ни в коем случае не пересылать мои сообщения телеграфом, поскольку содержание всех наших телеграмм известно».

А через три месяца посол сообщил, что вице-директор Департамента полиции Петр Рачковский

создал секретный отдел «с целью получения доступа к архивам иностранных миссий в Санкт-Петербурге». О результатах деятельности этого подразделения можно узнать из доклада секретаря посольства Сессила Райса. В феврале 1906 года он писал: «...вот уже в течение некоторого времени из посольства исчезают бумаги... Курьеры и другие лица, связанные по работе с посольством, находятся на содержание и, кроме того, получают вознаграждение за доставку бумаг».

Руководил работой секретного отделения по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами, перлюстрации и дешифровке их секретной почты Михаил Комиссаров. По утверждению Сессила Райса, «около посольства по вечерам постоянно находятся полицейские эмиссары с тем, чтобы получать доставляемые бумаги».

Англичане пытались противодействовать тайному нарушению экстерриториальности посольства — установили новый сейф, врезали в дверцы архивных шкафов новые замки, сотрудники получили строжайшую инструкцию никому не передавать ключи от канцелярии и т. п., но ничего не помогало — секретные документы продолжали пропадать.

А через два месяца все тот же британец получил доказательство того, что «к архивам посольства существует доступ, позволяющий выносить бумаги и производить их съемку в доме Комиссарова»^[99].

Ситуация не изменилась даже во время Первой мировой войны, когда появилась Антанта. Сотрудники Департамента полиции продолжали регулярно перехватывать и дешифровать переписку между английским послом Джорджем Бьюкененом и статс—секретарем по иностранным делам сэром Эдвардом Греем, а также их французскими коллегами^[100]. Как мы увидим ниже, эта мера оказалась недостаточно

эффективной, чтобы противостоять деятельности разведок этих стран.

Почему Российская империя, несмотря на все отрицательные последствия, сначала вступила в Первую мировую войну, а когда в конце 1914 года со стороны Германии начался зондаж возможностей проведения переговоров о сепаратном мире, продолжала сражаться?

Одна из основных причин — активная работа британских спецслужб. Арсенал используемых средств был достаточно широк, начиная от пропаганды в газетах и заканчивая созданием огромной армии «агентов влияния», в которой «служили» представители либеральной оппозиции (лидеры партий октябристов и кадетов) и капиталисты. С момента своего появления в 1906 году на политической сцене руководители этих движений активно выступали за сближение с Англией и Францией. Тогда же были установлены первые контакты с правительствами этих держав.

Отдельное направление деятельности британской разведки — активные мероприятия. В частности, участие в

заговоре с целью ликвидации Григория Распутина, который активно выступал за проведение мирных переговоров с Германией.

Россия — рай для шпионов

Иностранные разведки чувствовали себя в относительной безопасности, когда речь шла о проведении пропагандистских кампаний в российской прессе и приобретении «агентов влияния». Дело в том, что действующее российское законодательство предусматривало уголовную ответственность только за «шпионаж». А под это определение попадали только четыре вида деяний:

1) Опубликование, сообщение или передача другому лицу в интересах иностранных государств сведений, содержащих гостайну. Поясним, что «это сведения или предметы, касающиеся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, предназначенных для военной обороны страны».

2) Передача третьим лицам описания изобретения или патента в сфере обороны и внешней безопасности России.

3) Сбор сведений, содержащих гостайну, без намерения передать иностранным агентам или представителю иностранного правительства эти сведения.

4) Попытка совершить полет на летательном аппарате над фортификационными сооружениями или «закрытыми» районами^[101].

По иронии судьбы, до 1910 года заниматься этим в нашей стране было некому. У дипломатов были свои проблемы, да и опекали их правоохранительные органы достаточно плотно. Да и сами они не пытались заниматься противозаконной деятельностью. Военный атташе в Санкт-Петербурге хотя и докладывал об успехах страны пребывания, но делал это весьма деликатно и щепетильно, как истинный джентльмен.

Точно так же поступали его коллеги в Вене и Берлине. Никто в Лондоне и не рассчитывал, что они будут заниматься «секретной деятельностью». Один из атташе писал:

«Я ни за что не стану заниматься секретной работой. С моей точки зрения, военный атташе — гость страны, аккредитуемой его, и потому должен видеть и узнавать лишь то, что дозволено гостю. Несомненно, он должен держать глаза и уши открытыми и не упускать ничего, но секретная деятельность — не по его части, он должен решительно отказываться прилагать к ней руку»^[102].

«Секретной» деятельностью, согласно многочисленным легендам, в начале прошлого века в Санкт-Петербурге якобы занимался авантюрист Сидней Рейли. Вот только многочисленные исследования говорят о том, что этот человек был не очень прилежным шпионом^[103].

Косвенно об этом свидетельствует и такой факт. В 1907 году у Британии не было не одного тайного агента в Европе! Через год, во время заседания подкомитета по агрессии Комитета имперской обороны, начальник оперативного управления генерал-майор Джон Юарт признался, что «существующий механизм получения сведений из Германии и с материка вообще в военное либо мирное время крайне несовершенен...»^[104].

Рассчитывать на помощь соотечественников тоже не приходилось. В Санкт-Петербурге проживало не более четырех тысяч британских подданных, и жили они достаточно обособленно друг от друга, в отличие, например, от немцев. Хотя отдельные иностранцы регулярно информировали посольство по определенным вопросам.

Поэтому основное направление деятельности разведки Туманного Альбиона в тот период — это

пропаганда необходимости сближения двух стран и лоббирование этого процесса в Государственной Думе. И здесь ее деятельность совпадала с тем, чем занимались их французские коллеги.

Из арсенала спецслужб

В большинстве европейских стран до 1914 года считалось законной практика «субсидирования» иностранных дружественных газет. При этом Россия занимало первое место по размаху такой деятельности. Наиболее распространенный прием — дача взяток издателям и журналистам, а также размещение оплаченных («заказных») материалов^[105]. Наши «союзники» из Антанты действовали более изоцирено.

Еще с довоенных времен в Российской империи действовал так называемый «Французский институт». В уставе этого учреждения было сказано, что его основная задача — способствовать развитию между двумя державами «отношений научного и интеллектуального характера». При этом из десяти учредителей института четверо— видные руководители масонского центра «Великий Восток Франции»^[106]. Чиновники Департамента полиции выступали против существования таких «отношений», заявляя об их «крайней нежелательности», но руководство нашей страны их проигнорировало. Торжественное открытие этого учреждения состоялось 18 октября 1911 года. Всего по России (в Москве, Ростове-на-Дону, Варшаве, Одессе и т. п.) функционировало более десяти подобных организаций.

О том, чем занимались эти учреждения, в 1920 году написал сотрудник «Французского института» Рауль Лабри. По его словам, с началом войны организация, где он работал, превратилось в отделение специального пропагандистского органа в Париже — «Дома прессы». В 1916 году начальник французской военной миссии полковник Лавернь проводил ежедневные совещания руководителей различных

французских заведений для выработки пропагандистских «планов действий» и указаний французам, рассеянным по России, о проведении лекций и подготовке статей для местной прессы. Статьи направлялись в более чем 40 газет Петрограда, Москвы, Владивостока, Тифлиса и других городов. Понятно, что ключевая идея всех публикаций — доведение войны до «победного конца»^[107].

Аналогичные мероприятия, только более масштабные, проводили и британские спецслужбы. В Англии действовали три разведывательных службы: Департамент военных операций Военного Министерства, Департамент военно-морской разведки (во время Первой мировой войны — «Комната 40») Адмиралтейства^[108] и созданное в 1909 году Бюро секретных служб. В начале века оно объединяло разведки МИДа и Министерства колоний и по делам Индии. Разведывательный департамент этого Бюро стал именоваться МИ-6^[109].

При каждом из этих органов существовал отдел пропаганды. К ним следует добавить множество специфичных пропагандистских органов, которые специализировались на подготовке различных материалов не только для союзных и нейтральных стран, но и для государств, участвовавших в Первой мировой войне на стороне Германии. Среди этих «добровольных» учреждений наиболее известны: Комитет национальных патриотических организаций, Комитет прессы нейтральных стран, Парламентский комитет мобилизации, Викторианская лига и Союз демократического контроля.

В сентябре 1914 года появилась и четвертое официальное подразделение в сфере агитации — Бюро военной пропаганды^[110]. Новая организация готовила пропагандистские материалы для нейтральных и

союзных стран, посылала туда свои миссии и отдельных лиц для изучения настроений общественности и выработки рекомендаций. Среди входящих в ее состав подразделений следует отметить отдел разведки. О высоком статусе Комиссии и важности решаемых ею задач можно судить по тому, что руководителем назначили члена кабинета.

Эффективность работы этих учреждений снижала ведомственная разобщенность. Поэтому в январе 1916 года контроль за всей пропагандой был возложен на МИД^[111]. О масштабах деятельности многочисленных организаций свидетельствует фрагмент мемуаров германского агента Дж. Зильбера:

«Телеграфное агентство Рейтер передавало ежемесячно свыше миллиона слов за границу... что соответствует приблизительно содержанию одного тома Британской энциклопедии. Еженедельно иностранная пресса получала до 400 статей на всех языках мира... Во всех нейтральных странах Европы появлялись одновременно сотни антигерманских публикаций». Многие факты просто сочинялись, другие значительно извращались и подтасовывались^[112].

Также мероприятиями в сфере пропаганды занимались сотрудники британской военно-разведывательной миссии, которая официально была аккредитована при Главном Управлении Генерального штаба в Петрограде. Официальные задачи этого представительства были такие: наблюдение за перемещением германских войск, за торговыми операциями России, составление так называемых «черных» списков контрабандистов, а также контроль за поездками британского военного персонала по территории страны. Дополнительные, негласные задачи — насаждение агентуры и попытка повлиять на внешнюю и внутреннюю политику страны пребывания.

Упомянутое выше британское Бюро военной пропаганды имело в Петрограде свое представительство — полуофициальное Англо-русское бюро пропаганды. Работой этого учреждения руководили люди, имевшие непосредственное отношение к британской разведке. Первый из них — русист Бернард Пэре, носивший громкий титул «официальный корреспондент ее величества». А второй — профессиональный писатель Хью Уолпол [\[113\]](#).

Бернард Пэре впервые приехал в Россию в 1898 году и прожил в нашей стране два года. С 1904 по 1905 год он совершил второй визит, не только как ученый-русист, но и как неофициальный осведомитель Британского посольства в Петербурге и британского МИДа. Такой статус был распространен среди английских ученых, журналистов и писателей, посещавших нашу страну в начале прошлого века. Тогда же он начал активно расширять политические связи. В 1912 году он организовал визит членов Государственной Думы — представителей оппозиционных царю партий (октябристов и кадетов) в Англию. Многие из этих людей станут «агентами влияния» и будут выступать за войну до «победного конца». После Октябрьской революции все они эмигрируют на остров Туманного Альбиона.

В 1914 году он назначен официальным осведомителем британского правительства в России с поручением находиться при армии. С 1915 года до октября 1917 года — корреспондент солидной британской газеты «Дейли телеграф». Писатель Всеволод Иванов в начале тридцатых годов прошлого века написал в одном из своих очерков об этом человеке: «Сей чистый академист профессор Пэре поведал мне откровенно (они познакомились в 1919 году. — *Прим, авт.*), что он состоял всю Великую войну в

контрразведке штаба нашей Третьей Армии... Все наши секретные агенты— мальчишки и щенки по сравнению с этим коварным почтенным профессором литературы, несомненно, имевшим крупные связи в Англии».

А вот чем занимался второй руководитель Англо-русского бюро пропаганды. С осени 1914 по лето 1915 года Хью Уолпол находился при русском Красном Кресте на Польском и Галицийском фронтах, а в октябре 1915 года возглавил бюро. При нем оно просуществовало недолго — «развалилось в результате постоянной утечки информации»^[114]. Возможно, что его закрыли по другой причине— слишком явными стали связи его руководителя с сотрудниками британской разведывательной миссии^[115].

Среди дипломатов следует выделить вице-консула Роберта Локкарта (в 1918 году он стал одним из руководителей «Заговора послов». — *Прим, авт.*), который тогда постигал азы ремесла шпиона. Приехав в Россию в 1912 году, к лету 1915 года он установил многочисленные контакты с лидерами либеральной оппозиции в Москве. Вот, например, что он написал в своих мемуарах о московском городском голове и главноуполномоченном Всероссийского союза городов — члене ЦК партии кадетов Михаиле Васильевиче Челнокове:

«Хотя он и был на двадцать лишнем лет старше меня, мы стали с ним интимными друзьями. Через него я познакомился с вождями московского политического движения — князьями Львовым, Василием Маклаковым, Мануйловым, Кокошкиным и многими другими. От него я получил копии секретных резолюций московской городской думы, руководимого Львовым земского союза и союза городов, одним из руководителей коего он был. Случалось ему снабжать меня и копиями секретных постановлений кадетской партии или даже

документами вроде писем Родзянко к председателю Совета министров, каковые я первым сообщал посольству, — маленькие успехи, создававшие мне репутацию особенно искусной ищейки. Мои связи оказали мне возможность быть полезным даже военному министерству»^[116].

И это неудивительно, ведь в квартире разведчика, превращенной в салон, можно было встретить кого угодно, начиная от коменданта Кремля и заканчивая политическими деятелями. В непринужденной и дружественной обстановке обсуждались самые деликатные и конфиденциальные темы^[117].

Британское правительство не забыло услуг, которые оказал стране Михаил Челноков. В марте 1917 года ему в торжественной обстановке вручили знаки ордена Подвязки, которые, по словам Роберта Локкарта, «король пожаловал ему в награду за услуги англо-русскому союзу». Странная формулировка, если учесть, что награжденный был простым городским головой Москвы (напомним, что столицей тогда был Санкт-Петербург)^[118].

Еще один британский подданный — журналист Гарольд Вильсон — также оказывал конфиденциальные и специфичные услуги своей стране. С одной стороны, он активно изучал Россию, и написанная им в 1914 году «Россия русских» считается одним из уникальных по глубине понимания русской

жизни произведений о нашей стране^[119]. А с другой, он выступал в качестве посредника между британским послом Джорджем Бьюкененом и представителями русской оппозиции. Например, 24 января 1916 года он организовал «русско-английский чай», на котором присутствовали лидеры кадетов (Милюков, Набоков, Вернадский, Протопопов и др.) и представители британской миссии (в частности, упоминавшийся выше

Бернард Пэре)^[120]. Это мероприятие было организовано в рамках программы установления контактов правительства Англии с либеральной оппозицией в России. До конца 1915 года в Лондоне весьма равнодушно относились к этой политической силе, используя ее возможности не полностью, как одной из фракций в Государственной думе и в качестве «поставщика» агентов (работающих за деньги или ради идеи) из среды офицеров, сотрудников Департамента полиции, чиновников, представителей интеллигенции. Большинство из них были активными членами или сочувствующими политических движений октябристов, кадетов, прогрессистов и трудовиков^[121].

Впрочем, в них Британия до поры не нуждалась, ведь благоприятный для нее российский внешнеполитический курс задавал Сергей Сазонов, который внимательно прислушивался к пожеланиям Лондона и Парижа.

Этот человек руководил отечественным МИДом с 1910 по июль 1916 год— период, когда велась подготовка к Первой мировой войне и начался зондаж возможности проведения переговоров о сепаратном мире. Понятно, что англофил во главе внешнеполитического ведомства сделал все, чтобы Россия вступила в войну на стороне Антанты и участвовала в ней до конца. Свою деятельность он согласовывал с Парижем и Лондоном. Высокопоставленный чиновник МИДа Владимир Лопухин в своих мемуарах утверждал:

«...Сазонов работал в тесном сотрудничестве с английским послом Бьюкененом и французским Палеологом. С самого начала войны этот триумvirат ежедневно сходился в кабинете министерства иностранных дел и сообща направлял деятельность русского дипломатического ведомства. Сазонов нашел

себе руководителей... И не одного, а двух. Слушался их Сазонов беспрекословно».

Хотя он учитывал интересы не только иностранных правительств, но и внутренней либеральной оппозиции, с которой начал контактировать еще в 1912 году. Противники режима активно поддерживали его, так как Сергей Сазонов «прияженно» относился к Государственной Думе, а также активно проводил внешнеполитическую линию на союз с Англией и Францией и выступал за продолжение войны до конца. Один из лидеров оппозиции Павел Милюков однажды заявил:

«Я был сторонником Сазонова и защищал его от нападков германофилов и правых. Поскольку Сазонов является защитником интересов наших и наших союзников, я всегда выступал его защитником и сторонником».

Странно иметь министром иностранных дел политика, который активно сотрудничает с оппозицией. Это стало одной из основных причин его отставки в июле 1916 года.

Заграничные партнеры Сергея Сазонова не делали таких громких заявлений о его поддержке, как либеральная оппозиция, а действовали. Когда слухи об отставке министра начали циркулировать среди дипломатов, то Англия и Франция предприняли несколько попыток прямого вмешательства в дела России, предприняв ряд демаршей для его спасения. В частности, 6 июля 1916 года британский посол послал секретную телеграмму императору, в которой просил его, прежде чем принять решение, «взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка Сазонова», прозрачно намекая, что в противном случае России придется встретить серьезные затруднения в любых (прежде всего финансовых) переговорах с союзниками, а также на послевоенной мирной конференции.

Аналогичный демарш предпринял глава британской военно-разведывательной миссии Самюэль Хор^[122].

Все эти попытки оказались безуспешными, и 7 июля 1916 года Сергей Сазонов лишился своего поста руководителя МИДа. Занявший его место Борис Штюрмер не «страдал» «антантофильством», поэтому Англии и Франции пришлось искать другие способы воздействия на внешнюю политику Российской империи.

Британский посол дважды посетил Николая Второго, требуя отставки Бориса Штюрмера и обуздания растущего германского влияния при дворе. Тревогу дипломата можно понять. Достаточно процитировать телеграмму, отправленную им в Лондон 18 октября 1916 года. «Не хочу проявлять ненужный пессимизм, — писал он, — но никогда после начала войны я не чувствовал такого огорчения по поводу здешней ситуации, особенно в том, что касается будущих англо-русских отношений. Германское влияние усиливается после ухода Сазонова из министерства иностранных дел»^[123].

В Лондоне и Париже справедливо опасались изменения форм участия России в Первой мировой войне, в частности, заключения сепаратного мира. Хотя, по мнению многих историков, основная причина кадровых перестановок в том, что Николай Второй решил поставить во главе МИДа преданного себе человека, а таких в 1916 году оставалось очень мало.

И с этим преданным человеком императору пришлось расстаться уже 10 ноября 1916 года. Вот что он написал незадолго до того, как это произошло, своей супруге:

«Я приму Штюрмера через час и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск. Увы! Я думаю, что ему придется совсем уйти, — никто не имеет доверия к нему... даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше

свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом больше и больше. Надо с этим считаться»^[124].

Если бы в Лондоне тогда прочли это письмо, то были бы довольны. Пропагандистская компания в российской либеральной оппозиционной прессе, направленная против «темных сил» и руководителя МИДа, достигла своей цели. Борис Штюрмер 11 ноября 1916 года ушел в «бессрочный» отпуск, а на пост премьер-министра был назначен Александр Трепов. В одном из первых официальных заявлений новый руководитель сообщил, что Россия продолжит войну до победного конца и о том, что «преждевременного мира», заключенного «отдельно от наших союзников, не будет никогда». Руководство стран Антанты одобрило это назначение.

Если Николай Второй и планировал проведение переговоров о заключении сепаратного мира, то серьезные попытки зондажа возможности переговоров он начал предпринимать еще на рубеже 1915–1916 годов. Тогда же в Петрограде заговорили о скорой отставке Сергея Сазонова. Хотя этим попытки вывода империи из войны царь не ограничил. Назначив Бориса Штюрмера премьер-министром, а затем заменив им Сергея Сазонова, Николай Второй готовил механизм проведения сепаратных переговоров^[125]. А британская разведка готовила контрмеры.

В середине 1916 года либеральная оппозиция (в первую очередь кадеты) начала новый этап политической борьбы. В его основе лежала клевета и сознательная дискредитация правительства. Например, сбор информации о предпринятых Борисом Штюрмером шагах в сторону заключения сепаратного мира (чего на самом деле не было). В своей борьбе либералы активно опирались на западных союзников. Например, с

британским послом Джорджем Бьюкененом велись разговоры на тему измены в русском правительстве. В Лондоне «услышали» эти беседы и одобрили действия оппозиции. Произошло это 27 октября 1916 года в Александровском зале Петроградской думы на заседании «Общества английского флага». Посол в своей речи выразил уверенность в скорой победе, но при этом отметил, что она должна произойти не только над врагом внешним. «Окончательная победа должна быть одержана над коварным врагом внутри наших стран», — сказал он. Понятно, что под ними подразумевались сторонники сепаратного мира. Также в своем выступлении британец выразил надежду, что «он, вероятно, услышит через несколько дней в Государственной Думе столь же определенное заявление по этому поводу большинства народных представителей». Таким образом, дипломат санкционировал аналогичное выступление в Государственной Думе. По мнению многих историков, речь, которую Павел Милюков собирался произнести там, была согласована с западными дипломатами, а не с собственными политическими союзниками. Когда она прозвучала 1 ноября 1916 года в первый день работы V сессии Государственной Думы, то произвела эффект разорвавшейся бомбы. А один из депутатов растерянно спросил у оратора: «А ваша речь — глупость или измена?».

В своем выступлении оратор обвинил власти в разрухе и поставил вопрос: «что это — глупость или измена?», далее он озвучил слухи, которые циркулировали в высшем обществе. Не имея никаких доказательств и лишь цитируя германскую и австро-венгерскую прессу, он делал вывод о возможном предательстве супруги Николая Второго императрицы Александры Федоровны и премьер-министра Бориса Штюрмера. Через несколько дней текст выступления

начал гулять по стране. Фактически он подтвердил циркулировавшие до этого сплетни^[126].

Кто генерировал антигосударственные слухи

Их основными «производителями» были не агенты британской разведки, как это можно предположить, а «сливки» российского общества, родственники царской семьи, ненавидящие императрицу. Она тоже не симпатизировала им. Спускаясь в «низы», слухи попадали в благодатную почву, созданную тяготами и лишениями военного времени. По свидетельству современников, размах скандальных сплетен был столь значителен, что во время показа одного из эпизодов военной кинохроники, когда императору вручают Георгиевский крест, в зале раздавались громкие возгласы: «Царь с Егорием, царица с Григорием»^[127].

При этом такой информации верили не только простые обыватели, но и те, кто входил в ближайшее окружение Николая Второго. В качестве примера можно процитировать генерал-майора Отдельного корпуса жандармов — начальника дворцовой охраны Александра Спиридовича:

«Когда на фронтах и прифронтной полосе десятками расстреливали людей по одному лишь подозрению в государственной измене, столица России — Петербург — кишмя кишела не только подозрительными в этом отношении лицами, но и лицами с определенной репутацией разведчиков, офицеров германского генерального штаба, имевших доступ к пресловутому "старцу", а через него непосредственно к министрам, вплоть до председателя Совета Министров Б. С. Штюрмера».^[128]

Вот только, по мнению независимых исследователей, многочисленные германские «агенты»

так и не смогли реально повлиять на ход Первой мировой войны.

Исследования, проводившиеся в России по поводу поражения русской армии в Первой мировой войне в связи с действиями немецкой разведки, позволяют утверждать, что действия последней не оказали на это сколько-нибудь существенного влияния. Немецкий шпионаж не имел прямого отношения к тем или иным поражениям русской армии^[129].

Специалист в этой области В. М. Гиленсон в работе «Германская разведка против России», опубликованной в 1991 году, делает вывод:

«Проигранные русской армией сражения, как показывает внимательное изучение документов, не были следствием предательства или деятельности немецких военных разведчиков на уровне государственного или военного руководства. Германской агентурной разведке не удалось внедрить своих людей на ключевые посты в командование русской армии, подавляющее большинство солдат и офицеров до конца выполнили свой долг. Поражение русских войск объясняется совершенно другими причинами, к числу которых можно отнести ошибки Верховного командования, вытекающего из невнимательного отношения к данным собственной разведки, а также стремление Ставки идти навстречу требованиям союзников России, не считаясь с реальной обстановкой, что привело к стратегическим просчетам, оплаченным большой кровью»^[130].

О пагубном влиянии подобных «сплетен и слухов» на политическую ситуацию в России лучше всех сказал великий князь Александр Михайлович:

«Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий,

банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живущих щедротами империи... Было совершено напрасным трудом угодить... революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах. Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли гнусные слухи про царя и царицу?.. Как надо было поступать с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гиндербурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу больше, чем победами на немецком фронте?»[\[131\]](#).

Кто «заказал» Григория Распутина

Слухи не только будоражили общественное мнение, что привело в конечном итоге к Февральской революции, но и спровоцировали атаку на Григория Распутина со стороны представителей генералитета. Хотя британская разведка не имела отношения к этой акции, но, скорее всего, в Лондоне одобрили эту идею. Ведь она не только позволяла нейтрализовать одного из сторонников сепаратного мира, но и доказать наличие «темных сил», о которых сообщил в своей речи в Думе Павел Милюков.

В декабре 1916 года безуспешную атаку на императора с целью устранения влияния на дела государства «скрытых безответственных сил» и формирования опирающегося на доверие страны правительства предприняли члены Государственного совета, сословных дворянских организаций, руководители отдельных партий (входящие в прогрессивный блок Государственной думы) и группа ближайших родственников Николая Второго.

Во главе великокняжеской фронды стоял известный придворный историограф Николай Михайлович. Его поддерживали трое братьев. Их требования звучали лаконично — удаление от дел Григория Распутина и Александры Федоровны. Категорично утверждать о том, что они стали очередными «жертвами» слухов или симпатизировали Британии и поэтому начали борьбу против «темных сил», мы бы не стали. Просто это были две из множества причин, заставивших выступить их против царя.

Императрица, узнав об их требованиях, в одном из своих писем супругу назвала их кровными врагами, а великого князя Николая Михайловича просила выслать

из Петрограда в Сибирь еще 4 ноября 1916 года. Причина столь категоричного требования проста — тот регулярно общался с руководителями либеральной оппозиции и часто обменивался мнениями по различным вопросам с британским послом [\[132\]](#).

Вторая половина 1916 года ознаменовалась не только требованиями либеральной оппозиции удаления от царского двора руководителей «темных сил», но и подготовкой серии заговоров. Все из них, кроме убийства Григория Распутина, так и не были реализованы, и о них известно очень мало. По мнению некоторых историков, наиболее вероятная схема переворота предусматривала захват императора в его поезде между Петроградом и Ставкой. С этой целью лидер октябристов и председатель Центральной военно-промышленной комиссии Александр Гучков установил контакты с офицерами различных гвардейских частей и с кружком офицеров, руководимых князем Вяземским. Солдаты не были посвящены в сущность дела и должны были просто выполнить приказ своих командиров [\[133\]](#).

Знала ли британская разведка о таком варианте смены руководителя страны? Скорее всего, да. Среди активных участников операции можно назвать близких друзей Роберта Локкарта — московского городского голову Михаила Челнокова и председателя Всероссийского земского союза князя Георгия Львова. Если в Лондоне знали о готовящемся перевороте, то как отнеслись к этому сообщению? Вероятнее всего, предпочли не вмешиваться в то, что происходит в Петербурге. Ведь в случае успеха к власти должны были прийти «англофилы», которые выступали за продолжение войны до конца. А те, кто выступал за сепаратный мир, утратили бы политическое влияние.

Одновременно готовилась операция по убийству Григория Распутина. Согласно «официальной» версии дореволюционных и советских историков, этот проект придумали, подготовили и успешно реализовали в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года три человека: двоюродный брат Николая Второго великий князь Дмитрий Павлович, видный монархист-черносотенец Владимир Пуришкевич и князь Феликс Юсупов-Сумароков-Эльстон, женатый на племяннице царя Ирине Александровне.

На самом деле эти три человека были лишь исполнителями идеи, которую придумали лица, входившие в политическую и светскую элиту Российской империи и выступавшие против проводящейся Николаем Вторым внешней и внутренней политики. Сейчас доказано, что к числу вдохновителей этого «заговора» можно причислить члена кадетского центрального комитета масона Василия Маклакова (он одновременно участвовал в заговоре по устранению императора), председателя Государственной думы октябриста Михаила Родзянко, фактического лидера великокняжеской фронды Николая Михайловича, старшую сестру императрицы Елизавету Федоровну и других членов царской семьи. К этому следует добавить, что и британская разведка, как минимум, была прекрасно осведомлена об этом «заговоре». По ряду косвенных признаков можно утверждать, что ее агенты принимали участие в реализации плана ликвидации одного из лидеров «темных сил».

Объяснять роль руководителей либеральной оппозиции в убийстве Григория Распутина нет необходимости. Если эти люди ради своих политических интересов планировали сместить самого императора, то, что тогда говорить об обычном сибирском мужике, которого ненавидела вся страна. А вот на описании роли Николая Михайловича и британских разведчиков мы остановимся подробнее. Ведь Николай Михайлович,

мягко говоря, симпатизировал англичанам. Вспомним упоминавшийся выше факт его контактов с британским послом. Кто знает, может быть, британские знакомые подтолкнули его к мысли о том, что «ужасное положение династии» связано с «влиянием Распутина». Такую идею он высказал в начале ноября 1916 года одному из исполнителей заговора Михаилу Пуришкевичу. А через несколько дней, 6 или 7 ноября 1916 года, черносотенец сообщил Василию Маклакову, что принято решение об убийстве Григория Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года. А незадолго до этого с членом центрального комитета кадетов встретился Феликс Юсупов и сказал, что у кадетов есть два способа устранения «святого старца» — купить или убить. Собеседники тогда не о чем не договорились.

Какие конкретно цели преследовали заговорщики и почему в успешной реализации этого проекта были заинтересованы не только в Петрограде, но и в Лондоне? По утверждению Василия Маклакова, Феликс Юсупов и его сообщники полагали, что после устранения Григория Распутина императрица потеряет душевное равновесие и ее придется поместить в психиатрическую больницу. Тогда все переменится, и царь «сделается хорошим конституционным монархом». В таком развитии событий были заинтересованы и в Лондоне. Ведь реальной политической властью в стране обладали бы партии, которые доказали свое «англофилию».

Хотя был более весомый аргумент в пользу нейтрализации Григория Распутина. Вот что об этом написала жена Родзянко матери Феликса Юсупова (обе дамы были в курсе деталей «заговора» и активно поддерживали его) 1 декабря 1916 года: «После официального сообщения о предложении Германии и Австрии начать мирные переговоры очень опасаются распутинского согласия на заключение мира помимо

союзников. Все вероятно. Послы французский и английский жаловались... что их принимают с трудом, а Германия через Александру Федоровну старается восстановить царя против союзников. Никогда Россия не видела таких черных дней и таких недостойных представителей монархизма»[\[134\]](#).

Руководитель военно-разведывательной миссии Самуэль Хор подразумевал «Распутина и его компанию» (т. к. она «является скрытой движущей силой антивоенных группировок», опасность сепаратного мира оставалась). Например, британец в своем донесении директору военной разведки 9 декабря 1916 года (озаглавленном «Состояние общественного мнения в России») отмечал рост недовольства царским правительством во всех социальных слоях, причем у «трудящихся классов» оно сосредоточивалось в основном «на плачевном состоянии в сфере продовольствия». Так, недавно «произошло несколько угрожающих стачек в Петрограде и в других промышленных центрах». Причем, начавшись в качестве демонстраций против войны, они «завершились манифестациями против правительства». Обнадеживающим симптомом разведчик считал преобладание либеральной оппозиции над «темными силами»[\[135\]](#).

Поступок убийц Григория Распутина встретил одобрение и поддержку не только среди членов императорской семьи, но и среди сотрудников британского посольства. Так, 19 декабря 1916 года английский посол Бьюкенен неожиданно устроил в фешенебельном ресторане Контана вместо традиционной ежегодной встречи банкет представителей британской колонии с участием Родзянко и Сергея Сазонова. Дипломат, пользуясь

случаем, призывал к продолжению войны до победного конца.

Это был не единственный «английский след» в трагедии, разразившейся в особняке Юсупова. Выяснилось, что в заговоре замешан английский офицер Освальд Рейнер — один из друзей Феликса Юсупова по Оксфордскому университету. Как минимум, этот человек знал о готовящемся убийстве^[136].

Роберт Локкарт признался в своих мемуарах, что был близко знаком с Дмитрием Павловичем, «самым большим англофилом из всех великих князей»^[137]. В отношении остальных убийц Роберт Локкарт написал, что они верили в «старый режим и хотели его спасти», действуя из соображений, «пожалуй, неправильно понятого патриотизма».

Британский разведчик Самуэль Хор признал, что Михаил Пуришкевич предупредил его за две недели о предстоящем убийстве. При этом Хор не проинформировал об угрозе российские власти. Зато он стал первым из западных дипломатов, кто доложил своему правительству подробности ликвидации Григория Распутина. Не скрыл он и расчетов, с этим связанных, в т. ч. на «незамедлительную отставку Протопопова и различных шефов тайной полиции», а также на постепенное устранение с ответственных постов видных распутинцев, которых считал германофилами.

Вот только здесь британская разведка ошиблась. Николай Второй, наоборот, начал заменять либерально настроенных министров сторонниками Григория Распутина. Например, 27 декабря 1916 года председателем Совета министров был назначен князь Николай Голицын, который до этого руководил Комитетом помощи русским военнопленным под патронажем самой императрицы. Также

активизировались попытки зондажа сепаратных переговоров [\[138\]](#).

Накануне февральской революции

Либеральная оппозиция также действовала, пытаясь парламентскими и «силовыми» методами повлиять на императора. В частности, лидеры этого течения продолжали разрабатывать план дворцового переворота. Лидер октябристов Александр Гучков свидетельствует:

«План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при поддержке воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью. Надо было бы найти часть, которая бы расположена для целей охраны по железнодорожному пути, а это было трудным. Здесь Петроградский гарнизон не представлял, конечно, трудности, но все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс».

Одна из причин того, что этот план не был реализован, — обоснованный страх заговорщиков перед революцией, которую мог спровоцировать их переворот. То, что происходило в начале января 1917 года в Петрограде, в своих мемуарах прекрасно описал британский посол Джордж Бьюкенен:

«Революция носится в воздухе, и единственно не ясно, будет ли она проведена сверху или снизу. О дворцовом перевороте говорили открыто, и на обеде в посольстве один мой русский друг, который занимал высокий пост в правительстве, заявил, что это

сводилось просто к тому, будут ли убиты царь и императрица вместе или только последняя. С другой стороны, мог произойти и взрыв народного недовольства, вызванный продолжительной нехваткой продовольствия».

Звучит странно. Посол «дружественной» державы обсуждает с высокопоставленным чиновником планы физического устранения законного руководителя страны. Вместо того, чтобы предупредить императора о грозящей ему опасности, дипломат по просьбе лидеров либеральной оппозиции решил «предпринять последнюю попытку спасти царя». Хотя эта встреча напоминала беседу старшего с младшим, где британец терпеливо объяснял, что нужно делать руководителю великой державы.

Встреча состоялась 12 января 1917 года. Вначале разговора Николай Второй высказал предположение, что предстоящая в Петрограде межсоюзническая конференция окажется последней перед «завершающей мирной конференцией». Тем самым он продемонстрировал свою надежду на скорое окончание Первой мировой войны. Собеседник выразил сомнение, заявив, что «политическая обстановка в России не позволяет ожидать сколько-нибудь крупных результатов от ее работы». Развивая свою мысль, он говорил об отсутствии гарантий в том, что «нынешнее русское правительство сохранится и решения конференции будут соблюдаться его наследниками». Царь возразил, указав на беспочвенность таких опасений. На что посол ответил, что «координация наших усилий еще является недостаточной, если в каждой из союзных стран отсутствует полная солидарность между всеми классами населения». В качестве примера страны, где все с этим благополучно, он назвал Англию. Одновременно он изложил требования либеральной оппозиции о необходимости

создания правительства, пользующегося доверием населения. Понятно, что в его состав должны были войти лидеры октябристов и кадетов. Также он указал на необходимость считаться с мнением Государственной Думы и Земства. Император внимательно выслушал пожелания. Обрадованный такой реакцией дипломат заявил, что «немцы оказывают косвенное влияние на императрицу через лиц ее окружения», в результате чего «ее дискредитируют и обвиняют в работе на интересы Германии». Потом Джордж Бьюкенен выразил недовольство Протопоповым, ибо, «пока он останется на посту министра внутренних дел, между правительством и Думой не будет сотрудничества, которое является главным условием победы». Также он утверждал, что министр «действует в пользу примирения с Германией». Здесь император проявил твердость и отклонил обвинение. Дальше разговор пошел о ситуации в стране. На предупреждение дипломата о том, что «на революционном языке разговаривают не только в Петербурге, но и по всей России», монарх ответил, что не стоит придавать разговорам об этом слишком серьезного значения. Тогда посол упомянул о готовящемся дворцовом перевороте. Это сообщение взволновало царя. На этом их беседа закончилась [\[139\]](#).

За несколько дней до этого события, 7 января 1917 года, британский разведчик Самуэль Хор отправил в Лондон очередное донесение. В этом документе он информировал о впечатлениях от своей поездки в Москву. В частности, он обратил внимание на то, что «главные военные и земские представители» говорили с редкой откровенностью о «невыносимом положении» России. Даже начальник Московского военного округа,

являвшийся самым закоренелым консерватором, считал существование тогдашнего строя безнадежным.

В другом донесении этого человека, датированном 18 января 1917 года, можно прочесть такие слова: «прогрессивные» партии (октябристы и кадеты) спокойно продолжают организационную работу, и их руководство полно решимости не предпринимать шагов, которые сыграют на руку противнику на фронте и в тылу. Они принимают все меры к недопущению повторения «анархических взрывов», что, дескать, дискредитировало и подорвало дело революции 1905 года, которая сошла с накатанного либерально-буржуазного курса^[140].

А полиция продолжала педантично фиксировать многочисленные контакты представителей либеральной оппозиции с британскими разведчиками и дипломатами. Например, в записке Петроградского охранного отделения от 6 февраля 1917 года можно прочитать об этом следующее: «Находясь в непосредственном общении с английским посольством, кадеты черпают оттуда соответствующие указания и советы». А в донесение от 15 февраля 1917 года указывается, что британского посла регулярно посещают октябристы.

Министр МВД Алексей Протопопов позднее свидетельствовал:

«Достоин замечания, что посол Англии, нашей союзницы, сочувствовал, может быть, и содействовал работе нашей оппозиции. Он, вероятно, предполагал, что за успехом этой работы последует взрыв энтузиазма, способный склонить чашу весов военного счастья на сторону держав согласия».

Он докладывал царю о контактах Джорджа Бьюкенена с лидерами «прогрессивного» блока, но император никак не среагировал на эти сообщения. Требовалось принятия решительных мер по пресечению

подобного «сотрудничества», но на это самодержавие
опасалось идти [\[141\]](#).

Когда император лишился власти

Дополнительные сведения о тайной политике Британии в отношении России можно почерпнуть из секретных донесений французской разведки, которая тоже активно действовала в Петрограде. Например, представитель разведывательного отделения генерального штаба Франции в России, капитан де Малейси, в своем донесении, отправленном в Париж 4 апреля 1917 года, отмечал, что главной причиной Февральской революции было недовольство царем и императрицей всех слоев общества. А произошла она благодаря заговору англичан и либеральной буржуазии. Вдохновителем мероприятия был британский посол, а техническим руководителем— Александр Гучков. При этом они планировали только «отречение самодержца и установление либеральной опеки с одним из великих князей в качестве регента», но ситуация вышла из-под их контроля. Также французский разведчик называл и других участников «дворцового переворота». В частности, он упомянул Военно-промышленную комиссию, великого князя Николая Николаевича и генерала от инфантерии начальника штаба Ставки Михаила Алексея.

О том же писал в своем дневнике 7 апреля 1917 года руководитель французской военной миссии генерал Жанен. Также он указал, что англичане в результате прихода к власти лидеров либеральной оппозиции рассчитывали на получение крупных концессий, в частности, на северные леса, кавказскую нефть и т. п. [\[142\]](#)

Когда британское правительство поняло, что либералы, пришедшие к власти в результате Февральской революции, не способны удержать власть,

а население Российской империи готово поддержать любого, кто объявит основным пунктом своей политической программы заключение мира с Тройственным союзом, то начало предпринимать судорожные меры для спасения ситуации. Использовать либеральную буржуазию, хотя многие ее лидеры вошли в состав Временного правительства, оказалось бесполезно. Они и так, во главе с Александром Керенским, продолжали ратовать за войну до победного конца. По мнению Роберта Локкарта, это и стало одной из причин того, что к власти в октябре пришли большевики. Ведь они заявили о выходе из войны! Того, чего два года до этого добивались «темные силы».

В какой-то момент британская разведка оказалась бессильной. Идея отправить в Россию франко-британскую делегацию социалистов с целью убедить русских товарищей не прекращать войну оказалась бессмысленной. Гости не знали русского языка, да и дискутировать с местными опытными ораторами, которые могли часами «лить воду из пустого в порожнее», они не могли^[143].

Следующая попытка агитации была предпринята летом 1917 года. Предполагалось агитировать русских солдат при помощи кинокартин, демонстрирующих события, происходящие на Западном фронте. По мнению Роберта Локкарта, эффект этих лент на дезорганизованную российскую армию был бы противоположным задуманному и только бы увеличил количество дезертиров. Предполагалось, что выступающие перед сеансами ораторы будут призывать к ведению войны до победы. Сами организаторы сомневались в успехи мероприятия, но военные народ дисциплинированный, и приказ командования принялись выполнять.

Проблемы начались еще в Москве, когда городская администрация разрешила показывать только кино, но никаких речей, кроме выступления Роберта Локкарта. Генеральный консул достиг нужного эффекта, но после этого речи запретили [\[144\]](#).

А потом события начали развиваться по кошмарному для российских и зарубежных масонов, Лондона и Парижа, а также кадетов, сценарию. Прибывшая в Петроград из эмиграции и ссылок в апреле— мае 1917 года «команда» революционеров начала подготовку Октябрьской революции. Среди ее членов было тоже множество евреев, но, в отличие от Временного правительства, ради удержания власти они были готовы пойти на любые меры. Начиная от «красного террора» и заканчивая заключением Брест-Литовского мира.

В первой главе нашей книги было написано о «правильных» и «неправильных» (с позиции Владимира Ленина) революционерах-евреях. Первые были интернационалистами, а вторые— националистами. Так вот, «неправильные» революционеры проиграли «правильным» и были вынуждены эмигрировать или погибнуть в первые годы советской власти. Хотя последние недолго наслаждались своим триумфом. Большинство из них были репрессированы Иосифом Сталиным. Кто-то пострадал из-за своей чрезмерной правильности, поверив в идею Льва Троцкого о всемирной революции. Кто-то стал обычной жертвой борьбы за власть. Кого-то случайно затянуло в «кровавую мясорубку» 1937 года.

Глава шестая

Политическая элита

Российской империи.

Биографии

В большинстве политических партий Российской империи, возникших в начале прошлого века, евреи играли если не главную, то ведущую роль. При этом они не обязательно заседали в Государственной Думе или активно участвовали в революционной деятельности. Учитывая их прирожденную способность к лидерству, можно предположить, что фактически они стали во главе почти всех политических сил в стране. Не следует забывать о финансовой поддержке и оказании других специфических услуг. Ниже мы расскажем о тех, кто сумел прорваться на вершину политического Олимпа Российской империи.

Конституционно-демократическая партия (кадеты)

АДЖЕМОВ Моисей Сергеевич — член ЦК партии кадетов.

Родился в 1878 году.

Образование получил в Нахичеванской духовной семинарии, затем в гимназии Ростова-на-Дону и Лазаревском институте восточных языков.

В 1903 году окончил медицинский факультет Московского университета.

В 1904 году сдал экстерном экзамены на юридическом факультете Московского университета.

Депутат II-IV Государственной Думы.

После Февральской революции — комиссар Временного правительства в Министерстве юстиции.

После Октябрьской революции в эмиграции во Франции. Участвовал как посредник в коммерческих и финансовых предприятиях, в качестве доверенного лица нефтяных магнатов Манташевых продал их нефтяные промыслы в Баку англичанам.

В 1919 году принимал участие в переговорах с финским правительством, убеждая, что «белая Россия» признает независимость Финляндии.

С 1920 года — член комитета Парижской группы кадетов

Умер в 1950 году.

ВИНАВЕР Максим Моисеевич— один из основателей партии кадетов.

Родился в 1862 или 1863 году в Варшаве.

В 1881 году окончил 3-ю Варшавскую гимназию и поступил на юридический ф-т Варшавского ун-та. По

окончании унта в 1886 году переехал в Петербург, где началась его адвокатская деятельность.

До 1904 года, вследствие недопущения евреев к присяжной адвокатуре, вынужден был оставаться в звании помощника присяжного поверенного и тем не менее сумел занять видное место в рус. адвокатуре. Авторитетный специалист по гражданскому праву, Винавер занимался научной работой, и его статьи печатались в ряде специальных журналов и сборников. Изучая вопрос о положении евреев в России, сыграл большую роль в «Союзе для достижения равноправия евреев», «Обществе для распространения просвещения среди евреев» и учреждении «Историко-этнографической комиссии». Вместе с выдающимися русскими адвокатами организовывал защиту на погромных процессах.

С 1904 года редактор отдела в журнале «Вестник права».

В 1902-1906 годах участвовал в издании газеты «Восход», посвященной жизни евреев в России.

С 1904 года — член «Союза Освобождения».

Осенью 1905 года был в числе основателей Конституционно-демократической партии народной свободы (кадетов) и председательствовал на учредительном съезде в Москве, войдя в члены ее ЦК.

В 1906 году был избран в I Государственную думу от Петербурга и стал одним из руководителей кадетской фракции. После разгона Думы, как и другие ее члены, подписал Выборгское воззвание с призывом отказаться от уплаты налогов и поставки рекрутов, за что был приговорен к 3-месячному заключению в «Крестах» и лишен политических прав. Не имея возможности избираться в Думу последующих созывов, он не прекратил политической деятельности, активно участвуя в работе ЦК и партийных съездах.

В 1916 году на 6-м съезде партии председательствующий на обоих заседаниях Винавер сформулировал позицию кадетов так: «Сущность всей политической борьбы... сводится к проведению своих взглядов, т. е. к борьбе за преобладание, за власть».

С марта 1917 года руководитель (вместе с А. А. Корниловым) агитационно-издательской (позднее литературно-издательской) комиссии партии, в обязанности которой вменялось издать в популярном изложении программу партии, а также отд. брошюрами и листовками отдельные доклады и речи делегатов съезда.

19 марта 1917 года в Петрограде под председательством Винавера состоялось собрание учредителей нового лит. Общества — Союза писателей. Вошел в Особое совещание по выработке закона о выборах в Учредительное Собрание (под пред. Ф. Ф. Кокошкина). Выступал против сближения с «левыми». Сформулировал общую позицию партии: тактический курс ее ни в коем случае не должен способствовать усилению поляризации в стране. После Апрельского кризиса центр партии раскололся, и группа В. Д. Набокова и Винавера сблизилась с левым флангом партии.

В мае 1917 года на 8-м съезде партии снова вошел в ЦК. 3 мая на совместном заседании Временного правительства, Временного Комитета Государственной Думы и представителей Совета РСД П. Д. Долгоруков и Винавер вручили кн. Г. Е. Львову кадетский ультиматум о программе правительства и его составе (не менее 4 представителей партии).

В начале мая совершил ряд поездок в различные города России с целью ознакомления с положением дел в партийных организациях и подготовки к предстоящим муниципальным выборам.

1 июля 1917 года на заседании ЦК партии выступил против отставки кадетских министров, а в Городской думе требовал введения смертной казни за пропаганду против войны. Добивался отсрочки выборов в Учредительное Собрание. После провала выступления ген. Л. Г. Корнилова выполнил (вместе с Набоковым) поручение А. Ф. Керенского добиться временного устранения Милюкова от руководства партией (Милюков почти сразу после этого разговора выехал в Крым).

3 октября 1917 года Винавер вошел в Предпарламент, стал тов. (зам.) пред, кадетской фракции в нем, тов. пред, комиссии по борьбе с анархией.

В конце 1917 года арестован ВЧК, вскоре отпущен, скрывался от властей.

На конференции 27-29 мая 1918 года выступил с докладом об ориентации кадетов и сформулировал идею создания союза со странами Антанты. Основной целью конференции партии в Екатеринодаре 28-31 октября, как заявил Винавер, было достижение соглашения о том, «как организовать представительство России перед лицом союзников», которое «сможет двинуть вопрос ликвидации большевизма».

Весной 1919 года вошел в Крымское «Краевое правительство» в качестве министра внешних сношений, пытаясь организовать защиту Севастополя армией союзников.

В 1920 году бежал вместе с остатками Добровольческой армии во Францию.

В Париже продолжал политическую деятельность, целью которой было привлечь внимание союзных держав к выполнению ими задачи освобождения России от большевизма. После краха интервенции и поражения П. Н. Врангеля Винавер вместе с А. И. Коноваловым и Н.

Д. Авксентьевым призывал к «объединению всех демократических течений внутри эмиграции» на общей платформе борьбы за демократическую Россию. Вел большую работу в эмигрантских организациях и был председателем общества «Русское издательское дело в Париже», являясь одним из основателей газеты «Последние новости». Занимался и научной деятельностью, читая курс русского гражданского права в Русском ун-те при Сорбонне, инициатором создания которого он был. Автор воспоминаний и исторических работ.

Умер в ноябре 1926 года в Ментон-Сен-Бернар, Франция.

Литература: Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

ГЕРЦЕНШТЕЙН Михаил Яковлевич— автор программы кадетской партии по аграрному вопросу.

Родился в 1859 году в еврейской семье.

Окончил юридический факультет Новороссийского университета. К преподавательской деятельности он министерством народного просвещения не был допущен из-за еврейского происхождения.

С 1884 года активно сотрудничал в журналах «Русская мысль», «Юридический вестник», в газете «Русские ведомости» (с 1886 года — постоянный сотрудник).

В 1886 году по протекции профессора А. И. Чупрова поступил в Московский Земельный Банк. Обладая специальными познаниями по теории поземельного кредита, он сделал стремительную карьеру.

Пятнадцатилетняя служба в банке создала ему независимое материальное положение, обогатила его

большим запасом практических сведений в области финансовых, кредитных и аграрных отношений.

В 1903 году становится приват-доцентом Московского университета, а в 1907 профессором политэкономии в Московском Сельскохозяйственном Институте.

В 1905 году был выбран гласным Московской городской думы, принимал активное участие на всех съездах земских и городских деятелей. В городской думе, несмотря на непродолжительное пребывание в ней, Герценштейн успел занять весьма видное положение; ему было поручено председательствование в финансовой и жилищной комиссиях. Он вошел также в состав особой «исполнительной комиссии», образованной городской думой, и в качестве члена ее принимал участие в переговорах с рабочими во время их конфликта с городским самоуправлением. После основания кадетской партии входит в ее состав и вскоре становится лидером ее правого крыла.

В 1906 году был выбран от Москвы в I Думу, где принимал живейшее участие в работах аграрной комиссии и с большим успехом выступал по аграрному вопросу. В своих выступлениях в Думе подчеркивал необходимость принудительного отчуждения частновладельческих земель и передачу их крестьянам на правах аренды, критиковал финансовую политику правительства, его слова об «иллюминациях» помещичьих усадеб навлекли на него гнев крайне правых кругов. На переговорах с представителями власти о вхождении общественных деятелей в кабинет министров кадеты называли его кандидатом на пост министра финансов.

Был убит 18 июля 1907 года в Финляндии черносотенцами.

Литература: Столыпин П. А. Переписка. М., 2004.

ГЕССЕН Владимир Матвеевич — юрист, член ЦК кадетской партии, масон.

Родился в 1868 году. Окончил курс в Новороссийском университете. Был профессором Петербургского политехнического института, Александровского лицея и петербургских высших женских курсов. Долго преподавал в Военно-юридической академии.

В 1910 году получил степень магистра государственного права за диссертацию «Подданство, его установление и прекращение».

Член II и III Государственной Думы.

Один из редакторов еженедельника «Право».

После октября 1917 года преподавал в вузах Петрограда и в Иваново-Вознесенске.

Умер в январе 1920 года от тифа.

Литература: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996; Савченко Г. В., Семенов А. М. В. М. Гессен в Иваново-Вознесенске. // Правоведенье, 2003 г., № 1.

ГЕССЕН Иосиф Владимирович — член ЦК партии кадетов, один из основателей партии.

Родился 14 апреля 1865 года (по другим сведениям — в 1866 году) в Одессе в богатой еврейской семье. Дед И. В. Гессена по отцу был купцом, известным своей общественной и торгово-промышленной деятельностью. Его отец, а также братья отца и мужа его сестер, занимались хлебной торговлей.

В 1874 году поступил во 2-ю одесскую гимназию. Уже обучаясь в старших классах гимназии, он включился в революционную деятельность.

С 1883 года учился на Юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе, из которого

был исключен в 1885 году за участие в студенческих беспорядках, что сам он всегда отрицал.

В 1885 году поступил на юридический факультет Петербургского университета, в том же году арестован за связь с «Народной волей» и сослан в Усть-Сысольск.

С 1889 года Гессен жил в Одессе, где экстерном окончил Юридический факультет Петербургского университета. К тому времени он отошел от революционной деятельности. Несмотря на ходатайство руководства факультета, Гессен не был оставлен на преподавательской работе из-за «политической неблагонадежности» и иудейского вероисповедания.

В 1894 году он принял православие, чтобы усыновить сына Сергея, оказавшегося на его попечении. Однако во всех документах он указывал национальность еврея. Вскоре он женился на Анне Исааковне Блюменфельд, племяннице известного в Бессарабии хирурга. Принятие православия открыло для Гессена путь к государственной службе: он поступил на работу в Тульский уездный суд.

В 1896 году за успехи по судебному ведомству он был приглашен на должность помощника юрисконсульта в Министерство юстиции и вместе с семьей переехал в Санкт-Петербург.

С 1898 года он сотрудничал в журнале «Образование» и газетах «Русские ведомости» и «Сын отечества». Он организовал выпуск еженедельной юридической газеты «Право», первый номер которой вышел 8 ноября 1898 года. Это издание Гессен редактировал на всем протяжении его существования— до 1918 года. Впоследствии, став членом Конституционно-демократической партии, Гессен фактически превратил «Право» в прокадетское издание.

С 1901 года активный участник либерального движения — член кружка «Беседа».

С 1904 года занимал должность присяжного поверенного.

В 1905 году он участвовал в создании Конституционно-демократической партии, в которой стал товарищем (заместителем) председателя Петербургского комитета.

В 1906 году он стал членом ЦК партии кадетов. Именно к этому периоду его жизни относится следующее воспоминание А. В. Тырковой-Вильямс: «Гессен был еврей, адвокат с хорошей практикой, человек умный, живой, способный, доброжелательный». В другом месте своих мемуаров она характеризует Гессена как человека «практичного», но «сентиментального».

В 1905 году совместно с П. Н. Милюковым Гессен редактировал газету «Народная свобода», сотрудничал в журнале «Вестник партии народной свободы».

С февраля 1906 года он был соредактором (с П. Н. Милюковым) газеты «Речь», органа Конституционно-демократической партии.

В октябре 1905 г. Гессен участвовал в секретных переговорах между Центральным комитетом Конституционно-демократической партии и С. Ю. Витте о создании конституционного кабинета. В своих воспоминаниях министр характеризовал Гессена как «человека большого таланта пера и слова», но «наивного политика».

В период избирательной кампании в I Государственную думу Гессен был исключен из списка избирателей в связи с привлечением к суду за «антиправительственную деятельность».

Во время выборов во II Государственную думу Гессен выступал за соглашение с октябристами и имел контакты с П. А. Столыпиным.

В 1907 году он был избран депутатом II Государственной думы от Петербурга. В ее составе

Гессен занимал пост товарища председателя фракции кадетов, возглавлял комиссию о реформе местного суда, комиссию о неприкосновенности личности, участвовал в работе комиссии по запросам и в библиотечной комиссии. Именно на Гессена Милюков пытался возложить руководство кадетской фракцией во II Государственной думе, где лидеру конституционных демократов требовался человек, способный проводить его линию. Однако результат, как утверждали современники, получился плачевный. Глава влиятельнейшей политической фракции вскоре почувствовал «общее разочарование в политической деятельности, вызванное ознакомлением с ее кулисами». По воспоминаниям Гессена, от своих друзей ему приходилось постоянно выслушивать упреки в наивности, «в непонимании шахматных ходов... соратников по партии и неумении отражать их».

В 1905–1910 годах — директор-распорядитель петербургской издательской фирмы «Общественная польза», специализировавшейся на издании общественно-политической литературы.

С конца 1914 года — председатель Всероссийского объединения редакторов.

В 1917 году член Временного совета Российской республики (Предпарламента).

После Октябрьского переворота Гессен выступил против власти большевиков. Он входил в Политический центр при штабе генерала Н. Н. Юденича

В феврале 1919 года эмигрировал в Финляндию, затем в Германию.

С 1920 возглавлял издательство «Слово», редактировал газету «Руль» (Берлин), выпускал «Архив русской революции» (т. 1—22).

С 1936 года жил во Франции.

С 1942 года — в США.

Умер в 1943 году.

Литература: Гессен В. Ю. Жизнь и деятельность И. В. Гессена — юриста, публициста и политика. СПб., 2000.

ЕЩИН Евсей Маркович — член ЦК партии кадетов.

Родился 2 декабря 1865 года в городе Речица Минской губернии. Из мещан города Гомеля. Отец— акцизный надсмотрщик, мать — из купеческой семьи.

Окончил уездное училище, затем гимназию. Учился на юридическом факультете Московского университета. Принимал участие в деятельности народнических кружков.

В 1887 году за участие в студенческих волнениях выслан из Москвы.

В августе 1888 года вновь принят в Московский университет.

С 1895 года вел адвокатскую практику.

Сотрудничал в московской газете «Русские ведомости».

В 1894 году на время ярмарки был приглашен из «Русских ведомостей» в Нижний Новгород в газету «Нижегородский листок».

В 1895 году работал в «Самарской газете».

С 1896 года — в «Нижегородском листке».

Состоял в нелегальном «Союзе освобождения».

С 1905 года— член нижегородского комитета Конституционно-демократической партии, с 1916 года член ее ЦК.

В 1906-1917 годах — издатель «Нижегородского листка».

С января 1917 года гласный Нижегородской городской думы.

Умер после марта 1936 года.

ИЗГОЕВ Александр Самойлович (Лянде Аарон Соломонович) — член ЦК партии кадетов.

Родился в 1872 году.

Окончил медицинский факультет Томского университета, изучал общественные науки за границей, в 1900 году окончил юридический факультет Новороссийского университета (Одесса), впоследствии — профессор этого университета.

Участвовал в создании «Союза Освобождения», сотрудничал с рядом либеральных изданий.

В январе 1906 года на 2-м съезде конституционно-демократической партии избран в состав ЦК, в котором примыкал в правому крылу. Сотрудничал в партийной газете «Речь» и иных изданиях.

После октября 1917 года участвовал в подпольном издании газет «Борьба» и «Наш век».

В ноябре 1918 года арестован, но в январе 1919 года освобожден по ходатайству М. Горького.

В начале 1921 г. вновь арестован, в 1922 году выслан в Германию.

Умер в 1935 году.

ИОЛЛОС Григорий Борисович — член кадетской фракции I Государственной думы.

Родился в 1859 году в Одессе в купеческой семье.

Окончил Одесскую гимназию, слушал лекции в Киевском и Страсбургском университетах, окончил Гейдельбергский университет и получил научное звание доктора права, но на пути к кафедре стояло еврейское происхождение.

В 1886 году поселился в Москве и посвятил себя журналистике — сотрудничал с газетой «Русские ведомости» и журналом «Юридический вестник». Секретарь Московского юридического общества при Московском Университете.

В 1886 году защитил магистерскую диссертацию по политэкономии в Московском университете.

С 1890 года поселился в Берлине, откуда регулярно посылал корреспонденции и статьи в «Русские ведомости» и журналы «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль» и другие.

В конце 1905 года он вернулся в Россию, а в начале 1906 года избран в Полтавской губернии в I Государственную думу как член конституционно-демократической партии (выдвинут кадетской партией и «Союзом для достижения полноправия евреев» в России).

После роспуска Думы подписал «Выборгское воззвание». Затем был ближайшим членом редакции «Русских ведомостей» в Москве.

В 1906 году на съезде «Союза для достижения полноправия евреев» выступал против создания особой еврейской группы в Государственной думе, полемизировал как с сионистами, так и с националистами.

14 марта 1907 года был убит на улице днем рабочим Федоровым, который не знал даже имени жертвы. Убийство было организовано членом «Союза русского народа» Казанцевым, который убедил Федорова в том, что Иоллос изменник и предатель революционеров; Казанцев же доставил Федорову револьвер. После убийства убийца свободно скрылся. Только на следующий день Федоров узнал из газет, кого он убил, и отомстил Казанцеву, заманив его в лес и убив там. После этого он бежал за границу, но скоро обратился к французскому правительству с просьбой выдать его России.

Литература: Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и

воспоминания. М., 2001; Абрамсон Х. И. Совпадение или традиция? // Земляки, 2000 г., май, № 62.

КАМИНКА Август Исаакович — один из основателей партии кадетов и член ее ЦК.

Родился 9 сентября 1865 году в Херсоне.

Юридическое образование получил в Петербургском университете. Был приват-доцентом Петербургского университета, где, в 1905–1912 годах, читал общий курс торгового права — до 1912 года.

В 1898 году, вместе с группой молодых юристов, основал журнал «Право», в котором состоит соредактором; в 1904 году принял участие в издании сборника «Нужды деревни»; в том же году, вместе с И. В. Гессеном, издал сборник «Конституционное государство» (2-е издание, 1905); в 1907 г. участвовал в сборниках «Первая Государственная дума» и «Вторая Государственная дума».

Один из организаторов и лидеров партии кадетов, член ЦК партии. Вместе с В. Д. Набоковым и М. М. Винавером был редактором еженедельного журнала «Вестник партии народной свободы» (1906–1917 годы; с перерывами).

С 1909 года профессор Санкт-Петербургских высших женских курсов.

В 1918 году эмигрировал в Финляндию.

С 1920 года жил в Берлине, соучредитель издательства «Слово», сотрудник редакции газеты «Руль» (1920–1931), председатель Русской Академической группы в Берлине.

Умер в январе 1940 года.

МАНДЕЛЬШТАМ Михаил Львович (Моисей Лейбович) — член ЦК партии кадетов.

В 1866 году родился в Казани. Его отец, известный в городе детский врач, лечил юного Н. Э. Баумана—

впоследствии видного революционера, большевика, которого сам Михаил Львович через много лет (в 1905 году) защищал на судебном процессе.

В 1883 году поступил на юридический факультет Петербургского университета и познакомился там со своим однокурсником, студентом естественного факультета А. И. Ульяновым (старшим братом В. И. Ленина). Вместе с Ульяновым, его сестрой Анной, П. Я. Шевыревым, З. А. Венгеровой (младшей сестрой С. А. Венгерова) он входил в депутацию от петербургского студенчества, которая приветствовала М. Е. Салтыкова-Щедрина 8 ноября 1886 г., в день именин писателя, у него дома, причем с приветственной речью выступил именно Мандельштам. «Ульянов и Шевырев указали на него, — вспоминала об этом Венгерова. — Он юрист, известный у нас оратор, речь сказать — его дело».

Вскоре после этого, 17 ноября 1886 года, снова вместе с А. И. Ульяновым и П. Я. Шевыревым (они в то время создавали террористическую фракцию партии «Народная воля» и через полгода были повешены), Мандельштам, хотя и не был членом фракции, принял участие в на шумевшей «добролюбовской» антиправительственной демонстрации у могилы Н. А. Добролюбова на Волковом кладбище в Петербурге. За это он был арестован и выслан «на родину», в Казань. Его причастность к «Народной воле» не была установлена, но сугубая неблагонадежность стала для властей фактом: в феврале 1888 года он был вновь арестован и выслан на два года в Симбирск.

Революционером Мандельштам не стал, но пережил в юные годы увлечение сначала народничеством, а затем марксизмом. Он был тогда дружен с одним из пионеров марксизма в России Н. Е. Федосеевым, который «в ранней молодости жил в семье Мандельштамов», а на одной из нелегальных лекций

Мандельштама в Казани впервые услышал о Марксе 17-летний В. И. Ульянов (Ленин).

С 1902 года присяжный поверенный. Своей оппозиции к самодержавию он никогда не скрывал, скорее даже бравировал ею. Поэтому «государственные преступники» охотно выбирали его своим защитником. Он с равной ответственностью юриста-профессионала защищал и социал-демократов (Н. Э. Баумана, Н. А. Рожкова), и эсеров (Г. А. Гершуни, И. П. Каляева), и кадетов (Е. В. Аничкова, А. В. Тыркову), и рядовых участников массового движения.

В октябре 1905 года стал членом ЦК конституционно-демократической партии. Правда, там он оказался излишне левым и в 1907 году вышел из ЦК по несогласию с партией кадетов, но вплоть до 1917 года держал себя, по его собственному выражению, «спиной к революции».

Мандельштам был широко известен не только как юрист, адвокат. У него были обширные связи в различных сферах культуры. Он был женат на драматической актрисе О. А. Голубевой (1868–1942), блиставшей в театрах Ф. А. Корша, В. Ф. Комиссаржевской и на периферии, дружил с В. Г. Короленко, П. Н. Милюковым, корифеем Малого театра А. И. Южиным.

После Октябрьской революции 1917 года Мандельштам эмигрировал, но вскоре вернулся в СССР.

В советское время Мандельштам служил юрисконсультom в различных (государственных и коммерческих) учреждениях, был членом Коллегии защитников, участвовал в работе Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, писал мемуары.

Арестован в июне 1938 года НКВД и по данным КГБ СССР, 5 февраля 1939 года умер в тюрьме «от упадка сердечной деятельности».

ФРЕНКЕЛЬ Борис Захарович— кадет, советский гигиенист, академик АМН СССР.

Родился 13 февраля 1869 года в Борисполе (Киевская область).

В 1895 году окончил медицинский факультет Дерптского (ныне Тартуского) университета. Работал санитарным врачом.

С 1906 по 1917 член партии кадетов, подвергался репрессиям.

Один из организаторов отделов земской медицины на Дрезденской международной гигиенической (1911) и Всероссийской гигиенической (1913) выставках.

С 1910 года читал курс общественной медицины в Еленинском институте (ныне Государственный институт для усовершенствования врачей), институте экспериментальной медицины и Психоневрологическом институте в Петербурге.

С 1919 по 1951 год— заведующий кафедрами общественной, затем социальной гигиены Санитарно-гигиенического института и кафедрой коммунальной гигиены института для усовершенствования врачей (Ленинград, с 1931 по 1953 годы).

Умер 25 августа 1970 года в Ленинграде.

Литература: Алексеева Л. П., Мерабишвили В. М., З. Г. Френкель. М., 1971.

Партия социалистов — революционеров (эсеров)

АЗЕФ Евно Фишелевич— один из лидеров партии эсеров, «король провокаторов».

Родился в 1869 году в местечке Лысково Гродненской губернии в семье бедного портного.

В 1890 году окончил гимназию в Ростове-на-Дону. Перебивался мелкими заработками корректора, репортера. Обманом получив крупную сумму, уехал в 1892 году в Карлсруэ (Германия), где поступил в политехникум и получил специальность инженера-электротехника. Будучи студентом, примкнул к социал-демократическому кружку.

В 1893 году предложил услуги информатора Департаменту полиции.

В 1899 году вступил в заграничный союз социалистов-революционеров. Прекрасно зарекомендовав себя за время заграничной осведомительской работы, Азеф возвратился в Россию, где стал членом северного союза эсеров.

В 1901 году вместе с Г. А. Гершуни объединил разрозненные северный, южный и заграничный союз в партию эсеров.

В 1903 году, после ареста последнего, Азеф возглавил Боевую организацию, принимал участие в подготовке многих террористических актов партии: организовал убийство министра внутренних дел В. К. Плеве, вел. князя Сергея Александровича, Гапона и т. д. (всего 30 террористических актов), чем приобрел неограниченное доверие революционеров. Одновременно информировал Департамент полиции о товарищах по партии и их планах: в 1905 году выдал почти весь состав Боевой организации — 17 человек;

предотвратил покушение на Дурново, Николая II и т. д. «Король провокаторов», абсолютно беспринципный и корыстолюбивый, Азеф изменял и правительству, и революционерам в зависимости от личной пользы.

В 1908 году был разоблачен В. Л. Бурцевым и приговорен ЦК партии к смерти, но скрылся.

В 1910 году под именем предпринимателя Александра Неймайера поселился в Берлине, вел жизнь рантье и успешно играл на бирже. Мировая война его разорила.

В 1915 году был арестован немецкими властями как опасный русский анархист. В сырой камере Моабитской тюрьмы Азеф подорвал здоровье.

Освобожденный в 1917 году, после Октябрьской революции в России, он прожил недолго. Деятельность Азефа нанесла громадный урон партии эсеров, от которого они до конца не оправились.

Умер в апреле 1918 года.

Литература: Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997; Николаевский Б. И. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991.

БАХ Алексей Николаевич (Абрам Литманович) — народоволец, эсер.

Родился в 1857 году.

В 1878 году впервые участвовал в студенческих беспорядках будучи студентом Киевского университета. За это был выслан в Белозерск.

Вернулся в Киев в начале 1882 года и примкнул к народофильской организации, действовал среди рабочих, писал листовки, вел сношения с организациями других городов.

После ареста весной 1883 года был вынужден перейти на нелегальное положение и уехать из Киева.

Вот этот-то отъезд и привел к тому, что начавшееся странствования Баха по разным городам сделали из него одну из осведомленнейших и центральных фигур народовольчества в этот период. Когда в Петербурге обозначились реформы, Бах был вызван

туда. Его позиция была в пользу старого течения и решительной борьбы с оппозицией. В этом отношении он вполне сошелся с приехавшим из-за границы Лопатиным. После почти года энергичной деятельности Бах эмигрировал и занялся преимущественно научной работой. После ареста Лопатина и провалов эмигрировал в марте 1885 года, занявшись научной работой.

В 1905 году примкнул к эсерам.

В 1917 году вернулся в Россию и при переходе эсеров на путь вооруженной борьбы с советской властью отошел от партии. Жил в Москве, заведовал химическим институтом, обслуживающим промышленность. После революции — академик и видный деятель ВСНХ. Принимал самое активное участие в капитальном строительстве советского хозяйства. Написал наиболее популярную в свое время книгу по экономике — «Царь-Голод», много содействовавшую массовой агитации.

В 1920 году основал Биохимический Институт при Народном Комиссариате Здравоохранения. Член Академии наук СССР.

Умер в 1946 году.

ВИШНЯК Марк (Мордух) Вениаминович — эсер.

Родился в 1883 году в Москве.

С детства был близко знаком с будущими лидерами эсеровской партии А. Р. Гоцем и И. И. Фондаминским.

Учился на юридическом факультете Московского университета.

В 1905 году примкнул к эсерам, вел пропаганду среди рабочих. В период Декабрьского вооруженного восстания провозил бомбы в коробках из-под чая. Делегат 1-го съезда партии эсеров. Был арестован, выслан в Нарымский край, бежал. Преподаватель «академии», в которой обучались молодые эсеры. Неоднократно подвергался арестам, был за границей и возвращался в Россию.

С началом Первой мировой войны занял оборонческую позицию.

После Февральской революции 1917 года входил от партии эсеров в Особое совещание по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Был избран секретарем Временного совета Республики (Предпарламента), принадлежал к правому крылу эсеровской партии.

Октябрьскую революцию встретил крайне враждебно. Был избран членом Учредительного собрания. На первом и единственном заседании Учредительного собрания был избран секретарем собрания.

Летом 1918 года перебрался на Украину, был арестован полицией гетмана П. П. Скоропадского, провел несколько недель в тюрьме, после падения гетманского режима был освобожден.

С 1919 года в эмиграции, жил во Франции.

С 1920 года— член редакции «Современных записок». До конца дней считал себя социалистом, но сблизился с П. Н. Милюковым.

С 1922 года— профессор русского юридического факультета при парижском Институте славяноведения. Соредактор «Современных записок», секретарь редакции журнала «Русские записки», в котором печаталась М. Цветаева.

В 1940 году после вторжения Германии во Францию уехал в Нью-Йорк. Преподавал русский язык на курсах

при Корнельском университете, среди его слушателей был известный в будущем историк и политолог Р. Пайпс. Умер в 1976 году в Нью-Йорке.

ГЕНДЕЛЬМАН Михаил Яковлевич — член ЦК партии правых эсеров.

Родился в 1881 году в Киеве.

С 1902 года член партии эсеров.

В политике начал участвовать с марта 1917 года — занимал различные посты в Московском Совете рабочих депутатов. Участник Всероссийского совещания Советов РОД (29 марта — 3 апреля 1917 года).

25 мая— 4 июня делегат 3-го съезда ПСР, избран членом ЦК, а также в комиссии — по рабочему вопросу, созыву Учредительному Собранию, иногороднюю. В начале июня 1917 года ЦК ввел Гендельмана в комиссию по Учредительному Собранию, в функции которой входило проведение предвыборной кампании, инструктирование местных организаций, составление списков, снабжение литературой.

3—24 июня 1917 года— делегат 1-го Всероссийского съезда Советов РСД, избран членом ВЦИК. 24 июня на заседании ВЦИК избран от эсеров в Президиум ВЦИК. 25 июня избран гласным московской Городской думы.

Активно участвовал в политической деятельности правых эсеров. После разгона большевиками Учредительного собрания начал активную борьбу против советской власти.

В 1921-1922 годах находился под следствием в Бутырской тюрьме по делу правых эсеров. 5 сентября 1921 вместе с другими членами старого ЦК направил письмо ЦК, избранному 10-м Советом партии. Обвинен «в сношениях с союзническими миссиями, организации военной работы и сношении с белогвардейцами».

7 августа 1922 года приговорен Верховным ревтрибуналом к смертной казни (условно), на суде

заявил: «И мертвые, и живые мы будем вам опасны». 8 августа Президиум ВЦИК приостановил исполнение приговора. 14 января 1924 Президиум ЦИК СССР заменил этот приговор лишением свободы на 5 лет.

3 октября 1938 года Верховным судом СССР осужден к расстрелу.

Реабилитирован в 1989 году.

Литература: Грунт А. Я. Москва, 1917-й. М., 1976.

ГЕРШТЕЙН Лев Яковлевич — член ЦК партии эсэров. Родился в 1875 году.

В 1919–1920 годах играл ведущую роль в Иркутском Политическом Центре, затем один из руководителей Всесибирского краевого комитета ПСР.

В 1920 году арестован чекистами.

В 1922 году на процессе лидеров ПСР приговорен к смертной казни (условно). С середины двадцатых годов прошлого века находился в ссылке.

В 1935 году умер в Оренбурге.

ГЕРШУНИ Григорий Андреевич (Герш Ицкович) — один из основателей партии эсеров, организатор и первый руководитель Боевой организации партии.

Родился в 1870 году в семье арендатора имения.

Не окончив гимназии из-за недостатка средств, Гершуни сдал экзамены на аптекарского ученика и в 1895 году поступил на фармацевтические курсы Киевского университета.

В 1896 году был впервые арестован за связь с участниками студенческого движения, но быстро освобожден, вскоре после освобождения уехал в Петербург, затем в Москву, где работал провизором в Институте экспериментальной медицины.

В 1898 году переехал в Минск, где устроил лабораторию для бактериологических исследований. В

это время Гершуни уже стал убежденным социалистом, готовым бороться с существующим режимом легально и нелегально. В свободное время принимал деятельное участие в организации культурно-просветительской работы: организовал начальную школу для мальчиков, читал лекции в субботней школе для взрослых. Приобретенные многочисленные знакомства позволили Гершуни начать успешную нелегальную рев. деятельность: он устроил мастерскую станков для подпольных типографий, создал бюро изготовления нелегальных паспортов. Вместе с Е. К. Брешко-Брешковской Гершуни организовал транспортировку нелегальной литературы из-за границы.

В 1901 году был арестован и отвезен в Москву. Так как формальных улик против Гершуни не было, Зубатов вел доверительные беседы по вопросам политики правительства, еврейскому вопросу, легализации рабочего движения и др. и, придя к выводу, что перед ним интеллигент, которого впоследствии можно будет использовать, освободил его.

После этого Гершуни перебрался за границу. Один из организаторов партии эсеров. Организовал и возглавил Боевую организацию в партии эсеров. Разработал тактику использования и обозначил ее цели, считая, что «Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы». Заражая своим фанатизмом, Гершуни привлекал молодежь, подбирая тех, кто был способен на террористические акты.

В 1902 году возвратился в Россию и организовал убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина, уфимского губернатора Н. М. Богдановича, покушение на харьковского губернатора И. М. Оболенского. Убежденный террорист, умный, волевой, Гершуни умел добиваться беспрекословного исполнения приказов.

В мае 1903 года был арестован и содержался в одиночке Петропавловской крепости.

В 1904 году Петербургским окружным военным судом приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением.

В 1906 году бежал из Акатуя, эмигрировал в США. В США выступал с лекциями о революционном движении в России, положении политических заключенных и каторжан. Уже тяжелобольной саркомой, узнав, что Е. Азеф, ставший главой Боевой организации после ареста Гершуни, обвинялся в провокаторстве, хотел поехать в Россию, чтобы вместе с Азефом совершить убийство Николая II, дабы этим актом реабилитировать своего преемника.

Умер в 1908 году в Цюрихе.

Литература: Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

Гоц Абрам Рафаилович — член партии эсеров.

Родился в 1882 году в Москве в богатой купеческой семье; внук известного чаеоторговца В. Я. Высоцкого. Старший брат М. Р. Гоц — народоволец, затем один из основателей Партии социалистов-революционеров (ПСР) — эсеров.

Окончил реальное училище в Москве.

С 1896 года в революционном движении, примыкал к Северному союзу эсеров.

В 1900 году поступил на философский факультет Берлинского университета; участвовал в Галле-Гейдельбергском кружке «молодых» эсеров (совместно с Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским, В. М. Бензиновым и другими).

С весны 1906 года член Боевой организации эсеров. Б. В. Савинков характеризовал Гоца того периода, как

«правоверного социалиста-революционера», видевшего в терроре «высшую форму революционной борьбы».

В 1907 году был арестован, судим и приговорен к 8 годам каторги, которую отбывал в Александровском центральном. По выходе в «вольную команду» в Иркутске член группы так называемых «сибирских циммервальдовцев» (И. Г. Церетели, Ф. И. Дан, В. С. Войтинский, М. А. Веденяпин и др.). Руководил газетой «Сибирь». По словам В. М. Чернова, эта группа заявляла, «что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой».

После Февральской революции 1917 года участвовал в создании в Иркутске Комитета общественных организаций, Совета рабочих и солдатских депутатов (РСД) и Военной организации; лично арестовал генерал-губернатора А. И. Пильца.

Вернулся в Петроград 19 марта 1917 года, избран 29 марта 1917 года членом президиума Всероссийского совещания Советов РСД (от эсеров); в тот же день введен в исполнительный комитет Петроградского Совета. 14 апреля избран в Бюро и в аграрный отдел исполнительного комитета Совета. В Петроградском Совете являлся лидером фракции эсеров.

12 мая 1917 года исполнительный комитет Совета утвердил Гоца членом редколлегии «Известий»; одновременно был членом редколлегии органа Петроградского комитета ПСР— газеты «Дело Народа». 18 мая 1917 года Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов избрал Гоца в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов. С 22 мая 1917 года товарищ председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (РСД). На открывшемся 25 мая 3-м съезде ПСР избран товарищем председателя съезда; 27 мая выступил с докладом «О

войне». 1 июня съезд принял резолюцию Гоца: «Мы призываем народы воюющих стран заставить свои правительства и свои господствующие классы отказаться от захватных стремлений; взять дело мира в свои руки... мы заявляем, что русскому народу, широким массам рабочих и крестьянства, империалистические цели войны чужды и что русская демократия не желала и не желает никаких захватов»; резолюция требовала, «чтобы Временное Революционное Правительство приняло все меры к пересмотру и ликвидации тайных договоров, заключенных царским правительством»; далее говорилось, что съезд «категорически отвергает сепаратный мир и сепаратное перемирие как в корне противоречащие методам интернациональных действий», считает «недопустимым внесение в армию демагогической проповеди отказа от всякого движения вперед из окопов и неповиновение распоряжениям революционного правительства» и находит «необходимым... приведение армии в полную боевую готовность и создание из нее силы, способной к активным операциям во имя осуществления задач русской революции и ее международной политики»; при выборах в Центральный Комитет ПСР Гоц набрал наибольшее число голосов. 3 июня был избран в Президиум 1-го Всероссийского съезда Советов РСД.

С 24 июня 1917 года член Президиума ВЦИК 1 — го созыва.

Во время выступления генерала Л. Г. Корнилова в ночь с 27 на 28 августа в составе делегации ВЦИК вел переговоры с А. Ф. Керенским об организации власти.

В августе 1917 года 7-й Совет ПСР включил Гоца кандидатом в список обязательных кандидатов в члены Учредительного Собрания. Входил также в комиссию ЦК по Учредительному Собранию. После принятия Петроградском Советом большевистской резолюции «О власти» Гоц 6 сентября вместе с другими членами

Президиума Петроградского Совета сложил свои полномочия.

Гоц принадлежал к той части ПСР, которая оказывала активное противодействие большевикам. 22 октября 1917 года участвовал в совещании у командующего Петроградским военным округом Г. П. Полковникова с представителями ВЦИК. Вечером 24 октября Ф. И. Дан, Н. Д. Авксентьев и Гоц доставили Керенскому «формулу» Предпарламента о необходимости принятия неотложных мер для пресечения вооруженного выступления, в том числе немедленное издание декрета о передаче земли в ведение земельных комитетов, предложение союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры. В ночь с 24 на 25 октября участвовал в совместном экстренном заседании ВЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, осудившем захват власти большевиками. 25 октября вошел во Всероссийский Комитет спасения Родины и Революции. 28 октября участвовал в совещании военных комиссий комитета и ЦК ПСР, на котором был разработан план восстания. В качестве председателя комитета руководил выступлением юнкеров, начавшимся в ночь на 29 октября.

После разгона Учредительного Собрания активно участвовал в боевой работе ПСР.

Весной 1918 года вошел в военный штаб «Союза Возрождения» в Петрограде. Занимался формированием вооруженных групп и переброской их на «Волжский фронт». На территорию Комуча попасть ему не удалось; выехал в Пензу, затем на Юг, в Одессу. В Южнорусском бюро ЦК ПСР стоял на позициях «борьбы на два фронта»: с большевиками и «белым движением».

В феврале 1919 года на партийной конференции в Одессе заявил, что ПСР могла бы санкционировать

вмешательство в русские дела иностранных держав, но «только в том случае, если бы это вмешательство осуществлялось при наличии тесного общения русской демократии с демократией Запада».

В 1920 году арестован.

В 1922 году Верховным Ревтрибуналом приговорен к смертной казни, замененной в 1924 году 5-летним заключением. Затем неоднократно подвергался репрессиям по обвинению в антисоветской деятельности.

20 июня 1939 Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 25 годам лишения свободы, умер в Краслаге в 1940 году.

Литература: Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

ГОЦ Михаил Рафаилович — один из основателей партии эсеров.

Родился в 1868 году в Москве в богатой купеческой семье; внук известного чаеоторговца В. Я. Высоцкого.

С 1884 года член народовольческих кружков.

В 1885 году поступил в Московский университет— студент медицинского, а с 1886 года — юридического факультета.

За участие в народническом движении 24 октября 1886 года арестован и в 1888 году выслан в Восточную Сибирь. За вооруженное сопротивление вместе с другими ссыльными властям в Якутске 22 марта 1889 года приговорен к бессрочной каторге.

В 1895 году амнистирован, жил в Кургане, затем в Одессе.

В 1901 году эмигрировал в Париж, где вместе с Н. С. Русановым и И. А. Рубановичем издавал эсеровский журнал «Вестник русской революции».

В 1902 году переехал в Женеву. Там участвовал в издании центрального печатного органа партии эсеров «Революционная Россия» и руководил по существу всей работой партии. Департамент полиции считал М. Р. Гоца «самым опасным человеком» в партии эсеров.

Умер в 1906 году.

КОГАН-БЕРНШТЕЙН Матвей Львович — эсер.

Родился в 1886 году в семье народовольцев (отец— Коган-Бернштейн Лев Матвеевич); детство и юность провел в Якутске и Вилюйске, куда были сосланы родители; отец был казнен в 1889 году за вооруженное выступление полит, ссыльных против произвола администрации (Якутская трагедия).

Окончил гимназию в Красноярске; с 7-го класса участвовал в революционном кружке.

В 1904 году вместе с матерью, бежавшей из ссылки, поселился в Германии.

В 1909 году окончил Гейдельбергский университет, затем защитил докторскую диссертацию. Вступил в Баденский Союз эсеров. Выезжал в Россию для участия в Революции 1905–1907 годов.

В 1909 году окончательно вернулся из-за границы. Сотрудничал в различных эсеровских изданиях, пропагандировал легальные формы работы в профсоюзах, рабочих кассах и других. Служил в правлении Общества торгово-промышленных служащих в Ростове-на-Дону. Руководил местной организацией эсеров.

В 1914 году арестован и выслан в Воронеж под надзор полиции.

В 1916 году организовал группу эсеров, вместе с которой основал журнал «Запросы Жизни». Сторонник интернационалистской (Циммервальдской) платформы.

Осенью 1916 года призван в армию.

В январе 1917 года по болезни освобожден от военной службы, вернулся в Воронеж.

После Февральской революции 1917 года возглавил Воронежский губком ПСР, чл. редколлегии газ. «Социалист-революционер». Был избран гласным Гор. думы и дел. Воронежского Совета.

8 января 1918 года на заседании ЦК эсеров назначен руководителем рабочей комиссии ЦК; с января редактор журнала ЦК эсеров «Партийные Известия». На Воронежском губернском съезде Крестьянских депутатов избран делегатом на 3-й съезд Советов Крестьянских депутатов. После объединения Советов Коган-Бернштейн избирался членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Возглавил фракцию эсеров центра во ВЦИК, 18 апреля 1918 года на заседании ВЦИК подверг резкой критике систему власти, устанавливаемую большевиками: «Вы должны в конце концов понять, что ваш строй, держащийся на штыках и на насилиях над большинством населения... является чем-то таким, что в конце концов должно быть отвергнуто и отринуто, и если вы сами это не в состоянии сознать, то в тот или иной момент вам придется пережить те же, далеко не прекрасные ощущения... вам придется встретиться с таким взрывом нар. негодования, который вновь приведет страну к катастрофе». Принимал участие в 8-м Совете ПСР, на котором выступил с содокладом по вопросу о вооруженной борьбе с большевиками, разойдясь при этом с большинством ЦК, был «против» вооруженной борьбы с большевиками. Сотрудничал в различных эсеровских изданиях.

14 июня 1918 года на заседании ВЦИК после доклада Л. С. Сосновского «Выступления против Советской власти партий, входящих в Советы», Коган-Бернштейн заявил: «Для нас совершенно ясна и известна некоторая сторона, некоторая часть закулисной подготовки нашего предполагаемого

исключения... вы хотите... при помощи механического устранения оппозиции из ВЦИК и Советов, хотите на съезде (5-м. — *Прим, авт.*) Советов создать второе официозное издание фракции большевиков. Если в окт. переворот вы уничтожили демократию, вы имели хоть некоторое основание:...вы говорили, что вы действуете от диктатуры пролетариата. Теперь, когда рабочая масса от вас уходит, когда вы должны инсценировать помощь деревенской бедноте. Чтобы раздавить трудовое крестьянство, вам нужна не диктатура пролетариата, а нужна диктатура над пролетариатом. Ясно, что вам враждебной рукою нужно искусственное отсечение представителей, которых вы не выбрали... если будет открытое выступление, то, конечно, наша организация будет идти вместе с массами».

Постановлением ВЦИК от 14 июня 1918 года лишен депутатского мандата. В августе 1918 года нелегально перешел Восточный фронт в районе Саратова, перебравшись на территорию Комуча. Выступал с критикой правых элементов в ПСР, за что был отстранен от участия в работе ЦК (по др. сведениям, вышел сам). Демонстративно покинул Уфимское государственное совещание, декларировавшее необходимость свержения Советской власти и аннулирование Брестского мира. В сентябре 1918 года решил вернуться в Советскую Россию. При переходе фронта близ Сызрани был задержан и расстрелян как член Учредительного Собрания.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

МИНОР Осип (Иосиф) Соломонович— член партии эсеров, разработчик аграрной программы партии.

Родился 12 ноября 1861 года в Минске в семье раввина, еврейского писателя С. А. Залкинда

(псевдоним — Минор).

Студентом Московского университета участвовал в революционных кружках.

В 1884 году впервые арестован.

Учился в Ярославском юридическом лицее, член группы «Народная воля».

В 1886 году арестован вторично и выслан на 10 лет.

За участие 22 марта 1889 года в т. н. якутской трагедии, когда ссыльные вступили в вооруженный конфликт с властями, приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

В 1897 году по царскому манифесту отправлен на поселение в Читу, с 1900 года — в Вильно.

С 1902 года — эсер.

В 1902—19005 годах— в Женеве: разрабатывал аграрную программу ПСР; участник 1-го и 2-го съездов партии.

С 1905 года на партийной работе в России.

В 1907-1908 годах — в Париже.

2 января 1909 года арестован в результате провокации Е. Ф. Азефа.

В начале 1910 года приговорен за принадлежность к ПСР к 8 годам каторжных работ.

Октябрьскую революцию не принял. После решения Московского ВРК от 6 ноября о роспуске Думы вместе с ее другими членами продолжал противостояние большевикам, пытаюсь создать единый демократический фронт.

В сентябре 1918 года уехал в Симбирск, затем в Уфу. Избежав ареста во время наступления А. В. Колчака, с помощью чехословацких социалистов в воинском эшелоне доехал до Владивостока, откуда перебрался в Париж.

В 1921 году вместе с И. Н. Коварским и В. В. Рудневым подписал письмо, обращенное к ЦК ПСР в России: «Нам чужда ваша все растущая терпимость к

Советской власти, ваша готовность идти с нею единым фронтом для борьбы с антибольшевистской коалицией».

Постановлением распорядительного заседания суд. коллегии Верх, трибунала ВЦИК от 23 мая 1922 года дело в отношении Минора, как находящегося за границей, было выделено из процесса о партии эсеров. В эмиграции продолжал активно работать в партии, с сентября 1920 года — член редакции газеты «Воля России» (Прага), с 1922 года — журнала под тем же названием, где Минор часто публиковался.

Умер в 1934 году в Париже.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

НАТАНСОН Марк Андреевич — член ЦК партии.

Родился 25 декабря 1850 года в городе Свенцяны Виленской губернии в семье мещан.

В 1868–1871 годах учился в Петербургской медико-хирургической академии и в Земледельческом институте (1871 год). Участвовал в студенческом движении, выступал против тактики С. Г. Нечаева.

В 1869 и 1870 годах арестовывался.

В 1869 году один из основателей и руководителей народнической организации (т. н. «чайковцев»),

В ноябре 1871 года арестован, в феврале 1872 года выслан в город Шенкурск Архангельской губернии, в апреле 1873 года переведен в город Бобров Воронежской губернии.

В декабре 1874 года вернулся в Петербург и занялся объединением разрозненных и деморализованных народнических групп, уцелевших после разгрома массового «хождения в народ» летом 1874 года.

Весной и осенью 1875 года участвовал в двух съездах народников, пытаясь создать всероссийскую

организацию.

В 1876 году один из организаторов общества «Земля и воля». Руководил подготовкой и проведением демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 года. Был организатором и руководителем рабочего кружка «Земли и воли».

В июне 1877 года арестован. До декабря 1878 года находился под следствием в Петропавл. крепости.

Выслан в 1879 году в Верхотенск (Иркутской губерния), затем в 1881 году переведен в Якутскую область, в 1886 году — в Иркутск.

После окончания ссылки летом 1889 года приехал в Гельсингфорс.

В 1890 году поселился в Саратове. Вокруг него группировались революционные деятели.

В 1892 году переехал в Орел.

Летом 1893 году по его почину в Саратове состоялся съезд представителей рев. кружков, положивший начало партии «Народное право», которая ставила задачей объединение всех оппозиционных элементов страны для уничтожения самодержавия.

В феврале 1894 года переехал в Петербург, куда переместился центр партии.

В апреле 1894 года был арестован, в конце 1895 года выслан в Восточную Сибирь. Ссылку отбывал в Иркутской губернии и в Иркутске.

Вернувшись из ссылки летом 1902 года, примкнул к только что возникшей партии эсеров. Жил в Тифлисе, затем в Баку, где служил бухгалтером в городской управе. Выступал за необходимость союза всех революционных партий.

Весной 1904 года приехал в Женеву, восстановил знакомство с Г. В. Плехановым, которого еще в семидесятые годы XIX века ввел в народническое движение. Здесь же познакомился с В. И. Лениным, который очень им «увлекся». Позднее Н. К. Крупская

вспоминала: «Натансон был великолепным организатором... Он знал массу людей... понимал, кто на что способен... он прекрасно знал состав не только своих, но и наших с.-д. организаций лучше, чем многие наши тогдашние цекисты... Владимиру Ильичу показалось, что Натансона можно бы убедить стать с.-д. Натансон очень был близок к с.-д. точке зрения... Натансон хорошо знал Плеханова, был с ним на "ты". Владимир Ильич разговорился с ним как-то о наших парт, делах, о расколе с меньшевиками. Натансон предложил поговорить с Плехановым. От Плеханова вернулся каким-то растерянным: надо идти на уступки».

Участвовал в работе 1-го съезда ПСР: единогласно был избран членом ЦК.

В период Революции 1905–1907 годов жил в Финляндии.

В конце 1907 года эмигрировал. Жил во Франции, Англии, в Швейцарии, заведовал финансами партии. Во время I Мировой войны «интернационалист». Участвовал в международных социалистических конференциях в Циммервальде (5–8 сент. 1915 года) и Кинтале (11–17 апреля 1916 года) как делегат от левого крыла ПСР.

Вместе с Лениным и П. Б. Аксельродом подписал от имени рус. делегации воззвание Циммервальдской конференции, обращенное к пролетариату Европы.

В Россию Натансон вернулся после Февральской революции 1917 года, со вторым эшелоном политэмигрантов (9 мая).

Во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Натансон без колебаний использовал свой авторитет для того, чтобы левые эсеры остались в Петроградском ВРК и продолжали сотрудничать с большевиками. После мятежа левых эсеров в июле 1918 года и распада этой партии Натансон вошел в

отколовшуюся группу революционных коммунистов, вскоре примкнувших к РКП(б).

В 1919 году выехал на лечение в Швейцарию, где и умер.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

ФОНДАМИНСКИЙ (ФУНДАМИНСКИЙ) Илья Исидорович.

Родился в Москве в состоятельной еврейской семье в 1880 году.

В 1900–1902 годах учился в Гейдельберге и Берлине.

В 1903 году вступил в партию эсеров. Был членом Боевой организации.

В 1905 году принимал участие в организации восстания на флоте.

В 1906 году эмигрировал во Францию.

В 1917 году вернулся в Россию.

В 1919 году снова эмигрировал во Францию. Историк, публицист, редактор. Редактор журнала «Современные записки».

В 1930 году стал одним из организаторов «Лиги православной культуры». Вместе с супругой Амалией Осиповной Фондаминской (урожд. Высоцкой), дочерью чаеоторговцев Высоцких, оказывал благотворительную помощь многим русским эмигрантам во Франции. Участник Русского студенческого христианского движения (РСХД) и «Православного дела». Перед приходом в Париж фашистов отказался покинуть Францию и погиб в немецком концлагере в ноябре 1942 года, приняв крещение незадолго до смерти.

В 2004 году канонизирован Константинопольским Патриархатом и причислен к лику святых.

Большевики, фракция в составе РСДРП

ГОЛОЩЕКИН Филипп (Шая) Исаевич.

Родился 26 февраля 1876 года в городе Неволь Витебской губернии в семье подрядчика.

В 1902 году окончил Витебскую гимназию.

В 1903 году окончил зубоврачебную школу, работал зубным техником.

Член РСДРП с 1903 года, большевик. Вел революционную работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и других городах.

В 1905–1907 годах участвовал в революции.

В 1906 году член Петроградского комитета РСДРП

В 1909 году член Московского комитета РСДРП.

В 1909 году арестован и сослан в Нарымский край, в 1910 году бежал.

В 1912 году на 6-й (Пражской) конференции РСДРП избран членом ЦК и его Русского бюро.

В 1913 году вновь арестован и выслан в Туруханский край.

После Февральской революции 1917 года представитель ЦК в Петербургском комитете большевиков, делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б).

В мае 1917 года Я. М. Свердлов, посылая Голощекина на Урал, сообщал местным большевикам: «К вам на Урал поехал т. Филипп... Человек... очень энергичный, с правильной линией». Был членом Пермского, затем Екатеринбургского Советов, членом исполкома Уральского областного Совета. Формировал и возглавлял Красную Гвардию.

В середине октября 1917 года в качестве делегата 2-го Всероссийского съезда Советов РСД прибыл в

Петроград. Вошел в Петроградский ВРК, участвовал в Октябрьском вооруженном восстании. На 2-м съезде Советов РСД избран членом ВЦИК. По приезду в ноябре в Екатеринбург добивался ликвидации созданного здесь объединенного Комитета Народной Власти из представителей ряда социалистических партий. Участвовал в ликвидации прежних местных государственных структур. С декабря 1917 года член Екатеринбургского комитета РСДРП(б).

С января 1918 года комиссар юстиции Урала, с февраля комиссар областного военкомата, член обкома партии и областного Совета. Выступал против заключения Брестского мира, изменив позиции по этому вопросу на 7-м съезде РКП(б) (март), делегатом которого был. Назначенный в мае военным комиссаром Уральского ВО, Голощекин формировал красногвардейские и красноармейские части и отряды для борьбы с войсками атамана А. И. Дутова, затем с восставшими чехами, белогвардейцами. Вместе с председателем исполкома Урал-совета А. Г. Белобородовым играл определяющую роль в переводе царской семьи из Тобольска в Екатеринбург и последующем ее расстреле.

В октябре 1919- мае 1920 года— член Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР.

В 1922-1925 годах председатель Самарского губисполкома и Самарского губкома РКП(б).

С октября 1924 года— секретарь Казахского крайкома РКП(б). Руководил проведением коллективизации и раскулачиванием в Казахстане, что сопровождалось огромными жертвами.

С 1924 года кандидат в члены, в 1927-1934 годах член ЦК ВКП(б).

С 1933 года главный арбитр при СНК СССР.

Арестован 15 октября 1939 года и 28 октября 1941 года расстрелян.

Реабилитирован в 1961 году.

Литература: Плотников И. Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сиб. (Урало-Сиб.) бюро ЦК РКП(б) в 1918– 20 гг., Свердловск. 1989; Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

ЗЕМЛЯЧКА (Урожденная Залкинд, по мужу Самойлова) Розалия Самойловна.

Родилась 1 апреля 1876 в городе Киеве в семье купца 1-й гильдии.

Образование получила в Киевской женской гимназии и Парижском университете.

В 1896 году вступила в РСДРП, после раскола партии примкнула к большевикам.

До 1917 года нигде не работала, занималась на профессиональной основе революционной деятельностью на деньги партии.

С 1901 года агент «Искры» в Одессе и Екатеринославе.

В 1903 году кооптирована в ЦК РСДРП.

В 1904 году член Бюро комитетов большинства.

В 1905 году секретарь Московского комитета РСДРП, партийный организатор Рогожско-Симоновского района, работала в военной организации РСДРП. Активный участник Революции 1905–1907 годов, лично принимала участие декабрьских боях 1905 года в Москве. Трижды арестовывалась.

В 1909 году секретарь Бакинской комитета РСДРП

В 1909–1914 годах в эмиграции.

В 1915–1916 годах член Московского бюро ЦК РСДРП(б)

В 1917 году секретарь Московского комитета РСДРП(б), в октябре 1917 года— член Военно-

революционного комитета Рогожско-Симоновского района, участник захвата власти в Москве.

В начале 1918 года примкнула к «левым коммунистам», противница заключения мира с Германией.

В 1918 году направлена для политической работы в Красную армию: комиссар бригады, начальник политотделов 8-й и 13-й армий Южного фронта.

В марте 1919 года входила в «военную оппозицию».

С 1920 года заведовала политотделом Северной железной дороги.

В 1920 году назначена секретарем Крымского обкома РКП(б). Одна из главных руководителей (вместе с Белой Куном) карательных акций, массовых бессудных расстрелов, проводившихся в Крыму после эвакуации Белой армии. Жертвами Землячки и Куна стали огромное количество — десятки тысяч — офицеров армии П. Н. Врангеля, которые сдались, поверив обращению М. В. Фрунзе, обещавшего тем, кто сдастся, жизнь и свободу (это было в листовках, распространяемых красными). Бела Кун и Землячка пригласили в Крым Командующего Красной армией, Председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого, но он ответил: «Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца». Руководителями Крыма это было воспринято как приказ. Уничтожение солдат и офицеров принимало кошмарные формы. В том числе людей топили, привязав камни к ногам, и долго еще потом через чистую морскую воду были видны рядами вертикально стоящие мертвецы. Землячка вошла в историю как автор фразы: «Жалко на них тратить патроны, топить их в море». Власть «красных», установленная в Крыму, привела и еще к одной трагедии: с осени 1921 г. по середину 1923 г. население полуострова вымирало от голода. Это был самый

большой по количеству жертв голод в Крыму (он даже вошел в официальное издание «Книги рекордов Крыма»), Погибло от голода до 150 000 человек.

В 1921-1923 годах секретарь Замоскворецкого РК РКП(б) в Москве.

В 1922 году, будучи членом Московской губернской Комиссии по изъятию церковных ценностей, «приложила руку» к разграблению храмов.

В 1924-1925 годах, член Юго-восточного бюро ЦК РКП(б).

В 1924-1934 годах — член ЦКК ВКП(б).

В 1926-1927 годах секретарь Мотовилихинского РК РКП(б) в Перми.

В 1930-1932 годах— член Президиума и партколлегии ЦКК.

В 1926-1931 годах член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР.

В 1932-1933 годах член коллегии Наркомата путей сообщения СССР.

В 1933-1934 годах член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР.

В 1934-1937 годах— руководитель группы транспорта и связи Комиссии советского контроля при СНК СССР.

В 1937-1939 годах— заместитель председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР (по должности в ее обязанности входило контролировать работу государственных органов, в т. ч. прокуратуры, армии, флота и т. д., таким образом, Землячка «приложила руку» к массовым репрессиям в годы т. н. «Большого террора»),

В 1939-1943 годах— председатель Комиссии советского контроля при СНК СССР и заместитель Председателя СНК СССР.

В 1940-1943 годах— заместитель Председателя СНК СССР.

В 1943–1947 годах— зам. пред. Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б).

В 1939–1947 годах— член ЦК ВКП (б).

В 1937–1947 годах — депутат Верховного Совета СССР 1 — го и 2-го созывов.

Умерла в 21 января 1947 года в Москве. Прах погребен в Кремлевской стене.

Литература: Женщины русской революции. М., 1968.

ЗИНОВЬЕВ Григорий Евсеевич (Радомысльский Евсей (Овсей-Гершен) Аронович) — вместе с В. Лениным имел «звание» «вождь мирового пролетариата».

Родился в 1883 году в городе Елисаветграде Херсонской губернии в семье мелкого еврейского предпринимателя — владельца молочной фермы.

Образование получил домашнее.

С 1898 года работал конторщиком, давал уроки и т. п.

В довольно юном возрасте примкнул к социал-демократам. Участвовал в организации стачек на Юге России.

В 1902 году вынужден был эмигрировать в Швейцарию, где и познакомился с Лениным. Несмотря на разницу в возрасте в 13 лет, они сразу нашли общий язык, и вплоть до самой смерти Ильича их связывала дружба. Зиновьев был единственным человеком, который называл Ленина просто Володей, а тот его — Григорием. Работая в социал-демократических группах в Берлине, Париже, Берне, познакомился не только с В. И. Лениным, но и с Г. В. Плехановым.

В 1903 году на II съезде РСДРП стал большевиком. Снова отправлен в Россию. Вел борьбу против меньшевиков, содействовал установке нелегальных типографии.

В 1904 году после активной революционной деятельности на Юге России заболел, отправился за границу и поступил в Бернский университет на химический факультет, затем перешел на юридический, но, не доучившись, в 1905 году вернулся в Россию, участвовал в партийной работе; стал известен как агитатор и был избран в Петербург, комитет РСДРП, входил в его исполнительную комиссию, вместе с А. А. Богдановым редактировал нелегальный печатный орган большевиков — газету «Вперед», участвовал в кампании по выборам во II Государственную Думу.

В 1907 году — делегат 5-го съезда РСДРП, который проходил в Лондоне. Вернувшись в Россию, приступил к подпольному изданию центрального органа партии «Социал-демократ», один из его редакторов. Участвовал в кампании по выборам в III Государственную Думу.

Весной 1908 года Зиновьев был арестован, но через 3 месяца освобожден из-за болезни, находился под надзором полиции.

В октябре 1908 года уехал в Женеву, где вместе с Лениным и Л. Б. Каменевым вошел в редакцию большевистской газеты «Пролетарий». Зиновьев выступал против ликвидаторов и отзовистов. На VI (Пражской) конференции РСДРП был вместе с Лениным избран в Заграничное бюро ЦК.

В 1911 году читал лекции по истории партии в Партийной школе в Лонжюмо (под Парижем).

В январе 1912 года на 6-й Всероссийской конференции РСДРП в Праге сделал серию докладов и был избран в члены ЦК. Вскоре вместе с Лениным переехал ближе к русской границе— в Галицию (Краков, затем Закопано), где они принимали приезжих из России партийных работников, проводили с ними совещания, писали статьи в «Правду», составляли речи для большевистских депутатов IV Государственную Думу.

В 1915 году совместно с Лениным Зиновьев написал работу «Социализм и война», ведя полемику с лидерами II Интернационала.

После Февральской революции 1917 года Ленин и Зиновьев с группой большевиков через Германию, Швецию и Финляндию вернулись в Петроград. Зиновьев вошел в редакцию «Правды», выступал в поддержку «Апрельских тезисов» Ленина. С окончанием двоевластия Зиновьев вместе с Лениным скрывался в шалаше в Разливе. На VI съезде партии Зиновьев был избран в ЦК, получив лишь на один голос меньше, чем Ленин.

В октябре 1917 года Зиновьев и Каменев проголосовали против курса на вооруженное восстание, полагая более правильным проводить комбинированные действия в Советах и Учредительном собрании, чтобы не отпугнуть большинство крестьянской страны. Оказавшись в меньшинстве, они заявили о своем несогласии с решением ЦК в газ. «Новая жизнь», тем самым сообщив правительству факт подготовки восстания. Ленин потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии, но его не поддержали. Зиновьев впоследствии признал свою ошибку, и его разногласие с Лениным было преодолено, хотя в «Письме к съезду» Ленин указал, что окт. эпизод «не явился случайностью».

После Октябрьской революции Зиновьев поддержал меньшевиков и эсеров, требовавших создания однородного соц. правительства, допуская возможность невхождения в правительство Ленина и Троцкого. Когда большевистское большинство выступило против, он отказался от своих слов. Зиновьев участвовал в работе Киевской конференции, где призывал рабочих свергнуть правительство Украинской Рады. Зиновьев — единственный член ЦК, поддержавший Ленина во время споров о немедленном заключении Брестского мира.

Выступал за политику «красного террора» в Петрограде.

В 1919- 1926 годах Зиновьев был председателем Исполкома Коминтерна, поощрял фракционные склоки и первым ввел термин «социал-фашизм» по отношению к социал-демократическим партиям Западной Европы.

В 1921-1926 годах являлся членом Политбюро. Стремясь стать политическим вождем, Зиновьев выступал с отчетными докладами на XII и XIII съездах РКП(б). Пропагандировал ленинское наследие, печатая огромное количество книг со своими статьями, речами и т. д. Было начато 22-томное издание сочинений Зиновьева (вышли в свет тт. 1-8, 15, 16). Вместе с Каменевым и Сталиным вел борьбу против Троцкого и много сделал для формирования режима личной власти Сталина. После смерти Ленина Зиновьев внес предложение о переименовании Петрограда в Ленинград. Тогда же ВЦИК принял решение о переименовании г. Елисаветграда в Зиновьевск. На XIV съезде партии Зиновьев, полагавший себя главным партийным теоретиком, выступил против усилившейся власти Сталина и был назван оппозиционером (т. н. «новая оппозиция»). Выступление Зиновьева против Сталина, как и поддержка Сталиным Бухарина, определялись не столько идеями, сколько беспринципной борьбой за власть. Как написал об этой борьбе Э. Х. Карр, «парадоксально, но победа Бухарина и поражение Зиновьева на съезде не привели к победе или поражению тех идей, которые они отстаивали». Попытка Зиновьева пойти на союз с Троцким вызвала лишь недоумение его бывших сторонников.

В 1927 году Зиновьев был исключен из партии, в следующем году восстановлен, но политическая карьера его была кончена.

В 1932 году его снова исключили из партии.

В 1934 году на XVII съезде Зиновьев выступил с раскаянием и славословием в адрес Сталина.

В 1934 году после убийства С. М. Кирова был арестован, осужден на 10 лет, а в 1936 году Зиновьев, «сознавшись» в «предательстве против социализма», «измене», «вероломстве» и прочих инкриминируемых ему действиях на процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», был приговорен к расстрелу.

Реабилитирован в 1988 г.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997 г.; Баринов А. Григорий Евсеевич Зиновьев. // <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=9270&sq=19,22,651,1639&crypt=url>.

ИОФФЕ Адольф Абрамович.

Родился 10 октября 1883 года в Симферополе в семье богатого купца.

Окончил гимназию.

В конце девяностых годов XIX века примкнул к социал-демократам.

В 1903 году вступил в РСДРП, меньшевик. Вел парторганизацию в Баку, Москве.

В 1903-1904 годах учился на медицинском факультете Берлинского университета.

В 1905 году участвовал в восстании в Крыму. Неоднократно арестовывался.

В 1906-1907 годах учился на юридическом факультете Цюрихского университета.

Участник Революции 1905-1907 года (Севастополь, Одесса).

В 1906-1907 годах, находясь в эмиграции, был членом Заграничного бюро ЦК РСДРП.

В 1908–1912 годах вместе с Л. Д. Троцким и М. И. Скобелевым издавал газ. «Правда» (Вена). В России неоднократно подвергался арестам, ссылкам.

В 1917 году издавал вместе с Л. Д. Троцким газету «Вперед» (Петроград).

В августе 1917 года в числе «межрайонцев» принят в РСДРП(б).

В 1917 года член Петроградского совета.

Во время Октябрьской революции член Петроградского ВРК

В 1917–1919 годах кандидат в члены ЦК РКП(б).

В ноябре 1917 года — январе 1918 года председатель, а затем член и консультант советской делегации на переговорах о мире в Брест-Литовске. Поддерживал предложение Л. Д. Троцкого — «ни мира, ни войны».

С апреля 1918 года полпред в Берлине. Заключил «добавочный протокол» к Брест-Литовскому трактату. Активно участвовал в подготовке коммунистического восстания в Германии и 6 ноября 1918 года вместе со всем полпредством выслан из страны.

В 1919–1920 годах член Совета обороны, нарком государственного контроля Украины.

В 1920 году возглавлял советские делегации на переговорах с Эстонией, Латвией и Литвой. Подписал со всеми тремя странами мирные договоры.

В 1921 году председатель советской делегации на переговорах с Польшей. После заключения советско-польского мира в 1921 году назначен заместителем председателя туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР.

В 1922 году входил в состав советской делегации на Генуэзской конференции.

В 1922–1924 годах полпред в Китае, председатель делегации на переговорах с Японией в Чанчуне.

Переговоры еще не были закончены, когда Иоффе, тяжело заболев, отбыл в Москву.

В 1924 году направлен в составе советской делегации в Великобританию.

В 1924–1925 годах полпред в Австрии.

В 1925 году примкнул к «Новой оппозиции» и стал одним из ее руководителей, убежденный сторонник Троцкого.

В ноябре 1927 года покончил жизнь самоубийством после того, как стало ясно поражение троцкистов. В предсмертном письме Троцкому писал о своей обиде на ЦК, которое отказало ему в денежных средствах для лечения за границей. «Я не сомневаюсь, что моя смерть является протестом борца, убежденного в правильности пути, который избрали Вы, Лев Давидович». Выступление Троцкого на похоронах Иоффе — последнее публичное выступление Троцкого в СССР.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.; Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.; Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. М. 1964.

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович.

Родился в Москве в 1883 году в семье машиниста, ставшего позднее инженером.

Учился в Виленской, а потом в Тифлисской гимназии, в последних классах которой посещал марксистские кружки и читал нелегальную литературу, за что получил плохой балл за поведение и вынужден был подавать прошение министру просвещения на право поступить в университет.

В 1901 году поступил на юридический факультет Московского университета.

В 1902 году за участие в студенческой демонстрации был арестован, исключен с 1-го курса без права восстановления и выслан в Тифлис, где принял участие в деятельности социал-демократических кружков.

Осенью 1902 года уехал в Париж; познакомился с В. И. Лениным и своей будущей женой, сестрой Л. Д. Троцкого, Ольгой.

В 1903 году, вернувшись в Россию, готовил забастовку железнодорожников в Тифлисе, вел революционную работу в Москве. Был арестован и выслан в Тифлис под гласный надзор полиции. Работал в Кавказском комитете РСДРП, где познакомился с И. В. Сталиным. Делегат III съезда РСДРП, Каменев выступал за вооруженное восстание.

В 1905 году, после приезда Ленина в Россию, Каменев стал его ближайшим помощником, сотрудничая в легальных и нелегальных изданиях, пропагандируя большевистскую точку зрения. На V съезде РСДРП Каменев вошел в ЦК и Большевистский центр.

В 1908 году Каменев был арестован, но вскоре освобожден и в конце года уехал в Женеву. Там вошел в редакцию газ. «Пролетарий», центрального органа большевиков, вместе с Г. Е. Зиновьевым и В. И. Лениным, что отразилось в шутке: «Наш партийный вождь Григорий Ильич Каменев». Каменев был представителем партии на конгрессах II Интернационала.

В 1911 году Каменев читал лекции в партийной школе Лонжюмо под Парижем и написал кн. «Две партии», в которой выступил против меньшевиков-ликвидаторов.

В 1913 году переехал в Австро-Венгрию (Краков) к Ленину и Г. Е. Зиновьеву.

В 1914 году Каменев прибыл в Петербург для руководства газетой «Правда» и большевистской фракцией IV Государственной думы. В Озерках члены Думы и Каменева арестовали по обвинению в государственной измене. На суде Каменев заявил о несогласии с ленинским лозунгом поражения своего правительства в войне и, уже находясь в ссылке в Восточной Сибири, подвергся обвинениям Я. М. Свердлова в малодушии, однако нашел поддержку у И. В. Сталина, объяснившего поведение Каменева как военную хитрость.

В феврале 1917 года, после возвращения Каменева в Петроград, ЦК запретил ему ставить свою подпись под статьями в «Правде». Каменев не согласился с «Апрельскими тезисами» Ленина, т. к. не считал буржуазно-демократическую революцию завершенной. После июльской демонстрации и отказа ЦИК Советов взять власть Ленин, переходя на нелегальное положение, оставил Каменеву записку с просьбой в случае своей гибели взять на себя издание его книги «Государство и революция». Будучи сторонником явки в суд для снятия с большевиков обвинений в измене, Каменев сдался властям, вскоре был освобожден за отсутствием оснований для обвинений и стал представителем большевиков в Исполкоме Петроградского Совета. Каменев считал авантюрным требование Ленина свергнуть Временное правительство и признавал необходимым ограничиться лишь контролем над ним. На заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 года и на расширенном заседании 16 октября 1917 года Каменев и Зиновьев выступили против вооруженного восстания, объясняя свою позицию слабой технической подготовкой, отсутствием поддержки большинства населения: «Мы недостаточно сильны, чтобы суверенностью в победе идти на восстание, но мы достаточно сильны, чтобы не

допустить крайних проявлений реакции. Здесь борются две тактики: тактика заговора и тактика веры в русскую революцию». Не убедив большинство ЦК, Зиновьев и Каменев обратились к парт, комитетам с закрытым письмом, информация о котором прошла в газ. «Новая жизнь». Ответ Каменева на эту публикацию Ленин расценил как предательство и потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии, но его не поддержали. Успешный Октябрьский переворот всех примирил. 25 октября (7 ноября— по новому стилю) 1917 года Каменев сказал на заседании ЦК: «Ну что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство».

27 октября 1917 года Каменев был избран II Всероссийским съездом Советов председателем ЦИК.

29 октября профсоюз железнодорожников Викжель, возглавив социалистическую оппозицию большевикам, направил властям ультиматум с требованием образования многопартийного правительства без Ленина и Троцкого, на которое согласился Каменев. За свои действия Каменев был подвергнут жесткой критике Лениным, считавшим компромисс с другими партиями неприемлемым. В знак протеста против действий руководства ЦК Каменев и еще 5 человек ушли в отставку, но вскоре признали свое поведение ошибочным. ЦК отстранил Каменева от поста председателя ВЦИК, поставив на это место Я. М. Свердлов. Каменев вошел в состав делегации, направленной в Брест для заключения сепаратного договора с Германией.

В январе 1918 года Каменев был направлен Лениным в Англию и Францию, чтобы объяснить там позицию советского правительства. Каменев был выслан английским правительством, а в Финляндии арестован, но был обменен на пленных финнов.

В сентябре 1918 года, вернувшись в Москву, стал членом Президиума ВЦИК, а в октябре 1918 года избран председателем Моссовета.

В годы Гражданской войны выезжал на фронт в качестве чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны. К нему как председателю Моссовета не раз обращались за помощью ученые, писатели; он сумел добиться освобождения историка А. А. Кизеветтера, литератора И. А. Новикова и др. В свой дом в Коктебеле Каменева приглашал поэт М. А. Волошин. Это не мешало Каменеву вместе с И. С. Уншлихтом и Д. И. Курским составлять для ГПУ списки «враждебных интеллигентских группировок», по которым высылали за рубеж или отправляли в тюрьмы.

В 1918–1926 годах председатель Моссовета, одновременно с 1922 года заместитель председателя СНК РСФСР (СССР).

В 1922–1925 годах Зиновьев, Каменев и Сталин считались главными вождями партии.

В 1923–1926 годы — директор Института Ленина. Создан на базе переданного в 1922 году Каменеву архива Ленина.

С 1924 года председатель СТО.

В 1925–1927 годах— один из руководителей «новой оппозиции».

В декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б) заявил: «Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба. Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя». Во время борьбы со Сталиным Каменев постоянно «шарахался» то к Троцкому, то от него, чем полностью дискредитировал себя в глазах партийцев (и сыграл на руку Сталину). Переведен из членов в кандидаты в члены Политбюро ЦК.

В январе — августе 1926 года — нарком внешней и внутренней торговли СССР

С августа 1926 года — полпред СССР в Италии, председатель научно-технического управления ВСНХ СССР и Главконцесскома.

В 1926–1927 годах был одним из лидеров левой оппозиции, выступавшей против Сталина за Троцкого.

В октябре 1926 года выведен из Политбюро, в апреле 1927 года — из Президиума ЦИК СССР, а в октябре 1927 года — из ЦК, как оппозиционер. В декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) исключен из партии.

14 ноября 1927 года постановлением ЦК и ЦКК исключен из состава ЦК партии, XV съездом ВКП(б) исключен из партии.

22 июня 1928 года ЦКК восстановлен в партии.

9 октября 1932 года Президиумом ЦКК вновь исключен из партии.

В 1932–1933 годах — в ссылке в Минусинске.

14 декабря 1933 года ЦКК восстановлен в партии.

С 1933 года — директор издательства «Академия».

В 1934 году — директор Института мировой литературы АН СССР Член ВЦИК и ЦИК СССР.

20 декабря 1934 года вновь исключен из партии.

Репрессирован в октябре 1932 года — осужден к ссылке.

Арестован 16 декабря 1934 года и военной коллегией Верховного суда СССР 16 января 1935 года приговорен к 5 годам тюремного заключения, 27 июля 1935 года — к 10 годам, 24 августа 1936 года — к расстрелу.

Расстрелян 25 августа 1936 года.

Реабилитирован Пленумом Верховного суда СССР 13 июня 1988 года.

Литература: Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.; Политические деятели России 1917. Биографический

словарь. М., 1993; Торчинов В. А., Леонтьук А. М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. Санкт-Петербург, 2000.

ЛАШЕВИЧ Михаил Михайлович — советский военный и партийный деятель

Родился в 1884 в Одессе в семье купца.

Учился в гимназии (не окончил).

В 1901 году вступил в РСДРП, большевик. Был членом комитетов РСДРП в Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Петербурге. Неоднократно арестовывался, ссылался в Вологодскую губернию, Нарымский край. Участвовал в работе редакции газеты «Правда».

В 1915 году призван в армию.

В 1917 году депутат Петросовета, член Петроградского комитета РСДРП(б) и военно-революционного комитета.

В 1918 году член Петроградского бюро ЦК РКП(б).

В апреле-сентябре 1918 года — политический комиссар Северного участка отрядов завесы.

В августе-ноябре 1918 года — член Реввоенсовета (РВС).

В декабре 1918 года — ноябре 1919 года командующий 3-й армией.

В 1919-1920 годы входил в состав РВС важнейших фронтов Красной армии.

В августе — ноябре 1920 года командующий 15-й армией.

В 1918-1919 и в 1923-1925 годах член, а с 1925 года кандидат в члены ЦК партии.

В 1922-1925 годах председатель Сибирского ревкома. Одновременно член РВС Западно-Сибирского и командующий Сибирским военным округом.

С 1925 года — заместитель наркома по военным и морским делам СССР, зам. председателя РВС СССР.

В 1926–1928 годах — заместитель председателя правления Китайской Восточной железной дороги.

После упрочения И. В. Сталина у власти выступил в поддержку Л. Д. Троцкого и в числе других троцкистов на XV съезде ВКП(б) в 1927 году выведен из состава ЦК и исключен из партии. Признал свои ошибки, «разоружился перед партией» и в 1928 восстановлен в ее рядах.

Умер в августе 1928 года в Харбине.

Литература: Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000; Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

ЛЕЙТЕЙЗЕН Гавриил Давидович

Родился в городе Орле 9 ноября 1874 года в семье ремесленника-жестянщика.

Один из организаторов социал-демократических кружков в Екатеринославе в 1890-х гг. Ввиду преследования полицией эмигрировал за границу, где примкнул к группе «Освобождение труда». Получил высшее медицинское образование. Представляя газету «Искра» в Париже, вел большую переписку с В. И. Лениным.

В 1903 году, после II съезда РСДРП, стал большевиком.

В 1907 году на V съезде РСДРП избран членом ЦК РСДРП. Вскоре арестован, заключен в тюрьму «Кресты» в Петербурге, затем выслан в Тулу под надзор полиции.

В 1907–1916 годах Лейтейзен проживал в Туле, вел агитационно-пропагандистскую и организаторскую партийную работу.

В 1916 году в качестве военного врача был направлен на фронт Первой мировой войны.

Весной 1917 года вернулся в Тулу и создал социал-демократический печатный орган— газету «Голос народа». Затем Г. Д. Лейтейзен на некоторое время примкнул к так называемым социал-демократам — интернационалистам.

В начале 1918 года он возвратился в партию большевиков. Был направлен на политическую работу в Красную Армию, назначен председателем Реввоенсовета IV армии Восточного фронта, войска которой освободили от белых города Вольск, Хвалынск, Самару и другие.

20 января 1918 года Г. Д. Лейтейзен, вместе с группой политработников, погиб близ станции Озинки Рязано-Уральской железной дороги при попытке посещения одной из воинских частей, поднявшей мятеж. Тело Лейтейзена похоронено в Москве на Новодевичьем кладбище.

СВЕРДЛОВ Яков Михайлович.

Родился в многодетной семье ремесленника-гравера, владельца мастерской, в 1884 году. Отец был связан с революционными организациями и изготавливал печати для фальшивых документов.

Окончил трехклассное начальное училище и поступил в гимназию.

В 1900 году из-за прогулов, плохих отметок, испорченных отношений с преподавателями оставаться в гимназии было бессмысленно, и, окончив 5 классов, Свердлов ушел из нее, став учеником аптекаря. Был близок с социал-демократами еще с гимназической скамьи.

В 1901 году вступил в РСДРП.

Во второй половине 1902 года стал профессиональным революционером: распространял нелегальную литературу, собирал средства на нужды партии, организовал подпольную типографию. После II

съезда партии — большевик. Подвергался кратковременным арестам.

Во время Революции 1905–1907 годов был одним из руководителей Екатеринбургского и Уральского областных комитетов РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В тюрьме имел условия для занятий самообразованием и подготовки побегов.

В 1912 году, после очередного побега, добрался до Петербурга, был кооптирован в ЦК партии, стал членом редакции «Правды».

В 1913 году был выдан провокатором Р. В. Малиновским и сослан в Туруханский край. 1 октября 1913 года на заседании ЦК РСДРП обсуждался вопрос об организации побега из ссылки Свердлова и Сталина.

После Февральской революции 1917 года вернулся в Петроград, был направлен в Екатеринбург. Свердлов — один из тех, кто входил в состав ЦК РСДРП(б), готовил и проводил Октябрьский переворот. Был руководителем большевистской фракции на II Всероссийском съезде Советов. По предложению В. И. Ленина стал Председателем ВЦИК и организовывал в центре и на местах работу по установлению Советской власти. Принял активное участие в разгоне Учредительного собрания, поддержал Ленина по вопросу заключения Брестского мира.

В 1918 году был избран председателем Комиссии по выработке первой Конституции Советского государства. Являлся одним из руководителей подавления выступления левых эсеров в Москве. 18 июля 1918 года доложил Президиуму ВЦИК о расстреле царской семьи по решению Уральского областного Совета.

После покушения на Ленина 30 августа 1918 года ВЦИК по предложению Свердлова принял резолюцию о массовом «красном терроре» «против буржуазии и ее агентов». Во время болезни Ленина замещал его на заседаниях СНК, участвовал в организации Красной

Армии, работе Коминтерна. Умер, простудившись на митинге. Был похоронен на Красной площади Москвы.

Литература: Торчинов В. А., Леонтьев А. М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. Санкт-Петербург, 2000; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

СОКОЛЬНИКОВ (Бриллиант) Григорий Яковлевич (Гирш Янкелевич).

Родился 3 сентября 1888 года в селе Ромны Полтавской губернии в семье врача.

Окончил Московскую гимназию.

В 1905 году вступил в РСДРП, большевик. Вел партийную работу в Москве.

В 1907 году был арестован.

В феврале 1909 года сослан в Сибирь на вечное поселение.

В 1909 году бежал за границу, жил в Швейцарии, Италии, Бельгии и Франции.

В 1914 году окончил юридический факультет и курс доктората экономических наук в Сорбонне. Участвовал в издании газеты «За партию».

Во время Первой мировой войны примкнул к интернационалистам.

В апреле 1917 года вместе с В. И. Лениным в plombированном вагоне через Германию вернулся в Россию.

В 1917 году член Московского комитета и Московского областного бюро РСДРП(б), член Исполкома Моссовета.

С августа 1917 года член Исполкома Петросовета и редколлегии газеты «Рабочий путь». Участник вооруженного восстания в Петрограде.

В 1917–1919 годах член ЦК партии.

В октябре 1917 года руководил национализацией банков.

В декабре 1917 года член советской делегации на переговорах в Брест-Литовске, в 1918 году сменил Л. Д. Троцкого на посту председателя этой делегации, подписал Брестский мир с Германией и ее союзниками.

В мае-июне 1918 года член Президиума ВСНХ и сотрудник «Правды».

С 1918 года отправлен на фронт, член Реввоенсовета 2-й и 9-й армий Южного фронта, командующий 8-й армией и Туркестанским фронтом, председатель Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК и пред. Туркбюро ЦК ВКП(б). Обладал всей полнотой военной, гражданской и судебной власти в Туркестане, руководил борьбой против местных националистов, басмачей и белых войск.

В начале 1921 года во время дискуссии о роли профсоюзов выступил в поддержку линии Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина.

В марте 1921 года вновь возглавил Турккомиссию, руководил очисткой среднеазиатских республик от басмачей и их «пособников».

С ноября 1921 года член коллегии, в 1922 заместитель наркома, в 1922–1923 годах нарком финансов РСФСР. С образованием Наркомата финансов СССР с 6 июля 1923 года стал первым наркомом.

В 1922 году участвовал в работе Гаагской конференции.

С 1922 года член, а с 1930 года кандидат в члены ЦК ВКП(б).

С февраля 1924 года по декабрь 1925 года кандидат в члены Политбюро ЦК.

В 1925–1926 годах Сокольников был одним из наиболее ярких лидеров т. н. «новой оппозиции», в которой также участвовали Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев.

В январе 1926 года снят с поста наркомфина и переведен с понижением на пост заместителя председателя Госплана СССР.

В 1927 году участник «объединенной левой оппозиции», в том же году «порвал с троцкизмом».

В 1928–1929 годы— председатель Нефтесиндиката СССР.

В 1928 году выступил в поддержку «правого уклона», приверженцы которого выступали против сворачивания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации.

В 1929–1932 годах — полпред в Великобритании, с марта 1933 года член коллегии Наркомата иностранных дел.

В мае 1933 года— июне 1934 года заместитель наркома иностранных дел СССР.

В мае 1935 года Сокольников назначен 1-м заместителем наркома лесной промышленности СССР.

В июле 1936 года исключен из партии.

Арестован 26 июля 1936 года. На следствии дал показания, что программа организации, в которую он входил, «предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, подъем в деревне капитализма». В качестве одного из обвиняемых привлечен к открытому процессу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» и 30 января 1937 года приговорен к 10 годам лишения свободы. По официальной версии, убит в заключении сокамерниками.

В 1988 году реабилитирован и восстановлен в партии.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.; Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический

словарь. М., 2000.; Торчинов В. А., Леонтьук А. М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. Санкт-Петербург, 2000.

ТАРАТУТА Виктор Константинович.

Родился в апреле 1881 в Елизаветграде в семье мещанина.

С 1898 года вел партийную работу в Елизаветграде, Одессе. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам.

В 1901 году— член комитетов РСДРП в Екатеринославе.

В 1902 году — член комитетов РСДРП в Николаеве.

В 1904-1905 годах— член комитетов РСДРП в Батуми и Баку.

В 1905 году — участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

В 1906-1907 годах — секретарь Московского комитета и Московской области бюро РСДРП.

В 1906 году — делегат 4-го съезда партии.

В 1907 году— делегат 5-го съезда партии, избран кандидатом в члены ЦК РСДРП и введен в состав Большевистского центра.

В 1908 году— делегат 5-й (общероссийской) конференции РСДРП.

В 1909 году — участник Совещания расширенной редакции «Пролетария».

С 1909 года в эмиграции, работал в большевистских фракциях РСДРП.

С 1917 года — член Французской социалистической партии и член редакции ее газеты «Попюлер».

С 1919 года в Москве на ответственной хозяйственной и финансовой работе.

С апреля 1924 года по май 1927 года— председатель Правления Банка для внешней торговли (Внешэкономбанка).

Умер в мае 1927 года.

Меньшевики

АКСЕЛЬРОД Павел Борисович — один из основоположников марксизма в России, лидер партии меньшевиков.

Родился в 1850 году в Мглинском уезде Черниговской губернии в семье корчмаря, часто переезжавшего из деревни в деревню, поэтому Аксельрод не знал точного места своего рождения. Первые девять лет жил в крайней бедности: «ни одного светлого воспоминания».

В 1859 году семья переехала в город Шклов, где отец стал чернорабочим. «Именно нищенскому положению родителей я обязан тем, что попал в школу для обучения еврейских детей русской грамоте».

В 1863 году Аксельрод был принят в гимназию Могилева, где много читал Тургенева и Белинского. После окончания гимназии Аксельрод поступил в Нежинский институт. Прочитанные речи Ф. Лассалья поразили студента «грандиозной перспективой освобождения всего человечества от бедности, рабства, невежества и великого освободительного движения рабочего класса».

В 1872 году в Киеве Аксельрод организовал рабочий кружок, вел революционную пропаганду, ездил в Одессу, где познакомился с А. И. Желябовым. Несмотря на то что прочитал «Капитал» Маркса, Аксельрод остался под влиянием П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина.

В 1874 году вошел в организацию «чайковцев», но из-за привлечения к дознанию полицией Аксельрод бежал за границу. В Берлине сошелся с социал-демократами. В Женеве примкнул к кружку бакунистов и в 1875 году ездил в Россию для контактов с народниками.

В 1876 году в женевском журнале «Работник» Аксельрод писал статьи о рабочем движении.

В 1879 году приехал в Россию и вошел в организацию «Черный передел».

В 1880 году был вынужден вернуться в Женеву. Постепенно эволюционировал от анархизма к марксизму и в 1883 году стал членом группы «Освобождение труда». Ортодоксальный марксист, Аксельрод боролся с экономизмом.

С 1900 года Аксельрод вместе с Лениным, Плехановым, Мартовым входил в состав редакции «Искры».

После II съезда РСДРП — лидер меньшевизма, идейный вождь ликвидаторства, считавший необходимым коренным образом изменить характер РСДРП и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй западноевропейской социал-демократии. Активный деятель II Интернационала, Аксельрод во время первой мировой войны полагал, что «поражение России, не могущее затронуть органического развития страны, не могло бы ликвидировать старый режим».

После Февральской революции 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета, сторонник Временного правительства.

После октября 1917 года — эмигрант. Был убежден, что из-за войны прилив крестьян в промышленность принял громадные размеры и эти рабочие находятся на очень низком уровне интеллектуального и политического развития. В таких условиях лозунг «диктатуры пролетариата» «на деле поведет только к диктатуре над пролетариатом тех лиц, которые ответственны за это движение, и будет иметь своим результатом режим всеобщего беззакония, насилия и анархии».

В 1919 году Аксельрод писал: «Большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог».

Умер в апреле 1928 года в Берлине.

Литература: Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

АСТРОВ (Повес) Исаак Сергеевич — меньшевик.

Родился в 1876 году в Одессе.

В 1890 году вступил в революционное движение, неоднократно арестовывался (впервые в 15-летнем возрасте).

С 1900 года работал в страховых и кооперативных организациях.

С 1902 года — член РСДРП.

С 1903 года — меньшевик.

В 1905–1907 годах участвовал в Революции.

В годы реакции «ликвидатор», один из известных меньшевистских организаторов легальной работы; сотрудничал в газете «Луч» и журналах «Наша Заря», «Возрождение», «Страхование Рабочих».

В 1912 году в Екатеринославе участник организации успешных для РСДРП выборов Г. И. Петровского по рабочей курии в IV Государственную Думу. В том же году выслан на год в Нарым, затем эмигрировал.

В годы Первой мировой войны член Заграничного Секретариата ОК РСДРП: «центрист», позже интернационалист, участник Циммервальдского движения.

После Февральской революции 1917 года возвратился в Петроград, один из руководителей левого крыла меньшевиков-интернационалистов, с начала мая член комитета петроградской организации РСДРП(м), в котором интернационалисты имели подавляющее большинство. Член Петроградского

Совета РСД, зав. отделом труда при Совете. Сотрудничал в московской меньшевистской газете «Вперед».

В мае — июне 1917 года участвовал в создании и издании левоменьшевистского печатного органа «Летучий Листок».

В июле— сентябре участвовал в создании и издании газеты меньшевиков-интернационалистов «Кронштадтская Искра».

В сентябре — декабре 1917 года участвовал в создании и издании газеты меньшевиков-интернационалистов «Искра». Выступал против продолжения войны, участия социалистов в коалиции Временного правительства, но не связывал достижение демократического мира с социалистической революцией, считая ее победу в России того времени невозможной.

Октябрьскую революцию не принял, активно агитируя против «большевистского режима». Вместе с тем 1 ноября 1917 года в ЦК РСДРП(о) голосовал за участие в переговорах с большевиками об образовании «однородного социалистического правительства».

С середины 1918 года— в Одессе; один из лидеров местной меньшевистской организации и профсоюзного движения. Неоднократно арестовывался органами Советской власти, в 1921 году выдворен в Харьков, там вошел в Главный Украинский Комитет партии меньшевиков.

В апреле 1922 года выслан в Туркестан; по дороге в ссылку скончался от сыпного тифа в Саратовской пересыльной тюрьме.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

БАТУРСКИЙ (Цейтлин, Цетлин) Борис Соломонович.

Родился 1 января 1879 года в Витебске в семье мещанина.

В девяностые годы XIX века начал революционную деятельность.

С 1897 года учился на естественном факультете Московского университета (в 1911 окончил юридический факультет).

В 1901 году входил в редакцию нелегальной социал-демократической газеты «Южный Рабочий».

В 1903 году был выслан в Восточную Сибирь.

В 1905 году, вернувшись из ссылки, примкнул к меньшевикам.

В 1906 году делегат от Екатеринославского комитета партии на 4-м (Объединительном) съезде РСДРП.

В годы реакции — «ликвидатор», работал в легальных рабочих организациях и страховых кассах, организовывал больничные кассы. Сотрудничал в журнале «Луч», основал журнал «Страхование рабочих». Активный деятель российского профсоюзного движения. Неоднократно подвергался арестам.

В годы Первой мировой войны член Организационного Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, колебался между оборончеством и интернационализмом.

В дни Февральской революции 1917 года вошел в исполнительный комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов как представитель Организационного Комитета Российской социал-демократической рабочей партии, автор воззвания ОК РСДРП. В отличие от опубликованного накануне манифеста Центрального комитета РСДРП(б), это воззвание ничего не говорило о будущем устройстве страны; вместо слов о временном революционном правительстве в нем употреблялся термин «временное правительство». Воззвание делало упор на укрепление

и расширение Советов, создание рабочих революционных клубов и тому подобных организаций.

Вечером 1 марта 1917 года при обсуждении на заседании исполнительного комитета вопроса о власти призывал к созданию «чисто буржуазного правительства», предложение было принято тринадцатью голосами против семи. 3 марта вошел в состав комиссий (информационной и по текущим делам) исполнительного комитета.

С 7 марта 1917 года член редколлегии «Рабочей газеты» — центрального органа меньшевиков; с середины марта — «революционный оборонец».

16 марта 1917 года включен исполнительным комитетом Петроградского Совета в отдел труда для работы при Министерстве промышленности и торговли.

В июне 1917 года — участник 3-й Всероссийской конференции профсоюзов, выбран во Временный профсоюзный центр.

В августе 1917 года — делегат Объединительного съезда РСДРП, избран членом ЦК от «оборонцев»; вместе с П. А. Гарви и И. С. Астровым редактировал принятые съездом резолюции. Сторонник идеи культурно-национальной автономии; на совещаниях ОК и ЦК РСДРП(о) при обсуждении избирательной платформы меньшевиков к выборам в Учредительное Собрание высказывался против принципа федеративного устройства государства, за областное управление с признанием прав национальных меньшинств на культурно-национальную автономию.

К Октябрьской революции отнесся отрицательно, считая ее преступной авантюрой. 1 ноября 1917 года с группой меньшевиков — «оборонцев» заявил о выходе из ЦК РСДРП в знак протеста против переговоров с большевиками; после прекращения переговоров 10 ноября вернулся в ЦК.

В конце ноября 1917 года активно участвовал в создании клуба меньшевиков— «оборонцев» «Рабочее знамя»; 25 ноября вошел в его правление.

В ноябре— декабре 1917 года на Чрезвычайном съезде РСДРП солидаризировался с позицией А. Н. Потресова, который признавал допустимым использование любых средств для свержения «самодержавия Смольного». После прихода к руководству в РСДРП(о) левоцентристского крыла во главе с Ю. О. Мартовым и Ф. И. Даном перешел в оппозицию к ЦК партии, критиковал его за соглашательство с большевиками.

В январе— июне 1918 года— один из инициаторов антибольшевистского движения за создание «Собраний уполномоченных фабрик и заводов»; вскоре, отойдя от партийной работы, вернулся в Витебск.

В конце 1920 года был арестован. В тюрьме заболел сыпным тифом, освобожден по состоянию здоровья на поруки за два дня до смерти.

БРОЙДО (Гордон, по первому мужу Эйдельман) Ева Львовна (Хава Лейбовна).

Родилась 7 ноября 1876 года в городе Свенцяны Виленской губернии.

В 1912 году сдала экзамен на помощника провизора.

В 1896 году в Берлине познакомившись с книгами К. Каутского «История социализма» и А. Бебеля «Женщина и социализм», стала убежденной социалисткой.

С 1899 года — член РСДРП.

В 1900 году начала революционную деятельность в Санкт-Петербурге.

В январе 1901 года арестована и в административном порядке сослана в Восточную Сибирь на 5 лет; участвовала в т. н. Романовском протесте (Якутском протесте 1904 года— вооруженном выступлении политических ссыльных).

Зимой 1904 года бежала и эмигрировала. Объехала ряд стран Европы.

Во время революции 1905–1907 годов участвовала в деятельности меньшевистской организации Баку, позднее в петербургской организации.

В 1912 году на Августовской конференции (Вена) избрана членом ОК меньшевиков и его секретарем.

В 1912–1914 годах работала в меньшевистской газете «Луч» и в «Инициативной группе».

В 1915 году работала в группе меньшевиков-интернационалистов в Минусинске.

После Февральской революции 1917 года делегат Общероссийской конференции РСДРП (май).

В августе 1917 года на Объединительном съезде РСДРП выбрана в бюро ЦК РСДРП от интернационалистов. Выступала за активное участие женщин в политическом и профсоюзном движении.

В конце октября — начале ноября 1917 года выступала за переговоры с большевиками об образовании «однородного социалистического правительства».

В 1918 году — секретарь меньшевистского ЦК.

В 1920 году покинула Россию, работала секретарем редакции «Социалистический вестник».

В ноябре 1927 года, будучи членом ЦК и Заграничной делегации РСДРП, Бройдо нелегально приехала в Россию.

22 апреля 1928 года арестована в Баку, приговорена к 3 годам тюрьмы.

С апреля 1931 года в ссылке в Ташкенте.

С ноября 1935 года — в ссылке в Ойрот-Туре.

Арестована 4 июля 1937 и осуждена к 20 годам тюрьмы.

13 сентября 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР, в очередной раз рассмотревшая дела

заклученных Орловской тюрьмы, приговорила ее к расстрелу.

Реабилитирована посмертно.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

БЕР (Бэр, Гуревич) Борис.

В социал-демократическом движении с 1900-х гг., публицист.

С 1905 года социал-демократ, меньшевик.

В Первую мировую войну— центрист, позже интернационалист. До февральской революции 1917 года находился в эмиграции.

С марта 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета.

Выступал на 1-й конференции Советов Донбасса, избран членом Областного Бюро.

24 мая 1917 стал председателем партийной организации Городского района Харькова. Делегат I Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, Временного Демократического Совета Российской Республики. Делегат августовского (объединительного) и декабрьского (чрезвычайного) съездов РСДРП(о). На последнем — избран членом ЦК. Позже — член Главного Комитета Украины.

В декабре 1920 года арестован в Харькове и выслан в Грузию.

В 1921–1922 годах активно работал в Харькове и в Москве.

В ночь с 4 на 5 апреля 1922 года вместе с членами московской организации Гоникбергом, С. Кацем и Девяткиным вновь арестован. Перед арестом — заведующий статистическим бюро Госплана.

27 июня 1922 года коллегией ОГПУ выслан на 2 года в Туркестан под гласный надзор Полномочного

Представительства ГПУ.

26 июля 1922 года во исполнение предыдущего постановления выслан в город Соликамск Пермской области на тот же срок.

18 ноября 1922 года НКВД принимает постановление удовлетворить его ходатайство о замене высылки в Соликамск высылкой за границу. Воспользоваться этим решением, как и Б. О. Богданов, опоздал. 16 мая 1923 года в выезде ему было отказано. Отбывал ссылку в Перми до июля 1924 года.

С весны 1925 года отбывал высылку в Кашине, но 28 марта 1925 арестован. Постановлением ОСО его было решено выслать в Среднюю Азию на 3 года, но 24 сентября 1926 года осужден ОСО за контрреволюционную деятельность к заключению и содержанию в лагерях на 3 года, затем приговор был заменен высылкой в Зырянский край на те же 3 года.

Вновь арестован в 1930 году и выслан в Тобольский округ на три года, по отбытии срока высылка была продлена еще на 2 года.

В 1934-1937 годах жил в Гусе-Хрустальном и в Воронеже.

В 1937 году арестован.

В 1939 году погиб во время следствия во Владимирской тюрьме.

ГАРВИ (Бронштейн) Петр Абрамович — меньшевик, один из основателей и первых руководителей российского профсоюзного движения.

Родился 15 января 1861 в Одессе.

С 1899 года — в социал-демократическом движении.

С 1900 года — член РСДРП; вел социал-демократическую работу в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Москве и Петербурге.

Впервые арестован в 1902 году и сослан в Сибирь, бежал, эмигрировал. Сближение с П. Б. Аксельродом, Ю.

О. Мартовым и В. И. Засулич предопределило его идейные позиции. Меньшевик, рассматривал большевизм как авторитарное, жестко центристское течение.

Участник Революции 1905–1907 годов, один из основателей и руководителей российского профсоюзного движения.

С лета 1906 года — член ПК РСДРП.

В 1907 году на 5-м (Лондонском) съезде РСДРП заочно избран канд. в член ЦК.

В 1912 году участник Августовской конференции социал-демократов (Вена), избран членом ОК меньшевиков.

В годы Первой мировой войны — «центрист».

Летом 1916 года арестован, сослан в Астраханскую губернию.

После Февральской революции 1917 года, вернувшись из ссылки 14 марта, вошел в партийный центр — ОК меньшевиков.

В мае 1917 года, как член ОК участвовал (с совещательным голосом) в работе Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП, выступал с докладом «Рабочий вопрос и профсоюзное строительство». Вновь избран в ОК, затем в Бюро ОК и в редколлегия «Рабочей газеты». Работал в Отделе труда при Петроградском Совете РСД.

В июне 1917 года на 3-й Всероссийской конференции профсоюзных союзов докладчик по вопросу о свободе коалиций; конференция приняла его проект резолюции, избрала Гарви членом Всероссийского Центрального совета профсоюзов.

В августе 1917 года — делегат Объединительного съезда РСДРП, сторонник правого крыла меньшевиков, избран чл. ЦК от «оборонцев».

После Октябрьской революции примкнул к правой «партийной оппозиции» в меньшевизме

В ноябре— декабре 1917 года на Чрезвычайном съезде РСДРП уклонился от вхождения в ЦК, критиковал новое левоцентристское руководство партии.

В 1918 году уехал в Одессу, где возглавил меньшевистскую организацию; редактор газеты «Южный Рабочий».

В годы советской власти неоднократно арестовывался.

В 1922 году выслан в Сибирь, получил разрешение на выезд за границу. До конца дней сохранял непримиримость к коммунизму и к «большевистской диктатуре».

Умер в 1944 году в США.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

ГОЛЬДМАН Леон Исаакович.

Родился в 1877 году в Вильно.

С 1893 года в социал-демократическом движении.

С 1898 года — член РСДРП

В 1899 году арестован и в том же году освобожден.

В 1900 году эмигрировал.

В 1906–1907 году — член ЦК РСДРП, меньшевик

В 1907 году арестован.

В 1911 году осужден к административной высылке в Сибирь.

В 1917 году председатель Иркутского Совета.

В 1921 году отошел от политической деятельности.

В январе 1938 года арестован.

В феврале 1939 года расстрелян.

ГОРЕВ (Гольдман) Борис Исаакович.

Родился в 1874 году.

С 1893 года в социал-демократическом движении.

В 1894-1897 годах учился в Петербургском университете.

В 1897 году арестован.

В 1898 году осужден на 4 года административной высылки.

В 1901-1903 годах — за границей.

В 1903 году вернулся в Россию и был арестован. Осужден к административной высылке.

В 1906 году бежал из ссылки.

В 1907-1912 годах — кандидат в члены ЦК РСДРП, меньшевик.

В 1910-1912 годах— член Заграничного бюро ЦК РСДРП.

В 1913 году— арестован, осужден к административной высылке в Туруханский край.

В марте 1917 года — освобожден.

В 1917 году — член Организационного комитета РСДРП(м) и член ЦК РСДРП(о).

В 1920 году отошел от политической деятельности.

В 1922 году— член Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

В 1925 году— один из создателей Общества историков-марксистов.

Умер в 1937 году.

ДАЛИН (Левин) Давид Юльевич— меньшевик, член ЦК РСДРП(о).

Родился в 1889 году в городе Рогачев.

Учился в Виленской и Петербургской гимназиях, затем на юридическом факультете Петербургского университета, где примкнул к студенческому движению.

В 1910 году после ареста и краткого тюремного заключения эмигрировал; изучал политэкономия в Берлинском и Гейдельбергском университетах.

В 1913 году защитил в Гейдельберге докторскую диссертацию.

После Февральской революции 1917 году возвратился в Россию, присоединился к меньшевикам, примкнул к их интернационалистскому крылу. Член Московского Совета РСД и редактор газеты «Печатник», сотрудничал в центральном органе меньшевиков «Рабочей Газете» и горьковской «Новой Жизни».

3 августа 1917 года на меньшевистском съезде избран кандидатом в члены ЦК РСДРП(о).

Решительно осудил Октябрьскую революцию.

В ноябре— декабре 1917 года на Чрезвычайном съезде РСДРП избран членом ЦК РСДРП(о). Вел активную борьбу против большевизма, неоднократно арестовывался.

В 1921 году выслан за границу. Сотрудничал в основанном Мартовым в Берлине «Социалистическим вестнике».

С 1940 года жил в США, отошел от политической жизни, занимался научно-исследовательской работой по проблемам советской внутренней и внешней политики (автор св. 11 монографий). Сотрудничал в американских журналах «Нью-Лидер» и «Проблемы коммунизма», в издаваемом Р. Гулом «Новом Журнале». Историк меньшевизма.

Умер в 1962 году.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

ДАН (Гурвич) Федор Ильич — лидер меньшевизма.

Родился в 1871 году в Санкт-Петербурге в семье состоятельного аптекаря.

По окончании гимназии учился на медицинском факультете Дерптского университета. В студенческие годы стал убежденным марксистом.

В 1894 году руководил рабочим кружком.

В 1895 году окончил медицинском факультете Дерптского университета и получил диплом врача.

В 1896 году вошел в центральное ядро «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», но был арестован и после полуторагодичного заключения в Петропавловской крепости выслан в Вятскую губернию. Работал статистиком и опубликовал свое исследование «О положении крестьян в Вятской губернии». Выступал и как публицист в журнале «Русская мысль».

В 1901 году после ссылки выехал в Берлин, где занимался пересылкой в Россию газ. «Искра». Был дружен с В. И. Лениным и Ю. О. Мартовым.

В 1902 году был делегирован на партконференцию в Белостоке. Выданный полиции провокатором, после полуторагодичного тюремного заключения был выслан на 5 лет в Восточную Сибирь.

В 1903 году бежал из Енисейской губернии за границу, где примкнул к меньшевистской фракции, став членом редакции «Искры».

В 1904 году был депутатом конгресса II Интернационала в Амстердаме.

В 1905 году приехал в Петербург и стал соредактором партийной газеты «Начало». Участвовал в работе Объединительного съезда партии в Стокгольме и был избран в ЦК и ЦО, став официальным лидером РСДРП. Когда получила известность фракционная работа Ленина, Дан стал одним из главных руководителей социал-демократических фракций в I и II Государственных думах.

После государственного переворота 3 июня 1907 году сбежал за границу. Вместе с Мартовым в Женеве, потом в Париже Дан издавал меньшевистский «Голос социал-демократа». Участвовал в создании 5-томника «Общественное движение в России в начале XX века», в

котором были подведены итоги русской революции, — труда, до сих пор не потерявшего научного значения.

В 1913 году по амнистии в связи с 300-летием династии Романовых вернулся в Петербург. Сотрудничал в меньшевистских журналах и газетах, руководил работой социал-демократической фракции IV Государственной думы.

С началом войны в 1914 году был арестован и административно выслан в Сибирь.

В 1915 году как врач был мобилизован и отправлен в Туркестан, где его и застало известие о Февральской революции.

В 1917 году стал одним из руководителей Совета рабочих и солдатских депутатов.

Октябрьскую революцию не принял и из-за этого подвергался арестам и ссылкам при большевиках.

В 1921 году, в канун Кронштадтского восстания и после тюремной голодовки, был выслан в Берлин.

В 1933 году уехал во Францию.

В феврале 1940 года сложил полномочия председателя Заграничной делегации РСДРП и одного из редакторов «Социалистического Вестника» (фактически продолжал их исполнять до 1942 года).

В 1940 году, при подходе немцев к Парижу эмигрировал в Нью-Йорк.

Умер от рака легких в 1947 году.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

ДЕЙЧ Лев Григорьевич — видный меньшевик, один из организаторов группы «Освобождение труда» и II съезда РСДРП, в 1917 году примкнул к большевикам.

Родился в 1855 году в городе Тульчин Каменец-Подольской губернии в купеческой семье.

Учился в Киевской гимназии, но ушел из последнего класса, увлекшись учением М. А. Бакунина.

С 1874 года участвовал в «хождении в народ», пытался поднять восстание крестьян в Чигиринском уезде с помощью подложного царского манифеста, проводил революционную агитацию в секте молокан в Мелитопольском уезде. Неоднократно арестовывался, бежал из тюрьмы.

Осенью 1875 года поступил вольноопределяющимся в Херсонский полк, ушел в «самоволку» сроком на пять дней, за это был предан суду и посажен на гауптвахту, но в феврале 1876 года сбежал.

11 июня 1876 года в Елисаветграде участвовал в покушении на убийство предателя Гориновича: его оглушили и облили серной кислотой.

Арестован в июне 1877 года.

В мае 1878 года бежал из тюрьмы.

С 1879 года являлся членом народнической организации «Земля и воля», а после ее раскола, будучи ярким противником террора, примкнул к «Черному переделу». Был дружен с П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич. Неоднократно подвергался арестам.

В 1880 году эмигрировал в Женеву.

В 1883 году стал одним из основателей группы «Освобождение труда», в которой вел всю организационную работу: добывал деньги на издание марксистской литературы, создал типографию, готовил транспортировку литературы в Россию.

В 1884 году был арестован в Германии и выдан русскому правительству.

В 1901 году, отбыв 13-летнюю Карийскую каторгу и четыре года на поселении, бежал через Японию и США в Западную Европу. В ссылке в Благовещенске редактировал газету «Амурский край».

В 1903 году, после II съезда РСДРП — меньшевик.

Во время революции 1905–1907 годов нелегально вернулся в Россию, был арестован и сослан в Туруханский край, но по дороге бежал.

В 1911–1916 годах жил в США, редактировал рабочую газету «Новый Мир» и журнал «Свободное Слово».

После Февральской революции 1917 года вернулся в Петроград.

К Октябрьской революции отнесся резко отрицательно. После недолгого сотрудничества в меньшевистской прессе отошел от политической деятельности.

В 1918–1921 годах научный сотрудник Историко-революционного архива.

В 1922 году выезжал в Париж для изучения архива Г. В. Плеханова.

Автор книг и статей по истории рев. движения и мемуаров, публикатор архива Г. В. Плеханова.

Умер в Москве в 1941 году.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993; Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. М., 1997.

ПАРВУС (Гельфанд) Александр (Израиль) Лазаревич — меньшевик.

Родился в 1867 году в местечке Березино Минской губернии в семье еврейского ремесленника.

Учился в одесской гимназии. В Одессе примыкал к народофильским кружкам.

В 1886 году уехал в Цюрих, где познакомился с видными членами «Группы освобождения труда» — Г. В. Плехановым, П. Б. Аксельродом и В. Засулич. Под их влиянием он стал марксистом.

В 1887 г. он поступил в Базельский университет.

В 1891 году, по окончании университета получил звание доктора философии. Вскоре переехал в Германию и вступил в немецкую социал-демократическую партию, не порвав, впрочем, отношений с русскими социал-демократами. Там он познакомился не только с местными лидерами социал-демократического движения, но и с В. Лениным, который вместе с Н. Крупской не раз бывал у него в гостях.

В 1902 году выступал в качестве литературного агента Максима Горького. Присвоил 130 тысяч марок, которые полагались писателю за постановку его пьесы «На дне» в Германии.

Когда началась Русско-японская война, он опубликовал в «Искре» несколько статей под общим заглавием «Война и революция». В своих статьях автор предрекал неизбежное поражение России в войне с Японией и вследствие поражения — русскую революцию.

Осенью 1904 года он познакомился и подружился с Л. Троцким и увлек его марксистской идеей «перманентной революции».

Когда в октябре 1905 года вспыхнула Первая русская революция, Парвус приехал в Петербург и здесь вместе с Л. Троцким вошел в Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, развив бурную революционную деятельность. После поражения революции был арестован, был приговорен к ссылке, но по дороге к месту отбывания наказания в Туруханске сбежал.

Жил сначала в Австрии и Германии.

В 1910 году перебрался в Турцию, где разбогател на поставках местной армии продовольствия и вооружения.

В январе 1915 года предложил Германии меморандум, где дал подробные рекомендации относительно того, «каким образом вызвать беспорядки в России и подготовить революцию, которая заставит царя отречься от престола, после чего будет образовано временное революционное правительство, которое готово будет заключить сепаратный мир с Германией». Немцы выдали ему 2 млн марок на организацию революционной пропаганды.

Весной 1917 года участвовал в организации проезда через Германию группы революционеров—политэмигрантов во главе с В. Лениным.

В ноябре 1918 года из Германии уехал в Швейцарию.

Умер в 1924 году.

Бунд

АБРАМОВИЧ (Рейн) Рафаил Абрамович — член ЦК Бунда.

Родился в 1880 году в Динабурге (с 1893 года — Двинск).

В 1901 году исключен из Рижского политехнического института за участие в студенческом революционном движении. Образование завершил в Льеже.

С 1901 года — член Бунда.

В 1904 году кооптирован в ЦК Бунда.

В 1905–1907 годах участвовал в революции, член Петербургского Совета.

В 1906 году от Бунда вошел в ЦК РСДРП.

В ЦК Бунда один из лидеров «ликвидаторского» течения, делавшего упор на легальные формы борьбы.

В 1910 году арестован, сослан в Вологодскую губернию, бежал, эмигрировал. Работал в редакциях ряда зарубежных изданий.

После Февральской революции 1917 года вернулся в Россию, вошел в ЦК Бунда, примкнул к группировке меньшевиков-интернационалистов, был членом Петроградского Совета РСД. Участвовал в издании «Летучего Листка» — органа меньшевиков-интернационалистов. Отстаивал идею национально-культурной автономии; по его словам, она «является... единственно пролетарской, в осуществлении которой заинтересован главным образом пролетариат» В дни Июльского кризиса Абрамович обвинял большевиков в подготовке заговора. Вместе с тем на заседании Организационного комитета меньшевиков 3 июля 1917 года заявил: «...Настал момент перехода власти в руки Советов».

Весной — летом 1918 года — один из организаторов движения «Уполномоченных от фабрик и заводов», ставившего целью изоляцию большевиков от рабочего класса

23 июля 1918 года арестован, через 6 месяцев по ходатайству западноевропейских социал-демократов освобожден. В период Гражданской войны поддерживал тактику «мира с большевиками», но выступал за прекращение «экономического и политического террора».

В 1920 эмигрировал из Советской России. Возглавил «Заграничную делегацию» ЦК «Социал-демократического Бунда», участвовал в издании «Социалистического Вестника».

Умер в 1963 году в США.

Литература: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.

Глава седьмая

Кто «заказал» Владимира Ленина

Многие знают драматическую историю борьбы за власть плохого грузина Иосифа Сталина и хорошего внука еврея Владимира Ленина. Если верить историкам и журналистам, то первый был непревзойденным мастером интриг, придумавшим множество уникальных комбинаций для устранения от власти политических противников, а второй — благородным политиком. Один из мифов советской истории.

Первым бороться с политическими противниками специфическими методами начал Владимир Ленин еще задолго до Октябрьской революции. Жажда личной власти оказалась у «вождя мирового пролетариата» сильнее, чем, например, жажда организации мировой революции. Разумеется, он хотел победы социализма во всем мире, но при условии, что именно он станет во главе этого процесса. А тех, кто противился этому и критиковал Советскую власть за однопартийную диктатуру и цензуру, он уничтожал — в прямом смысле этого слова. Неважно, были ли это внутривнутриполитические партнеры типа партии эсеров или внешнеполитические — германские коммунисты. Последние не могли простить Владимиру Ленину не только нарушения демократических ценностей (что поделаешь, ну не понять западному человеку российского менталитета, привыкли на Руси к «царю-батюшке», своему или чужому), но и подписания Брест-Литовского мира. Добавьте к этому отказ Владимира Ленина поддержать организованную германскими революционерами пролетарскую революцию. Это и понятно. Ведь если в

аграрной Российской империи большевики совершили государственный переворот, будем называть вещи своими именами, то в индустриальной Германии планировалась пролетарская революция. Нетрудно предсказать, что в случае победы последней

Владимир Ленин лишился бы своей власти. И отстранили бы его левые коммунисты, входящие в состав советского правительства^[145]. Это только в официальной советской истории руководство партии большевиков в первые годы нахождения у власти демонстрировало «командный дух» и четко выполняла указания Владимира Ленина.

В жизни все было по-другому. На руководство страной в 1918 году претендовали два еврея (опять «иудейский след» — что поделаешь, такая история была у России вначале прошлого века): Яков Свердлов и Лев Троцкий. Хотя у каждого была своя цель.

Первому было достаточно стать во главе Советской России и управлять ей, как когда-то он руководил бандой уголовников, занимавшихся экспроприацией ценностей на нужды революции. Разумеется, о себе любимом он тоже не забывал. Мог ли он управлять государством? Однозначно ответить на вопрос сложно. С одной стороны, как организатор он не знал себе равных среди руководства Советской России. После его смерти тот же объем работы пришлось выполнять четверым, да и то они не смогли так же эффективно подбирать кадры. Яков Свердлов благодаря своей феноменальной памяти (вот где пригодились навыки, полученные при обучении в хедере) знал биографии множество членов партии. С другой стороны, он был слабым политиком. Привыкший к административной работе, он не мог свободно ориентироваться в происходящих в мире событиях. Впрочем, это не

мешало ему активно претендовать на высший пост в государстве.

А второму, Льву Троцкому, хотелось раздуть пожар мировой революции и стать во главе этого движения. Его материальные запросы были скромнее, хотя и он любил покушать хлеб не только с маслом, но и черной икрой. Да и организатором он был не очень удачливым, и в политике тоже слабоват оказался. Предсказанный им пожар мировой революции так и не разгорелся. Зато амбиций было сверх меры.

Оба пользовались поддержкой не только в руководстве партии, но и в стране, среди коммунистов. Рядовые члены партии были готовы простить им их еврейское происхождение. Да и мнением граждан страны после разгона Учредительного собрания и политической расправы над партией эсеров никто уже не интересовался.

Схватка за власть

По мнению ряда историков, Яков Свердлов начал активно оттеснять Владимира Ленина весной 1918 года. В марте-апреле он начал выступать в качестве посредника и «третейского судьи» между различными политическими группировками. В мае-июне он берет на себя функции «генсека» и начинает выполнять всю партийную работу, в т. ч. подбор и расстановку кадров. Обладая феноменальной памятью, он знал биографии тысяч партийных функционеров, и его мнение учитывалось при назначении коммуниста на тот или иной руководящий пост. Фактически он делал то, в чем позже обвинят Иосифа Сталина — расставлял в аппарате своих людей. И того, и другого в борьбе за власть поддерживали функционеры среднего звена.

Если рассмотреть ситуацию более внимательно, то Яков Свердлов при Владимире Ленине оказался в роли партийного комиссара. Была тогда такая практика, когда большевики, не доверяя бывшим царским специалистам, в первую очередь в армии, назначили своих контролеров— комиссаров. Так что Яков Свердлов фактически присматривал за Владимиром Лениным и занимался партийной работой.

Уже 13 мая 1918 года с докладом «Тезисы ЦК о современном положении» на Московской общегородской партийной конференции выступил Яков Свердлов^[146]. Для знающих людей это показательный факт. Московская парторганизация считалась главной среди местных парторганизаций не только из-за географического положения, но и из-за входящих в ее состав парторганизаций. Согласно партийному уставу, все коммунисты должны состоять на учете в одной из первичных партийных организаций по месту работы,

учебы и проживания. Понятно, что вся столичная партноменклатура была членами московских первичных парторганизаций.

Через неделю, 18 мая 1918 года, в протоколе заседания ЦК ВКП(б) фамилия Свердлов стоит на первом месте. Это можно считать случайностью, если бы на следующий день, на аналогичном мероприятии, все вопросы, за исключением одного, поручено решать Якову Свердлову, Льву Троцкому, другим большевикам, но только не Владимиру Ленину. Ему лишь поручили: «провести через Совнарком разрешить т. Стеклову присутствовать там».

К сожалению, протоколы заседания ЦК с 19 мая по 18 сентября 1918 года не сохранились. Поэтому мы не сможем узнать, какие еще мелкие технические поручения доверяли Владимиру Ленину. Зато известно, что Яков Свердлов не раз спорил с членами ЦК и добивался принятия нужных ему решений. Такое могло быть лишь в одном случае: если бы Владимир Ленин утратил часть своего авторитета в руководстве партии и его мнение можно было игнорировать [\[147\]](#).

Кто стрелял в Ильича?

В истории этот заговор известен как покушение члена партии эсеров Фанни Каплан на русского Владимира Ленина 30 августа 1918 года на территории завода Михельсона в Москве. Мы не будем в очередной раз пересказывать общеизвестную историю про то, как полуслепая и полуглая еврейка с серьезными отклонениями в психике смогла с расстояния пяти метров, стреляя одновременно из двух «стволов», попасть четыре раза в жертву, ранить случайную прохожую (позже эту женщину объявят убийцей и в течение месяца будут допрашивать в ВЧК, арестовав заодно ее мужа и детей), а потом скрыться с места преступления. Многочисленные свидетели не запомнят не только ее лицо, но даже во что она была одета. Один из пистолетов не могут найти до сих пор, а второй обнаружился через год дома у сотрудницы ВЧК, которая участвовала в первом обыске задержанной. На допросе дама расскажет историю про то, как она обнаружила браунинг в портфеле у задержанной, но вместо того, чтобы сдать куда следует, решила хранить его дома. Наверное, в качестве сувенира. Ей поверили и не трогали до 1934 года, когда она снова попала в поле зрения НКВД. Дальнейшая ее судьба неизвестна. А изъятый при обыске пистолет, известный как «браунинг за № 150489» все годы советской власти занимал почетное место в одной из витрин музея Владимира Ленина в Москве.

А вот с Фанни Каплан произошла другая невероятная история. После двух допросов в ВЧК, где она ничего не смогла рассказать интересного, кроме своего типичного революционно-эсеровского прошлого — полжизни провела на каторге и в ссылке, — ее по

приказу Якова Свердлова доставили в Кремль (был там свой «следственный изолятор», помещение, ключи от которого были только у коменданта Кремля Павла Дмитриевича Малькова, и Феликс Дзержинский туда доступа не имел) и после пары допросов расстреляли. Опять же, по приказу Якова Свердлова. А труп сожгли, предварительно облив его бензином. После этой процедуры опознать «террористку» стало невозможно [\[148\]](#).

Кто на самом деле стрелял во Владимира Ленина и какие доказательства участия в этой акции Якова Свердлова? Желаящих услышать ответы на эти вопросы мы адресуем к книгам Юрия Георгиевича Фельштинского «Вожди в законе» [\[149\]](#), Николая Александровича Зеньковича «Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина» [\[150\]](#) и Бориса Николаевича Сопельника «Три покушения на Ленина» [\[151\]](#). Там все подробно описано.

А мы остановимся еще на одном эпизоде борьбы Якова Свердлова и Владимира Ленина. Последний после ранения понимал, что в него стреляли свои, и поэтому потребовал, чтобы его осматривал врач, которому он доверял. Таким медиком оказалась жена Бонч-Бруевича — член коллегии Наркомздрава и большевичка с 1902 года Вера Михайловна Величкина. Фактически с 1902 года она была лечащим врачом Ильича. Ей и еще двум женщинам выполнение клятвы Гиппократу стоило жизни. Через несколько дней после отправки пациента в Горки они внезапно умерли от... «испанки» (одна из разновидностей гриппа). А после возвращения Владимира Ленина из вынужденной изоляции в Кремль от той же самой болезни умер и Яков Свердлов. Наверное, кремлевская разновидность «испанки» как-то странно действовала на больных и была не заразна. Например, у лежащего в гробу Якова Свердлова была

перевязана голова — в бреду он, что ли, бился ею о стены? Другой странный факт. Перед смертью его посетил Владимир Ленин и не побоялся заразиться, хотя его организм еще полностью не восстановился после ранения. Да и в Кремле, кроме трех женщин, в то время больше никто не умер от гриппа.

Официальная версия звучит примерно так. В конце февраля 1919 года Свердлов вместе с группой партийных функционеров поехал на поезде в Харьков (тогда столица Украины) на III съезд республиканской компартии и съезд Советов Украины. По дороге, во время остановки в Курске, он простудился и в столицу Украины приехал уже больным. Вот только этого никто из сотен общавшихся с ним людей не заметил, да и к врачам он почему-то обращаться не стал. Вечером 27 февраля 1919 года поезд отправился в обратный путь. На станции Орел (меньше 400 километров до Москвы) митинговали местные железнодорожные рабочие. Так в официальной версии деликатно именуют их забастовку. Местное начальство, зная ораторские способности Якова Свердлова, попросила его выступить на собрании. Оратор долго и вдохновенно вещал про создание Третьего Коммунистического Интернационала (сообщение о нем было напечатано в газетах накануне вечером). А вот что было дальше — никто не знает. Известно лишь, что поезд в Москву прибыл только 11 марта 1919 года. А через пять дней он скончался.

Полуофициальная версия смерти Якова Свердлова звучит так. Во время митинга в Орле кто-то из недовольных большевиками рабочих железнодорожных мастерских кинул в оратора камень и пробил ему голову^[152]. Это и стало причиной смерти «заказчика» убийства Владимира Ленина. А может, его «заказал» сам Владимир Ленин, когда выяснил, чья рука направила в него браунинг на территории завода

Михельсона. Этого мы никогда уже не узнаем. Зато известны другие пикантные факты из биографии Якова Свердлова.

Семейный клан

Яков Свердлов родился 23 мая 1885 года в семье владельца граверной мастерской в Нижнем Новгороде в семье Мираима (Мойше — это имя часто упоминается в отчестве сына) Израилевича Свердлина (фамилию отца Яков никогда не упоминал различных анкетах, автобиографиях и т. п., предпочитая писать Свердлов) и его первой жены Елизаветы Соломоновны. У Мойше Свердлина был двоюродный брат — отец будущего наркома госбезопасности Генриха Ягоды. Да и его сын какой-то время трудился подмастерьем в граверной мастерской. Однажды он захотел открыть свое дело и сбежал со всеми инструментами. Бизнес запустить так и не удалось, и пришлось неудачнику возвращаться обратно. Мойше Свердлин простил непутевого родственника и снова взял его на работу^[153]. А после Октябрьской революции его карьерой занялся сын. Этих услуг будущий нарком госбезопасности не забыл.

После смерти Якова Свердлова именно Генрих Ягода продолжал оказывать поддержку другим членам семьи Свердлина. Будущий высокопоставленный партийный функционер рос вместе с двумя братьями — Вениамином, Залманом (вошедшим в историю под именем Зиновий) и сестрой Софьей.

В семье все занимались революционной деятельностью. В мастерской изготовлялись фальшивые штампы и печати, которые затем использовались при производстве поддельных удостоверений личности.

Старший брат Якова, Зиновий, в результате каких-то сложных душевных процессов пришел к глубокому внутреннему кризису и порвал не только с революционным окружением, но и с иудаизмом. Отец

проклял его традиционным еврейским проклятием. Хотя вероотступник не пропал — его усыновил писатель Максим Горький, но и от него он вскоре ушел в «самостоятельное плавание». В годы Гражданской войны он официально работал на французскую разведку и закончил военную карьеру в звании генерала, а неофициально (пресс-бюро Службы внешней разведки РФ отрицает этот факт) оказывал конфиденциальные услуги Москве^[154].

Второй брат Якова, Вениамин, не питая склонности к революционной деятельности, эмигрировал из беспокойной Российской империи в США и стал там собственником небольшого банка. По утверждению отдельных историков, в сферу его бизнес-интересов входила поставка оружия царскому правительству. А его партнером по бизнесу выступал будущий известный британский разведчик Сидней Рейли. После Октябрьской революции Вениамин вернулся назад и по протекции брата занял пост наркома путей сообщений, но не справился с работой и был уволен. Какое-то время Вениамин Свердлов был членом Президиума ВСНХ. Заведовал его научно-техническим отделом, но и тут не сумел долго продержаться — снова лишился своего поста. А может, после смерти брата некому было опекать беспартийного чиновника с «пятнами» (бизнес в Америке) в биографии.

Софью Мойше Свердлин удачно выдал замуж за владельца паровой компании на Волге Леонида Исааковича Авербаха. У супругов было двое детей — Ида и Леопольд.

Ида работала следователем. Дослужилась до должности заместителя прокурора города Москвы. Еще она занималась литературной критикой. Известность приобрела как жена наркома внутренних дел СССР, всемогущего Генриха Ягоды.

Леопольд Авербах, благодаря родству с Яковом Свердловым, со временем стал главой Российской ассоциации пролетарских писателей, пресловутого РАППа. Власти делили всех «инженеров человеческих душ» на пролетарских писателей и писателей-попутчиков. В творчестве первых доминирующую роль играло не проникновение во внутренний мир героя, а верность идее, отражение классовых идеалов. От писателей требовалось, чтобы их произведения были наглядными и прикладными, как агитки Демьяна Бедного. Чтобы писатели не занимались рассусоливанием, не копались в переживаниях, не препарировали их, а били в лоб. Причем в нужном направлении. Члены РАППа, в большинстве своем, не столько создавали новые произведения, сколько критиковали других. Выискивали крамолу. Докапывались до противоположного. И тащили уличенных к позорному столбу. Чтобы неповадно было. Постепенно он подчинил себе всю литературную жизнь в Советской России.

В начале своей карьеры Леопольд пытался заниматься политикой, делая карьеру по комсомольской линии, но потом увлекся журналистикой и изданием газет. Особых литературных способностей у него не было, да и четыре класса гимназии не позволили ему освоить «великий и могучий русский язык» — писал он с многочисленными ошибками и довольно коряво. Зато обладал необходимыми для новых властей качествами и смог создать РАПП.

Племянница Якова Свердлова, Ида, и племянник Леопольд были расстреляны. Ида — как жена Генриха Ягоды. В ту пору с родственниками не церемонились. Леопольда сочли скрытым приверженцем Льва Троцкого [\[155\]](#).

Когда был Яков маленький...

Яков рос озорным, неугомонным мальчиком. Проигрывая в росте и здоровье сверстникам, но обладая упрямством и громким голосом, он всегда верховодил во всех ребячьих проделках. В гимназии он постоянно конфликтовал с учениками и преподавателями, оценка за поведение — неудовлетворительная. С большим трудом он дотянул до пятого класса, откуда его выгнали. С тринадцати лет увлекся политикой, в четырнадцать обзавелся пистолетом. Со своим другом Лубоцким (Загорским) вступил в нелегальный кружок и начал борьбу с самодержавием за освобождение рабочего класса. Правда, сам в рабочие не пошел, а устроился учеником аптекаря. Однако долго в аптеке не задержался, полностью перешел на путь профессионального революционера^[156].

Уральский социал-демократ Николай Алексеевич Чердынцев при царской власти просидел несколько лет в екатеринбургской тюрьме. Много лет спустя он вспоминал о своих встречах с Яковым Свердловым.

«Он возглавил дружину из своих подручных. Дружинники хватали крыс, кидали их в парашу, чтобы они там утонули, сапогами отталкивали крыс от краев, не давая им вылезти, и при этом от души смеялись. Другим их развлечением было повешение крыс...

В тюрьме процветала групповщина. Верховодами были Свердлов и Теодорович (Иван Адольфович Теодорович — член ЦК РСДРП(б). — *Прим, авт.*), которые поддерживали только своих, пусть они даже совершили подлость. Поведение этих людей определялось не социалистическими идеалами, а жадной властью, жадной доминировать... Свердлов не гнушается

вступать в дружеские отношения с отпетыми уголовниками.

О чем-то договаривается. Ведет себя как власть имущий, держит себя по-диктаторски. Вся эта манера — изображать из себя что-то важное, имеющее силу и волю везде, могущее карать и миловать, — это признак низости ума и сердца»^[157].

В заключении он прославился не только своей жестокой расправой над крысами, но и тем, что писал жалобы за других осужденных, предъявлял ультиматумы «гражданину начальнику» и был старостой. На сохранившихся тюремных фотографиях Яков Свердлов сидит на нарах впереди уголовников, сложив по воровской традиции ноги по-турецки^[158].

«Коза Ностра» большевиков

Мало кто знает, что в конце 1905 — начале 1906 года на Урале начало действовать одно из подразделений Боевой организации РСДРП(б), по своей структуре и кадровой политике больше напоминавшее итальянскую мафию или другую аналогичную ей организованную преступную группу. Формально оно подчинялось Боевому центру при ЦК партии, который возглавляли Моисей Лурье (кличка «Михаил Иванович»), Шкляев («Лазарь»), Э. С. Кадомцев («Петр-Павел»), Урисон («Виктор»), а позднее Миней Губельман («Ем. Ярославский»), Но в своей «епархии» Яков Свердлов был царь и бог.

Как в классической мафии, были созданы несколько уровней посвящения в тайную организацию. Полной информацией обладал только тот, кто находился на верху пирамиды. Он согласовывал свои действия с Боевым центром. На уровень ниже сидело тайное оперативное руководство и инструкторы боевой организации, на следующем, тоже тайном уровне — исполнители различных грязных дел, они получали задания с предыдущего уровня и следовали точным инструкциям; в самом низу — «массовка», рядовые члены, которые могли быть привлечены к работе, но ничего не знали о характере деятельности высших уровней посвящения.

На практике это было организовано так. При каждом уральском комитете РСДРП создавались три дружины. Одна известная всем, куда привлекались рабочие, и две тайных. Они так и разбивались на первую, вторую и третью.

Собственно, «боевая» работа велась второй дружиной, в состав которой входили так называемые

«десятки» (отряды), укомплектованные молодыми людьми, не нашедшими себе другого дела в жизни и ставшими боевиками.

Каждый «десяток» имел свое специальное назначение: отряд разведчиков, отряд саперов (закладывать мины), отряд бомбистов (кидать бомбы), отряд стрелков; при второй дружине состоял отряд мальчиков-разведчиков и распространители партийной литературы, а также мастерские бомб и другие подобные предприятия. Боевики второй дружины работали в подпольных типографиях, подделывали печати. Во главе каждого отряда («десятки») стоял десятский. Отряды, в свою очередь, разбивались на «пятки».

Что же делали боевики? Занимались традиционным для российских революционеров делом.

Во-первых, убивали не только не только полицейских, чиновников, но также «черносотенцев» и других неугодных руководству партии и организации лиц. Во время многочисленных терактов гибли не только объекты покушений, но и случайные лица.

Во-вторых, занимались добычей денег, необходимых для проведения агитационной работы (изготовление и распространения печатной продукции), оплаты труда профессиональных революционеров и живущих за границей руководителей партии, а также на другие нужды. Метод добычи денег был общеизвестен — вооруженные грабежи или, как их называли большевики, — «экссы», экспроприации. «Брали» кассы, конторы, нападали на транспорты с деньгами. Бомб и патронов не жалели, случайные люди гибли десятками.

Боевики тщательно готовились к каждому убийству и грабежу— собирали сведения, чертили планы, готовили ключи, оружие, тщательно продумывали все организационные детали.

Занимались боевики и рэкетом, то есть обкладывали богачей данью под угрозой смерти. Кроме того, они осуществляли охрану партийных мероприятий и партийных лидеров.

Вот только несколько эпизодов из жизни одного из известных уральских боевиков— Константина Алексеевича Мячина (он же Яковлев, он же Стоянович): в 1905 году кидал бомбы в казаков; в 1906 году— подготовка к взрыву казарм, метание бомбы в квартиру руководителя черносотенцев; в 1907 году— бросание бомбы в помещение полиции, захват оружия, захват динамита, ограбление почтового поезда с деньгами (взято 25 тыс. рублей), ограбление самарских артельщиков (взято 200 тыс. рублей); в 1908 году— нападение на уфимское казначейство, первое миасское ограбление (взято 40 тыс. рублей), убийство палача Уварова, второе миасское ограбление (взято 95 тыс. рублей). «Убито и ранено со стороны противника, — самодовольно отмечает Мячин, — только при втором миасском ограблении— 18 человек». Свою жизнь он закономерно закончил как руководитель группы лагерей сталинского ГУЛАГа.

Богатый опыт был у Якова Свердлова, когда летом 1918 года он принял активное участие в операции по «ликвидации» Владимира Ленина. И если бы жертва умерла после покушения, то кто знает, в какой стране мы жили бы, если бы ее возглавил еврей Яков Свердлов, а не грузин и интернационалист Иосиф Сталин. Первый бы точно не допустил восхождения на политический Олимп последнего. Их вражда началась еще в царское время, когда оба отбывали наказание за свои революционные дела в сибирской ссылке. Жили они в одном доме и постоянно ссорились. Мы бы не стали винить во всем одного Иосифа Сталина. Его оппонент тоже отличался буйным нравом. Однажды последнего чуть не зарезали другие ссыльные. От смерти Якова

Свердлова спас рабочий, который отбился от нападавших табуреткой [\[159\]](#).

Вскрытие покажет

Среди вещей, оставшихся нетронутыми после смерти Якова Свердлова, был несгораемый шкаф из его личного кабинета. Ключ от него затерялся, а вскрыть хитроумный замок местный слесарь не мог. Может быть, так и продолжал бы он стоять до наших дней, если бы летом 1935 года во время очередной инвентаризации в Кремле начальство не решило все же изучить содержимое сверхтяжелого несгораемого шкафа. Привезли из тюрьмы опытного «медвежатника», и тот, повозившись пару часов, все же отпер замок.

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны. 26 июля с. г. шкаф был нами вскрыт и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

- а) Свердлова Якова Михайловича,
- б) Гуревич Цецилии — Ольги,
- в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,
- г) княгини Барятинской Елены Михайловны,
- д) Ползикова Сергея Константиновича,
- е) Романюк Анны Павловны,
- ж) Кленочкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
подпись (Ягода)

27 июля 1935 года»^[160].

Теперь становилось понятным, почему шкаф был неподъемным. Если каждая золотая монета весила 10 граммов, то только золота Яков Свердлов присвоил более 100 килограммов, и не менее (если не больше) тянули «золотые изделия, многие из которых с драгоценными камнями». Заполненные паспорта на подставных лиц, несомненно, были Яковым Свердловым подготовлены для побега. Советская власть в 1918 году находилась на «волоске», и один из руководителей страны это прекрасно понимал. Другой вопрос— откуда столько драгоценностей?

Историки называют три возможных источника их происхождения.

Первый — драгоценности царской семьи, хранившиеся в одежде на телах расстрелянных дочерей Николая Второго. Перстень с рубином снял с царской руки Пинхус Вайнер (Петр Войков). Колчаковский следователь Соколов нашел свидетеля, который видел, что один из участников расстрела царской семьи Юровский повез на вокзал семь мест багажа, одно из которых представляло собой «средних размеров чемодан черной кожи» с сургучной печатью. Это обстоятельство и позволило отдельным исследователям утверждать, что «курьер» привез в Москву Якову

Свердлову отрубленную голову государя. Непонятно, правда, зачем она была нужна последнему. Скорее всего, в чемодане были царские драгоценности, часть которых, возможно, и присвоил Яков Свердлов. Если в свердловском шкафу и были царские драгоценности, то в таком большом количестве (705) предметы у царевен вряд ли были. И потом, Генрих Ягода обязательно бы упомянул о наличии любимых Александрой Федоровной трехметровых бус из розового жемчуга. Наличие большого количества золотых монет говорит о том, что они принадлежали и другим лицам.

Вторая версия— драгоценности принадлежали другим лицам и были изъяты ВЧК или получены самим Яковом Свердловым в качестве взяток от лиц, желающих уехать из Советской России или пытающихся спасти родственников, попавших в застенки ВЧК. Почему бы и нет, ведь, согласно официальной версии советских историков, Яков Свердлов не только дружил с Феликсом Дзержинским, но и пристроил в центральный аппарат ВЧК множество своих людей^[161].

Третий источник— Яков Свердлов получил документы и драгоценности официальным путем, а если быть совсем точным, то присвоил их. Летом 1918 года перспектива существования советской власти, а вернее, судьба ее руководителей, была неопределенной. Лидеры большевиков готовились к эвакуации за границу. Привыкли они, в трудные для себя времена, жить в эмиграции. Например, 1 августа 1918 года «руководство Советской России» перевело на счета в швейцарских банках значительные суммы. Об этом факте в Берлин сообщили сотрудники германского посольства. Чуть позднее началось оформление заграничных паспортов. Также начали выдавать деньги и драгоценности на организацию подполья.

Финансовые потоки шли через Якова Свердлова^[162].
Комментарии излишни.

Приложение ИЗ АРХИВА ВЧК

По причинам, понятным после прочтения предыдущей главы, в архиве сохранилось очень мало документов, связанных с покушением на Владимира Ленина. А имеющиеся еще больше запутывают ситуацию.

Из уголовного дела № Н-200
(«Н-200» — фонд нереабилитированных лиц)

Из показаний С. К. Гиля
(Живет в Кремле. Шофер В. И. Ленина. Сочувствует коммунистам.)

После окончания речи В. И. Ленина, которая длилась около часа, из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа человек в пятьдесят и окружила его.

Вслед за толпой вышел Ильич, окруженный женщинами и мужчинами, и жестикулировал рукой... Когда Ленин был уже на расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел сбоку, елевой стороны от него, в расстоянии не более трех шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены три выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе...

... Поправлюсь: после первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом.

30 августа 1918 г.

Из показаний С. Н. Батулина

(Помощник военного комиссара 5-й Московской советской пехотной дивизии)

...Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до этого спокойно стоявшую у автомобиля, разбегавшуюся в разные стороны, и увидел позади кареты автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу тов. Ленина!». И с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой, одиночным порядком и группами, бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди.

.. Позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?». Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей пойти за мной. В дороге ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «Зачем вы стреляли в тов. Ленина?», на это она ответила: «А зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина. В это время ко мне подошли еще человека два-три, которые помогли мне сопроводить ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в тов. Ленина?». На это она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла...

В военном комиссариате Замоскворецкого района эта задержанная мною женщина на допросе назвала себя Каплан и призналась в покушении на жизнь тов. Ленина.

30 августа 1918 г.

Из показаний З. Удотовой

(Чекистка, принимала участие в обыске Ф. Каплан)

Мы Каплан раздели донага и просмотрели все вещи до мельчайших подробностей. Так, рубцы, швы просматривались нами на свет, каждая складка была разглажена. Были тщательно просмотрены ботинки, вынуты оттуда и подкладки, вывернуты. Каждая вещь просматривалась по два и несколько раз. Волосы были расчесаны и выглажены. Но при всей тщательности обнаружено что-либо не было. Раздевалась она частично сама, частично с нашей помощью.

Из показаний Ф. Каплан

(Допрашивали нарком юстиции Д. Курский, член коллегии наркомата юстиции М. Козловский, секретарь ВЦИК В. Аванесов, зам. председателя ВЧК Я. Петере, зав. Отделом ВЧК И. Скрыпник.)

Курский. Где вы взяли оружие?

Каплан. Не имеет значения.

Курский. Вам его кто-нибудь передал?

Каплан. Не скажу.

Курский. С кем вы связаны? С какой организацией или группой?

Каплан. (Молчит).

Курский. Повторяю, с кем вы связаны?

Каплан. Отвечать не желаю.

Курский. Связан ли ваш социализм со Скоропадским?

Катан. Отвечать не намерена.

Курский. Слыхали ли вы про организацию террористов, связанную с Савинковым?

Каплан. Говорить на эту тему не желаю.

Курский. Почему вы стреляли в Ленина?

Каплан. Стреляла по убеждению.

Курский. Сколько раз вы стреляли в Ленина?

Каплан. Не помню.

Курский. Из какого револьвера стреляли?

Каплан. Не скажу. Не хотела бы говорить подробности.

Курский. Были ли вы знакомы с женщинами, разговаривавшими с Лениным у автомобиля?

Каплан. Никогда их раньше не видела и не встречала. Женщина, которая оказалась раненой при этом событии, мне абсолютно незнакома.

Петере. Просили вы Биценко провести вас к Ленину в Кремль?

Каплан. В Кремле я была один раз. Биценко никогда не просила, чтобы попасть к Ленину.

Курский. Откуда у вас деньги?

Каплан. Отвечать не буду.

Курский. У вас в сумочке обнаружен железнодорожный билет до станции Томилино. Это ваш билет?

Каплан. В Томилино я не была.

Петере. Где вас застала Октябрьская революция?

Каплан. Октябрьская революция застала в Харькове, в больнице. Этой революцией я осталась недовольна. Встретила ее отрицательно. Большевики — заговорщики. Захватили власть без согласия народа. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за него.

Петере. Где вы учились? Где работали?

Каплан. Воспитание получила домашнее. Занималась в Симферополе. Заведовала курсами по подготовке работников в волостные земства.

Жалованье получала (на всем готовом) 150 рублей в месяц.

Петере. Стреляли в Ленина вы? Подтверждаете?

Каплан. Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг в феврале. Эта мысль назрела в Симферополе. С тех пор готовилась к этому шагу.

Петере. Жили ли вы до революции в Петрограде и Москве?

Каплан. Ни в Петрограде, ни в Москве не жила.

Скрыпник. Назовите полностью свое имя, отчество и фамилию.

Каплан. Меня зовут Фанни Ефимовна Каплан. По-еврейски мое имя Фейга.

31 августа 1918 г.

Протокол осмотра места покушения на убийство т. Ленина на заводе Михельсона 30 августа 1918 г.

2 сентября 1918 г. мы, нижеподписавшиеся Яков Михайлович Юровский и Виктор Эдуардович Кингисепп, в присутствии председателя заводского комитета зав. Михельсона т. Иванова Николая Яковлевича и шофера т. Степана Казимировича Гиля, совершили осмотр места покушения на председателя Совнаркома т. Ульянова-Ленина.

Выход из помещения, где происходят митинги, один. От порога этой двустворчатой двери до стоянки автомобиля 9 (девять) саж. От ворот, ведущих на улицу, до места, где стоял автомобиль, 8 саж. 2 фута (до передних), 10 саж. 2 фута (до задних) колес автомобиля.

Стрелявшая Фанни Каплан стояла у передних крыльев автомобиля со стороны хода в помещение для митингов.

Тов. В. И. Ленин был ранен в тот момент, когда он был приблизительно на расстоянии одного аршина от автомобиля, немного вправо от дверцы автомобиля.

Место стоянки автомобиля, пункты, где стояла Каплан, тов. Ленин и М. Г. Попова, изображены на фотографическом снимке.

Недалеко от автомобиля нами найдено при осмотре четыре расстрелянных гильзы, приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Места их нахождения помечены на фотографических снимках (4, 5, 6, 7). Находка этих гильз несколько впереди стрелявшей объясняется тем, что таковые отскакивали от густо стоявших кругом людей, попадали ненормально несколько вперед. К настоящему протоколу осмотра приобщаются: план строения Московского снарядного и машиностроительного завода А. М. Михельсона, 4 фотографических снимка, изображающих три момента покушения, и само здание, в котором происходил митинг.

В. Кингисепп Я. Юровский

Источник: Зенькович Н. А. Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М., 1998. С. 35-40.

Глава восьмая

«Демон революции» и его армия

Один из вождей Октябрьской революции, председатель Реввоенсовета республики в годы Гражданской войны, наиболее влиятельный член ленинского Политбюро Лев Давидович Троцкий вплоть до девяностых годов прошлого века оценивался в нашей стране сугубо отрицательно, как враг. Не случайно даже его биография не публиковалась в советских энциклопедических словарях и справочниках. Писалось лишь о «троцкизме»— «враждебном ленинизму течении в рабочем движении, разновидности мелкобуржуазного оппортунизма»^[163].

А о его убийстве сотрудниками и агентами НКВД в 1940 году в СССР предпочитали вообще не вспоминать. Зато исполнителю смертного приговора испанцу Хайме Рамону Меркадеру дель Рио присвоили звание Героя Советского Союза и вручили орден Ленина. Граждан других стран крайне редко награждали высшей государственной наградой. А тем более за совершение убийства гражданина другой страны.

Разработчиков и руководителей операции — украинца Павла Судоплатова и еврея Наума Эйтингтона — тоже наградили, но спустя полтора десятка лет арестовали и приговорили к длительным срокам тюремного заключения. Хотя в тюрьме они оказались в силу политических интриг, начавшихся после смерти Иосифа Сталина.

Сейчас ситуация кардинально изменилась. Любой желающий может приобрести один из вариантов биографии «Демона революции» (например, книгу

Дмитрия Волкогонова «Троцкий» или один из томов Исаака Дойчера), а также его собственные произведения: «Моя жизнь», «Политические силуэты», «Сталинская школа фальсификаторов», «История русской революции», «Сталин» и другие.

Если хотите знать, как и почему Лев Троцкий сменил иудаизм на веру в мировую революцию, был ли он на самом деле связан с масонами или только интересовался историей этой тайной организации, какова степень его участия в российских революциях и Гражданской войне, а также о его конфликте с генеральной линией партии и о дестабилизации обстановке в СССР... На эти и другие «как» и «почему» прекрасно и аргументировано ответил Юрий Емельянов в своей книге «Троцкий: мифы и личность»^[164].

Подробно описана и хронология покушения на Льва Троцкого. Мы рекомендуем любопытному читателю книгу Нила Никандрова «Иосиф Григулевич. Разведчик, которому "везло"»^[165]. На сегодняшний день это самая подробная и достоверная монография, где детально расписан процесс подготовки и совершения убийства Льва Троцкого.

Лев Троцкий и Кремль

Убийство Льва Троцкого, на первый взгляд, выглядит как личная месть Иосифа Сталина своему политическому противнику. Именно так пытаются представить этот факт отдельные отечественные историки и журналисты. Сначала Вождь лишил его всех постов, затем выслал из страны, а потом еще больше осерчал на соратника Владимира Ленина и приказал его умертвить. Справедливости ради отметим, что смерти Льва Троцкого желало множество людей. Например, воевавшие на стороне противников советской власти в годы Гражданской войны, а также все, кто пострадал от кровавой деятельности председателя Реввоенсовета, сражаясь на стороне большевиков. Участники Гражданской войны в Испании, воевавшие на стороне республиканского правительства, не могли простить ему мятежа в тылу республиканских войск в Барселоне в мае 1937 года^[166]. Следует добавить в этот список многочисленных «сталинистов»... Так что смерти Льва Троцкого желал не только Иосиф Сталин, но и его бывшие друзья и враги.

На самом деле все значительно сложнее. И нейтрализация такого крупного политического деятеля — мера вынужденная и направленная на защиту интересов Советского Союза. Мало кто знает, что настоящие «троцкисты» (а не жертвы репрессий 1937 года) действительно пытались дестабилизировать обстановку в СССР. Объяснение этому простое — они активно боролись за власть. В противном случае вся политическая деятельность Льва Троцкого в эмиграции теряла всякий смысл.

Их конфликт начался в период болезни Владимира Ленина (с мая 1920 года), когда Троцкий вступил в

борьбу за власть с триумvirатом «старых» большевиков — Иосифа Сталина, Григория Евсеевича Зиновьева и Льва Борисовича Каменева. Мало кто знает, что Иосиф Сталин с 1903 года был членом партии большевиков и одновременно преданным сторонником идей Владимира Ленина. Григорий Зиновьев еще в девяностых годах XIX века участвовал в организации первых экономических стачек рабочих на юге России, а в 1903 году вступил в партию большевиков. А летом 1917 года вместе с Владимиром Лениным он жил в шалаше в Разливе. На VI съезде партии Григорий Зиновьев был избран в ЦК, получив лишь на один голос меньше, чем Владимир Ленин. У Льва Каменева не меньше заслуг перед партией большевиков. С 1905 года он — ближайший помощник Владимира Ленина. В октябре 1917 года между последними двумя большевиками и Владимиром Лениным произошел конфликт по отношению к готовящемуся вооруженному перевороту. Они выступали за мирный захват власти, считая путч опасной авантюрой.

А вот Лев Троцкий примкнул к большевикам только летом 1917 года, до этого времени (с 1903 года) он активно лавировал между большевиками и меньшевиками, занимая центристскую позицию. Вернувшись в апреле 1917 года из США в Петроград, он возглавил городской Совет рабочих и солдатских депутатов и был внесен в список 40 кандидатов от РСДРП(б) по выборам в Учредительное собрание. Именно он взял на себя всю техническую работу по организации революции в городе на Неве.

В 1920 году позиция Льва Троцкого в партийном руководстве была более сильная, чем у его оппонентов, имеющих гораздо больше заслуг. Почему так произошло? Одна из причин — активная деятельность Льва Троцкого в годы Гражданской войны.

Палач и диктатор во главе Красной Армии

Лев Троцкий был фактическим создателем и первым главнокомандующим Красной Армии — руководил ее боевыми действиями с 1918 по 1920 год. Он активно привлекал в нее бывших офицеров («военспецов» или «золотопогоников»); установил в армии жесткую дисциплину, решительно выступал против ее демократизации; применял суровые репрессии против дезертиров. В итоге сумел создать боеспособные вооруженные силы Советской республики. Был одним из инициаторов террора против «неблагонадежных» и практики заложничества. Слово «расстрелять» звучало в его приказах значительно чаще слова «революция»^[167].

В августе 1919 года Лев Троцкий подписал инструкцию армейским ответственным работникам. Представление о ее характере дают три произвольно взятых параграфа. Четвертый: «Необходимо немедленно приступить к организации заградительных отрядов...». А кто-то до сих пор продолжает верить, что расстреливать из пулеметов дезертировавших с поля боя солдат и офицеров Красной Армии придумал Иосиф Сталин в июне 1942 года, когда подписал знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!». Шестой параграф инструкции гласил: «Каждый комиссар должен точно знать семейное положение командного состава... по двум причинам: во-первых, чтобы прийти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира...». До такого уровня цинизма не позволяли опускаться себе

руководители при Иосифе Сталине. Восьмой: «Особый отдел (военная контрразведка. — *Прим. авт.*)... должен действовать в тесном сотрудничестве с политотделом и трибуналом... наказание должно следовать как можно скорее за преступлением»^[168]. Снова вспоминается Великая Отечественная война. Июль 1941 года. Органам военной контрразведки предоставлено право внесудебного расстрела изменников, дезертиров и мародеров. Тогда это было вынужденной мерой. Да и воспользоваться ей могли лишь чекисты. В октябре 1942 года право внесудебной расправы у Особых отделов отобрали. Теперь приговоры должны были выносить суды военных трибуналов^[169]. А в годы Гражданской войны приговорить к расстрелу за любое деяние могли не только военные контрразведчики, но и политработники.

Преступлением могло быть что угодно. Например, противодействие командующего Балтийским флотом— или, как тогда называлось, начальника морских сил Балтийского моря контр-адмирала Алексея Михайловича Щастного (в литературе его часто неправильно называют Счастливым) попытке продажи Германии боевых кораблей Балтийского флота в 1919 году. Очень уж неприглядная история для Льва Троцкого. О ней в советское время предпочитали не вспоминать. Одно дело— политические разногласия с Иосифом Сталиным, а другое — коррупция. Кратко расскажем об этом деле.

После подписания Брестского мира Балтфлот, основные силы которого тогда находились в Гельсингфорсе и Ревеле, ожидала либо передача в руки Германии, либо уничтожение: Берлин настаивал на срочной передаче ей «Брестского трофея», а Лондон, опасаясь усиления немцев, предлагал открыть крупные

банковские счета для тех, кто взорвал бы русские корабли.

Нарком по военным и морским делам Лев Троцкий задумал, не обидев немцев, перехитрить и англичан — т. е. имитировать взрыв кораблей и получить с британцев деньги, между тем как немцы смогут вновь поставить корабли в строй. Однако Алексей Щастный, для которого интересы Родины были превыше личных выгод, открыто доложил о хитростях наркома Совету комиссаров и флагманов флота. Моряки возмутились: «Нам— осьмушку хлеба, а губителям флота— вклады в банках?!». Совет комиссаров вынес постановление: «Не бывать продажности в нашем флоте!» — и репутация Льва Троцкого на Балтике была сильно подорвана.

Алексей Щастный — выпускник Морского корпуса, участник войны с Японией — лучше других понимал, что флот надо немедленно спасать, и принял решение увести корабли в Кронштадт. Согласовав его с Центробалтом (но не со Львом Троцким), командующий 12 марта организовал выход из Гельсингфорса первого отряда кораблей— четырех линкоров и трех крейсеров в сопровождении двух ледоколов. Переход происходил в чрезвычайно тяжелых условиях: толщина льда достигала 75 сантиметров, высота торосов — от трех до пяти метров. Корабли, имевшие неуконплектованные экипажи, обстреливались с Лавенсари и других финских островов...

В начале апреля Алексей Щастный отправляет в Кронштадт второй отряд кораблей, а затем из Гельсингфорса в Кронштадт ушел третий отряд, вместе с которым ушел и контр-адмирал.

Легендарный Ледовый переход вошел в историю Балтийского флота, а вот имя организатора и руководителя этого мероприятия до девяностых годов прошлого века оставалось в забвении. Хотя благодаря

этому человеку было сохранено 236 кораблей, которые вскоре сыграли важную роль в разгроме интервентов.

Лицемерный и коварный нарком Лев Троцкий назвал проведенную Алексеем Щастным операцию «искусной и энергичной», но в душе он никак не мог забыть и простить того, кто столь чувствительно его «наказал». Выждав, когда волна восхищения Ледовым походом несколько улеглась, он приступил к действию. Придравшись к тому, что контр-адмиралом не были немедленно уволены с флота двое моряков, заподозренных в контрреволюционной деятельности, — мелкий проступок по тем временам, — Лев Троцкий 27 мая 1918 года вызвал его в наркомат на заседание коллегии. Заранее заручившись поддержкой ВЦИК, Лев Троцкий прямо в своем кабинете арестовал контр-адмирала и передал его в руки немедленно созданного Революционного трибунала. На заседании трибунала нарком одновременно выступал и свидетелем, и обвинителем. А в результате русский офицер был обвинен не только в подготовке контрреволюционного переворота, государственной измене, но и в связях с германским генеральным штабом. Спустя пару десятилетий находящийся в изгнании Лев Троцкий начнет обвинять Иосифа Сталина в том, что тот заставлял подсудимых сознаваться в соотрудничестве с иностранными спецслужбами. Смертная казнь в Советской России в 1918 году была отменена, однако контр-адмиралу Алексею Щастному был вынесен смертный приговор... Его расстреляли на рассвете 22 июня 1918 года— во дворе бывшего Александровского юнкерского училища, а имя его предано забвению до 1995 года, когда бывший контр-адмирал Балтийского моря был полностью реабилитирован^[170].

Это не единственный случай внесудебной расправы Льва Троцкого над военнослужащими Красной Армии. Однажды он жестко расправился с личным составом полка, который без приказа покинул линию обороны. Сначала расстреляли командующего, а потом перед строем каждого десятого красноармейца [\[171\]](#).

А вот цитата одного из его докладов Якову Свердлову с Воронежского фронта:

«Полевые трибуналы приступили к работе. Произведены первые расстрелы дезертиров. Объявлен приказ, возлагающий ответственность за укрывательство дезертиров на совдепы, комбеды и домохозяев. Первые расстрелы уже произвели впечатление. Необходима дальнейшая посылка твердых работников» [\[172\]](#).

Где-то уже встречались подобные приказы. Если заменить слово «дезертир» на слово «еврей», «комиссар» или «военнопленный», то... автор воздерживается от дальнейших комментариев. В уже упоминавшемся приказе Иосифа Сталина «Ни шагу назад» ничего не говорится об ответственности местных властей за укрывательство дезертиров.

Поезд Льва Троцкого

Одна из легенд Гражданской войны связана с этим бронепоездом. В нем он прожил два с половиной года, мотаясь с фронта на фронт. В нем было все для многомесячной автономной и комфортной работы народного комиссара по военным и морским делам. Вопреки распространенному мнению, Лев Троцкий никогда не был военачальником, да и не лез он в эту сферу, а играл роль комиссара. Фактически, говоря современным языком, он выполнял роль «антикризисного управляющего». Появлялся там, где возникали серьезные проблемы, своей властью снимал с других участков фронта дивизии и корпуса, расстреливал командиров и комиссаров, на их место назначал новых— для этого среди пассажиров поезда были политработники и «военспецы», — а затем ехал дальше. А в качестве бонуса награждал красноармейцев (об этом мы расскажем ниже), выступал на митингах и раздавал свежий номер отпечатанной в типографии поезда газеты «В пути». Выполнив необходимый набор процедур, он ехал дальше.

Свидетели потом еще долго вспоминали не только тяжелый эшелон, который тащили два или три паровоза, но и персонал поезда, одетый в «фирменную» кожаную униформу. На рукаве у каждого из охранников и сотрудников поезда красовался металлический знак с надписью «Предреввоеносовета Л. Троцкого». Двусмысленная надпись, если вдуматься. Слово крепостные крестьяне, принадлежащие помещику. Это так, небольшая ремарка автора. Добавим к этому, что нарукавные знаки были номерными (их изготавливали на

Монетном дворе в Москве) и выдавались под расписку^[173].

Балалайка революции

А еще он был великолепным оратором. Лев Троцкий, как грубо, но точно выразился другой прославленный деятель Красной Армии Семен Михайлович Буденный, играл роль граммофона с революционными песнями, который перед боем заводили солдатам для большего воодушевления.

Использовал он и другие приемы воодушевления солдат. Например, возил с собой огромное количество золотых портсигаров и часов. Не для себя, справедливости ради отметим, в отличие от председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова (второго после Владимира Ленина человека в стране), хранившего в своем служебном сейфе целое состояние, а для награждения красноармейцев. Надо было как-то поощрять бойцов пятимиллионной армии. Вот он и раздавал в качестве наград дорогие «побрякушки». А еще он практиковал такой прием. Последнему из премированных подарка «не хватало», и тогда Лев Троцкий вручал свои «личные» часы или револьвер. Последний особо и не нужен был ему. В царской армии он не служил и стрелять не умел^[174].

Он прославился не только как агитатор, но и как жесткий руководитель, готовый на все ради достижения своих целей. Достаточно вспомнить, как он организовал подавление Кронштадтского мятежа в марте 1921 года. Прекрасно укрепленную крепость с пятнадцатитысячным гарнизоном матросов штурмовали «в лоб» — наступали под пулеметным огнем противника.

И это не единичный случай. С 20 марта по 10 декабря 1920 года Лев Троцкий временно исполнял обязанности наркома путей сообщения — жесткими мерами восстановил работу железнодорожного

транспорта. А в то время заставить эффективно людей работать можно было только с помощью одного средства — угрозы расстрела.

После того, как Владимир Ленин из-за болезни стал все меньше и меньше участвовать в управлении страной, Лев Троцкий предпринял неудачную попытку захвата власти политическим путем. В октябре 1923 года в открытом письме он обвинил Григория Евсеевича Зиновьева и Льва Борисовича Каменева в отходе от провозглашенных Владимиром Ильича Лениным принципов НЭПа и нарушении внутривнутрипартийной демократии.

После смерти Владимира Ленина 21 января 1924 года Троцкий оказался в изоляции в высшем партийном руководстве. На XIII съезде в мае 1924 года он подвергся ожесточенным нападениям со стороны политических оппонентов. В ответ осенью 1924 года опубликовал статью «Уроки Октября», где осудил поведение Григория Евсеевича Зиновьева и Льва Борисовича Каменева во время Октябрьского переворота (первый выступал против вооруженного восстания в Петрограде и за коалицию с меньшевиками, а второй — только за отказ от переворота) и возложил на них ответственность за провал коммунистического восстания в Германии в 1923 году. Критиковал триумвират за бюрократизацию партии; призывал активно вовлекать в ее ряды молодые кадры. И явно не рассчитал свои силы.

В январе 1925 года Лев Троцкий смещен с поста председателя Реввоенсовета. В 1926 году вступил в союз с Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым против группы Иосифа Сталина. Требовал свободы внутривнутрипартийных дискуссий, укрепления диктатуры пролетариата, борьбы с кулачеством; обвинял партийное руководство в измене идеалам Октября и отказе от идеи мировой революции; осудил сталинскую

теорию о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Он ошибся, т. к. социализм просуществовал в СССР до середины восьмидесятых годов прошлого века.

За «антипартийную деятельность» и «мелкобуржуазный уклон» в октябре 1926 года Лев Троцкий выведен из Политбюро. Это мероприятие ознаменовалось скандалом. «Расшалившиеся» члены ЦК ВКП(б) швыряли в него разными предметами, которые он скрупулезно перечислил в своей жалобе: «Тов. Кубяком с трибуны брошен был в меня стакан. Тов. Ярославский бросил в меня томом контрольных цифр, прибегая к хулиганско-фашистским методам. Тов. Шверник также бросил в меня книгу».

В октябре 1927 года на XV съезде ВКП(б) его исключили из ЦК. Когда 7 ноября 1927 года вся страна отмечала десятилетие Октябрьской революции, то на демонстрацию троцкисты попытались выйти особой колонной с портретами своего вождя. Но brave комсомольцы разогнали их, обзывая «жидовскими мордами»^[175].

На этом падение с вершины партийного Олимпа не закончилась— 11 ноября 1927 года Льва Троцкого исключили из партии. Меры справедливые, т. к. он не разделял идеологии партии. Точно так же с ним поступили и на Западе.

В январе 1928 года власти сослали Льва Троцкого в Алма-Ату^[176]. В России впавших в немилость к руководству страны традиционно ссылали в провинцию. Вначале 1929 года его выдворили за пределы СССР — посадили на пароход и отправили в Турцию. Почему именно в эту страну? Другие западноевропейские государства, за исключением Дании, просто отказались принять политического бунтаря и «вождя мировой революции», в неизбежность которой он верил до самой

смерти. А в Копенгаген Лев Троцкий не хотел ехать сам, настаивая на Берлине. По злой иронии судьбы судно, на котором он отправился из Одессы в Стамбул, называлось «Ильич»— в честь Владимира Ильича Ленина. Хотя планировалось его отправить на другом пароходе, тоже с революционным названием — «Калинин», но оно застряло во льдах.

Другой пикантный момент— в 1922 году Лев Троцкий сам проголосовал за принятие ВЦИКом решения о наделение ГПУ правом высылки за границу причастных к антисоветской деятельности лиц. Тогда тоже без суда отправляли в изгнание философов, писателей, ученых— цвет старой российской интеллигенции^[177].

С 1929 по 1933 год Лев Троцкий жил с женой и старшим сыном Львом Седовым в Турции на Принцевых островах в Мраморное море. Издавал антисталинский «Бюллетень оппозиции». Написал автобиографию «Моя жизнь» и свое основное историческое сочинение «История русской революции».

Подвергал критике индустриализацию и коллективизацию в СССР за авантюризм и жестокие методы.

В 1933 году он перебрался во Францию, а в 1935 году — в Норвегию. Продолжал активно критиковать Москву. В книге «Преданная революция» охарактеризовал сталинский режим как бюрократическое перерождение диктатуры пролетариата и вскрыл глубокие противоречия между интересами бюрократической касты и интересами основной массы населения.

Его деятельность все больше и больше раздражала Кремль. В газете «Правда» 24 августа 1936 года был опубликован приговор московского суда: «Троцкий Лев Давидович и его сын, Седов Лев Львович,

изобличенные... в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов... в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР».

В конце 1936 года уехал в Мексику; жил в доме художника-троцкиста Диего Риверы, а затем на укрепленной и охраняемой вилле в Койокане. Разоблачил в печати Московские процессы 1936-1938 годов [\[178\]](#).

Несостоявшийся государственный переворот

Об этом эпизоде отечественные историки предпочитают не вспоминать. Если изложенные ниже факты действительно имели место быть, а аргументировано утверждать, что они придуманы противниками Льва Троцкого— крайне сложное занятие, то по-другому начинаешь относиться к борьбе Иосифа Сталина с «троцкистами».

Сначала цитата из мемуаров бывшего советского дипломата Григория Беседовского. В ноябре 1929 года он ушел на Запад. В отличие от литературного творчества других «перебежчиков», его книга содержит только достоверную информацию. Вот что он писал о периоде конца 1923- начала 1924 года, когда в подмосковном поселке Горки умирал изолированный Иосифом Сталиным и болезнями от реальной политической власти Владимир Ленин.

«Москва переживала критические минуты. В течение двух недель мы все ждали переворота. Троцкий мог, как Пилсудский, буквально в течение нескольких минут овладеть властью. Письмо Антонова-Овсеенко (начальник Политуправления Реввоенсовета Республики. — *Прим, авт*) в Политбюро с предупреждением, что «если тронут Троцкого, то вся Красная Армия станет на защиту советского Карно», напрягла нервы сталинцев до предела. С минуты на минуту могла совершиться катастрофа. Но Троцкий смалодушествовал. Сталин тем временем вызвал из Харькова Фрунзе (командующий всеми Вооруженными Силами Украины и Крыма, уполномоченный Реввоенсовета Республики Михаил Фрунзе. — *Прим,*

авт.), быстро все переделавшего, заменившего командный состав своими людьми с Украины. Через короткое время опасность переворота была устранена, а трусивший Троцкий безнадежно скомпрометирован»[\[179\]](#).

Есть свидетельства и других высокопоставленных советских функционеров, подтверждающих этот факт. Да и упоминавшийся выше Владимир Александрович Антонов-Овсеенко действительно написал письмо 29 декабря 1923 года, и в нем звучали слова в защиту Льва Троцкого. О поддержке Льва Троцкого армией, а вернее, столичным гарнизоном и отдельными московскими военными училищами, вспомнили на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года[\[180\]](#).

Почему Лев Троцкий не воспользовался предоставленным ему шансом и не захватил власть в стране? По мнению историка и автора монументальной монографии «Сталин и заговор генералов» Сергея Минакова, одна из основных причин в том, что Льва Троцкого отказалось поддержать командование Красной Армии[\[181\]](#).

Кто гадил советской власти?

Лев Троцкий громогласно заявлял, что все обвинения во вредительстве против его сторонников в Советском Союзе сфальсифицированы чекистами по приказу Иосифа Сталина. Дескать, были они «белые и пушистые», вели исключительно дискуссии на политические темы и советской власти не вредили. Хотя в последние годы всплывает множество фактов, утверждающих обратное.

В 1939 году британский инженер Джон Литтлпейдж, который по контракту с 1927 по 1937 год проработал в советской горной промышленности, издал в Лондоне книгу «В поисках советского золота». В ней он рассказал о своих приключениях в большевистской стране. Мемуары на производственную тему? Да, если бы не один фрагмент:

«У меня никогда не было интереса к тонкостям политических решений в России, пока я не сталкивался с ними, но чтобы работать, я должен был разобраться, что случилось в советской промышленности.

Я твердо убежден, что Сталин и его сторонники потратили много времени, чтобы выяснить, что недовольные революционные коммунисты («троцкисты». — *Прим, авт.*) были его заклятыми врагами».

В своей книге автор рассказывает о факте саботажа в промышленности, с которым он столкнулся в 1931 году на рудниках Урала и Казахстана. Рудники были частью огромного производственного объединения по добыче меди и бронзы. Подчинялись они непосредственно «троцкисту» — заместителю наркома тяжелой промышленности СССР Георгию Леонидовичу Пятакову.

Снова обратимся к книге британского подданного.

«Рудники были в катастрофическом состоянии. Это можно сказать и о производственно-технологических условиях. Ужасающие условия жизни рабочих».

Сама по себе ситуация в одной из стратегических отраслей пока не говорит о попытках саботажа со стороны руководства. В стране полными темпами шла индустриализация и, может быть, рудники не успели восстановить после окончания Гражданской войны.

Весной 1931 года британец вместе с Георгием Пятаковым участвовал в закупке подъемников для шахт в Берлине. Инженер отвечал за проверку качества оборудования. В ходе проверки он обнаружил массу технических дефектов и явную негодность их для эксплуатации в суровых климатических российских условиях. Об этом он сообщил руководству делегации, но в ответ получил холодный отклик и намек не влезать в чужие дела. Оборудование было все же закуплено, при этом члены делегации (позднее все они были осуждены как «троцкисты») получили комиссионные от немецких бизнесменов^[182]. А вот куда пошли эти деньги — непонятно. По мнению отдельных современных историков— на финансирование деятельности «троцкистов» в СССР. По мнению сторонников политической невинности Льва Троцкого и его людей, на счета в зарубежных банках и в бумажники Георгия Пятакова и коллег. Вторая версия звучит не очень убедительно. Потратить в Советском Союзе крупному партийному функционеру «заработанные» деньги было крайне сложно. Времена НЭПа прошли, да и жить с буржуазной роскошью им бы никто не позволил. Это сейчас чиновники и политики могут позволить себе все, а при Иосифе Сталине... А вот заплатить «партийные» взносы они могли. В деньгах нуждался и сам Лев Троцкий — привык он к роскошной жизни. Да и надо

было как-то финансировать деятельность своих сторонников в Советском Союзе.

Когда Москва решила нейтрализовать противника?

До 1937 года Лев Троцкий воспринимался в Москве как политический «болтун», не способный на активные действия в отношении СССР. В противном случае его бы нейтрализовали значительно раньше 1940 года. Достаточно вспомнить судьбу Коновальца или лидеров белогвардейского движения. Реализовать этот план было проще, чем кажется на первый взгляд. Вооруженная охрана появилась у него в конце тридцатых годов прошлого века. До этого времени его особо не охраняли.

В недооценке способностей Льва Троцкого была ошибка руководства страны. Первый тревожный «звонок» прозвучал в мае 1937 года, когда в тылу республиканской армии в Барселоне вспыхнул антиправительственный мятеж. А затем последовала серия ударов, направленных против СССР.

Основная причина возросшей активности — нарастание угрозы новой мировой войны. Это породило у Льва Троцкого и его сторонников большие надежды на то, что достичь поставленной цели и прийти к власти им все же удастся. Новая война, полагали троцкисты, вызовет революционный взрыв во многих странах (как это уже произошло один раз). А возможно, и в мировой масштабе. Именно в ожидании этого «радостного события» «Троцкий и компания» в 1938 году форсировали создание IV Интернационала, заявив, что под его руководством в самом ближайшем будущем «революционные миллионы смогут штурмовать небо и землю».

Лев Троцкий хотел любой ценой добиться вовлечения Советского Союза в новую мировую войну. Неслучайно советско-германский договор о ненападении, позволивший СССР остаться вне империалистической войны, нанес очень чувствительный удар по его расчетам. В статье, опубликованной в январе 1940 года в американском журнале «Liberty», он прямо заявил: «Кремль впрягся в повозку германского империализма, и враги Германии стали тем самым врагами России. До тех пор, пока Гитлер силен, — а он очень силен, — Сталин будет оставаться его сателлитом».

Именно в этот период цели троцкистов и руководителей англо-французской коалиции совпали. Во что бы то ни стало они хотели добиться вовлечения СССР в войну. Политики в Лондоне и Париже пришли к мысли о возможности использования Льва Троцкого и его сторонников в своих интересах, рассчитывая с их помощью организовать в СССР политический переворот и отстранить от власти Иосифа Сталина. Рассматривалась и переброска в Союз самого «демона», который должен был возглавить «революционное движение».

Лев Троцкий разделял взгляды английских и французских политиков, считая, что «правлящая советская верхушка» не пользуется поддержкой со стороны народа, который при первой же возможности постарается стряхнуть с себя «иго ненавистной бюрократии». 17 апреля 1940 года он составил воззвание (отпечатанное в виде листовок специального формата) — «Письмо советским рабочим». В нем рабочие призывались к подготовке вооруженного восстания против «Каина Сталина и его камарильи».

Вслед за этим в мае 1940 года троцкисты приняли «Манифест об империалистической войне и пролетарской революции», в котором провозгласили,

что «подготовка революционного свержения московских правителей является одной из главных задач IV Интернационала»^[183].

Как на это должен был реагировать Иосиф Сталин как руководитель страны? Спокойно наблюдать за происходящим или предпринять активные действия? Кремль попытался сначала действовать в рамках международного права.

В 1937 году Иосиф Сталин через Народный комиссариат иностранных дел обращается в секретариат Лиги Наций с требованием дать санкцию на выдачу Льва Троцкого как «убийцы и агента гестапо» из любой страны — члена Лиги Наций. При этом делает ссылку на материалы московских судебных процессов над Зиновьевым, Каменевым и другими «врагами народа», в которых Троцкий заочно фигурировал сначала как «соучастник», а затем и как непосредственный «организатор» убийства Кирова. Однако добиться от Секретариата Лиги Наций санкции на выдачу Троцкого как «международного преступника» Сталину не удалось. Женева не захотела создавать опасный прецедент: сегодня Иосиф Сталин требует выдачи Льва Троцкого, завтра Адольф Гитлер затребует Генриха Манна (знаменитый немецкий писатель-эмигрант, опубликовавший в начале тридцатых годов прошлого века эссе «Предупреждение Европе», где предсказал судьбу Третьего Рейха) и т. д. Более того, по требованию Льва Троцкого 10–17 апреля 1937 года в Мехико состоялся заочный антисталинский процесс, который признал Льва Троцкого невиновным в инкриминируемых ему в СССР преступлениях и полностью его оправдал^[184].

Борьба с «троцкистами» в Советском Союзе

О борьбе с «троцкистами» в СССР написано значительно больше, чем о самом Льве Троцком. Можно долго спорить о том, гуманно или жестоко поступал Иосиф Сталин с теми, кто выступал против генеральной линии ВКП(б) и всеми силами старался дестабилизировать обстановку в стране в двадцатые годы прошлого века, но именно Лев Троцкий и его сторонники делали все для раскола в Политбюро. Что поделаешь, жажда власти. У всех она проявлялась по-разному. Если Лев Троцкий все еще грезил, а вернее, мечтал, о мировой революции и о месте лидера в ней, то его сторонники и союзники мыслили практичнее. Их интересовала карьера в партийном или военном руководстве страны. Об амбициях старших офицеров Красной Армии и их последствиях можно прочесть в книгах Сергея Минакова «Сталин и заговор генералов»^[185] и «Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий» Елены Прудниковой и Александра Колпакиди^[186]. Ну, а тем, кому интересна борьба в Политбюро, мы рекомендуем уже не раз упоминавшуюся книгу Юрия Емельянова «Троцкий: мифы и личность»^[187].

Приложение

ИЗ АРХИВА НКВД

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО ЦК ВКП(б)

О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока

Обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий, горкомам, райкомам ВКП(б)

18 января 1935 года ЦК ВКП(б) направил закрытое письмо ко всем организациям партии об уроках событий, связанных с злодейским убийством товарища Кирова.

В этом письме сообщалось, что злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова, как это было установлено судом и следствием, совершено ленинградской группой зиновьевцев, именовавшей себя «ленинградским центром». В письме говорилось также о том, что «идейным и политическим руководителем "ленинградского центра" был московский центр зиновьевцев, который не знал, по-видимому, о подготовлявшемся убийстве тов. Кирова, но наверное знал о террористических настроениях "ленинградского центра" и разжигал эти настроения».

Как известно, тогда Зиновьев и Каменев признали свою вину только в разжигании террористических настроений, заявив, что они несут за убийство С. М. Кирова лишь моральную и политическую ответственность.

Однако, как теперь выяснилось, полтора года назад, во время следствия по делу об убийстве С. М. Кирова, до конца не были еще вскрыты все факты подлой контрреволюционной белогвардейской террористической деятельности зиновьевцев, равно как не была вскрыта роль троцкистов в деле убийства тов. Кирова.

На основе новых материалов НКВД, полученных в 1936 году, можно считать установленным, что Зиновьев и Каменев были не только вдохновителями террористической деятельности против вождей нашей партии и правительства, но и авторами прямых указаний как об убийстве С. М. Кирова, так и о

готовившихся покушениях на других руководителей нашей партии, и в первую очередь на т. Сталина.

Равным образом считается теперь установленным, что зиновьевцы проводили свою террористическую практику в прямом блоке с Троцким и троцкистами.

В связи с этим ЦК ВКП(б) считает необходимым информировать партийные организации о новых фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев.

Какова фактическая сторона дела, вскрытая за последнее время?

I. Факты

1. После убийства С. М. Кирова, в течение 1936 г., органами НКВД вскрыт ряд террористических групп троцкистов и зиновьевцев в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах.

Подавляющее большинство участников этих террористических групп во время следствия призналось в том, что основной своей задачей они ставили подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства.

2. Руководство разоблаченными группами троцкистов и зиновьевцев и всей их террористической деятельностью в СССР осуществлялось блоком троцкистов и зиновьевцев.

Блок троцкистской и зиновьевско-каменевской группы сложился в конце 1932 года, после переговоров между вождями контрреволюционных групп, в результате чего возник объединенный центр в составе — от зиновьевцев— Зиновьева, Каменева, Бакаева, Евдокимова, Куклина и от троцкистов— в составе Смирнова И. Н., Мрачковского и Тер-Ваганяна.

Главным условием объединения обеих контрреволюционных групп было взаимное признание террора в отношении руководителей партии и правительства как единственного и решающего средства пробраться к власти.

С этого времени, т. е. с конца 1932 года, троцкисты и зиновьевцы всю свою враждебную деятельность против партии и правительства сосредоточили главным образом на организации террористической работы и осуществлении террора в отношении виднейших руководителей партии, и в первую очередь в отношении товарища Сталина.

Факты террористической деятельности раскрытых троцкистских и зиновьевских контрреволюционных групп настолько неопровержимы, что они заставили даже вождей этих террористических групп полностью признать все их белогвардейские злодеяния.

Так, например, допрошенный в связи с раскрытыми террористическими группами Зиновьев на следствии 23–25 июля 1936 года признал следующее:

«Я действительно являлся членом объединенного троцкистско-зиновьевского центра, организованного в 1932 году.

Троцкистско-зиновьевский центр ставил главной своей задачей убийство руководителей ВКП(б), и в первую очередь убийство Сталина и Кирова. Через членов центра И. Н. Смирнова и Мрачковского центр был связан с Троцким, от которого Смирновым были получены прямые указания по подготовке убийства Сталина».

(С Зиновьев. Протокол допроса от 23–25 июля 1936 г.)

Другой член контрреволюционной зиновьевской группы — Каменев, подробно рассказывая об организации троцкистско-зиновьевского блока и

практическом плане центра, на следствии 23 июля 1936 года показал:

«...мы, т. е. зиновьевский центр контрреволюционной организации, состав которой был мною назван выше, и троцкистская контрреволюционная организация в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна договаривались в 1932 году об объединении обеих, т. е. зиновьевской и троцкистской, контрреволюционных организаций для совместной подготовки совершения террористических актов против руководителей ЦК, в первую очередь против Сталина и Кирова.

Главное заключается в том, что и Зиновьев, и мы— я, Каменев, Евдокимов, Бакаев и троцкистские руководители Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян— в 1932 году решили, что единственным средством, с помощью которого мы можем надеяться на приход к власти, является организация совершения террористических актов против руководителей ВКП(б), в первую очередь против Сталина.

На этой именно базе террористической борьбы против руководителей ВКП(б) и велись переговоры между нами и троцкистами об объединении».

(Л. Каменев. Протокол допроса от 23-24 июля 1936 г.)

На вопрос о том, были ли доведены в 1932 году переговоры между зиновьевско-каменевской и троцкистской группами до конца, Каменев на следствии ответил:

«Переговоры с троцкистами об объединении троцкистской и зиновьевской контрреволюционной организации мы довели до конца, и между нами, т. е. зиновьевским центром в лице Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева и Куклина и троцкистским центром в лице Смирнова, Мрачковского и Тер-

Ваганяна, был заключен блок о совместной борьбе против ВКП(б) путем, как я уже показал выше, террора против руководителей ВКП(б)».

(Л. Каменев. Протокол допроса от 23-24 июля 1936 г.)

Таким образом, Зиновьев и Каменев, объединяясь с Троцким, считали, что самое главное заключается в единодушном признании того нового, чем отличается вновь созданный ими блок от предыдущего. Это новое, по показаниям зиновьевцев Л. Каменева, Рейнгольда И. И., Пикеля Р. В., Бакаева И. П. и троцкистов Мрачковского С. В., Дрейцера Е. А. и других, состояло в признании целесообразности активных террористических действий против руководства партии и правительства.

С этим положением Зиновьева и Каменева Троцкий был не только согласен, но в свою очередь считал основным условием объединения троцкистов и зиновьевцев признание обеими группами целесообразности террора против вождей нашей партии и правительства.

Об отношении Троцкого к созданию объединенного троцкистско-зиновьевского блока и условиях объединения известный троцкист и один из ближайших соратников Троцкого — Мрачковский С. В. — на следствии показал:

«В середине 1932 года И. Н. Смирнов поставил перед нашей руководящей тройкой вопрос о необходимости объединения нашей организации с группами Зиновьева-Каменева и Шацкина-Ломинадзе. Тогда же было решено запросить по этому поводу Троцкого и получить от него новые указания. Троцкий ответил согласием на создание блока, при условии принятия объединившимися в блок группами вопроса о

необходимости насильственного устранения вождей ВКП(б), и в первую очередь Сталина».

(Мрачковский. Протокол допроса 19-20 июля 1936 г.)

О том, что троцкисты и зиновьевцы своей главной задачей ставили террористическую борьбу против руководителей ВКП(б) и правительства, дали показания и все остальные арестованные видные троцкисты и зиновьевцы, например, Бакаев, Рейнгольд, Сафонова, Пикель, Дрейцер и другие.

Таким образом, неопровержимым фактом является то, что троцкисты и зиновьевцы уже несколько лет как объединились на платформе индивидуального белогвардейского террора против вождей партии и Советского правительства и прибегают к методам, которыми до сих пор пользовались озлобленные остатки белоэмигрантщины, организованные в террористические организации типа РОВСа, «Союза русских фашистов», «Фашистского союза молодежи» и т. п.

3. Сергей Миронович Киров был убит по решению объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока. Вся практическая работа по организации покушения была возложена на члена объединенного центра Бакаева. В помощь Бакаеву центр выделил работавшего в Ленинграде видного зиновьевца Карева, который был близко связан лично с Зиновьевым.

В результате решения объединенного центра в Ленинграде было организовано несколько троцкистских и зиновьевских террористических групп, в том числе группа Румянцева— Котолынова— Николаева, которая и совершила убийство Кирова.

О том, что убийство Кирова совершено по решению объединенного троцкистско-зиновьевского центра, на следствии показывают большинство активных

участников террористических групп, в том числе Зиновьев, Каменев, Бакаев, Карев и другие. Так, например, Зиновьев на следствии показал следующее:

«Я также признаю, что участникам организации Бакаеву и Кареву от имени объединенного центра мною была поручена организация террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде.

Это поручение мною было дано в Ильинском осенью 1932 года».

(Зиновьев. Протокол допроса от 23-25 июля 1936 г.)

Другой руководитель объединенного блока — Каменев — на вопрос следователя: знал ли он о решении центра убить товарища Сталина и С. М. Кирова, — ответил следующее:

«Да, вынужден признать, что еще до совещания в Ильинском Зиновьев сообщил мне о намечавшихся решениях центра троцкистско-зиновьевского блока о подготовке террористических актов против Сталина и Кирова. При этом он мне заявил, что на этом решении категорически настаивают представители троцкистов в центре блока — Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, что у них имеется прямая директива по этому поводу от Троцкого и что они требуют практического перехода к этому мероприятию в осуществление тех начал, которые были положены в основу блока».

И далее:

«Я к этому решению присоединился, так как целиком его разделял».

(Каменев. Протокол допроса от 23-24 июля 1936 г.)

Помощник Бакаева по Ленинграду в деле организации покушения на Кирова, Карев Н. А., на следствии тоже подтвердил полученное от объединенного центра поручение. Он показал, что, будучи в середине августа 1932 года на даче у

Зиновьева в Ильинском и принимая участие в состоявшемся там совещании, получил следующее поручение Зиновьева:

«Зиновьев сообщил, что на основе признания террора основным средством борьбы с существующим партийным руководством зиновьевским центром установлен контакт с руководителями троцкистской организации в Союзе Иваном Никитичем Смирновым и Мрачковским и что есть решение объединенного троцкистско-зиновьевского центра об организации террористических актов над Сталиным в Москве и Кировым в Ленинграде. Зиновьев сказал, что подготовка террористических актов над Сталиным и Кировым поручена Бакаеву, который должен использовать для этих целей свои связи с зиновьевскими группами в Ленинграде и Москве.

Мне Зиновьев также предложил, в свою очередь, подбирать из близких руководимой мною в Академии наук в Ленинграде организации людей, способных осуществить террористический акт над Кировым».

(Карев Н. А. Протокол допроса от 5 июня 1936 г.)

И далее он сообщает, что в разговоре с Бакаевым там же, в Ильинском, он узнал следующее:

«...при разговоре с Бакаевым я узнал, что последний намерен использовать для организации террористического акта над Кировым существующие в Ленинграде и связанные с ним — Бакаевым — зиновьевские группы Румянцева и Котолынова».

Главный организатор покушения — Бакаев — также сознался в том, что ему было поручено центром организовать убийство товарища Сталина и С. М. Кирова.

После состоявшегося решения центра троцкисты и зиновьевцы развивают интенсивную деятельность по организации покушения на Кирова. В июне 1934 года

Каменев специально выехал в Ленинград для проверки подготовленности организации террористического акта над товарищем Кировым. Каменев связался тогда с руководителем одной из террористических групп в Ленинграде— Яковлевым М. Н., которому от имени объединенного центра дал указание форсировать подготовку убийства Кирова. Зиновьев также всячески форсирует совершение убийства Кирова, упрекая участников террористических групп в медлительности и нерешительности.

Так, например, один из участников террористической группы, арестованный зиновьевец Моторин Н. М., бывший личный секретарь Зиновьева, показал, что осенью 1934 года он был в Москве и посетил Зиновьева, которого информировал о том, как идет подготовка террористического акта над Кировым во исполнение полученных им через Бакаева указаний от Зиновьева.

Он говорит:

«Зиновьев мне указал, что подготовка террористического акта должна быть всемерно форсирована и что к зиме Киров должен быть убит. Он упрекал меня в недостаточной решительности и энергии и указал, что в вопросе о террористических методах борьбы надо отказаться от предрассудков».

(Моторин Н. М. Протокол допроса от 30 июня 1936 г.)

4. Объединенный центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Решение об убийстве товарища Сталина было принято одновременно с решением об убийстве тов. Кирова. С этой целью центром было организовано в Москве несколько строго законспирированных террористических групп. Для

объединения деятельности этих групп всесоюзным троцкистско-зиновьевским центром был создан московский центр в составе зиновьевцев— Бакаева, Рейнгольда, Пикеля и троцкистов — Мрачковского и Дрейцера. Непосредственная организация убийства товарища Сталина была возложена на Бакаева. На следствии Бакаев признал свою роль непосредственного организатора террористических актов.

Он показал:

«Я признаю, что мне лично Зиновьев поручил организовать убийство товарища Сталина в Москве».

И далее:

«По указанию Зиновьева к организации террористического акта над Сталиным мною были привлечены зиновьевцы Рейнгольд, Богдан и Файвилович, которые дали согласие принять участие в террористическом акте.

Наряду с нами убийство Сталина готовили И. Н. Смирнов и С. В. Мрачковский, которые получили прямую директиву Троцкого совершить террористический акт».

(Бакаев. Протокол допроса от 17— 19 июля 1936 г.)

Активный член зиновьевского центра, бывший заведующий секретариатом Зиновьева Пикель Р. В. сообщил на следствии, что Бакаев развил лихорадочную деятельность по организации покушения, вкладывая в это дело всю свою энергию.

Пикель говорит:

«Бакаев не только руководил подготовкой террористического акта в общем смысле, а лично выезжал на места наблюдения, проверял и вдохновлял людей... Летом 1934 года я как-то пришел к Рейнгольду. Рейнгольд мне сообщил, что наблюдения за Сталиным дали положительные результаты и что Бакаев с группой террористов выехали на его машине сегодня с

задачей убить Сталина. При этом Рейнгольд нервничал, что они долго не возвращаются. В этот же день вечером я вновь виделся с Рейнгольдом и он сообщил мне, что осуществлению террористического акта помешала охрана Сталина, которая, как он выразился, спугнула участников организации».

(Пикель. Протокол допроса от 22 июля 1936 г.)

Троцкий, находясь за границей, особенно после ареста Каменева и Зиновьева, всячески форсирует совершение убийства тт. Сталина и Ворошилова, направляя деятельность всесоюзного объединенного троцкистско-зиновьевского центра. Он систематически посылает через своих агентов директивы и практические указания об организации убийства.

Близкий Троцкому человек, несший в свое время его личную охрану, участник троцкистско-зиновьевского блока Дрейцер Е. А. на следствии признал, что в 1934 году он получил письменную директиву Троцкого о подготовке террористического акта против тт. Сталина и Ворошилова.

Он сообщил:

«Эту директиву я получил через мою сестру, постоянно проживающую в Варшаве Сталовицкую, которая приехала в Москву в конце сентября 1934 г.

Содержание письма Троцкого было коротко. Начиналось оно следующими словами: "Дорогой друг! Передайте, что на сегодняшний день перед нами стоят следующие основные задачи:

первая — убить Сталина и Ворошилова,
вторая — развернуть работу по организации ячеек в армии,

третья — в случае войны использовать всякие неудачи и замешательства для захвата руководства"».

(Дрейцер. Протокол допроса от 23 июля 1936 г.)

Содержание этой директивы подтвердил и другой видный троцкист Мрачковский, который показал следующее:

«Эстерман передал мне конверт от Дрейцера. Вскрыв конверт при Эстермане, я увидел письмо, написанное Троцким Дрейцеру. В этом письме Троцкий давал указание убить Сталина и Ворошилова».

(Мрачковский. Протокол допроса от 4 июля 1936 г.)

После убийства товарища Кирова и разгрома в связи с этим троцкистско-зиновьевского центра Троцкий берет на себя все руководство террористической деятельностью в СССР. Для восстановления террористических групп в СССР и активизации их деятельности Троцкий перебрасывает изза границы по подложным документам своих проверенных агентов. В качестве таких агентов из Берлина в Москву в разное время он перебросил Берман-Юрина, В. Ольберга, Фриц-Давида, Горовича, Гуревича, Быховского и других. Все они получали задание во что бы то ни стало убить тт. Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей партии.

Агент Троцкого— В. Ольберг, командированный в СССР для организации террористических групп и ныне арестованный, показал следующее:

«Я был непосредственно связан с Троцким, с которым поддерживал регулярную связь, и с Львом Седовым, который давал мне лично ряд поручений организационного порядка, в частности, по нелегальной связи с Советским Союзом. Я являлся эмиссаром Троцкого в Советском Союзе вплоть до моего ареста. С целью ведения в Советском Союзе троцкистской контрреволюционной работы и организации террористических актов над Сталиным я нелегально приехал в СССР».

(В. Ольберг. Протокол допроса от 13 февраля 1936 г.)

Ольберг по приезде в СССР в целях конспирации организовал террористическую группу из троцкистов, находящихся не в Москве, а в городе Горьком, имея в виду перебросить ее в Москву для убийства товарища Сталина.

Убийство предполагалось совершить во время Первомайских празднеств 1936 года. В этих целях руководитель троцкистской организации в Горьком— директор Горьковского педагогического института Федотов И. К. должен был командировать террористов в Москву под видом отличников учебы пединститута и обеспечить таким образом им возможность участвовать в демонстрации на Красной площади.

Почти одновременно с Ольбергом Троцкий перебрасывает и другого своего агента Берман-Юрина.

Давая Берман-Юрину директиву об организации террористического акта против тов. Сталина, Л. Д. Троцкий особо подчеркивал, что это убийство должно быть совершено не конспиративно, в тиши, а открыто на одном из пленумов или на конгрессе Коминтерна.

Вместе с Берман-Юриным в работе по подготовке террористических актов против товарища Сталина принимал участие работник Коминтерна Фриц-Давид, также прибывший в СССР по личному поручению Л. Д. Троцкого в мае 1933 года.

Берман-Юрин и Фриц-Давид установили между собой организационную связь и подготовляли совершение террористических актов против товарища Сталина на VII конгрессе Коминтерна.

«В беседе со мной, — показал на следствии Берман-Юрин, — Троцкий открыто заявил мне, что в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами и что Сталин должен быть физически

уничтожен. О Сталине он говорил с невероятной злобой и ненавистью. Он в этот момент имел вид одержимого. Во время беседы Троцкий поднялся со стула и нервно ходил по комнате. В нем было столько ненависти, что это производило исключительное впечатление, и мне тогда казалось, что это человек исключительной убежденности. Я вышел от него как загипнотизированный».

(Берман-Юрин. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Но троцкистско-зиновьевский центр не ограничивался организацией убийства одного лишь т. Сталина. Он ставил своей задачей одновременное убийство других руководителей партии — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева.

Троцкистско-зиновьевский центр рассчитывал, что одновременное убийство ряда руководителей партии в Москве, Ленинграде и на Украине расстроит ряды ВКП(б), вызовет панику в стране и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

Зиновьев и Каменев, говоря об убийстве тт. Сталина, Ворошилова, Жданова и других, неоднократно заявляли: «Мало вырвать дуб, надо уничтожить все то молодое, что около этого дуба растет».

Убийство перечисленных товарищей пытались организовать различные группы. Наиболее характерными из них, освещающими деятельность троцкистско-зиновьевского террористического центра, являются следующие группы.

По осуществлению террористического акта над тов. Ворошиловым работали две группы. Одна группа была организована входившим в московский террористический центр троцкистом Дрейцером, который получил задание об убийстве Ворошилова

непосредственно от Троцкого. В качестве непосредственных участников и исполнителей террористического акта над Ворошиловым Дрейцер привлек бывших активных троцкистов, командиров Красной Армии Шмидта Д. А. и Кузьмичева. Последние лично дали согласие совершить террористический акт и деятельно к нему готовились в 1935–1936 гг.

Вот, например, что показывает небезызвестный Мрачковский о деятельности террористической группы в направлении организации убийства Ворошилова.

На вопрос следователя: было ли практически подготовлено покушение на руководителей ВКП(б) кроме товарища Сталина, — он ответил:

«В середине 1934 года Дрейцер Е. мне докладывал, что им готовилось одновременно убийство Ворошилова, для чего должен был быть подготовлен Шмидт Дмитрий, бывший в армии на должности командира и не бывший на подозрении в партии. Предполагалось, что он убьет Ворошилова либо во время личного доклада Ворошилову по делам службы, либо во время очередных маневров, на которых будет присутствовать Ворошилов».

(Мрачковский. Протокол допроса от 19–20 июля 1936 г.)

Вторую группу по организации покушения на Ворошилова организовал прибывший из Германии троцкист М. Лурье.

По показаниям М. Лурье, он имел в августе месяце 1934 года встречу с Зиновьевым на его квартире в Москве. Во время этой встречи М. Лурье проинформировал Зиновьева о том, что он прибыл в СССР с директивой Л. Д. Троцкого об организации террористических актов против руководителей ВКП(б). М. Лурье сообщил Зиновьеву о том, что действующая под его руководством террористическая группа в

составе Натана Лурье, Эрика Константа и Павла Липшица в течение 1933 года вела систематическую слежку за наркомом обороны тов. Ворошиловым.

Назначенный непосредственным исполнителем готовившегося убийства тов. Ворошилова Натан Лурье показал следующее:

«Я должен признать, что возглавлявшаяся мною боевая террористическая группа с осени 1932 года и до конца 1933 года активно подготавливала террористический акт над наркомом обороны Ворошиловым. Мы предполагали выследить и убить Ворошилова в районе Дома Реввоенсовета на улице Фрунзе, для какой цели вели наблюдение в этом районе на протяжении года».

(Лурье Н. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Об организации покушения на тов. Кагановича показывает активный член троцкистско-зиновьевского блока, близкий Троцкому человек Эстерман И. С.

Рассказывая на следствии о том, как он организовал террористическую группу, он говорит:

«В декабре 1934 года Чаговский высказался за организацию покушения на Кагановича, указывая, что это покушение очень легко осуществить. Чаговский рассказал мне, что Каганович иногда бывает на кожзаводе им. Кагановича (бывший "Красный поставщик") в сопровождении небольшой охраны. Чаговский также говорил мне, что после выступления на заводе Каганович беседует с рабочими, и совершить покушение в этот момент не представляет особого труда. Весь вопрос заключается только в том, чтобы найти и вовлечь в организацию кого-либо из рабочих этого завода, который своевременно мог бы поставить в известность наших боевиков о приезде Кагановича. Я полностью одобрил это предложение и поручил Чаговскому приступить к практической подготовке

террористического акта над Кагановичем. В декабре 1934 года Чаговский мне сообщил, что им подготовлена на складе "Союзкожобувьсбыт" боевая группа из 3 человек, которой можно поручить совершить покушение».

(Эстерман И. С. Протокол допроса от 2 июля 1936 г.)

Обо всем этом Эстерман доложил одному из руководителей московского террористического центра — Дрейцеру, который одобрил план Чаговского и согласился на создание террористической группы на заводе имени Л. М. Кагановича, целью которой является совершить убийство товарища Кагановича.

Покушение на т. Кагановича при удобном случае имела в виду совершить и группа Лурье М., которая пыталась убить, главным образом, т. Ворошилова.

Кроме того, по показаниям бывшего редактора «Ленинградской правды» Закс-Гладнева, его бывшего заместителя Антонова и видного зиновьевца Тойво, они готовили покушение тоже на товарища Сталина, т. Кагановича и т. Ворошилова по заданию троцкистско-зиновьевского центра, которое они получили через члена зиновьевско-каменевского центра Гертика.

Покушение на тов. Орджоникидзе готовила группа Натана Лурье, которому было поручено приурочить это покушение к возможному приезду Орджоникидзе на Челябинский тракторный завод. Наиболее удобным покушение на Челябинском тракторном заводе троцкисты считали потому, что Натан Лурье был временно командирован туда на работу.

Кроме того, в июле 1934 года на оружейном заводе в Туле по поручению троцкистско-зиновьевского центра была создана террористическая группа, ставящая своей целью организацию покушения на тов. Сталина, тов. Ворошилова и тов. Орджоникидзе.

Покушение на т. Жданова готовили две группы. Одна группа, организованная переброшенными из-за границы троцкистами Гуревичем Х. и Быховским М., и вторая группа, организованная троцкистско-зиновьевским центром через активного троцкиста Зайделя в составе научных работников Академии наук Седых, Бусыгина и Урановского.

Организацию покушения на Косиора и Постышева на Украине готовила боевая террористическая организация, которая состояла из ряда групп. Наиболее активной из них была группа Нырчука М. А. и Мухина Н. И. Руководитель одной из террористических групп Мухин показывает об организации покушения над Косиором и Постышевым следующее:

«Наша организация построена была на принципах глубокой конспирации. Объектами террора были намечены Косиор и Постышев. Боевая организация состояла из ряда групп, одну из которых возглавлял я. В задачу этих групп входила подготовка и осуществление террористических актов, каждая над своим объектом. Моя группа действовала в направлении осуществления террористического акта над секретарем ЦК КП(б)У Косиором: группа Глухенко, Звада и Фесюра — над Постышевым».

(Мухин, Протокол допроса от 11 декабря 1935 г.)

Следствием установлено, что террористические группы, готовившие покушение на товарища Сталина и тт. Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора и Постышева были организованы в разное время и сохранились до 1936 года, т. е. до момента своего ареста, и последние их покушения приурочивались к 1 мая 1936 года. Предполагалось, что одновременное покушение в нескольких местах может внести замешательство в ряды ВКП(б) и позволит Троцкому, Зиновьеву и Каменеву пробраться к власти.

5. Встав на путь индивидуального белогвардейского террора, троцкистско-зиновьевский блок потерял всякое чувство брезгливости и для осуществления своих преступных замыслов стал пользоваться услугами не только разгромленных остатков последышей белогвардейщины, но и услугами иностранной разведки, иностранных охранников, шпионов и провокаторов.

Так, например, террористическая группа, возглавлявшаяся прибывшим из Германии М. Лурье, фактически была организована активным германским фашистом Францем Вайцем, представителем Гимmlера (в то время руководитель штурмовых фашистских отрядов в Берлине, а сейчас руководитель германского охранного отделения — ГЕСТАПО).

М. Лурье, будучи у Зиновьева, сообщил ему, что участники его террористической группы имеют организационную связь с фашистом Францем Вайцем и немецкой охранкой — ГЕСТАПО, и спросил у Зиновьева, каково его отношение к этому. Зиновьев на это ответил:

«Что же вас здесь смущает? Вы же историк, Моисей Ильич. Вы знаете дело Лассалья с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

(Лурье М. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Участник организованной М. Лурье террористической группы Константин Э. К., сообщая о мотивах своей связи с представителем германской охраны Францем Вайцем, на следствии показал следующее:

«Будучи крайне озлоблен против политики ВКП(б) и лично против Сталина, я сравнительно легко поддавался политической обработке, которую вел в отношении меня Франц Вайц. В беседах со мной Франц Вайц указывал, что различие наших политических позиций (я

троцкист, а он фашист) не может исключить, а, наоборот, должно предполагать единство действий троцкистов и национал-социалистов в борьбе против Сталина и его сторонников. После ряда сомнений и колебаний я согласился с доводами Франца Вайца и находился с ним все время в постоянном контакте».

(Констант. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

Многие из переброшенных Троцким в СССР террористов тоже, как установлено следствием, были связаны с германской охранкой (ГЕСТАПО). Следствие установило, что Троцкий знал об их связях с ГЕСТАПО и считал желательной такую связь для более успешной организации террористических актов против вождей Советской власти.

Так, например, переброшенный Троцким его агент Валентин Ольберг, организовавший террористическую группу для покушения на товарища Сталина, прибыл нелегально в СССР по паспорту гражданина Гондурасской республики, который ему помогла приобрести немецкая охранка (ГЕСТАПО).

Немецкая охранка, связавшись с В. Ольбергом, сначала предполагала дать ему собственное задание по шпионской деятельности в СССР. Однако, узнав от Ольберга, что ему поручено Троцким организовать террористический акт над Сталиным, целиком одобрила этот план и обещала всяческое содействие, вплоть до устройства обратного побега через границу после совершения убийства. Ольберг, в частности, получил от германской охраны явки к целому ряду немецких агентов в СССР.

В. Ольберг, прежде чем принять предложение ГЕСТАПО о совместном сотрудничестве, решил испросить согласие троцкистской организации и обратился по этому поводу к Троцкому через его сына Седова, который ведет всю практическую

организационную работу по связям и переброске террористов в СССР в заграничном центре троцкистов.

В. Ольберг по этому поводу на следствии показал следующее:

«Я не решился без специальных указаний Седова идти на это и сообщил условным письмом Седову в Париж, что есть возможность наладить связь с крупной немецкой организацией крайне правого направления (речь идет о ГЕСТАПО), которая может помочь мне в приобретении паспорта и въезде в Советский Союз. Седов мне ответил, что он согласен на установление мною связи с этой организацией, предупредив меня о необходимости сохранения этой связи в строжайшей тайне».

(В. Ольберг. Протокол допроса от 9 мая 1936 г.)

Переброшенные Троцким в СССР троцкисты Гуревич и Быховский тоже были связаны, как теперь установлено, с германской охранкой.

Все связанные с немецкой полицией переброшенные в СССР троцкисты имели доступ к немецкому посольству в Москве и, несомненно, пользовались его услугами.

Так, например, упомянутый нами выше троцкист Натан Лурье, о террористической деятельности которого было известно Троцкому и Зиновьеву, рассказал на следствии о предполагавшемся ими использовании германского посольства.

Он сообщил следующее:

«После беседы с М. Лурье я собрал у себя Константа и Липшица, и мы втроем обсудили положение с наблюдением за Ворошиловым. По моему предложению было решено приобрести взрывные снаряды, которые мы поручили Константу достать в германском посольстве, где Константин имел оставленные ему Вайцем связи. Мы договорились с Константином зайти в

германское посольство, но моя внезапная командировка в Челябинск на два года помешала выполнить задуманный план».

(Н. Лурье. Протокол допроса от 21 июля 1936 г.)

6. Для приобретения необходимых материальных средств, связанных с подготовкой террористических актов, троцкистско-зиновьевский контрреволюционный блок прибегал к воровству государственных средств и прямому грабежу народных денег.

На следствии установлено, что на одном из заседаний объединенного троцкистско-зиновьевского центра было предложено некоторым активным троцкистам и зиновьевцам завязать связи со скрытыми, работающими на хозяйственной работе троцкистами и зиновьевцами для получения средств. Такое поручение, в частности, было дано Рейнгольду. Последний должен был по заданию Каменева связаться со скрытым двурушником Аркусом Г. М., занимавшим пост заместителя председателя Госбанка СССР.

По показаниям Рейнгольда, Аркус систематически оказывал материальную поддержку троцкистско-зиновьевскому центру. В частности, Рейнгольд на следствии показал о том, что в июле или августе 1933 года Аркус перевел из Госбанка 30 тыс. рублей на нужды троцкистско-зиновьевского центра. 15 тыс. он перевел Картографическому тресту, который возглавлялся тогда активным зиновьевцем Федоровым, и 15 тыс. другому хозяйственному тресту, который возглавлял небезызвестный Г. Евдокимов. Деньги были переведены под видом сумм на оплату статистико-экономических работ, которые государством не регулируются.

В ряде случаев террористические группы троцкистов и зиновьевцев прямо готовились к грабежам для того, чтобы добыть средства и оружие для

совершения террористических актов. Так, например, группа террористов в Горьком, возглавляемая троцкистом Поповым, пыталась осуществить ряд грабежей для приобретения средств и оружия.

Активный участник этой группы троцкист Лаврентьев Л. А. на следствии показал:

«...Составленный террористической контрреволюционной троцкистской группой план совершения террористического акта над тов. Сталиным состоял из следующих основных частей: 1) приобретение средств для террористической группы путем совершения экспроприации государственных учреждений и банков; 2) приобретение оружия для членов террористической группы; 3) непосредственная подготовка и совершение террористического акта над Сталиным. На одном из совещаний террористической группы было решено, что Попову, Храмову, Пугачеву и мне — Лаврентьеву нужно целиком отдаться террористической деятельности и уволиться с работы. Первым по заданию Попова уволился с работы Храмов, и по указанию Попова Храмов выехал в Ардатовский район для подготовки экспроприации. Предполагалось для начала захватить кассу сельсовета при наибольшем поступлении налоговых сумм. Вскоре после отъезда Храмова с работы уволились Попов и Пугачев. Я же находился в отпуску. Все мы трое, а вместе с нами и Пелевина выехали в село Хохлово Ардатовского района для совершения экспроприации кассы сельсовета. По приезду в село Хохлово Храмов рассказал нам, что подготовить экспроприацию ему не удалось. В течение двух суток Попов также пытался подготовить экспроприацию, но ему это не удалось. В связи с этим мы — члены террористической группы — Попов, я — Лаврентьев, Пугачев и Пелевина выехали в Арзамас. По предложению Попова начали вести подготовку ограбления кассиров, получающих большие суммы в

банке. К ограблению было намечено 3 человека. Ограбление совершено не было, так как не было подходящей обстановки».

(Лаврентьев А. А. Протокол допроса от 9 ноября 1935 г.)

Таковы факты о контрреволюционной террористической деятельности объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока.

II. Выводы

Эти факты показывают, что троцкистско-зиновьевский контрреволюционный центр и его вожди Троцкий, Зиновьев и Каменев окончательно скатились в болото белогвардейщины, слились с самыми отъявленными и озлобленными врагами Советской власти и превратились в организующую силу последышей разгромленных в СССР классов, которые в отчаянии прибегают к подлейшему средству борьбы с Советским правительством — к террору.

Они не только превратились в организующую силу последышей разгромленных классов в СССР, но они стали еще

головным отрядом контрреволюционной буржуазии за пределами Союза, выразителями ее воли и чаяний.

Всею своей деятельностью они вдохновляют худшие элементы белоэмигрантщины, состоящие на службе иностранных охранок и организованные в террористические группы за границей, вроде РОВСа («Российский общевойсковой союз»), «Русской фашистской партии», «Фашистского союза молодежи» и т. п.

Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с

партией и с Советской властью, кроме голого, неприкрытого карьеризма и желания во что бы то ни стало прокрасться к власти.

Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но, видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают пробраться к власти.

И, наконец, не видя никаких перспектив, они в отчаянии хватаются за последнее средство борьбы — за террор.

Если раньше троцкистско-зиновьевские группы мотивировали свою борьбу против партии тем, что партия и правительство якобы ведут неправильную политику, ведут страну к гибели, то сейчас они выдвигают совершенно противоположные мотивы. Теперь главным мотивом перехода к террору они считают именно успехи, одержанные нашей партией на всех фронтах социалистического строительства, успехи, вызывающие у них озлобление и толкающие их на месть за свое политическое банкротство.

Вот, например, что в своих показаниях на следствии говорит один из вождей объединенного троцкистско-зиновьевского блока Каменев:

«Должен признать, что действительно никакой положительной программы мы не противопоставляли и не в состоянии были противопоставить политике ВКП(б).

В самом начале наших переговоров с троцкистами еще намечались бледные попытки обсуждать возможность составления положительной платформы.

Однако вскоре мы убедились, что это напрасный труд, что никакой идейной политической платформы у нас нет.

Ставка же наша на непреодолимость трудностей, которые переживала страна, на кризисное состояние хозяйства, на крах хозяйственной политики партийного руководства ко второй половине 1932 года уже была явно бита.

Страна под руководством ЦК ВКП(б), преодолевая трудности, успешно шла по пути хозяйственного роста. Мы этого не видеть не могли.

Казалось бы, что мы должны были прекратить борьбу. Однако логика контрреволюционной борьбы, голое, безыдейное посягательство на власть повели нас в другом направлении.

Выход из трудностей, победа политики ЦК ВКП(б) вызвали в нас новый прилив озлобления и ненависти к руководству партии и, в первую очередь, к Сталину».

(Каменев Л. Протокол допроса от 24 июля 1936 г.)

Аналогичные показания дает и член московского террористического центра зиновьевцев Рейнгольд И. И.:

«С Каменевым я встречался во второй половине 1933 года, а также в 1934 году, у него на квартире в Карманицком переулке в Москве. Каменев оценивал положение примерно так же, как и Зиновьев, причем подкреплял эти свои выводы анализом экономической и политической обстановки в стране. Каменев приходил к выводу, что "дело все-таки идет не к катастрофе, а к подъему; поэтому все ожидания автоматического краха беспочвенны, а сложившееся руководство— слишком твердый гранит, чтобы рассчитывать на то, что руководство это само расколется". Отсюда Каменев делал вывод, что "придется руководство раскалывать"».

«Каменев неоднократно цитировал Троцкого о том, что "все дело в верхушке и что поэтому надо снять

верхушку"».

«Каменев доказывал необходимость террористической борьбы, и прежде всего убийства Сталина, указывая, что этот

путь есть единственный для прихода к власти. Помню особенно его циничное заявление о том, что "голова отличается тем, что она не отрастает"».

«Каменев предлагал готовить боевиков — террористов. Он говорил, что отличительной особенностью нового блока по сравнению с прежним оппозиционным блоком является переход к активным террористическим действиям».

И далее:

«Я уже показывал выше, что никакой новой политической программы у троцкистско-зиновьевского объединенного блока не было. Исходили из старой обветшалой платформы, причем никто из лидеров блока не занимался и не интересовался вопросом разработки какой-либо и сколько-нибудь цельной и связной политической программы. Единственно, что объединяло весь этот разношерстный блок, была идея террористической борьбы против руководителей партии и правительства.

На деле блок являлся контрреволюционной террористической бандой убийц, стремившихся любыми средствами захватить в свои руки власть в стране».

(Рейнгольд И. И. Протокол допроса от 9 июля 1936 г.)

Как видно, все эти показания арестованных троцкистов и зиновьевцев говорят только о том, что они, не имея никакой положительной, приемлемой для трудящихся нашей страны политической платформы, не имея никакого влияния в массах и связи с ними, вынужденные признать решающие успехи нашей партии и полное свое политическое банкротство,

превратились в беспринципную банду убийц, единственным «принципом» которых является карьеристский лозунг — прокрасться к власти любыми средствами.

В прямой связи с этим своим «принципом» они определяли средства и способы борьбы.

Широко практикуя двурушничество как систему взаимоотношений с партией и Советским государством, они довели его до чудовищных размеров. Они создали целую систему двурушничества, которой могут позавидовать любые Азефы, любая охранка, со всем ее штатом шпионов, провокаторов и диверсантов.

Считая двурушничество основным методом, при помощи которого они могут прийти к власти, троцкисты и зиновьевцы широко пользовались им в отношении террористической деятельности. Тщательно скрывая свои гнусные террористические замыслы, изо дня в день оплеывая свои собственные взгляды и убеждения, изо дня в день клянясь в верности партии и показывая себя сторонниками линии ЦК, они рассчитывали на то, что им удастся после убийства основных руководителей партии и правительства прийти к власти потому, что в глазах партии и широких масс трудящихся они будут выглядеть вполне раскаявшимися и осознавшими свои ошибки и преступления — сторонниками ленинско-сталинской политики.

Именно поэтому они особую заботу проявляли о том, чтобы скрыть свою террористическую деятельность.

В соответствии с этим Троцкий, Зиновьев и Каменев, давая директивы исполнителям террористических актов, одновременно подробно инструктировали их о том, чтобы они скрывали какую бы то ни было связь с троцкистско-зиновьевскими организациями.

Рейнгольд в своих показаниях, например, сообщил о следующих директивах Зиновьева:

«В 1933–1934 гг. Зиновьев у себя на квартире с глазу на глаз говорил мне: главная практическая задача — построить террористическую работу настолько конспиративно, чтобы никоим образом себя не скомпрометировать. На следствии главное — это упорно отрицать какую-либо связь с организацией. При обвинении в террористической деятельности — категорическим образом отрицать это, аргументируя тем, что террор несовместим со взглядами большевиков-марксистов».

(Рейнгольд И. И. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.)

Об этом же особую заботу проявлял Троцкий. Он давал указания, что в случае осуществления террористического акта троцкисты должны отмежеваться от совершения его и «занять позицию, аналогичную занятой в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан», стрелявшей в Ленина.

О возможных вариантах прихода к власти с откровенным цинизмом на следствии рассказывал Л. Б. Каменев.

На вопрос следователя: обсуждался ли троцкистско-зиновьевским центром вопрос о планах захвата власти, — он ответил следующее:

«Этот вопрос нами обсуждался неоднократно. Нами были намечены и predeterminedены два варианта прихода лидеров троцкистско-зиновьевского блока к власти.

Первый и казавшийся нам наиболее реальным вариант заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным в руководстве партии и правительства произойдет замешательство и с нами, лидерами троцкистско-зиновьевского блока, в первую очередь с Зиновьевым, Каменевым и Троцким, вступят в переговоры.

Мы исходили из того, что в этих переговорах я и Зиновьев займем в партии и стране главенствующее положение, т. к. и при Сталине мы своей двурушнической политикой добились все же того, что партия простила нам наши ошибки и вернула нас в свои ряды, а участие наше, меня, Зиновьева и Троцкого, в террористических актах останется тайной для партии и страны.

Второй вариант захвата власти, казавшийся нам менее надежным, заключался в том, что после совершения террористического акта над Сталиным создастся неуверенность и дезорганизованность в руководстве партии и страны.

Руководителям троцкистско-зиновьевского блока удастся воспользоваться замешательством и принудить оставшихся руководителей партии допустить нас к власти или же заставить их уступить нам свое место.

Появление Троцкого и активное его участие в борьбе за захват власти предполагалось как само собой разумеющееся.

Кроме того, мы считали неисключенным, что при организации новой правительственной власти в ней примут участие также и правые — Бухарин, Томский и Рыков».

(Каменев. Протокол допроса от 23-24 июля 1936 г.)

Об этом же на следствии показывает Рейнгольд:

«Наряду с глубоко законспирированной работой по подготовке террористических актов против руководства партии и правительства Зиновьев и Каменев прилагали все усилия к тому, чтобы завоевать доверие к себе со стороны ЦК и партии и, насколько это возможно, занять руководящее положение в партии.

Этой цели непосредственно были подчинены выступления Каменева и Зиновьева в печати, в которых они подчеркивали свою преданность партии и отказ от

своего прошлого. При встречах с руководителями партии Зиновьев и Каменев всячески подчеркивали свою лояльность и преданность Центральному Комитету партии и отказ от своих прежних ошибок. Этой же цели служили выступления Зиновьева и Каменева с трибуны XVII съезда партии.

Зиновьев и Каменев при этом исходили из того, что успех террористического акта против вождей партии и правительства прямо открывает им — лицам, прощенным партией и принятым в ее ряды при Сталине — непосредственный путь прихода к руководству партией и страной.

В этом макиавеллистическом плане борьбы заключались глубоко скрытые расчеты Зиновьева и Каменева о путях прихода к власти».

(Рейнгольд. Протокол допроса от 17 июля 1936 г.)

Такова контрреволюционная деятельность троцкистов и зиновьевцев, этих перешедших в лагерь злейших врагов Советской власти предателей партии и рабочего класса, предателей нашей социалистической революции, предателей нашей социалистической Родины.

ЦК ВКП(б) считает необходимым довести до сведения всех партийных организаций об этих фактах террористической деятельности троцкистов и зиновьевцев и еще раз приковать внимание всех членов партии к вопросам борьбы с остатками злейших врагов нашей партии и рабочего класса, приковать внимание к задачам всемерного повышения большевистской революционной бдительности.

ЦК ВКП(б) обращает внимание всех членов партии на то, что уже после убийства товарища Кирова в отдельных партийных организациях, в результате недостаточной их бдительности, врагам партии удалось

под прикрытием звания коммуниста активно продолжать свою террористическую работу.

Только отсутствием должной большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что агенту Троцкого— Ольбергу, прибывшему из Берлина в 1935 году, удалось при помощи скрытых троцкистов Федотова и Едина, работавших на руководящей работе в аппарате Горьковского крайкома партии, легализовать себя и организовать террористическую группу, подготовлявшую убийство вождей партии.

Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что в некоторых райкомах партии города Ленинграда (Выборгский) исключенным из ВКП(б) троцкистам и зиновьевцам уже в 1935 году удалось восстановиться в партии, а в некоторых случаях пробраться в партийный аппарат и использовать его в своих гнусных террористических целях.

Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что троцкисты и зиновьевцы свили себе прочное гнездо в ряде научно-исследовательских институтов, в Академии наук и некоторых других учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске.

Наконец, только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить то, что часть из арестованных участников террористических групп в ряде партийных организаций прошли проверку партийных документов и были оставлены в рядах партии.

Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т. д., когда между этими элементами с одной стороны и

троцкистами и зиновьевцами с другой стороны стерлись всякие грани — все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке.

Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Москва, 1936 год, 29 июля

Фрагменты «Судебного отчета по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года, по обвинению Пятакова Ю. Л., Радека К. В., Сокольникова Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. А., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. А., Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турока И. Д., Граше И. И., Путина Г. Е. и Арнольда В. В. в измене Родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. 58.1а, 58.8 58.9 и 58.11 УК РСФСР».

В 1937 году в Советском Союзе «Юридическим издательством НКЮ СССР» был издан «Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра». Из всего текста этой книги мы выбрали семь фрагментов: показания Карла Бернгардовича Радека (Собельсона) и Григория Яковлевича (Гирши Янкелевича) Сокольникова (Бриллианта) — оба реабилитированы только в 1988 году, их «последнее слово», заключение экспертов, а также обвинительное заключение и приговор.

Почему-то принято считать, что доказательная база строилась исключительно на показаниях обвиняемых. На самом деле были и перекрестные допросы, а также в суде выступали свидетели и эксперты.

Обвинительное заключение

по делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольникова Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. Д., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. Д., Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Путина Г. Е. и Арнольда В. В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.1 ТУК РСФСР.

Следствием по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра, участники которого осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР 24 августа 1936 года, было установлено, что, наряду с вышеуказанным центром, существовал так называемый запасный центр, созданный по прямой директиве *Л. Д. Троцкого* на тот случай, если преступная деятельность троцкистско-зиновьевского блока будет разоблачена органами советской власти. Осужденные члены объединенного троцкистско-зиновьевского центра *Зиновьев, Каменев* и др. показали, что в состав запасного центра входили известные по своей прошлой троцкистской деятельности *Пятаков Ю. Л., Радек К. Б., Сокольников Г. Я. и Серебряков Л. П.*

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что так называемый запасный центр в действительности был параллельным троцкистским центром, который был организован и действовал по прямым указаниям находящегося в эмиграции *Л. Д. Троцкого*.

Свою преступную деятельность троцкистский параллельный центр наиболее активно развернул после злодейского убийства Сергея Мироновича *Кирова* и

последовавшего затем разгрома объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства, в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя. *Л.Д. Троцкий* и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств с целью восстановления в СССР капиталистических отношений.

Эти изменнические замыслы против Советского Союза *Л. Троцкий* изложил в наиболее законченном виде в своем директивном письме параллельному троцкистскому центру, полученном обвиняемым *Радеком К. Б.* в декабре месяце 1935 года.

Обвиняемый *Радек* по этому поводу на допросе от 22 декабря 1936 года показал:

«Надо понять, писал Троцкий, что без известного приравнения социальной структуры СССР к капиталистическим державам правительство блока удержаться у власти и сохранить мир не сможет...

Допущение германского и японского капитала к эксплуатации СССР создаст крупные капиталистические интересы на советской территории. К ним потянутся в деревне те слои, которые не изжили капиталистической психологии и недовольны колхозами. Немцы и японцы потребуют от нас разрядки атмосферы в деревне, поэтому надо будет идти на уступки и допустить роспуск колхозов или выход из колхозов» (т. 5, л. д. 142,143).

И далее:

«Мы с *Пятаковым* пришли к заключению, что эта директива подводит итог работы блока, ставит все точки над "i", выдвигая в самой острой форме вопрос о том, что власть троцкистско-зиновьевского блока может

быть при всех обстоятельствах только властью реставрации капитализма» (т. 5, л. д. 146).

В свою очередь, обвиняемый *Пятаков*, излагая содержание своей беседы с *Л. Троцким*, имевшей место близ г. Осло в декабре месяце 1935 года, показал, что *Л. Троцкий*, требуя активизации диверсионной, вредительской и террористической деятельности троцкистской организации в СССР, подчеркнул, что, в результате договоренности с капиталистическими государствами, необходимо, как он выразился, отступить к капитализму. По показаниям обвиняемого *Пятакова*, *Л. Троцкий* говорил:

«Это значит, надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступить к капитализму. Насколько далеко, в каком размере, сейчас трудно сказать, — конкретизировать это можно только после прихода к власти» (т. 1, л. д. 269).

О том, что программа параллельного троцкистского центра была программой восстановления капитализма в СССР, показал обвиняемый *Сокольников Г. Я.* на допросе 30 ноября 1936 года:

«Эта программа предусматривала отказ от политики индустриализации, коллективизации и, как результат этого отказа, подъем в деревне на основе мелкого хозяйства капитализма, который в соединении с капиталистическими элементами в промышленности развился бы в капиталистическую реставрацию в СССР.

...Все члены центра сходились на признании того, что в нынешних условиях другой программы не может быть и что необходимо проводить в жизнь именно эту программу блока» (т. 8, л. д. 226).

Исходя из этих программных установок, *Л. Д. Троцкий* и его сообщники из параллельного центра вступили в переговоры с агентами иностранных государств с целью свержения советского правительства при помощи военной интервенции.

В качестве базы для этих изменнических переговоров *Л. Д. Троцкий* и параллельный центр выдвинули: допущение в СССР развития частного капитала, роспуск колхозов, ликвидацию совхозов, сдачу в концессию иностранным капиталистам целого ряда советских предприятий и предоставление этим иностранным государствам других экономических и политических выгод, вплоть до уступки части советской территории.

По этому поводу *Л.Д. Троцкий* в упомянутом выше письме к *К. Радвку*, по словам обвиняемого *К. Радека*, писал:

«Было бы нелепостью думать, что можно придти к власти, не заручившись благоприятным отношением важнейших капиталистических правительств, особенно таких, наиболее агрессивных, как нынешние правительства Германии и Японии. Совершенно необходимо уже сейчас иметь с этими правительствами контакт и договоренность...»(т. 5, л. д. 140).

Следствием установлено, что *Л. Д. Троцкий* вступил в переговоры с одним из руководителей германской национал-социалистской партии о совместной борьбе против Советского Союза.

Как показал обвиняемый *Пятаков, Л. Троцкий*, в беседе с ним в декабре 1935 года, сообщил, что в результате этих переговоров он заключил с означенным руководителем национал-социалистской партии соглашение на следующих условиях:

«1) Гарантировать общее благоприятное отношение к германскому правительству и необходимое сотрудничество с ним в важнейших вопросах международного характера;

2) согласиться на территориальные уступки;

3) допустить германских предпринимателей, в форме концессий (или каких-либо других формах), к эксплуатации таких предприятий в СССР, которые

являются необходимым экономическим дополнением к хозяйству Германии (речь шла о железной руде, марганце, нефти, золоте, лесе и т. п.);

4) создать в СССР условия, благоприятные для деятельности германских частных предприятий;

5) развернуть во время войны активную диверсионную работу на военных предприятиях и на фронте. Причем эта диверсионная работа должна проводиться по указаниям Троцкого, согласованным с германским генштабом.

Эти основы соглашения, как рассказывал *Троцкий*, были окончательно разработаны и приняты при встрече *Троцкого* с заместителем Гитлера *Гессом*.

Точно также, сказал *Троцкий*, у него имеется вполне налаженная связь с... правительством» (т. 1, л. д. 267,268).

О характере этого соглашения и о размерах территориальных уступок *Л Троцкий* сообщил в своем письме обвиняемому *Радеку* в декабре месяце 1935 года.

В этом письме *Л Троцкий*, по показаниям обвиняемого *К. Радека*, писал следующее.

Не ограничиваясь своими личными переговорами с представителями иностранных государств, *Л. Троцкий* предложил членам параллельного центра установить связь с представителями этих государств в СССР.

По показаниям обвиняемого *Пятакова*, *Л. Троцкий* в своих письмах параллельному центру

«...требовал от *Радека* и *Сокольников*, которые имели соответствующие возможности, нащупать здесь с официальными представителями держав необходимый контакт и поддержать то, что им, *Троцким*, практически проводится» (т. 1, л.д. 257).

В соответствии с этой директивой *Л.Д. Троцкого*, обвиняемые *Радек* *К.* и *Сокольников* *Г.* установили контакт с представителями тех же государств.

По этому поводу обвиняемый *Раде* к на допросе 4 декабря 1936 года показал:

«...Утверждение *Троцкого* об его контакте с представителями... правительства не было простой болтовней. В этом я мог убедиться из разговоров, которые мне приходилось иметь на дипломатических приемах в 1934—35 гг... с военным атташе г... и с пресс-атташе... посольства г..., очень хорошо осведомленным представителем Германии.

Оба они в осторожной форме давали мне понять, что у... правительства существует контакт с *Троцким*».

И далее:

«Я сказал г. К., что ожидать уступок от нынешнего правительства— дело совершенно бесполезное, и что... правительство может рассчитывать на уступки "реальных политиков в СССР", т. е. от блока, когда последний придет к власти» (т. 5, л. д. 119,121).

Обвиняемый *Сокольников* также признал, что, используя свое служебное положение заместителя народного комиссара по иностранным делам, он, по указаниям *Л. Д. Троцкого*, вел тайные переговоры с представителями одного иностранного государства.

Обвиняемый *Сокольников* показал:

«По окончании одной из официальных бесед, происходившей у меня в кабинете, когда г... и секретарь посольства собрались уходить, г.... несколько задержался.

В это время оба переводчика вышли уже из кабинета. Воспользовавшись этим, г..., в то время как я его провожал к выходу, обменялся со мной несколькими фразами. Г.... сказал мне: "Известно ли Вам, что г-н *Троцкий* сделал некоторые предложения моему правительству?"

Я ответил: "Да, я об этом осведомлен".

Г... спросил: "Как Вы расцениваете эти предложения?"

Я ответил: "Я считаю эти предложения весьма серьезными".

Тогда г... спросил: "Это только Ваше личное мнение?"

Я ответил: "Нет, это мнение также и моих друзей"» (т. 8, л. д. 235,236).

Главные свои надежды на приход к власти *Л. Д. Троцкий* и его сообщники в СССР возлагали на поражение Советского Союза в предстоящей войне с империалистическими государствами. В соответствии с этим, в своих переговорах с агентами иностранных государств лично *Л. Д. Троцкий* и параллельный центр, через обвиняемых Радека и Сокольникова, всячески стремились ускорить военное нападение этих государств на СССР.

Это подтверждается показаниями всех обвиняемых по настоящему делу.

Так, обвиняемый *Радек* на допросе от 22 декабря 1936 года приводит следующее место из письма к нему *Л. Д. Троцкого*:

«Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться... Так как главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся этого добиться путем террора, было бы поражение СССР, надо, поскольку это возможно, ускорять столкновение между СССР и Германией» (т. 5, л. д. 143,117).

Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР считали необходимым во время предстоящей войны занять активную пораженческую позицию, всячески помогая иностранным интервентам в их борьбе против СССР.

Так, например, обвиняемый *Пятаков*, передавая содержание своего разговора с *Л. Троцким* в декабре 1935 года, близ г. Осло, показал:

«Что касается войны, то об этом *Л.Д. Троцкий* сказал весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время.

Он, *Троцкий*, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Он считает, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением СССР» (т. 1, л. д. 268).

В соответствии с этим планом подготовки поражения СССР с целью захвата власти, *Л. Д. Троцкий, Ю. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Серебряков Л. П., Я. Лившиц* и другие обвиняемые по настоящему делу развернули вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, направленную к подрыву экономической и военной мощи нашей родины, совершив, таким образом, ряд тягчайших государственных преступлений.

Следствием установлено, что по прямым указаниям *Л. Троцкого* и под непосредственным руководством параллельного троцкистского центра ряд обвиняемых по настоящему делу: *Турок, Князев, Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше и Пушкин* — были непосредственно связаны с агентами-диверсантами германских и японских разведывательных органов, систематически занимались шпионажем в пользу Германии и Японии и совершили ряд вредительских и диверсионных актов на предприятиях социалистической промышленности и железнодорожного транспорта, особенно на предприятиях, имеющих оборонное значение.

Эту шпионскую и диверсионно-вредительскую деятельность указанные выше обвиняемые осуществляли в соответствии с имевшимися у троцкистов по этому поводу соглашениями с иностранными разведчиками.

Так, например, обвиняемый *Радек*, подтверждая показания *Пятакова*, на допросе от 22 декабря 1936

года показал, что одним из пунктов соглашения, достигнутого *Троцким* с представителем германской национал-социалистской партии, было обязательство —

«...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям *Троцкого*, согласованным с германским генеральным штабом» (т. 5, л. д. 152).

Осуществляя взятые на себя обязательства перед представителями Германии и Японии, параллельный троцкистский центр организовал на ряде промышленных предприятий Советского Союза и железнодорожном транспорте диверсионно-вредительские группы, задачей которых было поставлено осуществление диверсионных и вредительских актов.

Обвиняемый *Пятаков* на допросе от 4 января 1937 года показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве *Троцкого*: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах»» (т. 1, л. д. 287).

Следуя этой установке обвиняемого *Пятакова Ю.*, организованные параллельным центром группы совершили ряд диверсионно-вредительских актов на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Так, например, как это было установлено на судебном процессе 19–22 ноября 1936 года по делу троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, по указанию обвиняемого *Дробниса* был

организован взрыв на шахте «Центральная», повлекший за собой гибель 10 и тяжелые ранения 14 рабочих.

(См. приобщенные к настоящему делу материалы и документы судебного следствия по Кемеровскому процессу от 19-22 ноября 1936 года.)

На Горловском азотно-туковом комбинате, под руководством обвиняемого *Ратайчака*, было организовано три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекших за собой человеческие жертвы и причинивших огромный материальный ущерб государству.

Аналогичные диверсионные акты, по поручению *Ратайчака*, были совершены участниками троцкистской организации и на других химических предприятиях Союза (Воскресенский химический комбинат и Невский завод).

Диверсионный характер этих взрывов установлен актами специальной технической экспертизы и собственными признаниями обвиняемых *Ратайчака*, *Путина* и *Грате* (т. 40, л. д. 30, 39, 50).

(См. акты технической экспертизы.)

Наиболее активную диверсионно-вредительскую деятельность на железнодорожном транспорте проводили обвиняемые по настоящему делу: *Лившиц Я.А.*, *Турок И. Д.*, *Князев И. А.* и *Богуславский М. С.*

Так, обвиняемый *Князев*, по прямому заданию параллельного троцкистского центра, организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся большими человеческими жертвами. Из этих крушений наиболее серьезными являются:

а) крушение воинского эшелона на ст. «Шумиха» 27 октября 1935 года, во время которого погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев ранено;

б) крушение на перегоне «Яхино» — «Усть-Катав» в декабре 1935 года;

в) крушение на перегоне «Единовер» — «Бердяуш» в феврале 1936 года.

Крушение воинских поездов обвиняемый *Князев* организовал не только по указаниям параллельного центра и, в частности, руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте обвиняемого *Лившица*, но и по прямым заданиям агента японской разведки г. Х.

По этому поводу на допросе 14 декабря 1936 года обвиняемый *Князев* показал:

«Что же касается шпионской работы и нанесения удара Красной армии путем устройства крушений воинских поездов с человеческими жертвами, то я к этой работе приступил, лишь выяснив отношение троцкистской организации к шпионажу и диверсионной работе против Красной армии в пользу японской разведки.

Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, т. к. в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации» (т. 32, л. д. 61,67).

О сотрудничестве с агентами японской разведки показал также и обвиняемый *Турок И. Д.* (т. 23, л. д. 106).

Совершая диверсионные акты в сотрудничестве с агентами иностранных разведок, организуя крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и промышленных предприятий, обвиняемые по настоящему делу не брезговали самыми гнусными средствами борьбы, идя сознательно и обдуманно на такие чудовищные преступления, как отравление и гибель рабочих, стремясь спровоцировать недовольство рабочих советской властью.

Так, обвиняемый *Пятаков* на допросе 4 декабря 1936 года по этому поводу показал:

«Мы учитывали, что в случае необходимости прибегнуть, в целях осуществления вредительских планов, к диверсионным актам, — неизбежно будут человеческие жертвы. Мы это учитывали и принимали как неизбежность» (т. 1, л. д. 196,197).

Еще более цинично об этом показал обвиняемый *Дробнис*:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они, несомненно, вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно» (т. 13, л. д. 66).

О том, что эти враги народа, организуя диверсионные акты, сознательно шли на многочисленные человеческие жертвы, свидетельствует и следующее показание обвиняемого *Князева* от 26 декабря 1936 года:

«*Лившиц* дал особое поручение подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв» (т. 32, л. д. 92).

Аналогичные показания дал и обвиняемый *Турок И. Д.* (т. 23, л. д. 73).

Особо активную разрушительную работу на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, путем взрывов, поджогов, крушений поездов и т. п., троцкистский центр и руководимые им диверсионные группы на предприятиях и транспорте должны были развернуть во время войны, когда эти чудовищные акты предательства нанесли бы особо чувствительный удар обороноспособности Советского Союза.

Так, обвиняемый *Пятаков* дал указание обвиняемому *Норкину* подготовить поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Допрошенный об этом *Пятаков Ю.Л.* показал:

«Да, подтверждаю. Такое задание я *Норкину* действительно дал. Это было вскоре после моей встречи с *Троцким*, в которой он ставил передо мною вопросы о необходимости проведения в начале войны диверсионных актов на оборонных предприятиях. Именно в связи с этим я говорил с *Норкиным* о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерове» (т. 1, л. д. 309).

В свою очередь, обвиняемый *Князев* на допросе от 14 декабря 1936 года показал, что по соглашению с параллельным центром он принял от агента японской разведки г. Х. задание на случай войны:

«...организовать поджог воинских складов, пунктов питания и пунктов санобработки войск» (т. 32, л. д. 68).

Еще более чудовищное задание, направленное против советского народа, обвиняемый *Князев* принял от того же агента японской разведки г. Х.:

«...особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны,

с целью заражения остро-заразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск...» (т. 32, л. д. 68).

Предательская связь обвиняемого *Князева* с японской разведкой установлена не только личными показаниями *Князева*, но и обнаруженными у него перепиской с г. Х. и фотоснимками (письма г. Х. с пометкой «15/ХИ» и от 23/VIII — 36 года) (т. 32, л. д. 121).

Материалами предварительного следствия и собственными признаниями обвиняемых — *Ратайчака С. А., Князева И. А., Турок И. Д., Пуши на Г. Е., Граше И. И., Шестова А. А. и Строилова М. С.* — установлено, что, наряду с диверсионно-вредительской деятельностью,

троцкистский параллельный центр не менее серьезное значение в борьбе с Советским Союзом придавал организации шпионажа в пользу иностранных разведок.

Все указанные обвиняемые, будучи связанными с представителями германской и японской разведок, систематически снабжали их секретными сведениями важнейшего государственного значения.

Так, например, обвиняемый *Князев И. А.* снабжал японскую разведку, через упомянутого выше агента этой разведки г. Х., секретными сведениями о техническом состоянии, мобилизационной готовности железных дорог СССР и воинских перевозках (т. 32, л. д. 103).

Обвиняемые *Ратайчак С. А., Пушкин Г. Е. и Граше И. И.* признали, что они были связаны с германской разведкой, которой передавали секретные материалы о состоянии и работе наших химических заводов.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый *Граше* показал:

«Организация, участником которой я был, вела по заданию германской разведки не только диверсионную, но и шпионскую работу на предприятиях химической промышленности» (т. 21, л. д. 40).

Обвиняемый *Пушкин Г. Е.*, признав свое участие в шпионаже, показал, что он и обвиняемый *Ратайчак С. А.* осуществляли связь с германской разведкой через монтера фирмы «Линде» — *Ленца*.

Обвиняемый *Пушкин Г. Е.* на допросе от 26 октября 1936 года показал:

«*Ленцу* были переданы следующие материалы:

1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год;

2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год;

3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы,

кончая 1938 годом.

Все эти материалы передал *Ленцу* лично я в разные сроки в первой половине 1936 года.

Кроме того, мне известно от *Ленца*, что непосредственно от *Ратайчака* он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам. Помимо всего этого, *Ленц* систематически снабжался мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам» (т. 19, л. д. 31).

Аналогичную шпионскую работу в пользу германской разведки вели также и обвиняемые *Шестов А. А.* и *Строилов М. С.*, изобличенные в преступной связи с рядом разведчиков, прибывших в СССР под видом иностранных специалистов, каким был, например, осужденный за шпионско-диверсионную работу по «*Кемеровскому делу*» инженер *Штиклинг*.

Шпионская деятельность троцкистов в пользу германской разведки в ряде случаев прикрывалась их связью с некоторыми немецкими фирмами.

Следствием по настоящему делу установлено, что между *Л Троцким* и некоторыми германскими фирмами было заключено соглашение, в силу которого эти фирмы содержали троцкистов за счет фонда, созданного путем накидок на цены товаров, ввозимых в СССР из Германии.

По этому поводу обвиняемый *Пятаков*, в связи со своей беседой с находящимся в эмиграции сыном *Троцкого* — *Л. Л. Седовым*, показал:

«...*Седов* передал... указания *Троцкого*, чтобы я старался разместить побольше заказов в фирмах «*Демаг*» и «*Борзиг*», с представителями которых *Троцкий* имеет связь.

— Вам, — добавил *Седов*, — придется переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу» (т. 1, л. д. 227).

В своих планах свержения советского правительства и захвата власти *Л. Троцкий* и параллельный центр первостепенное значение придавали террористическим актам против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что параллельный троцкистский центр, по прямым указаниям *Л.Д. Троцкого*, полученным *Пятаковым Ю. Л.* и *Радеком К. Б.*, организовал ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах. По показаниям обвиняемого *К. Радека, Л.Д. Троцкий* требовал:

«...организовать узкий коллектив надежных людей для выполнения террористических покушений против руководителей ВКП(б), в первую очередь, против *Сталина*» (т. 5, л. д. 102).

Такие же указания *Л.Д. Троцкий* дал обвиняемому *Пятакову* в беседе с ним в 1935 году. Обвиняемый *Пятаков* показал, что

«...в этой беседе *Троцкий* говорил: "Поймите, что без целой серии террористических актов, которую надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство.

Надо борьбу еще более обострить, еще более расширить. Надо, буквально, не останавливаться ни перед чем, чтобы свалить *Сталина*"» (т, 1, л. д. 263,264).

Так агент фашизма *Л.Д. Троцкий* инструктировал троцкистскую организацию, подготовлявшую ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Организуя указанные выше террористические акты, троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Например, во время пребывания в Сибири в 1934 году председателя СНК СССР тов. *Молотова В. М.*, троцкистские террористы, под руководством обвиняемого *Шестова*, покушались на убийство тов. *В. М. Молотова*, устроив автомобильную катастрофу.

Непосредственный исполнитель этого злодейского преступления, член троцкистской террористической группы, обвиняемый *Арнольд*, показал по этому поводу на допросе 21 сентября 1936 года следующее:

«В сентябре 1934 года, точно дня не помню, *Черепухин* вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что в Прокопьевск приезжает *Молотов...* Он тут же мне заявил, что я должен пожертвовать собой и во что бы то ни стало устроить катастрофу с моей машиной, которая будет подана *Молотову*. Я согласился и ответил, что все будет сделано» (т. 36, л. д. 32,33).

Обвиняемый *Шестов* подтвердил это, показав:

«По указанию *Муралова*, я в 1934 году проводил активную подготовку к террористическому акту против председателя СНК СССР *Молотова* и секретаря западно-сибирского крайкома *Эйхе*» (т. 15, л. д. 157).

Покушение на жизнь председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. *Молотова В. М.* путем аварии с автомашиной, в которой он следовал от экспедиции шахты № 3 (Прокопьевское рудоуправление), по направлению к рабочему городку, было действительно совершено, но безрезультатно (т. 36, л. д. 48).

Такова подлая, предательская, антисоветская деятельность презренных фашистских наймитов, изменников родины и врагов народа — троцкистов.

Потерпев окончательное поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, лишенные, вследствие полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя

собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклеянных общим презрением советского народа, *Л. Д. Троцкий* и его сподвижники — *Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц* и остальные обвиняемые по настоящему делу совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру германских и японских фашистских сил.

Формула обвинения

Следствие считает установленным:

1) что по указанию *Л. Д. Троцкого* в 1933 году был организован параллельный центр в составе обвиняемых по настоящему делу: *Пятакова Ю. Л., Радека К. В., Сокольникова Г. Я. и*

Серебрякова Л. П., — задачей которого являлось руководство преступной антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии;

2) что по поручению того же *Л.Д. Троцкого* этот центр через обвиняемых *Сокольникова* и *Радека* вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза, причем троцкистский центр обязался в случае своего прихода к власти предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок;

3) что вместе с тем этот центр через своих членов и других участников преступной троцкистской организации систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения;

4) что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности СССР этим центром был организован и совершен на некоторых предприятиях и железнодорожном транспорте ряд вредительских и диверсионных актов, повлекших за собой человеческие жертвы и гибель ценного государственного имущества;

5) что этот центр подготовлял ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, причем были сделаны попытки эти акты осуществить;

6) что активное участие в указанной выше преступной деятельности этого центра, кроме его руководителей — обвиняемых *Пятакова Ю. Л., Сокольникова Г. Я., Радека К. Б. и Серебрякова Л. П.*, принимали обвиняемые: *Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Турок И. Д., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Ст роил ов М. С., Гроше И. И., Пушкин Г £ и Арнольд В. В.*

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении и уличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей.

На основании изложенного, обвиняются:

Пятаков, Юрий (Георгий) Леонидович, 1890 г. рождения, служащий;

Сокольников, Григорий Яковлевич, 1888 г. рождения, служащий;

Радек, Карл Бернгардович, 1885 г. рождения, журналист;

Серебряков, Леонид Петрович, 1888 г. рождения, служащий —

в том, что, будучи участниками антисоветского подпольного троцкистского центра, изменили родине, совершив преступления, указанные в пп. 1-6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Лившиц, Яков Абрамович, 1896 г. рождения, служащий;

Муралов, Николай Иванович, 1877 г. рождения, служащий;

Дробнис, Яков Наумович, 1891 г. рождения, служащий;

Богуславский, Михаил Соломонович, 1886 г. рождения, служащий;

Князев, Иван Александрович, 1893 г. рождения, служащий;

Ратайчак, Станислав Антонович, 1894 г. рождения, служащий;

Норкин, Борис Осипович, 1896 г. рождения, служащий;

Шестов, Алексей Александрович, 1896 г. рождения, служащий;

Строилов, Михаил Степанович, 1899 г. рождения, служащий;

Турок, Иосиф Дмитриевич, 1900 г. рождения, служащий;

Граше, Иван Иосифович, 1880 г. рождения, служащий;

Пушин, Гавриил Ефремович, 1896 г. рождения, служащий;

Арнольд, Валентин Вольфридович, он же Васильев, Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащий — в том, что, будучи активными участниками той же антисоветской подпольной троцкистской организации, изменили родине, совершив преступления, указанные в

пп. 1-6 формулы обвинения, т. е. преступления, предусмотренные ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Вновь изобличенные материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского центра, находящиеся в эмиграции *Л. Троцкий* и его сын *Л. Л. Седов* в случае их обнаружения на территории СССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Вследствие изложенного и в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 10 июля 1934 года, все указанные выше лица подлежат суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Настоящее обвинительное заключение составлено в гор. Москве 19 января 1937 года.

Прокурор Союза ССР А *Вышинский*.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 10-23.

А вот допрос подсудимого *Карла Радека*.

Председательствующий: Заседание продолжается. Приступаем к допросу подсудимого Радека. Подсудимый Радек, вы подтверждаете свои показания, которые давали на предварительном следствии в декабре?

Радек: Подтверждаю.

Вышинский: Расскажите коротко о вашей прошлой троцкистской деятельности.

Радек: Во время партийной борьбы в 1923 году я примкнул к троцкистской оппозиции, принадлежал к ней и ее руководству до момента ссылки в январе 1928 года. В ссылке оставался на позиции Троцкого до момента подачи заявления в ЦК ВКП(б) в июле 1929

года. Все это время я принадлежал к политическому центру троцкистской организации.

* * *

Из дальнейших показаний *Радека* выясняется, что в партию он вернулся двурушником; вскоре после возвращения из ссылки Радек восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

* * *

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. Н. Смирновым, связан с Дрейцером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан, — с Пятаковым, Преображенским, Смилгой, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930—31 гг.?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 гг. Уже тогда, в 1931 году, я переоценивал силу сопротивления кулачества, испугался затруднений и стал, таким образом, отражением враждебных пролетариату сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале — марте 1932

года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек: Троцкий сообщал, что сведения, какими он располагает, приводят к выводу, что я убедился в его правоте в том, что без реализации троцкистских требований политика упрется в тупик. Далее Троцкий писал, что, так как он знает меня как активного человека, он убежден, что я вернусь к борьбе.

Вышинский: Что же, Троцкий призывал вас к борьбе?

Радек: В конце письма Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово «террор» не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Троцкий сообщал, что не только троцкисты, но и зиновьевцы решили вернуться к борьбе и что ведутся переговоры об объединении. Я не дал никакого ответа, считая, что тут нужно продумать до конца. Приблизительно к концу сентября или октября 1932 года я принял решение о возвращении на путь борьбы.

Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для

реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу.

Вышинский: Какую подготовительную работу?

Радек: Ясно, что раз новым положением был террор, то подготовительная работа должна была заключаться в собирании и создании террористических кадров. После Мрачковский мне сказал, что так как борьба предстоит очень острая и жертвы будут громадные, то мы бы хотели сохранить известные кадры на случай поражения, т. е. на случай ареста, и сказал, что «поэтому мы тебя и не ввели в первый центр». Говорил он это обо мне, Пятакове и Серебрякове.

Вышинский: Известно ли вам было от Мрачковского о подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства?

Радек: В апреле 1933 года Мрачковский меня запросил, не могу ли я ему назвать среди троцкистов человека, который взялся бы за организацию террористической группы в Ленинграде.

Вышинский: Против кого?

Радек: Против Кирова, понятно.

Вышинский: И что же?

Радек: Я ему назвал такого человека.

Вышинский: Кто это?

Радек: Пригожин.

Вышинский: Это было в апреле 1933 года?

Радек: Да.

Вышинский: А когда был убит Киров?

Радек: Киров был убит в декабре 1934 года.

Вышинский: Следовательно, за много месяцев до этого злодейского преступления вам, Радеку, было известно, что троцкисты готовят убийство Кирова?

Радек: Мрачковский мне тогда сказал, что в Ленинграде зиновьевцы готовят покушение, и я совершенно ясно знал, что дело идет о Кирове.

* * *

На вопрос тов. *Вышинского*: знал ли подсудимый, кто был руководителем террористической группы виновьевцев в Москве, — *Радек* отвечает:

— Это я узнал от Дрейцера. Дрейцер сказал мне: «Общее руководство у Бакаева по линии зиновьевцев, как у Мрачковского — в нашей организации троцкистов. В Москве руководит Рейнгольд».

* * *

Вышинский: Таким образом, вы были полностью осведомлены в деятельности этих террористических групп?

Радек: Конечно, как член центра, я был полностью осведомлен.

Вышинский: И вы были осведомлены о том, что идет практическая подготовка убийств?

Радек: О практической подготовке, собирании кадров, организации этих кадров, обучении этих кадров я знал, как соучастник троцкистско-зиновьевского блока, от начала его возникновения.

Вышинский: В том числе и как соучастник террористических актов, одним из которых явилось убийство Кирова?

Радек: В том числе и террористических актов, одним из которых явилось убийство Кирова.

Вышинский: Таким образом, можно считать установленным, что вы о терроре узнали от Мрачковского?

Радек: Да.

Вышинский: Это было до того, как вы получили письмо от Троцкого?

Радек: Это было после получения письма от Троцкого. Письмо от Троцкого было получено в феврале или марте 1932 года.

Вышинский: Если правильно говорят материалы предварительного следствия, то весной 1932 года вы были в Женеве?

Радек: Да.

Вышинский: В Женеве вы встречались с кем-либо и говорили на подобного рода темы?

Радек: В Женеве единственным троцкистом, с которым я имел встречу, был В. Ромм. Он мне привез письмо от Троцкого.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фридлянда. Заместитель Дрейцера Гаевский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр— он назвал Коцюбинского, Голубенко и, кажется, Логинова — формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне оказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Муралова.

Кроме этого он говорил, что в Туле возникла или возникает какая-то террористическая группа...

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилии?

Радек: Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитятевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовым группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мдивани сформировал группу. В 1936 году я узнал о зиновьевской группе, это

была группа Закса-Гладнева, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

* * *

Далее государственный обвинитель задает подсудимому *Радеку* ряд вопросов о его связях с террористическими группами и, в частности, с группой Пригожина.

* * *

Вышинский: Группа была создана вами?

Радек: Группа была создана Пригожиным.

Вышинский: Это был человек, посланный вами на это дело?

Радек: Человек, найденный мною для организации террористической группы. Я ему сказал: «Задача центра — сформировать в Ленинграде террористическую группу, подбери людей и покажи, как дело выглядит».

Вышинский: Кто же руководил Пригожиным в этой подготовительной работе?

Радек: Я, Радек.

Вышинский: С кем еще вы говорили о терроре?

Радек: Я говорил с членами центра, с которыми мне приходилось встречаться и с которыми я должен был разрешать известные вопросы.

Вышинский: Кого вы можете назвать?

Радек: Я называл Преображенского. Могу назвать, с кем был разговор в общей форме — со Смилгой.

Вышинский: А группа правых?

Радек: Само собою, я был с Бухариным связан.

Вышинский: Даже само собою понятно! Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в 1933 году, когда он говорил в очень острой форме о внутривластном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующих центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?». Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания

террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту.

Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины — к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Вы стояли за первую или за вторую систему террористической борьбы?

Радек: Я стоял за старую систему до момента, когда пришел к убеждению, что эта борьба вообще есть партизанщина. Потом я стоял за планомерную террористическую борьбу.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял. Поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем». Тогда мы решили покончить с таким положением, когда никто не несет ответственности за террористическое дело. Мы решили вызвать Дрейцера, которого считали наиболее подходящим для руководства террористическими актами после ареста Мрачковского, с ним выяснить, что он полагает делать, и совместно выработать план.

Вышинский: Следовательно, раньше всего вы захотели объединить руководство террористическими группами?

Радек: Да.

Вышинский: И кого наметили в качестве руководителя?

Радек: Дрейцера.

Вышинский: Вы связались с ним?

Радек: Я Дрейцеру написал письмо, сам ехать к нему в Кривой Рог не мог. Проходит несколько месяцев, а от Дрейцера ответа нет; затем наступили новые события: декабрьская инструкция Троцкого, который поставил все вопросы во весь рост. Здесь уже шла речь не о плане, а гораздо шире.

Вышинский: В каком году это было?

Радек: В 1935 году. Я написал Дрейцеру письмо в категорической форме, что «к концу февраля, к началу марта, ты должен быть», и получил от него ответ: «Приеду».

Вышинский: Пока вы выясняли ваши силы, искали Дрейцера, все эти группы продолжали существовать, и действовать?

Радек: Они продолжали существовать и действовали.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку, он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, что одновременно обостряется положение на

Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений.

Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким среднеевропейским государствами и что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами. Содержание письма я сообщил Пятакову. Сокольников навел меня в редакции «Известий» и сообщил мне содержание разговора между ним и г...

Сокольников говорил: «Представьте себе, веду в НКВД официальные переговоры. Разговор кончается. Переводчик и секретарь вышли. Официальный представитель одного иностранного государства г... очутился передо мной и поставил вопрос: знаю ли я о предложениях, которые Троцкий сделал его правительству. Я, — говорит Сокольников, — ответил, что знаю, что это серьезные предложения и советы, и что я и мои единомышленники с ними согласны». Сокольников сказал также, что Каменев его раньше предупредил о том, что к нему или ко мне могут обратиться представители иностранной державы.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше завизирования его мандата на переговоры с иностранными государствами, Кроме того, я добавил; не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 года, на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель средневропейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит, есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные — это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страной, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Это все связано с первым письмом?

Радек: Это было в результате первого письма, но это был не единственный результат этого письма.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольникова, Серебрякова.

Вышинский: Вы им говорили также о самом содержании письма Троцкого?

Радек: О содержании письма Троцкого я говорил с полной точностью.

Вышинский: Там какие стояли вопросы?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, идти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению? Как было сказано в письме Троцкого?

Радек: Поражение неизбежно, и оно создает обстановку для нашего прихода к власти, поэтому мы заинтересованы в ускорении войны. Вывод: мы заинтересованы в поражении.

Вышинский: А вы были за поражение или за победу СССР?

Радек: Все мои действия за эти годы свидетельствуют о том, что я помогал поражению.

Вышинский: Эти ваши действия были сознательными?

Радек: Я в жизни несознательных действий, кроме сна, не делал никогда. *(Смех.)*

Вышинский: А это был, к сожалению, не сон?

Радек: Это, к сожалению, был не сон.

Вышинский: А было явью?

Радек: Это была печальная действительность.

Вышинский: Да, печальная для вас действительность. Вы говорили с членами центра о пораженчестве?

Радек: Мы приняли это для выполнения.

Вышинский: Было ли что-нибудь практически сделано вами лично и вашими сообщниками по претворению в жизнь этой директивы?

Радек: Понятно, что мы действовали.

Вышинский (к Пятакову): Вы подтверждаете свою осведомленность о письме Троцкого на имя Радека?

Пятаков: Я уже вчера показывал и подтверждаю, что это полностью соответствует действительности.

Вышинский (к Сокольникову): Такой же вопрос.

Сокольников: Мне тоже это известно.

Вышинский: Вы также разделяли эту позицию?

Сокольников: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Вы также разделяли эту позицию пораженчества?

Серебряков: Я не возражал.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 года. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, сточки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого

слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит— будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то возьмите аналогию с властью Наполеона I и продумайте эту аналогию. Наполеон I был не реставрацией — реставрация пришла позже, а это было попыткой сохранить главные завоевания революции, то, что можно было из революции сохранить. Это было новое. Он отдавал себе отчет в том, что хозяином положения, благодаря которому блок может придти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой — дальневосточной — страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может придти к власти. Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была псевдонимом

реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза, когда мы эту директиву получили.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас— поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое— раздел страны. Германии намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье — Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал это без цифр, а после более

определенно, — известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет придунайских стран?

Радек: О придунайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма, и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой, и на нее указывалось как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить соглашение[^], е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский (к Пятакову): Подсудимый Пятаков, когда вы давали указания Норкину в случае войны

произвести поджог Кемеровского химкомбината, вы исходили из какой-нибудь общей установки?

Пятаков: Я исходил из тех установок о «конкретизации», которые были даны Троцким.

Вышинский: А ваши разговоры с Сокольниковым имели место после возвращения в 1935 году из Берлина, после личного свидания с Троцким?

Пятаков: После.

Вышинский: А в личном свидании с Троцким были сформулированы эти требования?

Пятаков: Безусловно.

Вышинский (*к Радеку*): Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Вся конкретизация касалась войны, так что для транспорта не могло быть исключения.

Вышинский: Подсудимый Серебряков, вы помните разговор с Радеком о письме Троцкого в 1935 году?

Серебряков: Да.

Вышинский: Увязывал ли Радек директиву Троцкого с вашей преступной деятельностью в области транспорта?

Серебряков: Это, естественно, увязывалось у меня. Еще в 1934 году и в декабре 1935 года, когда мы обменивались мнениями с Лившицем, который был в то время заместителем народного комиссара путей сообщения, мы говорили, что в определенный период могли встать вопросы активизации диверсионной и вредительской деятельности на транспорте.

Вышинский: Вы говорили с Лившицем?

Серебряков: Да. Тогда мы предполагали, что возможна загрузка, зашивка важнейших узлов в целях срыва перевозок.

Вышинский: А относительно организации диверсионных актов?

Серебряков: Вопрос ставился в такой плоскости, что нужно усилить вербовку кадров для диверсионных

актов.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, что вы об этом скажете?

Лившиц: Подтверждаю разговор насчет усиления вербовки членов организации для диверсионных актов и проведения вредительских актов во время войны.

Вышинский: Вы были заместителем наркома путей сообщения и в это время обсуждали вопрос о том, как сорвать движение на железных дорогах на случай войны?

Лившиц: Да. Я считал, что, раз мы ведем борьбу за приход к власти троцкистско-зиновьевского блока, необходимо это делать.

Вышинский: О чем вы говорили с Пятаковым?

Лившиц: О той работе, которую ведут троцкисты на транспортер. е. о срыве приказов, обеспечивающих улучшение работы железнодорожного транспорта.

Вышинский: Давал ли вам Пятаков прямые директивы и указания усилить вредительскую и диверсионную работу на транспорте?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы их принимали?

Лившиц: Да.

Вышинский: Выполняли?

Лившиц: Да, то, что смог, — выполнял.

Вышинский: Вредили?

Лившиц: Да.

Вышинский: Срывали работу?

Лившиц: Да.

* * *

Государственный обвинитель снова переходит к допросу *Радека*, выясняя отношение подсудимого к

письму Троцкого в декабре 1935 года и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

На вопрос государственного обвинителя тов. *Вышинского*, к чему сводилась программа Троцкого в 1935 году, *Радек* отвечает:

— В 1935 году был поставлен вопрос— идти назад к капитализму.

* * *

Вышинский: До каких пределов?

Радек: То, что предлагал Троцкий, было без пределов. До таких пределов, каких затребует противник.

Вышинский: Значит, поражение опять-таки стояло в порядке дня?

Радек: Да, новое теперь было то, что поражение связывалось с иностранными указаниями.

Вышинский: То есть здесь имеется уже прямое согласование с иностранными генштабами, — а раньше этого не было?

Радек: Раньше этого не было.

Вышинский: Это заставило вас задуматься?

Радек: Заставило больше задуматься не только это, но и та обстановка, которая была в стране раньше— в 1934 году и потом.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня трехкратное приглашение для поездки в Осло с докладом студенчеству. Если бы Пятаков не имел командировки, я, имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моя, или Пятакова.

Мы решили для себя, что за директиву Троцкого мы не можем брать на себя ответственность. Мы не можем вести вслепую людей. Мы решили созвать совещание. Пятаков поехал к Троцкому. Я не знаю, почему Пятаков не говорил об этом здесь, хотя это, пожалуй, было самое существенное в его разговоре с Троцким, когда Троцкий сказал, что совещание есть провал или раскол. Пятаков вернулся и рассказал о своем разговоре с Троцким. Тогда же мы решили, что мы созываем совещание, несмотря на запрет Троцкого. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто — «за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране. Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Что означала директива о согласовании вредительства с иностранными кругами? Эта директива означала для меня совершенно простую вещь, понятную для меня как для политического организатора, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав, организация становится прямой экспозитурой иностранных

разведок. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход — это было идти в ЦК партии сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел. Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: Были ли вы за поражение?

Радек: Если бы мог отвратить поражение, то был бы против него.

Вышинский: Вы считаете, что вы не могли отвратить его?

Радек: Я считал его неизбежным фактом.

Вышинский: Вы неправильно отвечаете на мой вопрос. Вы приняли все установки Троцкого, которые были вам даны в 1934 году?

Радек: Я принимал все установки Троцкого в 1934 году.

Вышинский: Была ли там установка на поражение?

Радек: Да, это была установка на поражение.

Вышинский: Вы ее приняли?

Радек: Принял.

Вышинский: Значит, раз вы ее приняли, вы были за поражение?

Радек: Сточки зрения...

Вышинский: Вы шли к поражению?

Радек: Да, понятно.

Вышинский: Значит, вы были за поражение?

Радек: Понятно, раз да, — значит, шел.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит, вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, вы исходили из слабости страны?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 году видели, что страна сильна и это не оправдывается?

Радек: Что поражение не оправдывается, а что его не будет, что это нереальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на нереальных основах.

Вышинский: Потому, что это было нереально, поэтому вы были против?

Радек: О других мотивах не буду говорить.

Вышинский: Правильно ли, что вы были в 1935 году против программы поражения потому, что считали ее нереальной?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, в 1934 году вы считали реальной и были за это, а в 1935 году считали нереальной и были против?

Радек: Да.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и в письме, означала предложение об измене родине?

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином... в ноябре 1934 года — это есть измена родине?

Радек: Я признавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Вы подтверждаете свои показания о том, что вы сказали господину..., что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело бесполезное?

Радек: Таков был смысл моего показания.

Вышинский: Подтверждаете?

Радек: Да.

Вышинский: И что... правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков» в СССР?

Радек: Да.

Вышинский: Вы сказали господину..., что блок может пойти на эти уступки?

Радек: Да, мы подтвердили мандат Троцкого на переговоры о том, в чем эти уступки должны были заключаться.

Вышинский: Я вас спрашиваю, вы обещали от имени блока господину... эти реальные уступки или нет?

Радек: Да.

Вышинский: Это измена?

Радек: Да.

Вышинский: Вас спрашивали на допросах после ареста — виновны ли вы перед партией и Советским государством. Что на это вы отвечали?

Радек: Я отвечал, что нет.

Вышинский: Спрашивали ли вас о связи с другими участниками террористической группы? Что вы отвечали?

Радек: Отрицал.

Вышинский: Это было 22 сентября 1936 года?

Радек: Да.

Вышинский: Вас поставили на очную ставку с Сокольниковым?

Радек: Да.

Вышинский: Сокольников изобличал вас?

Радек: Да.

Вышинский: А вы?

Радек: Все отрицал от начала до конца.

Вышинский: Сколько месяцев вы отрицали?

Радек: Около трех месяцев.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Объявляется перерыв до 6 часов вечера.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 51-65.

Допрос подсудимого Сокольников

Вышинский: Подсудимый Сокольников, расскажите, пожалуйста, о вашем отношении к объединенному троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

Сокольников: Мне был известен состав объединенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 года объединенный центр намечал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Бакаеву поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами объединенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду.

Вышинский: Когда вы говорили с Пятаковым и Радеком по поводу вашей практической работы в параллельном центре?

Сокольников: Моя работа в параллельном центре началась летом 1935 года. До этого она выразилась

только в выполнении поручения относительно переговоров с одним дипломатическим представителем.

Вышинский: А когда вы имели разговор с этим представителем иностранного государства?

Сокольников: Это было в середине апреля 1934 года.

Вышинский: А в 1934 году вам приходилось вести с кем-нибудь разговоры относительно пораженческой установки блока?

Сокольников: У меня был разговор с Каменевым в начале 1934 года. В этом разговоре Каменев мне сообщил о пораженческих установках Троцкого и собственных пораженческих взглядах. Конкретным выводом из этой беседы было, между прочим, предупреждение Каменевым меня о том, что ко мне могут обратиться с запросом.

Вышинский: Кто может обратиться?

Сокольников: Дипломатический представитель одной страны.

Вышинский: Вам говорил Каменев, с каким запросом обратятся к вам?

Сокольников: Да, он мне говорил, что ко мне обратятся за подтверждением того, что переговоры, которые ведутся Троцким за границей, ведутся им не от своего собственного лица, а что за Троцким действительно стоит организация, представителем которой он является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля, поело окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, с которым я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то время, когда я провожал своего собеседника к выходу, он

спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству? Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее — являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил и это. Он спросил — является ли это моим личным мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Этот его вопрос я понял как подтверждение того, что правительство этой страны действительно получило предложение Троцкого убедиться в том, что действительно предложения Троцкого известны организации и что право Троцкого на эти переговоры не оспаривается.

Вышинский: Какую официальную должность вы занимали тогда?

Сокольников: Заместителя народного комиссара иностранных дел.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь об этой своей беседе с представителем иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я примерно через месяц разговаривал с Радеком, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радек мне сообщил, что Троцкий выражал неудовольствие, что я выполнил это поручение формально, т. е. подтвердил полномочия, но не подтвердил предложения по существу, не защитил их, не агитировал за них.

Летом 1935 года, несколько месяцев спустя после арестов зиновьевцев и части троцкистов, я, зная, что я выделен в параллельный центр, считал, что я обязан связаться с его членами.

Я обратился первоначально не к Пятакову, а приблизительно недели за три или за месяц я встретился с Радеком.

Вопросы, которые мы обсуждали с Радеком, были вопросы выполнения террористических установок и

вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие, например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Я забыл сказать, что мне известно было о переговорах, которые вели члены объединенного центра с правыми.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменевым велись переговоры с Бухариным и Рыковым; знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым.

В этих переговорах была установлена общность основных программных вопросов и общность тактических установок, в частности, принятие террористического способа борьбы.

Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с объединенным центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 году и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году.

Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому

лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму...

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из-за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 года. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом. В этих переговорах Гесс был уполномочен выставлять требования, которые касались не только германских интересов, но также интересов еще одной страны. Пятаков передавал мне, что он понял Троцкого таким образом, что это были переговоры по ряду вопросов, по которым и было достигнуто соглашение. Конечно, предполагалось, что этот проект соглашения будет направлен и в официальные круги, а не останется соглашением только этих двух собеседников. И Пятаков, и я, конечно, очень колебались, видя в развернутом и законченном виде это соглашение. Здесь получился, как ни печально это сказать, концентрированный букет. Мы понимали, что дело не в наших чувствах— хороших или плохих; мы рассуждали как политики, и, следовательно, мы должны были решать политический вопрос. Если мы превращаемся просто в придаток немецкого фашизма, который нас использует и выбросит потом, как грязную тряпку, то мы осуждены, опозорены, доказано полнейшее наше ничтожество.

Вышинский: А вы думали, что вас постигнет иная судьба, чем использование вас фашизмом, а потом выбрасывание, как ненужной тряпки?

Сокольников: Конечно. Если бы мы рассчитывали только на такой конец, нам надо было бы полностью ликвидировать блок.

Вышинский: Вы думали, что вам удастся удержать некую самостоятельность?

Сокольников: Я говорю с точки зрения того дня. Мы считали, что у нас остаются известные шансы. В чем мы их видели? Мы видели их в игре международных противоречий. Мы считали, что, скажем, полное засилие немецкого фашизма в Советском Союзе не может быть осуществлено, потому что оно встретится с возражениями других империалистских соперников, что тут могут быть некоторые международные столкновения, что тут мы сможем опереться на другие силы, которые не заинтересованы в укреплении фашизма.

Мы считали, что внутри страны мы сможем опереться на известные слои. Я должен только сказать — мы понимали, что в своих программных установках нам надо возвращаться к капитализму и выставлять программу капитализма, потому что тогда сможем опереться на некоторые слои в стране...

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Вышинский: На колхозное крестьянство?

Сокольников: Конечно, нет.

Вышинский: На кого же?

Сокольников: Говоря без всякого смущения, надо сказать, что мы рассчитывали, что сможем опереться на элементы крестьянской буржуазии...

Вышинский: На кулака, на остаточки кулака?

Сокольников: Так. Блок должен был привести к тому, что эти остаточки должны были расширяться. Конечно, я повторяю, что наша программа сделки с немецким фашизмом, которая обеспечила бы приход блока к власти, обозначала и крупнейшие социальные сдвиги в Советском Союзе, и появление сил, которые поддерживали бы правительство блока.

Вышинский: В каком направлении сдвиги?

Сокольников: Сдвиги в сторону реставрации капитализма. Те элементы, которые были бы в этом заинтересованы и приняли это как благодеяние, были бы довольны такой политикой и поддержали бы блок. Но я хочу сказать, что эта перспектива не очень многим лучше, чем перспектива оказаться просто придатком немецкого фашизма. Но это была перспектива на то, что блок может удержать власть в стране, опять-таки лавируя известным образом между различными классами, опираясь на одних против других.

Вышинский: Словом, коротко говоря, через какие этапы лежал ваш путь к власти, по вашему представлению?

Сокольников: Путь к власти лежал через постепенное восстановление капиталистических элементов, которые бы вытесняли и, в известной мере, замещали элементы социалистические.

Вышинский: А относительно агрессоров?

Сокольников: Мы шли на соглашение с ними, которое бы привело к тому, что в ходе войны и в результате поражения СССР правительство блока могло бы оказаться у власти.

Вышинский: Таким образом, правильно ли я формулирую в обвинительном заключении: «Главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного строя...». Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, правильна.

Вышинский: Далее, в обвинительном заключении я говорю: «Л. Д. Троцкий и, по его указанию, параллельный троцкистский центр добивались захвата власти при помощи иностранных государств, с целью восстановления в СССР капиталистических отношений». Правильна эта формулировка?

Сокольников: Правильна.

Вышинский: Вы сказали, что вы исходили из необходимости опереться на известные социальные слои населения. Вы назвали кулака как опору блока. Правильна эта формулировка?

Сокольников: Да, как такую силу, которая, получая от правительства блока определенные выгоды, будет заинтересована в сохранении власти этого блока.

Вышинский: Кроме этого, на какие еще элементы вы рассчитывали? Рассчитывал ли блок в своей борьбе ограничиться только своими собственными силами или он имел в виду объединить и другие антисоветские элементы в стране?

Сокольников: Несомненно. Это вытекало из той экономической политики, которую намечал блок. Естественно, если блок предполагал предоставление концессий иностранному капиталу, сдачу в аренду отдельных заводов иностранному капитализму, предполагал, во всяком случае, вначале, частичный роспуск колхозов, то очевидно, что это создавало не только прямые элементы крупного капитализма, но и мелкокапиталистическую среду, мелких торговцев, мелкую буржуазию, которая была бы заинтересована в сохранении этого режима и поддерживала бы таким образом блок.

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: То есть вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Это входило в план тех социально-экономических мероприятий, которые намечал блок?

Сокольников: Мне кажется, я об этом говорил. Это входило в план блока, и мы также понимали, что из этого вытекает отказ от курса на непосредственное строительство бесклассового общества.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Вышинский: Значит, устанавливаем для полной ясности: всю совокупность этих мероприятий вы понимаете как программу капиталистической реставрации?

Сокольников: Эта программа есть неизбежный и обязательный вывод из программы правых, т. е., попросту говоря, программы отступления или реставрации капитализма.

Вышинский: Известно вам о привлечении к вашей троцкистской, антисоветской, преступной деятельности нечленов троцкистской организации, других настроенных антисоветски людей?

Сокольников: Мне передавал Пятаков, что в директиве Троцкого о развертывании вредительской работы содержалось указание на то, что группа блока, ведущая вредительскую работу, должна связаться с другими контрреволюционными группами.

Вышинский: Какими именно?

Сокольников: Этого я уточнить не могу. С другими контрреволюционными группами, ведущими такую же работу. Указывалось на то, чтобы найти бывшие вредительские организации среди специалистов.

Вышинский: Среди бывших вредителей периода Промпартии, шахтинского процесса?

Сокольников: Да.

Председательствующий: Скажите, пожалуйста, подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935—36 гг.?

Сокольников: В 1935 году ко мне пришел Тивель и сообщил, что он связан с террористической группой Закса-Гладнева. Тивель спрашивал указаний о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорил тогда, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Можно отсюда сделать вывод, что группа Закса-Гладнева была под вашим непосредственным руководством, если к вам обращались за советом?

Сокольников: Я не руководил ее оперативной работой, но я непосредственно санкционировал продолжение ее деятельности.

Председательствующий: А сколько раз и когда вы имели беседы с представителями этой группы Закса-Гладнева?

Сокольников: В начале 1936 года, весной 1936 года.

Председательствующий: Значит, весной 1936 года, в период ваших «колебаний», вы непосредственно были связаны с деятельностью террористической группы, той группы, которая готовила покушение на товарища Сталина?

Сокольников: Я был связан с Тивелем непосредственно, Тивель был непосредственно связан с группой Закса-Гладнева. Был ли Тивель сам членом этой группы, я не знаю.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 году покушения на тов. Кирова? Известен ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществил покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовится покушение против Кирова. Что касается того, кто его выполняет, этого я не знал. О деталях этого дела меня не осведомили. Но в 1932 году я слышал о составе ленинградского центра.

Председательствующий: Значит, вы подтверждаете ваши показания, что вам известно было о существовании в Ленинграде террористического центра, и в частности, что в центр входили Левин, Котолынов, Мандельштам и другие. Это вы подтверждаете?

Сокольников: Да, подтверждаю, это мне было известно в 1932 году.

Председательствующий: Вам известно, что непосредственное руководство подготовкой террористического акта в отношении тов. Кирова осуществлял Бакаев?

Сокольников: Мне не говорилось об этом непосредственно, но то, что руководство подготовкой террористического акта возложено на Бакаева, мне было известно.

Председательствующий: В какой мере вы были связаны с Рейнгольдом по его террористической деятельности?

Сокольников: Рейнгольд руководил террористическими группами в Москве. Я с ним имел встречи, но относительно его работы он мне никаких сообщений не делал. Относительно тех функций, которые на него возложены, я знал от Каменева.

Председательствующий: С вами Рейнгольд непосредственно был больше связан, чем с Каменевым?

Сокольников: Но никаких сообщений относительно своей деятельности он мне не делал.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 69–75.

Заключения экспертизы

1. По взрыву, происшедшему 11 ноября 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе.

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв азотного аппарата в отделении воздушных кабин водородно-синтетического цеха Горловского азотно-тукового комбината 11 ноября 1935 года?

Ответ: Непосредственной причиной взрыва азотного аппарата в отделении воздушных кабин явилось накопление ацетилена в конденсаторах и в изоляционной массе аппарата.

Накопление ацетилена было вызвано следующими обстоятельствами:

1) Вентилятор для засоса воздуха из верхних слоев воздуха не работал, а следовательно, воздух засосался из помещения вентиляторной, т. е. с большим содержанием ацетилена.

2) На всасывающей линии воздушных компрессоров, при бездействующем вентиляторе, образовался вакуум, что

вызвало засасывание воздуха, загрязненного ацетиленом, из окружающей атмосферы по всей линии воздуховода. Этот воздух был особенно загрязнен ацетиленом ввиду того, что возле самого цеха производились сварочные работы при помощи ацетиленовых генераторов.

3) Как следует из технического акта и из объяснений инж. Тамма, азотный аппарат работал до момента взрыва в течение 15 дней с выключенным добавочным конденсатором, причем анализ на содержание ацетилена в жидком кислороде не производился (в течение ряда дней отсутствовали даже реактивы), а слив жидкого кислорода из основного конденсатора либо производился недостаточно часто, либо вообще не производился.

б) Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв?

Ответ: Бесспорно. Для этого нужно было только придерживаться инструкций, обязательных при ведении работы и обеспечивающих нормальную и безопасную работу на этих агрегатах, а именно: всос воздуха из верхних слоев атмосферы, систематический анализ жидкого кислорода и систематический спуск жидкого кислорода из конденсатора.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: Если бы обязательные для эксплуатации инструкции были соблюдены и взрыв имел бы место, то можно было бы говорить о случайности. В данном случае, когда инструкции полностью были нарушены и этим созданы все условия для взрыва, о случайности говорить нельзя. Факт злого умысла неоспорим.

г) Соответствуют ли объяснения на предварительном следствии свидетеля Тамма об обстоятельствах и причинах взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Да, в основном соответствуют.

2. По взрыву, происшедшему 7 апреля 1934 года на Горловском азотно-туковом заводе.

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв аммиакопровода цеха аммиачной селитры?

Ответ: Взрыв явился следствием автогенной резки трубок для измерительных приборов. Так как смесь взрывоопасна, то варка или резка на трубах, наполненных газом, без предварительной продувки категорически запрещается. В данном случае резка произведена была без предварительной продувки, что и привело к взрыву.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Путина об обстановке и причинах данного взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Соответствуют.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: При наличии строгой запретительной инструкции и без специального разрешения на такую работу со стороны технического директора или начальника цеха — факт нарушения этих инструкций не может быть признан случайным, а должен быть признан как результат злого умысла.

3. По обвалу газопровода на Горловском азотно-туковом заводе, имевшему место 14 ноября 1934 года.

а) Какие причины вызвали 14 ноября 1934 года обвал газопровода на Горловском азотно-туковом заводе?

Ответ: Обвал газопровода произошел в результате накопления в нем чрезмерно большого количества воды (около 13 тонн). Накопление было вызвано тем, что конденсат из газопровода не спускался. Два спускных крана были закрыты. Вода сосредоточивалась в наиболее низком участке газопровода, причем накопившееся количество воды заняло до 2/3 живого сечения газопровода и вызвало увеличение скорости движения газа до 16–30 метров в секунду.

Возникшая вследствие этого вибрация конструкции газопровода и гидравлические удары превысили напряжения металла дальше предела текучести, из-за чего газопровод был разрушен.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Путина об обстоятельствах и причинах обвала газопровода, объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Соответствуют.

в) Может ли этот обвал быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: Обвал газопровода не может быть признан случайным. Гул в газопроводе от чрезмерного накопления воды был слышен на заводе за 3 1/2 часа до момента обвала газопровода. Необходимость немедленного спуска воды, остановка компрессоров до окончания спуска конденсата являлись обязательными техническими мероприятиями. Отсутствие этих мероприятий со стороны квалифицированных инженеров Тамма и Халезова указывает на злоумышленность их действий, которые привели к обвалу газопровода.

Председательствующий: Тов. Лекус имеет слово для заключения.

Лекус (эксперт): По предложению следственных органов в Кузнецком бассейне в течение октября, ноября и декабря месяцев 1936 года работал целый ряд экспертных комиссий по вопросам в связи с преступной деятельностью обвиняемых Шестова и Строилова в Кузбассе, как было нам сформулировано. Эти экспертные комиссии изучили довольно большое количество фактического материала, собранного в рудоуправлении. Кроме того, они посетили все те шахты, которые считали необходимым посетить по ходу дела, и сами осматривали те горные выработки, к

которым относились те или другие материалы. И, наконец, — комиссия, которая уже изучала все материалы, собранные на рудниках в Кузбассе, в которую входили горный инженер Горбачев, горный техник Дмитриев и я.

В связи с поставленными вчера государственным обвинителем Прокурором Союза тов. Вышинским и утвержденными судом вопросами. Для того, чтобы дать ответ на эти вопросы, я пользовался всеми материалами, которые я здесь и представляю суду.

...Теперь я перехожу конкретно к ответу (*читает*): «Заключение по вопросам, поставленным государственным обвинителем прокурором Союза ССР тов. Вышинским и утвержденным судом эксперту Лекус, в связи с преступной деятельностью обвиняемых Шестова и Строилова в Кузбассе.

А. Горные пожары на Прокопьевском руднике

1. Причины возникновения пожаров.

Ответ. Горные подземные пожары возникли вследствие:

а) Применения камерно-столбовой системы горных работ с естественным обрушением потолочной толщи и системы зон, с межзонными целиками, также с естественным обрушением потолочной толщи при разработке мощных пластов.

Оставшийся в недрах уголь оказывался в условиях, благоприятных для самонагревания, и в дальнейшем самовозгорался.

б) Технически неправильного применения вышеуказанных систем горных работ с обрушением, при котором резко возрастало число аварийных очистных горных выработок (том 44, стр. 68, 73-74)».

Дальше у меня идет абзац, который я прошу огласить на закрытом заседании.

Председательствующий: Пожалуйста.

Лекус: У меня есть объяснение к пункту «б» моего заключения.

Суть дела здесь заключалась в том, что сама система была неправильна и нецелесообразна, но ее можно было применять, стремясь к тому, чтобы работа была поставлена как можно лучше, а тут при плохой системе еще плохо ее применяли (*читает*): «в) Неприменения методов закладки выработанного пространства».

Председательствующий: Вы прочтите вашу табличку.

Лекус (*читает*):

«разрабатывалось:	с закладкой:	с обрушением
	в процентах	
в 1934 году	5,12	94,88
в 1935 году	3,12	96,88
в 1936 году	4,17	95,83

(том 46, стр. 20).

2. Последствия этих пожаров.

Ответ: а) На закрытое заседание.

б) На закрытое заседание.

в) Наличие такого количества подземных пожаров в верхних горизонтах на круто падающих мощных пластах Прокопьевского рудника делает весьма затруднительным ведение

горных работ на нижележащих горизонтах. Причем, впредь до того, пока подземные пожары не будут ликвидированы, работы на нижних горизонтах под очагами пожаров представляют большую опасность для людей, работающих в горных выработках.

г) Как возникновение, так и наличие старых пожарных очагов усложняет и дезорганизует ведение

горных работ, срывает выполнение планов угледобычи и повышает себестоимость угля.

3. Была ли возможность предотвратить эти пожары?

Ответ: Как правило, применение рациональных систем горных работ, в первую очередь с закладкой выработанного пространства, практически упраздняет возможность возникновения подземных пожаров.

На Прокопьевском руднике была возможность вести закладочные работы простейшими способами, впредь до постройки сооружений для механизированной закладки выработанного пространства (том 44, стр. 56).

Была возможность форсировать строительство временной механизированной закладки, между тем деньги на это строительство не использовались (том 44, стр. 43).

Таким образом, возможность предотвратить пожары была; эта возможность не была использована сознательно.

Б. Состояние вентиляции на Прокопьевском руднике
Вентиляция шахт на руднике находится в чрезвычайно тяжелом, дезорганизованном состоянии и не обеспечивает нормального ведения горных работ.

1. Причины плохого состояния вентиляции.

Ответ: а) Нарезка вентиляционных выработок далеко отставала от проходки основных выработок, в результате чего создавались глухие, необслуживаемые искусственной вентиляцией забои.

б) Воздух, подаваемый главными вентиляторами, резко неравномерно распределялся по отдельным участкам и забоям.

в) Переносные вентиляторы устанавливались так, что образовывали круговорот испорченной струи воздуха.

г) Вентиляционные перемычки и двери своевременно не строились и не ремонтировались,

вследствие чего происходила утечка воздуха и нарушалась схема вентиляции.

д) Задерживался переход на искусственную вентиляцию.

2. Последствия плохого состояния вентиляции

Ответ: а) На закрытое заседание.

Отравлений со смертельным исходом за 1935 г. — два случая и за 9 мес. 1936 года — два случая (том 46, стр. 26).

б) С 1933 года по октябрь 1936 года произошло 10 взрывов газа и угольной пыли. При этом 21 человек пострадал, получив ожоги лица и рук, и один случай смертельный (том 46, стр. 139, 140, 141).

в) Наличие загазованных горных выработок приводило к дезорганизации работ и уменьшению выполнения плана угледобычи.

3. Была ли возможность улучшить вентиляцию?

Ответ: Возможность улучшить вентиляцию была. Как видно из § 1 раздела "Б" настоящего заключения, такие элементарные мероприятия, как своевременная нарезка вентиляционных выработок, равномерное распределение воздуха, подаваемого главными вентиляторами, рациональная установка переносных вентиляторов и нормальный уход за подземными вентиляционными сооружениями, могли резко улучшить дело проветривания горных выработок на Прокопьевском руднике.

Неприменение указанных мероприятий могло быть следствием лишь преднамеренной злой воли.

В. Капитальное и реконструктивное строительство по тресту Кузбассу голь за 1932-1936 гг.

1. Соответствие планов проводимого строительства интересам развития бассейна.

Ответ: а) Основной задачей Кузбасса является снабжение коксовой и химической промышленности Востока углями специальных марок. Сточки зрения

интересов развития бассейна, необходимо было построить ряд шахт на углях потребных марок, с тем чтобы эти шахты могли обеспечить перспективу ближайшего развития бассейна.

Шахта Капитальная-1 Киселевского района, на которую затрачено больше 7 млн. рублей, которая обладает большими запасами углей марки "К", в конце 1935 года консервируется. Горизонт 100 метров шахты им. Сталина Прокопьевского рудника, обладающей большими запасами углей марки "К", законсервирован с 1934 года. Консервация мотивируется недостатком средств (том 48, стр. 326 и 331).

Одновременно происходит строительство 4 наклонных шахт в Киселевке общей стоимостью в 6315 тысяч рублей, дающих менее 30 % углей марки "К" (том 65, стр. 132).

Переброска средств со строительства второстепенных объектов на строительство основных, в пределах отпущенных Кузбассуглю кредитов, дала бы возможность своевременно ввести в эксплуатацию шахтный фонд с запасами углей марки "К".

2. Последствия неправильного планирования строительства.

Ответ: а) Законсервировано 6 шахт суммарной проектной мощностью 12,5 млн. тонн в год. Затрачено на эти шахты 15 657 тысяч рублей (том 44, стр. 134).

б) Ряд рудников Кузбасса, как Киселевский, Осиновский, Куйбышевский, Ленинский, отчасти Прокопьевский, превращены в рудники мелких шахт, не обеспечивающих даже ближайшей перспективы этих рудников, а тем самым Кузбасс в целом (том 44, стр. 132).

в) Основной поставщик углей марки "К" — Прокопьевский рудник поставлен в чрезвычайно тяжелое положение, так как временное закладочное хозяйство недостроено, недопроектировано и рудник не

вооружен, не подготовлен к ведению горных работ на вторых (нижних) горизонтах с закладкой выработанного пространства.

г) Шахтный фонд по углям марки "К" не обеспечивает возможность добычи этих углей в потребном количестве в ближайшие годы».

Председательствующий: Переходим к третьему заключению экспертизы. Слово имеет тов. Покровский.

Покровский (*эксперт*) (*читает*): «Заключение председателя экспертной комиссии Покровского по вопросам, поставленным государственным обвинителем прокурором тов. Вышинским, утвержденным Верховным судом, в связи с преступной деятельностью подсудимых Норкина и Дробниса на Кемеровском комбинатстрое.

Настоящее заключение составлено на основании материала экспертных комиссий, работавших по отдельным, многочисленным стройкам Кемеровского комбинатстроя с 29 октября по 14 ноября 1936 года в следующем составе:

1) *Белгородский*— инженер-технолог, 2) *Пакуро*— инженер-строитель, 3) *Иванов*— техник-строитель, 4) *Котляр* — инженер-технолог, 5) *Шутиков*— инженер-технолог, 6) *Герасимов*— финансист, 7) *Везеницын*— инженер-технолог, 8) *Бондарь*— инженер-технолог, 9) *Уварова*— инженер-технолог, 10) *Смирнов*— инженер-строитель, 11) *Трофименко* — инженер-технолог, 12) *Оржеровский* — инженер-электрик, 13) *Войцеховский*— инженер-технолог, 14) *Покровский*— инженер-технолог, председатель экспертной комиссии».

Комиссия была разбита по многочисленным заводам Кемеровского комбинатстроя и его подсобным предприятиям, был произведен осмотр на месте, были произведены фотоснимки отдельных объектов. Кроме того, была проведена документация целого ряда материалов, которые я представляю суду, и на основе которых было сделано заключение на поставленные

передо мной вопросы. Но, прежде чем перейти к ответу на вопросы, я просил бы товарища председателя целый ряд вопросов отнести на закрытое заседание ввиду их секретности.

Председательствующий: Давайте ответы на те вопросы, которые не являются секретными.

Покровский: Первая группа важных вопросов (*читает*):

«А. Взрывы на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года

1. Причины взрывов на Кемеровской районной электростанции.

Ответ: Топки котлов Кемеровской ГРЭС сконструированы для сжигания топлива в пылевидном состоянии. Система пылеприготовления ГРЭС рассчитана на размалывание углей с содержанием летучих веществ не свыше 25 %.

Ленинские газовые угли, содержащие до 42 % летучих веществ, при размалывании и подсушке до 140°—120 °С интенсивно выделяют летучие вещества с низкой температурой воспламенения.

Вся система пылеприготовления заполняется в большом количестве горючими летучими веществами в смеси с

воздухом. Достаточно незначительной искры, чтобы произошел взрыв, могущий привести к разрушению котлов, гибели обслуживающего персонала и длительному перерыву в электроснабжении.

Образование искр вполне вероятно при работе паровой мельницы. Кроме того, — пыль таких углей, как ленинские газовые, способные самовозгораться при сравнительно низких температурах — 140 °С.

Таким образом, причиной взрывов на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года является сжигание углей с содержанием летучих веществ 30,1 % (том 55, стр. 377-388).

2. Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв?

Ответ: Да, имелась. Для этого необходимо было не сжигать на Кемеровской ГРЭС углей, содержащих летучих веществ больше той нормы (25 %), на которую рассчитана система пылеприготовления ГРЭС.

3. Может ли этот взрыв быть признан случайным или он явился результатом злого умысла?

Ответ: Взрыв не может быть признан случайным. Экспертиза располагает документами, указывающими на то, что об угрозе взрыва руководство Кемеровкомбинатстроя неоднократно предупреждалось. В частности, директором Кемгрэса Скрипкиным, зав. котельной Пономаревым и государственным техническим надзором (см. документы, том 55, стр. 369, 370, 371, 372, 374, 375 и 378). На эти предупреждения технических работников последовало письменное распоряжение начальника ККС Норкина, приказавшего продолжать сжигание углей с большим содержанием летучих веществ.

Исходя из этого, экспертиза пришла к заключению, что взрывы на ГРЭС есть результат злого умысла. Все документы, на которые имеются ссылки, находятся в следственном деле (см. том 55, стр. 369, 370, 371, 373, 374, 375 и 378).

В. Аварии на Азотстрое, имевшие место 22 марта и 5 апреля 1936 года

1. Причины аварий.

Ответ: 22 марта 1936 года в цехе амселитры Азотстроя в момент окончания бетонировки перекрытия произошло обрушение всего перекрытия. Обвал явился следствием установки поддерживающих опалубку перекрытия лесов без расчетов; материал, из которого были построены леса, был непригоден (том 55, стр. 354).

5 апреля 1936 г. произошло обрушение лесов на воздуходувке по причине установки лесов из непригодного старого материала без расчета и технических указаний (том 55, стр. 357).

2. Имелась ли возможность предотвратить эти аварии?

Ответ: Путем производства предварительного расчета лесов, употребления в дело нового материала и технического надзора за сооружением лесов имелась полная возможность предотвратить эти аварии.

3. Последствия этих аварий.

Ответ: Последствием этих аварий явились материальные убытки, задержки строительства и ранение шести рабочих (при аварии на воздуходувке).

4. Могут ли эти аварии быть признаны случайными или они явились результатом злого умысла?

Ответ: Рассматривая характер обеих аварий и исходя из фактов:

1) что употребление непригодного сгнившего материала для строительных лесов при условии, что этими лесами должны пользоваться рабочие, ни технически, ни административно не является допустимым;

2) что из первой аварии не был извлечен соответствующий урок, и через 14 дней по той же причине произошла вторая авария, — экспертиза считает, что эти аварии не могут быть признаны случайными, а являются результатами злого умысла».

* * *

После заключения экспертизы председательствующий объявляет:

— Дальнейшее заседание будет проходить, на основании ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса,

при закрытых дверях.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 158-166.

Последнее слово подсудимого Радека

Граждане судьи! После того, как я признал виновность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине. Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий. Я уже был взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня минимальным.

Я пошел с троцкистской организацией не во имя теориейки Троцкого, гнилость которой я понял во время первой ссылки, и не во имя признания его авторитета вождя, а потому, что другой группы, на которую я бы мог опереться в тех политических целях, которые я себе ставил, не было. С этой группой я был связан в прошлом и поэтому я с нею пошел.

Пошел не потому, что я был на этот путь борьбы втянут, а на основе собственной оценки положения, на основе добровольно выбранного пути. И за это я несу полную, исключительную ответственность — ответственность, которую вы будете мерить по букве

закона и по тому, что вам говорит ваша совесть судей Советской Социалистической Республики.

На этом я бы мог кончить свое последнее слово, если бы не считал необходимым возразить против освещения процесса, освещения частичного, не в основном пункте, данного здесь, которое мне приходится отклонить, не с точки зрения лично моей, а с точки зрения политической. Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности раскаяться, — раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно не делиться, никому не показывать, — не из любви вообще к правде, — правда эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расстрелянным, чем ее признать, — а я должен признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести. И если я слышал, что на скамье подсудимых сидят просто бандиты и шпионы, то я против этого возражаю, возражаю не с точки зрения защиты себя, потому что, если я признал измену родине, то изменял ли я ей в сговорах с генералами, с моей точки зрения, человеческой, это мало значит, и нет у меня профессионального высокомерия, — что допускается предавать с генералами, а не допускается с агентами.

А дело состоит в следующем — процесс этот показал два крупных факта: сплетение контрреволюционных организаций со всеми контрреволюционными силами страны. Это один факт. Но этот факт есть громадное объективное доказательство. Вредительство может быть установлено техническими экспертами, террористическая работа состояла в связи стольких людей, что показания этих людей, кроме вещественного доказательства, дают абсолютную картину. Но процесс — двуцентрический, он имеет другое громадное значение. Он показал кузницу войны, и он показал, что

троцкистская организация стала агентурой тех сил, которые готовят новую мировую войну.

Для этого факта какие есть доказательства? Для этого факта есть показания двух людей — мои показания, который получал директивы и письма от Троцкого (которые, к сожалению, сжег), и показания Пятакова, который говорил с Троцким. Все прочие показания других обвиняемых, они покоятся на наших показаниях. Если вы имеете дело с чистыми уголовниками, шпиками, то на чем можете вы базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали, есть правда, незыблемая правда?

Понятно, государственный обвинитель, суд, которые знают всю историю троцкизма, которые знают нас, не имеют никакой причины подозревать, что мы, неся на спине бремя террора, еще для удовольствия присвоили себе государственную измену. Убеждать в этом вас нет никакой надобности. Надо убедить, во-первых, распыленные, бродящие троцкистские элементы в стране, которые не сложили еще оружия, которые опасны и должны понять, что мы здесь говорим, потрясенные до глубины, и говорим правду и только правду. И надо еще показать всему миру то, что Ленин — я с дрожью повторяю его имя с этой скамьи — в письме, в директивах для делегации, направляющейся в Гаагу, писал о тайне войны. Кусок этой тайны нашелся в руках сербского молодого националиста Гаврилы Принципа, который мог умереть в крепости, не раскрыв ее. Он был сербский националист и чувствовал свою правоту, борясь за эту тайну, которая охраняла сербское национальное движение. Я не могу скрыть эту тайну и взять ее с собой в гроб по той причине, что если я ввиду того, в чем признался, не имею права выступать, как раскаявшийся коммунист, то, все-таки, 35 лет моего участия в рабочем движении, при всех ошибках и преступлениях, которыми оно кончилось,

дает мне право требовать от вас доверия в одном — что все-таки эти народные массы, с которыми я шел, для меня что-то представляют. И если бы я эту правду спрятал и с ней сошел со сцены, как это сделал Каменев, как это сделал Зиновьев, как это сделал Мрачковский, то я, когда передумывал эти все вещи, в предсмертный час слышал бы еще проклятие тех людей, которые будут убиты в будущей войне и которым я мог моими показаниями дать средства борьбы против готовящейся войны.

Поэтому оспариваю утверждение, что на скамье подсудимых сидят уголовники, которые потеряли все человеческое. Я борюсь не за свою честь, я ее потерял, я борюсь за признание правдой тех показаний, которые я дал, правдой в глазах не этого зала, не общественного обвинителя и суда, которые нас знают как облупленных, а значительно более широкого круга людей, который меня знал 30 лет и который не может понять, как я мог скатиться. Мне нужно, чтобы они видели убедительно от начала до конца, почему я дал это показание, и поэтому, несмотря на то, что отчасти я уже говорил об этой вещи, я принужден дать картину событий и переживаний за последнее время, в первую очередь, с момента получения последней инструкции Троцкого.

Я должен объяснить, почему решение, принятое в январе, раскрыть все не было выполнено, и должен объяснить, почему не мог я этого сделать на моем допросе, почему, пришедши в Наркомвнудел, хотя бы тогда немедленно не провел в жизнь это решение. Сомнения государственного обвинителя абсолютно законны. Внешние факты говорят против этого решения. И, кроме того, государственный обвинитель, который имеет за собой тот факт, что Каменев предпочитал погибать именно как бандит без политической программы, спрашивает себя, почему

принять, что здесь есть искренность до конца, до конца сказана правда?

Я без всякого якания— моя личность играет здесь минимальную роль— должен, во-первых, назвать личные моменты, которые мне облегчили, что я раньше других и решительнее внутренне воспринял эту декабрьскую директиву Троцкого, как финал, как конец, как необходимость рвать. Это были личные причины. Часть моих обвиняемых вернулись на путь борьбы, как убежденные троцкисты, стоящие на точке зрения перманентного отрицания возможности построения социализма в одной стране. Я вернулся, разуверившись в этой концепции Троцкого, вернулся, смалодушничал перед трудностями социализма в 1931—33 гг. Это показывает только, что признать строительство социализма теоретически легче, чем иметь ту силу и стойкость, которая воспитывалась только у тех людей, которые шли с партией без борьбы, с глубочайшим внутренним сознанием. Сама теория при недоверии руководящему кадру или недостаточном доверии, при недостаточной связанности с кадрами— она была мертвой буквой, она была теоретической точкой зрения, а не практической. На этом я споткнулся и пошел обратно в это подполье. И на этом пути я сразу стал предметом обмана. Я об этом говорю не для того, чтобы уменьшить свою вину, а потому, что этот обман я увеличил, удесятирил по отношению к нашим рядовикам, и для того, чтобы вы поняли те личные элементы, которые мне облегчили понять необходимость поворота.

Когда я входил в организацию, Троцкий в своем письме не заикнулся о захвате власти. Он чувствовал, что эта идея мне будет казаться чересчур авантюристской. Он подхватил только мое глубокое беспокойство и то, что я могу в этом состоянии решиться присоединиться. А позже все уладится. И

когда в разговоре с Пятаковым, в декабре 1932 года, он мне сказал: «Что ты, что ты, дело идет о государственном заговоре», — то это была в самом начале первая трещина.

В сентябре 1933 года Ромм привез мне письмо Троцкого, в котором, как бы само собой понятно, говорилось о вредительстве. Снова — и Ромм в показаниях своих говорит, что я был неслыханно ошарашен. Почему? Потому что, когда я вел переговоры, мне ни звука не сказали о вредительстве, и не сказали неслучайно. Знали, что после периода борьбы с вредительством, после раскрытия всей его отвратительности, я могу на этом сорваться. И поэтому это было скрыто от меня. И когда снова Пятаков мне раскрыл эти вещи, то я понятно знал: двери захлопнулись. Смешно начинать по этому поводу распри. Но это была вторая трещина.

И наконец, когда после директивы Троцкого 1934 года я, пересылая ему ответ центра, добавил от себя, что согласен на зондирование почвы, — сами не связывайтесь, обстановка может измениться. Я предлагал: пусть переговоры ведет Путна, имеющий связи в руководящих военных японских и германских кругах. И Троцкий мне ответил: «Мы не свяжемся без вас, никаких решений не примем». Год молчал. Через год поставил нас перед фактом своего сговора. Вы поймите, что это не есть моя добродетель, что я против этого восставал. Но это — просто факт, чтобы вы поняли.

И какая картина передо мной? Первый этап. Киров был убит. Годы террористической подготовки, десятки бродячих террористических групп, ждущих на авось, чтобы ухлопать одного из руководителей партии, и результаты террора лично для меня были — утрата человеческой жизни без всяких политических последствий для нас. Для группового террора мы не

могли заполучить в Москву нужных нам руководителей и организаций, это показывало состояние сил террористических организаций. А с другой стороны, я же был достаточно близок к правительству и руководящим кругам партии, чтобы знать, что не только меры предосторожности органов безопасности, но народные массы настолько стали бдительны, что идея, что можно повалить наземь советскую власть террором, даже с помощью самых преданных, отчаянных террористических групп, что это — утопия, что можно пожертвовать человеческими жизнями, но это не может свалить советскую власть.

Вторая сторона дела. Я видел, что Троцкий сам потерял веру. Первый вариант был прикрытый: «Ну-ка, мальчики, попробуйте своими силами, без Гитлера, свалить советскую власть. Что, не можете? Попробуйте сами получить власть. Не можете?». Сам Троцкий уже чувствовал свое полное внутреннее бессилие и ставил ставку на Гитлера. Теперь — ставка на Гитлера. Старые троцкисты исходили из того, что невозможно построение социализма в одной стране, поэтому надо форсировать революцию на Западе. Теперь им преподносят: на Западе никакая революция невозможна, поэтому разрушайте революцию в одной стране, разрушайте социализм в СССР. А то, что социализм в нашей стране построен, этого никто не может не видеть.

Второе — поражение.

Я мало-мальски военно-грамотный человек и могу оценить международную обстановку. И для меня было ясно:

1934 год — период, в котором я, при моей склонности к пессимизму, считал неизбежным поражение, гибель; уже в 1935 году есть все шансы на победу этой страны, и кто раньше маскировал перед собой, что он пораженец по необходимости, чтобы

спасти то, что можно спасти, — тот должен себе сказать: я — предатель, который помогает покорить страну— сильную, растущую, идущую вперед. Для каких целей? Для того, чтобы Гитлер восстановил капитализм в России.

Все то, что говорил общественный обвинитель о реставраторском характере не только директивы Троцкого, но всей работы троцкистов, — это правда, которую не поколеблешь. Сами директивы были директивами на полное восстановление капитализма, и эти директивы не упали с неба: они подытожили то, что если люди стреляют в штаб революции, если люди подрывают народное хозяйство, то они подрывают социализм, а раз так, то они работают на капитализм.

И эта правда — основная правда, имеющая решающее значение для оценки троцкистов как общественного течения, и это не закрывает обвинителю глаз на это. Наоборот, это указывает, что мы с этой платформой не могли дойти со своими собственными сотрудниками даже до какого-то кадра в 100 человек. Если государственный обвинитель признает это — а он это полностью признает и считает, что мы не созвали даже совещания, которое решили созвать для выяснения, что даже близкие наши кадры не признают такой постановки, — это показывает, что троцкисты, эта группа людей преступных, покрытых кровью одного из вождей революции, натворивших неслыханно много преступных дел, в своей ставке на реставрацию все-таки просчитались.

Когда люди в борьбе идут с шорами, перед собой ничего не видят, они могут делать и делают вещи, имеющие страшные последствия и значение.

Но когда вы, судьи, всякого из них особо будете оценивать, — а вы не можете иначе поступать, — вы не можете этого не учесть. Товарищи судьи...

Председательствующий: Подсудимый Радек, не «товарищи судьи», а граждане судьи.

Радек: Извиняюсь, граждане судьи. Я должен рассказать теперь о закулисной стороне этого совещания, которое мы хотели созвать. Серебряков был полностью прав, когда сказал, что не было решения. Именно совещание было созвано для того, чтобы решить. Почему оно не состоялось? Почему это совещание не состоялось, что скрывалось за кулисами этого совещания, почему я даже человеку, так мне близкому, как Бухарин, который знал о ведущемся контакте с представителями западноевропейских и восточных держав, не сказал о декабрьской инструкции и не сказал о свидании Пятакова с Троцким?

Я буду об этом говорить, потому что это может иметь в дальнейшем практическое значение и даст ответ на вопрос, не осталось ли еще что-нибудь скрытого. Я думаю, что да: что-то осталось скрыто и от нас, и от властей, а может быть открыто. Ясно уже было для меня, самоликвидация террористической организации— это нонсенс. В этой троцкистской организации есть люди разные, разных оттенков и, как оказалось, люди, связанные непосредственно с разведками. Я этого тогда не знал. Я не мог не допускать, что вокруг нас кто-то крутится. И в тот момент, в который мы выпустили бы из рук этих четырех людей, эту тайну, — в этот момент мы уже не в состоянии были никоим образом овладеть положением.

Я несколько возвращусь к фамилии Дрейцера. Государственный обвинитель говорил, что мы вернемся к этой фамилии, и я вернусь к ней в одном контексте, который здесь не разбирался.

Когда Дрейцер в продолжение 7-8 месяцев не появлялся в Москве, я мог думать, что это конспирация. Но когда Дрейцер не явился в январе и, получив от меня призыв приехать на совещание, приехал в Москву и не

явился ко мне, — он был в Москве в 1935 году и не явился, — то для меня стало ясно, что Троцкий на основе той переписки, которую имел с нами, видя отпор Пятакова и сомнения наши насчет пораженческой линии, — что он создает наравне с параллельным центром какую-то новую чертовщину. Я это вижу в том, что Дрейцер в 1935 году прошел мимо нас.

Когда я прочел материал процесса об объединенном центре, то там не было ни одного факта, который мне был бы неизвестен, который прошел бы мимо других. Это означает, что тут действовала какая-то третья организация.

И наконец, когда Пятаков вернулся из-за границы, он бросил мельком о разговоре с Троцким, что Троцкий ему сообщил, что создаются кадры людей, не развращенных сталинским руководством. Но когда я прочитал об Ольберге и спросил других, знает ли кто о существовании Ольберга, то об этом никто не знал, и для меня стало ясным, что Троцкий создает здесь, помимо кадров, прошедших его школу, организацию агентуры, прошедшей школу германского фашизма. И я непосредственно нашел ответ этому тогда, когда встал вопрос о совещании. Для меня было ясным, что ежели Дрейцер узнает о том, что мы поставим вопрос о директивах Троцкого в такой плоскости, что это может привести снова к расколу, как в 1928 году, то раньше, чем мы поставим этот вопрос, нас уже не будет. Не потому, что Дрейцер плохо к нам относился, но потому, что он был вернейшим человеком Троцкого и он имел непосредственно более тесную связь с ним, помимо нас. Поэтому я не мог никак говорить людям о совещании. Когда мы им сказали, начались аресты, собрать их не было возможным.

Знал ли я до ареста, что это кончится именно арестом? Как я мог не знать об этом, если был арестован заведующий организационной частью моего

бюро Тивель, если был арестован Фридлянд, с которым за последние годы я очень часто встречался. Не буду называть других фамилий, я могу назвать еще десяток фамилий людей, которые часто встречались со мной. Я тогда не мог ни на одну минуту иметь сомнения в том, что это дело окончится в Наркомвнуделе. И тогда я должен ответить на вопрос— почему я, вместо каких-то совещаний, не обратился к партии, не обратился к власти, а если я этого не сделал до ареста, то почему не сделал в момент ареста?

Ответ на этот вопрос очень простой. Ответ состоит в следующем. Я был одним из руководителей организации. Я знал, что советское правосудие не есть мясорубка, что есть люди разной степени вины среди нас, что мы — руководители — должны головой ответить за то, что делали. Но что есть значительная прослойка людей, которую мы свели на этот путь борьбы, которая не знала основных, я бы сказал, установок организации, которые в ослеплении брели вперед.

Когда я ставил вопрос о совещании, то я хотел размежевания, чтобы отделились те, которые хотели идти до конца, — тех можно выдать в руки даже связанных, — а тем, другим дать возможность уйти и дать возможность самим заявить о своей вине правительству.

Когда я очутился в Наркомвнуделе, то руководитель следствия сразу понял, почему я не говорил. Он мне сказал: «Вы же не маленький ребенок. Вот вам 15 показаний против вас, вы не можете выкрутиться и, как разумный человек, не можете ставить себе эту цель; если вы не хотите показывать, то только потому, что хотите выиграть время и присмотреться. Пожалуйста, присматривайтесь». В течение 2 с половиной месяцев я мучил следователя. Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не

меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу. В течение 2 с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл.

Продолжалось это 2 с половиной месяца. И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: «Вы уже — последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?». И я сказал: «Да, я завтра начну давать вам показания». И показания, которые я дал, с первого до последнего не содержат никаких корректив. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствие могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено.

Я признаю за собою еще одну вину: я, уже признав свою вину и раскрыв организацию, упорно отказывался давать показания о Бухарине. Я знал: положение Бухарина такое же безнадежное, как и мое, потому что вина у нас, если не юридически, то по существу, была та же самая. Но мы с ним — близкие приятели, а интеллектуальная дружба сильнее, чем другие дружбы. Я знал, что Бухарин находится в том же состоянии потрясения, что и я, и я был убежден, что он даст честные показания советской власти. Я поэтому не хотел приводить его связанного в Наркомвнудел. Я так же, как и в отношении остальных наших кадров, хотел, чтобы он мог сложить оружие. Это объясняет, почему только к концу, когда я увидел, что суд на носу, понял, что не могу явиться на суд, скрыв существование другой террористической организации.

И вот, граждане судьи, я кончаю это последнее слово следующим. Мы будем отвечать по всей строгости

советского закона, считая, что ваш приговор, какой он будет, справедлив, но мы хотим встретить его, как сознательные люди. Мы знаем, что мы не имеем права говорить массе — не учителя мы ей. Но тем элементам, которые с нами были связаны, мы хотим сказать три вещи.

Первая вещь: троцкистская организация стала центром всех контрреволюционных сил; правая организация, которая с ней связалась и была на пути слияния, является тем же самым центром всех контрреволюционных сил в стране. С этими террористическими организациями государственная власть справится. В этом мы не имеем, на основе собственного опыта, никакого сомнения.

Но есть в стране полутроцкисты, четвертьтроцкисты, одна восьмая-троцкисты, люди, которые нам помогали, не зная о террористической организации, но симпатизируя нам, люди, которые из-за либерализма, из-за фронды партии, давали нам эту помощь. Этим людям мы говорим: когда раковина оказывается в стальном молоте — это еще не так опасно; но когда раковина попала в винт пропеллера, может быть авария. Мы находимся в периоде величайшего напряжения, в предвоенном периоде. Всем этим элементам перед лицом суда и перед фактом расплаты мы говорим: кто имеет малейшую трещину по отношению к партии, пусть знает, что завтра он может быть диверсантом, он может быть предателем, если эта трещина не будет старательно заделана откровенностью до конца перед партией.

Второе: мы должны сказать троцкистским элементам во Франции, Испании, в других странах, а такие есть, — опыт русской революции сказал, что троцкизм есть вредитель рабочего движения. Мы их должны предостеречь, что они будут расплачиваться

своими головами, если не будут учиться на нашем опыте.

И, наконец, всему миру, всем, которые борются за мир, мы должны сказать: троцкизм есть орудие поджигателей войны. Сказать это твердым голосом, ибо мы это узнали, мы это выстрадали, нам было неслыханно тяжело в этом признаваться, но это исторический факт, и мы за правду этого факта уплатим головой.

Вот все, что мы, что я лично хотел бы сказать, чтобы та ответственность, которую я буду нести, не была только физической ответственностью, а принесла бы хотя бы маленькую пользу.

Мы, и я в том числе, не можем требовать никакого снисхождения, не имеем никакого на это права, и я не говорю, — тут никакой гордости нет, какая тут может быть гордость... я скажу, что не нужно нам этого снисхождения. Жизнь в ближайшие годы, пять — десять лет, когда будет решаться судьба мира, имеет смысл в одном случае: когда люди могут принимать участие хотя бы в самой черной работе жизни. То, что было, исключает это. И тогда снисхождение было бы только ненужным мучением. Мы довольно спетая компания между собой, и когда Николай Иванович Муралов, ближайший человек Троцкого, о котором я был убежден, что он помрет в тюрьме и не скажет ни одного слова, — когда он дал свои показания и мотивировал их тем, что не хотел помереть в сознании, что его имя может быть знаменем для всякой контрреволюционной сволочи, — то это есть самый глубокий результат этого процесса.

Мы до конца осознали, орудием каких исторических сил были. Очень плохо, что при нашей грамотности мы это так поздно осознали, но пусть это наше сознание кому-нибудь послужит.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 224-232.

Последнее слово подсудимого Сокольников

Я хочу воспользоваться своим последним словом не для того, чтобы отвергать или опровергать какие-нибудь данные следствия или выводы обвинительного заключения и государственного обвинителя. Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить. Я хотел бы только просить суд верить мне в том смысле, что ничего мною не скрыто, что сказано мною не полправды, а сказана вся правда. Я это говорю потому, что во вчерашней речи государственного обвинителя было указание на то, что такие факты бывали, и поэтому я считаю себя обязанным это подчеркнуть, и подчеркнуть как раз в той связи, о которой говорил государственный обвинитель.

Он упоминал, что на процессе объединенного центра обвиняемыми была скрыта политическая платформа троцкистско-зиновьевского блока. Мне в своих показаниях пришлось пополнить этот пробел. Я не считал возможным сохранять в этой части какую-нибудь недоговоренность, и все то, что было мне известно о политической платформе блока, было мною на следствии сообщено.

Каково было мое собственное отношение к этой платформе и каким образом я оказался борцом за нее, хотя в своем прошлом, в течение долгих лет, многих лет, выступал как верный член партии? Чтобы объяснить это, я должен сказать, что в моих выступлениях в 1925-м и 1926 гг., несомненно, уже содержались все основные элементы программы

капиталистической реставрации. Тогда мои выступления встретили уничтожающую критику на XIV Съезде партии, встретили отпор всей партии. Это меня на известное время образумило. Но я должен признать, что я не отделался полностью от тех взглядов, которые я высказывал тогда, и в 1932 году я стал рецидивистом.

Я вернулся полностью к этим старым установкам и начал вновь борьбу за эти установки. Какие моменты определяли это обстоятельство? Определялось это тем, что к этому времени, к 1932 году, все основные оппозиционные антипартийные группки сошлись на общих позициях. Восстановился тесный союз зиновьевцев и троцкистов на основе программы правых, и с правыми был установлен к 1932—33 году теснейший контакт, хотя в тот момент они не вошли формально в блок, а вошли позднее. И вот это обстоятельство, должен сказать, для меня играло большую роль. И в 1932-м, и в 1933-м, и позднее— в 1935 году, то обстоятельство, что правые и центр правых, которые в наиболее развернутом виде, наиболее последовательно защищали, может быть, не наиболее последовательно, но последовательно защищали установки капиталистической реставрации, ставку на кулачество, борьбу против индустриализации, борьбу с коллективизацией, то, что правые включились в борьбу, — это обстоятельство имело большое значение и для меня.

И позднее, в 1935 году— я показал это на предварительном следствии, и здесь на этот счет нужно упомянуть — в 1935 году, когда параллельный центр начал возобновлять свою работу, огромное значение имело то, что в этот момент правые в лице Томского, который был на это уполномочен всей центральной группой правых, дали свое согласие на вхождение в блок. Это чрезвычайно значительно укрепляло позиции блока, это открывало

действительные возможности борьбы, и это подталкивало параллельный центр. Это, в частности, имело значение и для меня.

Каким же образом все-таки от этой программы, которая при всей своей антипартийности, при всей своей полной противоположности социалистической программе, каким образом от этой политической программы мы пришли вот к той практике, которая привела параллельный центр, поставила параллельный центр в положение вождя авантюристской группки, как вчера эту группку еще беспощаднее характеризовал государственный обвинитель? Есть ли тут противоречие между характером программы, между фактом этой политической программы, которая была как-никак программой политической организации, и формами той деятельности, преступными, гнуснейшими, до которых дошел параллельный центр? Я считаю, что я должен это объяснить хотя бы в двух словах. Первое объяснение здесь заключается в том, что самый характер этой программы, самый характер программы восстановления капитализма, предлагаемый в социалистической стране, не мог не означать собой ничего другого, кроме голой авантюристической практики.

И второй момент. Связав себя этими установками, поставив себе эти цели капиталистической реставрации, блок оказался во власти того, что называется логикой борьбы. Эта фраза широко употребляется, но в таком виде она, конечно, обща. Вот как у нас это было, вот что представляла собой наша логика борьбы, которая связала с железной необходимостью членов параллельного центра, стащила их со ступеньки на ступеньку.

Я думаю, что не должен тут говорить об отдельных фактах, которые были уже оглашены на предварительном следствии, на судебном следствии и хорошо известны вам, граждане судьи. Я думаю, что тут

надо вкратце охарактеризовать для вас, для всей страны, для всех тех, кто, может быть, колеблется, мог бы стать преступником, мог бы начать антисоветскую борьбу.

Надо сказать, что, начав с антипартийных взглядов, мы оказались в необходимости бороться против социализма, мы оказались на позиции борьбы с нашей партией, противопоставили себя всем народным массам, которые шли вместе с партией.

Наша программа антипартийная, антисоциалистическая. Поэтому она немедленно развернулась и оказалась программой антинародной. То, что здесь говорил вчера государственный обвинитель, это же правильно. Эту программу мы не могли никому сказать, кроме своих ближайших членов центра. Мы ее даже не решались записать ни в одном документе, не решались ее распространять, потому что одно разоблачение такой программы уже означало бы банкротство нашего блока.

Наша программа была антинародной. Мы не могли опереться на массы. Значит, следующий шаг был тот, что мы должны были переходить — и попытка такая была — к заговорщическим методам борьбы. Кроме заговора, другого оружия у нас не оказалось в руках. Никакие возможности массовой борьбы не были для нас открыты. Но и для заговора-то у нас своих собственных средств не оказалось достаточно. Даже для заговора.

Если бы мы могли рассчитывать на то, что наши преступные планы, программы поддержат в стране хоть какие-то группки заговорщиков, которые могли бы представить из себя внутри страны какую-то угрозу для существования советской власти, для существования советского строя, — может быть, у нас развилась бы заговорщическая тактика, — такие примеры уже бывали. Но мы и для заговора-то не нашли достаточных сил, и мы должны были искать силы, союзников вне

нашей организации и вне нашей страны. Мы должны были искать любых союзников, которые нам подворачивались, а подворачивались нам такие, которые были злейшими врагами тех, с которыми мы начали борьбу.

Так от заговора мы перешли к авантюрам, и от этих авантур немедленно попали в фашистскую волчью яму, потому что союзников нашли в фашистской организации, а они схватили нас, и мы стали их игрушкой.

Вот конкретно что значит, как можно представить себе, как мы сейчас представляем, как мы сейчас понимаем, — я думаю, что другие участники параллельного центра и организации — мы все смотрим на это дело одинаково.

Мы воображали, что сможем использовать враждебные силы, а на самом деле мы оказались совершенно беспомощной, презренной и подлейшей игрушкой в их руках. Но я должен сказать, что когда летом 1932 года я давал свое согласие на то, чтобы войти членом в запасный центр, я, конечно, не представлял себе всей той картины... Я не знаю, может быть, это представляет какой-нибудь интерес, какое-нибудь значение для суда в данный момент, но факт был именно таков. Конечно, всей этой картины я себе не представлял, как развернется все это, я себе не представлял; что будет делать запасный центр, я себе не представлял. Я себе не представлял и того, что силы наши окажутся так ничтожны и что это полнейшее ничтожество наших сил приведет к бесславию, позорному концу нашей политики, уничтожению и падению.

Конечно, я думаю, никто не предполагает, что в течение этих лет борьбы, ну, скажем, я не испытывал некоторых колебаний, не участвовал в этой борьбе с внутренним надломом, с внутренними трудностями. Это

все было, это так было. Но я должен сказать, что, конечно, пока эта борьба шла, и я, а думаю, и другие члены центра, — были охвачены каким-то безумным азартом этой борьбы, и мы шли со ступеньки на ступеньку, рассчитывая, что будет, так сказать, какой-то успех...

Несмотря на эти колебания, несмотря на то, что в каждом из нас, из участников центра, из участников организации, конечно, оставалась, говорила о себе, давала о себе знать его вторая душа, в хорошем смысле слова я это говорю, т. е. та душа, которая воспитана была в нем его прежней революционной работой, до его падения, ослепления и омерзения.

Я хотел бы еще сказать, граждане судьи, что, будучи арестован, будучи поставлен в известность о тех данных, которыми следствие располагало о существовании параллельного центра, я понял, что это есть полнейшее поражение, т. е. что полнейшее поражение блока наступило. Но первым моментом, который толкнул меня на то, чтобы дать показания, признать свою вину, было именно то, что я понял, что это — момент конца деятельности блока, что попытки сохранения каких-то остатков этого блока и т. д. могут привести только к дальнейшему, еще худшему загниванию; что это полная бессмыслица и что нужно иметь мужество признать свое поражение и держать ответ за то, что я сделал, чтобы по возможности, конечно, исправить то зло, которое было сделано.

Но к этому я пришел в ходе следствия, тем более что в ходе следствия я ознакомился с рядом материалов о работе организации, о которой я, в качестве члена центра, по конспиративным условиям вообще полной информации не имел, как и никто из остальных членов центра не имел полной информации, и я должен сказать, что и рядовые участники блока, и даже некоторые видные периферийные участники, конечно,

не знали всего. Но и мы, участники центра, тоже не все знали. Мы были по конспиративным условиям один от другого разобщены, разрознены. И, конечно, я не могу не сказать: то, что о деятельности нашего блока следствие показало мне, о том, во что превращаются наши директивы (я не отрицаю — мы отвечаем за эти директивы), — что из этого получилось, какая грязь, какая гнусность, какой политический разврат... Я не могу не ужаснуться от этой картины, картины наших преступлений. И естественно, что с тем большей искренностью, с тем большим желанием я сам шел на полное раскрытие всей деятельности нашей организации для того, чтобы положить ей конец.

Граждане судьи, я не буду затягивать своего слова, мне остается сказать очень немногое. О роли Троцкого в работе организации я ничего добавить не могу к тем сообщениям и оценкам, которые были здесь сделаны участниками центра — Пятаковым и Радеком. Я думаю, что эти оценки были сделаны достаточно прямо, и я целиком их разделяю. Но добавить от себя что-либо я тут не могу, потому что непосредственно с Троцким я не сносился, связан с ним непосредственно не был и получал информацию из вторых рук.

Вчера государственный обвинитель, гражданин прокурор, закончил свою речь тем, что мы все, сидящие в этом зале в качестве обвиняемых, заслуживаем смертной казни. Я не могу спорить, не имею для этого никаких оснований, против заключения государственного обвинителя; такое заключение, конечно, максимально обосновано. Но я хотел бы сказать: мне думается, что уже данными обвинительного заключения, данными следствия и даже вчерашним выступлением государственного обвинителя мы уже политически убиты и погребены.

Я высказываю свое убеждение или, во всяком случае, надежду на то, что не найдется больше ни

одной руки в Советской стране, которая бы попробовала взяться за древко троцкистского знамени. Я думаю, что и в других странах троцкизм разоблачен этим процессом, сам Троцкий разоблачен как союзник капитализма, как подлейший агент фашизма, как поджигатель мировой войны, которого везде будут ненавидеть и преследовать миллионы.

Я думаю поэтому, что поскольку троцкизм как контрреволюционная политическая сила перестает существовать, окончательно разбит, я думаю, что и я, и другие обвиняемые, все обвиняемые могут все же просить вас, граждане судьи, о снисхождении. Я не вижу в этом ничего ни невозможного, ни зазорного для себя и для других участников процесса. Конечно, каждый из нас имеет в этом деле свою, индивидуальную долю ответственности. Я не сомневаюсь в справедливости, в полном беспристрастии Верховного суда Союза. Я думаю, что все то, что может быть найдено в качестве смягчающих вину обстоятельств, в качестве таких моментов, которые могут вызвать снисхождение, в деле других ли участников, в моем ли деле, — я не сомневаюсь в том, что суд взвесит все это. Поэтому я от себя каких-либо моментов, которые, как мне казалось, говорят о возможности снисхождения, приводить не буду. Повторяю, я жду справедливого решения Верховного суда.

Но если говорить не об индивидуальной ответственности, а говорить об общей ответственности обвиняемых, то, я повторяю, я думаю, что троцкистская организация, что троцкизм убит, стал ненавистным для масс, погребен, не сможет подняться. Я думаю, что это обстоятельство может быть судом рассматриваемо как момент для снисхождения, и, повторяю, я обращаюсь с этой просьбой о снисхождении к суду и через суд

обращаюсь ко всему нашему народу, которому открыто приношу свою повинную.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 232–236.

Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР в составе:

Председательствующего — Председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюриста В. В. Ульриха;

Членов: Заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР корвоенюриста И. О. Матулевич и Члена Военной коллегии Верховного суда Союза ССР диввоенюриста Н. М. Рычкова при Секретаре военном юристе 1-го ранга А. Ф. Костюшко;

с участием государственного обвинителя — Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского и членов Московской коллегии защитников тт. И. Д. Брауде, Н. В. Коммодова и С. К. Казначеева — в открытом судебном заседании, в городе Москве, 23–30 января 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

Пятакова, Юрия (Георгия) Леонидовича, 1890 г. рождения, служащего;

Сокольникова, Григория Яковлевича, 1888 г. рождения, служащего;

Радека, Карла Бернгардовича, 1885 г. рождения, журналиста;

Серебрякова, Леонида Петровича, 1888 г. рождения, служащего;

Лившица, Якова Абрамовича, 1896 г. рождения, служащего;

Муралова, Николая Ивановича, 1877 г. рождения, служащего;

Дробниса, Якова Наумовича, 1891 г. рождения, служащего;

Богуславского, Михаила Соломоновича, 1886 г. рождения, служащего;

Князева, Ивана Александровича, 1893 г. рождения, служащего;

Ратайчака, Станислава Антоновича, 1894 г. рождения, служащего;

Норкина, Бориса Осиповича, 1895 г. рождения, служащего;

Шестова, Алексея Александровича, 1896 г. рождения, служащего;

Строилова, Михаила Степановича, 1899 г. рождения, служащего;

Турок, Иосифа Дмитриевича, 1900 г. рождения, служащего;

Граше, Ивана Иосифовича, 1886 г. рождения, служащего;

Пушина, Гавриила Ефремовича, 1896 г. рождения, служащего и

Арнольда, Валентина Вольфридовича, он же Васильев Валентин Васильевич, 1894 г. рождения, служащего —

— всех в преступлениях, предусмотренных ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

В 1933 году, по прямому указанию высланного в 1929 году за пределы СССР врага народа Л. Троцкого, наряду с существовавшим так называемым «объединенным троцкистско-зиновьевским террористическим центром» в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова и других, был создан в Москве подпольный параллельный антисоветский троцкистский

центр, в состав которого вошли подсудимые по настоящему делу Ю. Л. Пятаков, К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников и Л. П. Серебряков.

На основании указаний врага народа Л. Троцкого, параллельный антисоветский троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР.

В полном соответствии с этой основной задачей враг народа Л. Троцкий за границей, а параллельный антисоветский троцкистский центр в лице Радека и Сокольникова — в Москве — вступили в переговоры с отдельными представителями Германии и Японии. Враг народа Л. Троцкий во время переговоров с одним из руководителей национал-социалистской партии Германии Рудольфом Гессом обещал в случае прихода к власти троцкистского правительства в результате поражения Советского Союза сделать Германии и Японии ряд политических, экономических и территориальных уступок за счет СССР, вплоть до уступки Украины — Германии, Приморья и Приамурья — Японии. Одновременно враг народа Л. Троцкий обязался в случае захвата власти ликвидировать совхозы, распустить колхозы, отказаться от политики индустриализации страны и реставрировать на территории Советского Союза капиталистические отношения. Кроме того, враг народа Л. Троцкий дал обязательство оказывать всемерную помощь агрессорам путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской

деятельности как в мирное время, так и, в особенности, во время их военного нападения на Советский Союз.

Члены антисоветского троцкистского параллельного центра Пятаков, Радек, Сокольников и Серебряков, во исполнение указаний врага народа Л. Троцкого, неоднократно получаемых Радеком, а также лично полученных Пятаковым при его свидании с врагом народа Л. Троцким в декабре 1935 года близ города Осло, — развернули вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность.

Для непосредственного руководства антисоветской деятельностью на местах, в некоторых крупных городах Советского Союза были созданы местные троцкистские центры. В частности, в Новосибирске по прямому указанию Пятакова был организован Западносибирский антисоветский троцкистский центр в составе подсудимых по настоящему делу Н. И. Муралова, М. С. Богуславского и Я. Н. Дробниса.

Диверсионная и вредительская работа в промышленности, главным образом, на предприятиях оборонного значения, а также на железнодорожном транспорте, проводилась подсудимыми по настоящему делу по указаниям врага народа Троцкого и по заданиям и при прямом участии агентов германской и японской разведок и заключалась в срыве планов производства, ухудшении качества продукции, в организации поджогов и взрывов заводов или отдельных цехов и шахт, в организации крушений поездов, порче подвижного состава и железнодорожного пути.

При организации диверсионных актов подсудимые исходили из указаний врага народа Троцкого — «наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах», дополненных указаниями Пятакова, Лившица и Дробниса — не останавливаться перед человеческими жертвами, ибо «чем больше

жертв, тем лучше, так как это вызовет озлобление рабочих».

В химической промышленности, по заданиям Пятакова, подсудимыми Ратайчаком и Пуциным проводилась вредительская работа, направленная на срыв государственного производственного плана, на задержку строительства новых заводов и предприятий и на недоброкачественное строительство новых предприятий.

Кроме того, обвиняемые Ратайчак и Путин в 1934-1935 гг. организовали три диверсионных акта на Горловском азотно-туковом комбинате, причем два из них со взрывами, что повлекло за собой гибель рабочих и причинило большие материальные убытки.

Диверсионные акты были также организованы, по предложению подсудимого Ратайчака, на Воскресенском химическом комбинате и Невском заводе.

В угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна подсудимые Дробнис, Норкин, Шестов и Строилов, по указаниям Пятакова и Муралова, проводили вредительскую и диверсионную работу, направленную к срыву добычи угля, к задержке строительства и развития новых шахт и химического комбината, к созданию, путем загазования забоев и шахт, вредных и опасных для жизни рабочих условий работы, а 23 сентября 1936 года участниками местной троцкистской организации по заданию Дробниса был организован взрыв на шахте «Центральная» Кемеровского рудника, повлекший гибель 10 рабочих и тяжелые ранения 14 рабочих.

На железнодорожном транспорте диверсионная и вредительская деятельность подсудимых Серебрякова, Богуславского, Лившица, Князева и Турока, в соответствии с установками антисоветского троцкистского центра, была направлена на срыв

государственного плана погрузки, особенно по важнейшим грузам (уголь, руда, хлеб), на порчу подвижного состава (вагоны, паровозы), железнодорожного пути и на организацию крушений поездов, особенно воинских.

Подсудимым Князевым, по указанию Лившица и заданию агента японской разведки г-на Х., в 1935-1936 гг. был организован и совершен ряд крушений товарных, пассажирских и воинских поездов с человеческими жертвами, причем крушение воинского эшелона на станции Шумиха 27 октября 1935 года повлекло смерть 29 красноармейцев и ранение 29 красноармейцев.

По прямому указанию врага народа Л. Троцкого членами антисоветского троцкистского центра Пятаковым и Серебряковым на случай военного нападения на СССР подготавливался ряд диверсионных актов в промышленности, имеющей оборонное значение, а также на важнейших магистралях железнодорожного транспорта.

Подсудимый Норкин по указанию Пятакова подготавливал поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Подсудимый Князев по поручению Лившица принял к исполнению задание агента японской разведки г-на Х. организовать во время войны взрывы железнодорожных сооружений, поджоги воинских складов и пунктов питания войск, крушения воинских поездов, а также проводить умышленное заражение бактериями острозаразных болезней подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Наряду с диверсионной и вредительской деятельностью подсудимые Лившиц, Князев, Турок, Строилов, Шестов, Ратайчак, Пушкин и Граше по поручению троцкистского антисоветского центра

занимались сбором и передачей агентам германской и японской разведок секретных сведений, имеющих важнейшее государственное значение.

Подсудимые Ратайчак, Пушин и Граше были связаны с агентами германской разведки Мейеровитцем и Ленцем, которым в 1935–1936 гг. передавали особо секретные материалы о состоянии и работе химических заводов, причем Пушин в 1935 году передал агенту германской разведки Ленцу секретные сведения о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза ССР за 1934 год, программу работ всех химических предприятий на 1935 год и план строительства азотных комбинатов, а подсудимый Ратайчак передал тому же Ленцу совершенно секретные материалы о продукции за 1934 год и программу работ на 1936 год по военно-химическим заводам.

Подсудимые Шестов и Строилов были связаны с агентами германской разведки Шебесто, Флесса, Флореном, Зоммерэггером и др. и передавали им секретные сведения по угольной и химической промышленности Кузнецкого бассейна.

Подсудимые Лившиц, Князев и Турок систематически передавали агенту японской разведки г-ну Х. совершенно секретные сведения о техническом состоянии и мобилизационной готовности железных дорог СССР, а также о воинских перевозках.

По прямым указаниям врага народа Л. Троцкого антисоветским троцкистским центром было создано несколько террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Новосибирске, Сочи и других городах СССР, которые занимались подготовкой террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Ежова, Жданова, Косиора, Эйхе, Постышева и Берия,

причем некоторыми террористическими группами (в Москве, Новосибирске, на Украине, в Закавказье) непосредственно руководили члены антисоветского троцкистского центра подсудимые Пятаков и Серебряков.

Организуя террористические акты, антисоветский троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Так, осенью 1934 года Шестов, по указанию Муралова, пытался осуществить террористический акт против председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова во время его пребывания в Кузбассе, для чего участник местной троцкистской террористической группы подсудимый Арнольд пытался совершить катастрофу с автомашиной, в которой ехал тов. В. М. Молотов.

Кроме того, подсудимый Шестов, по заданию Пятакова и Муралова, подготавливал террористический акт против секретаря Западно-сибирского краевого комитета ВКП(б) тов. Р. И. Эйхе, а подсудимый Арнольд, по подстрекательству того же Шестова, подготавливал террористический акт против тов. Г. К. Орджоникидзе.

Таким образом, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР установила, что:

I. Пятаков, Серебряков, Радек и Сокольников состояли членами антисоветского троцкистского центра и по прямым указаниям находящегося за границей врага народа Л. Троцкого, в целях ускорения военного нападения на Советский Союз, содействия иностранным агрессорам в захвате территорий Советского Союза, свержения советской власти, восстановления капитализма и власти буржуазии, руководили изменнической, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельностью антисоветской троцкистской организации в Советском

Союзе, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

II. Указанные в пункте I Пятаков и Серебряков, а также являвшиеся участниками антисоветской троцкистской организации Муралов, Дробнис, Лившиц, Богуславский организовали и непосредственно направляли изменническую, шпионскую, диверсионно-вредительскую и террористическую деятельность членов антисоветской троцкистской организации, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

III. Князев, Ратайчак, Норкин, Шестов, Турок, Пушин и Граше, являясь участниками антисоветской троцкистской организации, привели в исполнение задания антисоветского троцкистского центра по изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельности, т. е. совершили преступления, предусмотренные ст. 58.1а, 58.8, 58.9 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

IV. Арнольд, будучи участником антисоветской троцкистской организации, по подстрекательству подсудимых Муралова и Шестова, пытался осуществить террористические акты против товарищей Молотова и Орджоникидзе, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. 19, 58.8 и 58.11 Уголовного кодекса РСФСР.

V. Строилов — частично выполнил несколько отдельных заданий по шпионажу и вредительству, т. е. совершил преступления, предусмотренные ст. 58.6 и 58.7 Уголовного кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

Приговорила:

Пятакова, Юрия (Георгия) Леонидовича,
Серебрякова, Леонида Петровича,
как членов антисоветского троцкистского центра,
организовавших и непосредственно руководивших
изменнической, шпионской, диверсионно-
вредительской и

террористической деятельностью — к высшей мере
уголовного наказания — расстрелу;

Муралова, Николая Ивановича;

Дробниса, Якова Наумовича;

Лившица, Якова Абрамовича;

Богуславского, Михаила Соломоновича;

Князева, Ивана Александровича;

Ратайчак, Станислава Антоновича;

Норкина, Бориса Осиповича;

Шестова, Алексея Александровича;

Турок, Иосифа Дмитриевича;

Пушина, Гавриила Ефремовича и

Граше, Ивана Иосифовича — как организаторов и
непосредственных исполнителей указанных выше
преступлений — к высшей мере уголовного наказания
— расстрелу;

Сокольникова, Григория Яковлевича и Радека, Карла
Бернгардовича — как членов антисоветского
троцкистского центра, несущих ответственность за его
преступную деятельность, но не принимавших
непосредственного участия в организации и
осуществлении актов диверсионно-вредительской,
шпионской и террористической деятельности — к
заключению в тюрьме сроком на 10 лет каждого;

Арнольда, Валентина Вольфридовича — к
заключению в тюрьме на 10 лет;

Строилова, Михаила Степановича, ввиду
обстоятельств, указанных в пункте V резолютивной
части настоящего приговора, — к заключению в тюрьме
на 8 лет.

Осужденных к тюремному заключению Сокольников, Радека, Арнольда и Строилова лишить политических прав сроком на пять лет каждого.

Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, — конфисковать.

Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишённые постановлением ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа Троцкий Лев Давыдович и его сын Седов Лев Львович, изобличённые показаниями подсудимых Ю. Л. Пятакова, К. В. Радека, А. А. Шестова и Н. И. Муралова, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей В. Г. Ромма и Д. П. Бухарцева и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, — подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Председательствующий — Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюрист— В. Ульрих.

Члены: Заместитель Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР корвоенюрист— И. Матулевич.

Член Военной коллегии Верховного суда СССР диввоенюрист— Н. Рычков.

Источник: Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 252-258.

notes

Примечания

1

Крейтор Николай фон. Пауль Лагард, евреи и
будущее России. // [http://
www.radioislam.org/russ/lagard.html](http://www.radioislam.org/russ/lagard.html).

Каджая В. Программа завоевания мира евреями. // <http://www.jig.ru/anti/001.html>.

Кобрин К. К истории передатировок. // Независимый филологический журнал, 2003, № 64.

Кац А. Евреи. Христианство. Россия: От пророков до генсеков. М., 2006. С. 228-229.

Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. // Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1. С. 149, 242, 247, 262, 275.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). М., 2006. С. 45.

7

Там же. С. 45.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 31.; Будницкий О.В.Указ. соч. С. 54.

Заварзин П. П. Работа тайной полиции.//Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1. С. 436.

Колтунов Г. Опасное сходство. // Порто-Франко, 1998
год, 4 сентября,
№ 64.

Кожи нов В. В. Правда «Черной сотни». М., 2006. С. 6.

Стариков Н. Мифы и правда о Гражданской войне.
Кто добил Россию?

Будницкий О. В. Указ. соч. С. 71.

Ленин В. И. Еврейская национальная культура. // Просвещение, 1913 год, № 10-12, Цит. по: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). С. 110.

Цит. по: Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. — М., 2003. С. 34.

Емельянов Ю. В.Троцкий: мифы и личность. М., 2003.С.44-53.

Кац А. С. Евреи. Христианство. Россия: От пророков до генсеков. С. 194.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). С. 14

Там же. С. 14, 30.

Кожин В. В. Правда «Черной сотни». С. 182.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). С. 51-52.

Кожин В. В. Правда «Черной сотни». С. 154.

Кожин В. В. Правда «Черной сотни». С. 147-148.

Кожинов В. В. Там же. С. 151.

Кожинов В. В. Там же. С. 157.

Заварзин П. П. Работа тайной полиции.// Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1. С. 440-441.

Цит. по: Мухин Ю. И. Тайны Израиля. М., 2005. С. 42-44.

Крестовский В. В. Очерки кавалерийской жизни. М., 1998. С. 67-69.

Там же. С. 84-85.

Там же. С. 89.

Кожин В. В. Правда «Черной сотни». С. 175.

Мухин Ю. И. Тайны Израиля. С. 43.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). С. 45.

Кожин В. В. Правда «Черной сотни». С. 169, 171.

Кожинов В. В. Там же. С. 175-179.

Сватиков С. Г. Участие евреев. Глава первая. // http://www.pseudology.org/Narodovoltsy/Glava_1.htm.

Иоффе Д. Еврейская Пермь. // Ами. Народ мой, 2001 г., 15 мая, № 9 (254).

Чарнецкий В. Адреса декабристов. // Слово, 1998 г.,
3 июля, № 26 (293).

Сватиков С. Г. Участие евреев. Глава первая. // http://www.pseudology.org/Narodovoltsy/Glava_1.htm.

Сватиков С. Г. Участие евреев. Глава вторая. // http://www.pseudology.org/Narodovostsy/Glava_2.htm.

Сватиков С. Г. Указ. соч. Глава третья.

Гуковская Виктория. // http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gukovskaya.html.

Сватиков С. Г. Указ. соч. Глава третья,
http://www.pseudology.org/Narodovoltsy/Glava_3.htm.

Сватиков С. Г. Указ. соч. Глава четвертая.

Сватиков С. Г. Указ. соч. Глава пятая.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). С. 32, 45.

Токарев М. Л. Тайные общества смерти. Очерки истории террористических организаций. С. 205.

Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). С. 53.

Цит. по: Сикорский Е. А. Деньги на революцию. 1903–1920. Факты. Версии. Размышления. Смоленск, 2004. С. 45–47.

Заварзин П. П. Работа тайной полиции.// Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 1. С. 436.

Горовская Н., Горовский. Как все это начиналось. // Вестник, 1998, 28 августа, № 9(90).

Кац А. С. Евреи. Христианство. Россия: От пророков до генсеков. С. 195.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894-1917. М., 1997. С. 145-146.

Черненко М. Кинематографическая история
еврейства в СССР. 1919-1934.//
<http://klezmer.com.ua/theatre/theatre2.php>.

Гейфман А.Указ. соч. С. 147-148.

Черненко М. Кинематографическая история
еврейства в СССР. 1919—
1934.

Гейфман А. Указ. соч. С. 149-150.

Там же. С. 149-151.

Носоновский М. От разрушения к созиданию: Петр Рутенберг— революционер, сионист, инженер, предприниматель, миротворец. // Вестник, 2002 год, 14 марта; Герасимов А. В. На лезвие с террористами. // Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 2. С. 162-168.

Морозов К. Н. Нет веры в револьверы: эсеровская террористическая техника и планы «авиационного» и «подводного» покушения БО ПСР на Николая II в 1907-1911 гг. //

<http://socialist.memo.ru/firstpub/y05/morozov2.htm.;>

Хохрев А. Смертельные игры с гремучим студнем. // Комсомольская правда, 2003 г., 7 июня; Герасимов А. В. На лезвие с террористами.//Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 2. С. 147-154.

Токарев М. Л. Тайные общества смерти. Очерки истории террористических организаций. М., 2005. С. 223-224.

Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов. // Сб. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. С. 279-285.

Дубовик А. В., Дубовик А. Вл. Деятельность группы «Екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» в 1905-1906 годах. // <http://www.memo.ru/history/terror/dubovik.htm>.

Каджая В. Еврейская месть или политическое убийство? // Еврейские новости, 2006 г., 14 сентября.

Глезеров С. «Николаевский вешатель» или «Великий патриот великой России»?// Невское время, 2001,19 сентября, № 168.

Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2005. С. 21.

Армянская социал-демократическая партия,
основанная в 1887 году.

Торговый район Константинополя.

С этого места начинается отдельная вторая часть Меморандума, отпечатанная позже на другой машинке и содержащая поправки и добавления Гельфанда-Парвуса.

Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 234.

Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 194-198, 201,204, 210.

Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 79.

Старков Б. А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 229–230, 232.

Кожин В. В. Правда «Черной сотни». С. 6.

Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ): 1976 —... [продолж. изд.], т. 7, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994. С. 398-399.

Соловьев О. Ф. Международный империализм— враг революции в России. М.,1982, С. 193.

Там же. С. 195, 197.

Там же. С. 202.

Сироткин В. Г. Почему «слиняла» Россия? М., 2004. С. 112-113.

Там же. С. 120-121.

Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 399.

Гурушина Н. Н., Поткина И. В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России. // Сб. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 54-55.

Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 94–95.

Гурушина Н. Н., Поткина И. В. Указ. соч. С. 75, 79.

Дьяконова И. А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России. // сб. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997. С. 127, 128.

Там же. С. 126.

Устинов М. С. Записки начальника контрразведки.
Ростов-на-Дону, 1991. С. 8.

Дамаскин И. А. 100 великих операций спецслужб. М., 2003.С. 50.

Сироткин В. С. Почему «слиняла» Россия? М., 2004.
С. 94.

Чертопруд С. В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М., 2002. С. 17.

Соловьев О. Ф. Международный империализм— враг революции в России. С. 96–97.

Чертопруд С. В. Указ. соч. С. 17.

Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Книга I. М., 1998. С. 111.

Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 199.

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. С. 45-46.

Измозик В. «Черные кабинеты» в России (XVIII — начало XX века).//Сб. Жандармы России. — СПб. М., 2002. С. 344, 347.

Соловьев О. Ф. Указ. соч. С. 112.

Эндрю К., Гордиевский О. Указ. Соч. С. 45-46.

Эндрю К., Гордиевский О. С. Указ. соч. С. 46–48.

Константинополь и проливы. По секретным материалам бывшего МИДа, кн. 1, М., 1925. С. 221, 226.

Чертопруд С. В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века. // «Вопросы защиты информации», М., № 4 (35), 1996.

Ричелсон Джеффри Т. История шпионажа XX века.
М., 2000. С. 10.

Кук Эндрю. Сидней Рейли ST1. В паутине секретных спецслужб. Киев, 2003. С. 89—109.

Ричелсон Джеффри Т. Указ. соч. С. 15-16.

Эндрю К., Гордиевский О. Указ. соч. С. 50-51.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. М., 1986.С.40.

Соловьев О. Ф. За линией фронтов (1914-1918).//«Новая и новейшая история», 1986, № 2. С. 128.

Бояджи Э. История шпионажа. В 2-х тт. М., 2003. Т. 1.
С. 115, 119.

Красильников Р. КГБ против МИ-6. Охотники за шпионами. М., 2000. С. 37.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 42.

Соловьев О. Ф. За линией фронтов (1914-1918). С. 129.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 42-43.

Соловьев О. Ф. За линией фронтов (1914-1918). С. 129.

Казнина О. А. Русские в Англии. М., 1997. С. 102-103.

Там же. С. 100-101.

Локкарт Роберт Брюс. История изнутри // Мемуары британского агента. М., 1991. С. 114-115.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 45.

Локкарт Роберт Брюс. Указ. соч... С. 150–151.

Казнина О. А. Указ. изд. С. 100-101.

Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях власти (1914- весна 1917 г.). М.,2003. С. 211.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 46.

Алексеева И. Мириэль Бьюкенен. СПб., 1998. С. 318-319.

Соловьев О. Ф. За линией фронтов (1914–1917 гг.). С. 141.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 159.

Гайда Ф. А. Цит. изд. С. 210-211.

Гайда Ф. А. Цит. изд. С. 231-233.

Алексеева И. Цит. изд. С. 316–317.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914-1917. Кн. I, Нью— Йорк, 1960. С. 182.

ЧертопрудС. В. Научно-техническая разведка от
Ленина до Горбачева.
С. 19.

Таратута Ж. В., Зданович А. А. Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ № 21152. — М., 2000. С. 35.

Алексеева И. Цит. изд. С. 316–317.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 163.

Там же. С. 163-164.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 165-166.

135

Там же. С. 160.

Соловьев О. Ф. Там же. С. 167-169.

Локкарт Роберт Брюс История изнутри// Мемуары британского агента. С. 148.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 170-171.

Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. С. 174.

Там же. С. 174-175.

Там же. С. 176-177.

Там же. С. 174-175.

Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. // Мемуары британского агента. С. 167-168.

Там же. С. 173-174.

Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М., 1999. С. 110.

Фельштинский Ю. Г. Там же. С. 114-116.

Там же. С. 116.

Там же. С. 176, 191,197.

Там же. С. 176-226.

Зенькович Н. А. Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М., 1998. С. 12–30.

Сопельник Б. Н. Три покушения на Ленина. М., 2005.
С. 189-303.

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники: Слежка. Оговоры. Травля. М., 1997. С. 461-466.

Там же. С. 458-461.

Тарасов С. Странный эмиссар Антанты.//Советская Белоруссия, 2002 г., 19 сентября, № 223 (21598).

Домиль В. Первый российский медиамагнат Леопольд Авербах. // Заметки по еврейской истории, 2006 год, 31 марта, <http://www.sem40.ru/ourpeople/destiny/16816/index.shtml>.

Хлысталов Э. Находка в Кремле. //Литературная Россия, 2002 г., 15 марта, № 11.

Цит. по: Степанов С. Родную мать встречай штыком... // Красный Сормович, 2006 г., № 4.

Хлысталов Э. Цит изд.

Хлысталов Э. Цит изд.

Цит. по: Хлысталов Э. Находка в Кремле.

Хлысталов Э. Находка в Кремле.

Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. С. 177-178.

Фирсов Л. С. «Атеист» Лев Троцкий. // Независимая газета, 2001 г., 14 ноября.

Емельянов Ю. Троцкий: мифы и личность. М., 2003.

Никандров Н. Иосиф Григулевич. Разведчик, которому «везло». М., 2005. С. 74—135.

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России.
2003 г., август, № 08(83).

Измайлов И. Лев Троцкий. Палач и жертва. // Профиль, 2001 г., май, № 17(239).

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники. С. 74.

Чертопруд С. НКВД-НКГБ в годы Великой
Отечественной войны. М., 2005. С. 64.

Колесников Н. Судьба адмирала Щастного. // Красная Звезда, 2002 г., 18 мая; Соколов Б. Политические даты. // Политический журнал, 2004 г., 21 июня.

Зенькович Н. А. Указ. соч. С. 74.

Цит. по: Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники... С.
74.

Там же. С. 74-75.

Измайлов И. Лев Троцкий. Палач и жертва.

Измайлов И. Там же.

Егорова О. Мать Меркадера. // Спецназ России.
2003 г., август, № 08(83).

Зенькович Н. А. Вожди и сподвижники... С. 85-87.

Егорова О. Мать Меркадера.

Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1999. С. 300-301.

Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. — С. 445-447,450.

181

Там же. С. 456-457.

Купцов А. Г. Был ли красный террор? Полемика на заданную тему. М., 2006. С. 67-69.

183

Егорова О. Мать Меркадера.

Смирнов С. Палач и жертва.// Континент, 2003,12-25
марта, № 5 (92).

Минаков С. Сталин и заговор генералов.

Прудникова Е., Колпакиди А. Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий. М., 2006.

Емельянов Ю. Троцкий: мифы и личность. М., 2003.
С. 351-437.